

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в декабре 2002 г.

№ 4 (34). Т. 2 • 2011

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 4 (34). Т. 2 • 2011 • ОКТЯБРЬ. Выходит не менее четырех раз в год.

Решением президиума ВАК от 19 февраля 2010 г. № 6/6 научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26579 от 20 декабря 2006 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Н.И. ШЕСТАКОВ, д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Аветисян И.А., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Андронов В.П., д-р психол. наук, проф. (МордГУ им. Н.П. Огарева)
Аншелес В.Р., д-р техн. наук, проф. (СПБИБиП)
Васильцова В.М., д-р экон. наук, проф. (СПбГТУ)
Володина Н.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Гарбер Э.А., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (ЧГУ)
Грызлов В.С., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ЧГУ)
Денисова О.А., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)
Доманский Ю.В., д-р филол. наук (ТвГУ)
Дороговцев А.П., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Егоров А.Н., д-р ист. наук, доцент (ЧГУ)
Ершов Е.В., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Игонин В.И., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Ильин В.А., д-р экон. наук, проф. (ВНКЦ ЦЭМИ РАН)
Кабаков З.К., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Калягин Ю.А., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Камкин А.В., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Карпов С.В., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Коровушкин В.П., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Кузьминов А.Л., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Лаврова С.Ю., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Любов В.К., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Маралов В.Г., д-р психол. наук, проф., засл. деятель науки РФ, зам. гл. редактора (ЧГУ)
Меркер Э.Э., д-р техн. наук, проф. (НИТУ «МИССИС»)
Милошевич З., д-р соц. наук (Институт международной политики и экономики, Белград)
Морозов А.Н., д-р экон. наук, проф. (ОАО «Системные технологии», Москва)
Осипов Ю.Р., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ВГТУ)
Петелин Б.В., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Плашенко В.В., д-р воен. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Рыбаков А.А., д-р искусствоведения, проф. (ЧГУ)
Сабуров Э.Н., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Селин М.В., д-р экон. наук, проф. (ВГМХА)
Сергиевский Э.Д., д-р техн. наук, проф. (МЭИ)
Синицын Н.Н., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Ситаров В.А., д-р пед. наук, проф. (МГУ)
Славов В.И., д-р техн. наук (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского)
Солодянкина О.Ю., д-р ист. наук, доцент (ЧГУ)
Стенин В.А., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Телин Н.В., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Цаплин А.И., д-р техн. наук, проф. (ПГТУ)
Цейтлин С.Н., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Черкасова М.А., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Чернов А.В., д-р филол. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Черняк М.А., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Чиршева Г.Н., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Юдин Р.А., д-р техн. наук, проф., засл. изобретатель РФ (ЧГУ)
Яковлева Е.В., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОР: Н.А. БАЧУРИНА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА

Адрес редакции: 162600 г. Череповец, Советский пр., 8, к. 302, тел. 8 (8202) 51-72-40

© ФГБОУ ВПО «Череповецкий
государственный университет», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гарбер Э.А., Тимофеева М.А., Болобанова Н.Л., Антонов В.Ю., Дятлов И.А., Павлов С.И.</i> Исследование и устранение сверхнормативной шероховатости поверхности прикромочных участков широких холоднокатаных полос	5
<i>Кабаков З.К., Бородин Д.И., Мазина И.Ю.</i> Аналитическое решение задачи затвердевания плоской заготовки на горизонтальной установке непрерывной разливки металла	8
<i>Ларичев А.В.</i> Многофункциональное управление параметрами жидкого металла в кристаллизаторе при разливке на машине непрерывного литья заготовок	12
<i>Овчинников С.В., Осипов Д.С., Гунн И.Г.</i> Исследование реологических свойств стали марки 40ХН2МА для производства равнопрочных болтов	15
<i>Осипов С.Ю., Осипов Ю.Р., Панфилова О.А., Волкова С.В.</i> Решение основных задач нестационарной теплопроводности при термообработке гуммированных объектов	19
<i>Синицын Н.Н., Калягин Ю.А., Куиков В.А., Кудрявцева А.К.</i> Математическое моделирование прогрева высоковлажной коры	22

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Вербицкая Г.И.</i> Модель совокупного организационного механизма программно-целевого метода реконструкции жилищ.....	26
<i>Жуков Д.В.</i> Актуальность коммерциализации и продвижения инновационных туристских услуг в условиях высокой конкурентной среды	32
<i>Лебединцева Е.С.</i> Оценка эффективности внедрения внутриорганизационного маркетинга	34
<i>Осянин И.К.</i> Провайдеры финансовых услуг в регионе, их состав и классификация	37
<i>Смирнова Т.Л.</i> Формирование института рынка рабочей силы в России	41

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алексеева М.Л.</i> Мегаструктура диахронического переводного словаря	45
<i>Варлакова Е.А.</i> Портретное описание протагониста в различных типах детективного текста	49
<i>Воронцов Р.И.</i> Семантическое развитие имени собственного как механизм трансляции культуры	52
<i>Давлетшина Л.Х.</i> Миф в структуре литературного произведения	55
<i>Дроздов Р.К.</i> О бэджевом тексте в языке средств массовой информации и рекламы	59
<i>Зиновьева Н.В.</i> Тема жалости в теоретических статьях журнала «Числа»	62
<i>Котов А.А.</i> Об этноспецифичности одного грамматического явления в русском языке	66
<i>Низовцева М.Б.</i> Повесть А.С. Пушкина «Гробовщик» и ода Г.Р. Державина «Водопад»: диалог на предметном уровне	70
<i>Никитина Э.Г.</i> Экспериментальное исследование восприятия телевизионных спортивных репортажей	72
<i>Пестерова Н.В.</i> Особенности семантической деривации в английском медицинском социолекте	76
<i>Полиниченко Д.Ю.</i> Семантическая интерпретация букв и звуков речи в российской любительской лингвистике	80
<i>Семеновская М.Н.</i> Система упражнений в обучении иностранных студентов лексике тематической группы «Одежда»	84
<i>Сильченко Г.В.</i> «Осенние вечера» П.П. Ершова как тип прозаической циклизации	88
<i>Ситова М.С.</i> Трактат комического в античных трудах	91
<i>Софронова И.В.</i> Интерпретация традиций японского хокку в лирике А. Сосаевой	94
<i>Старостина Г.В.</i> О жанровом источнике стихотворения А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...»	97
<i>Султангареева Р.А.</i> Башкирское сказительство в качестве модели для воспроизводства духовных ценностей	101
<i>Фомина М.В.</i> Специфика новостных выпусков на региональном радио	105
<i>Цветкова А.Н.</i> Контраст как основа строя текста сказки	108

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Лашкова Г.Н.</i> Воспитание патриотизма у младших школьников средствами краеведения	112
<i>Мамаев В.В.</i> Реабилитационное пространство школы как фактор успешной социализации детей с умеренной умственной отсталостью	115
<i>Никифорова М.А.</i> Педагогические условия повышения качества результатов обучения учащихся в сельской начальной школе ..	118
<i>Паришуткина Т.А.</i> Ретроспективный взгляд на проблему интеграции подходов в обучении иностранным языкам	123
<i>Полканова Ю.А.</i> Историко-педагогический анализ проблемы подготовки к родительству в России	125
<i>Узкая М.В.</i> Мониторинг социально значимых качеств выпускников вуза как средство формирования компетенций социального взаимодействия	129

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Бакулина Н.А.</i> Женское художественное образование как показатель культурного развития административных центров Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века	133
<i>Нехаева И.Н.</i> Разрушение искусства: языковой мотив искусствоведческого и исторического переживания мысли	136

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Исмаилова Н.И.</i> Защитно-совладающие механизмы и специфика их взаимосвязей с псевдокомпенсациями у мужчин и женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации	139
<i>Мельник Ю.И.</i> Управленческий потенциал как сущностная сила человека	142
Сведения об авторах	148
Информация для авторов	153

CONTENTS

TECHNOLOGY

<i>Garber E.A., Timofeeva M.A., Bolobanova N.L., Antonov V.Y., Dyatlov I.A., Pavlov S.I.</i> Research and elimination of excessive surface roughness of near-edged areas of wide cold-rolled sheets.....	5
<i>Kabakov Z.K., Borodin D.I., Mazina I.Y.</i> The analytical solution to the problem of flat blank solidification on a horizontal continuous-casting machine of metal	8
<i>Larichev A.V.</i> Multifunctional control of liquid metal settings in the crystallizer on continuous casting machine	12
<i>Ovchinnikov S.V., Osipov D.S., Goun I.G.</i> The research of rheological properties of steel 40HRN2MA for production of equal strength bolts	15
<i>Osipov S.Y., Osipov Y.R., Panfilova O.A., Volkova S.V.</i> The solution of the major tasks of the non-stationary mass conductivity under thermal treatment of gummed objects	19
<i>Sinityn N.N., Kalyagin Y.A., Kushkov V.A., Kudryavtseva A.K.</i> Mathematical modeling of warming up the high-humid bark	22

ECONOMICS

<i>Verbitskaja G.I.</i> The model of the cumulative organizational mechanism of program-target method of reconstruction of dwellings	26
<i>Zhukov D.V.</i> The urgency of commercialization and promotion of innovative tourist services in conditions of competition	32
<i>Lebedintseva E.S.</i> The evaluation of effectiveness of introduction of internal marketing	34
<i>Osyanyin I.K.</i> Regional providers of financial services: structure and classification	37
<i>Smirnova T.L.</i> Formation of the labor market as an economic institute in Russia	41

PHILOLOGY

<i>Alekseyeva M.L.</i> Mega-structure of the diachronic bilingual dictionary	45
<i>Varlakova E.A.</i> The protagonist portrait description in different detective types of texts	49
<i>Vorontsov R.I.</i> Semantic development of the proper name as a means of cultural transmission	52
<i>Davletshina L.H.</i> Myth in the structure of literary work	55
<i>Drozdoz R.K.</i> On the badge text in the language of mass-media and advertising	59
<i>Zinovjeva N.V.</i> The theme of pity in theoretical articles of the journal "Tchisla" ("Numbers")	62
<i>Kotov A.A.</i> On ethnospecificity of one grammatical phenomenon in the Russian language	66
<i>Nizovtseva M.B.</i> A.S. Pushkin's story "The coffin maker" and H.R. Derzhavin's oda "The waterfall": a dialogue at the object level	70
<i>Nikitina E.G.</i> An experimental research of perception of the sport television reportages	72
<i>Pesterova N.V.</i> Features of semantic derivation in English medical sociolect	76
<i>Polinichenko D.Y.</i> Semantic interpretation of letters and sounds of speech in Russian amateur linguistics	80
<i>Semenistaja M.N.</i> The system of exercises in teaching foreign students to the vocabulary of a lexical set "Clothes"	84
<i>Silchenko G.V.</i> P.P. Ershov's "Autumn evenings" as a type of prosaic cyclization	88
<i>Sitova M.S.</i> Definition of comic in the ancient works	91
<i>Sofronova I.V.</i> Interpretation of traditions of Japanese hokku in the lyrics of A.Sosayeva	94
<i>Starostina G.V.</i> On a genre source of A.S. Pushkin's poem "In depth of Siberian ores..."	97
<i>Sultangareeva R.A.</i> Bashkir narrative as a model for reproduction of cultural values	101
<i>Fomina M.V.</i> Specifics of the news releases on regional radio	105
<i>Tsvetkova A.N.</i> Contrast as the base of a fairy-tale text structure	108

PEDAGOGY

<i>Lashkova G.N.</i> Educating the feeling of patriotism at younger schoolchildren by means of study of local lore	112
<i>Mamaev V.V.</i> Rehabilitational school area as a successful socialization factor for children with moderate mental deficiency	115
<i>Nikiforova M.A.</i> Pedagogical conditions for improving the quality of educating pupils in the rural elementary school	118
<i>Parshutkina T.A.</i> A retrospective glance at the problem of integrating approaches to teaching foreign languages.....	123
<i>Polkanova Y.A.</i> Historical and pedagogical analysis of the problem of preparation for parenthood in Russia	125
<i>Uzkaya M.V.</i> Monitoring of graduates' socially important qualities as means of formation of competences of social interaction	129

ARTS

<i>Bakulina N.A.</i> Women art education as an indicator of cultural development of the administrative centers in west Siberia in the second half of the 19 th – the beginning of 20 th century	133
<i>Nekhaeva I.N.</i> Destruction of art: language motive of art criticism and historical experience of the thought	136

PSYCHOLOGY

<i>Ismailova N.I.</i> Protective coping mechanisms and specificity of their interaction with men and women' pseudocompensation in difficult situations	139
<i>Melnik U.I.</i> Managerial potential as an essential power of the person	142

Information about the authors	148
For the authors' attention	153

УДК 621.771

Э.А. Гарбер, М.А. Тимофеева, Н.Л. Болобанова,
В.Ю. Антонов, И.А. Дятлов, С.И. Павлов

ИССЛЕДОВАНИЕ И УСТРАНЕНИЕ СВЕРХНОРМАТИВНОЙ ШЕРОХОВАТОСТИ ПОВЕРХНОСТИ ПРИКРОМОЧНЫХ УЧАСТКОВ ШИРОКИХ ХОЛОДНОКАТАНЫХ ПОЛОС

На 5-клетевом стане «1700» производства холоднокатаных листов ОАО «Северсталь» исследованы причины появления на листах автомобильного сортамента шириной свыше 1400 мм светлых прикромочных полос с шероховатостью поверхности, превышающей допустимое значение $R_{a_{\max}} = 1,9$ мкм.

Разработаны, успешно испытаны и внедрены новые профилировки опорных и рабочих валков, которые рассчитаны с помощью компьютерной программы «ANSYS», основанной на методе конечных элементов. В результате внедрения валков с новой профилировкой внеормативная шероховатость на поверхности широких полос устранена.

Автомобильный лист, рабочие и опорные валки, профилировки, шероховатость.

At the 5th stand “1700” of cold-rolled sheets production at joint-stock company “OAO Severstal” reasons of showing appearance of bright near-edged strips on automobile assortment sheets with thickness more than 1400 mm. have been investigated The surface roughness of the sheets exceeds the value $R_{a_{\max}} = 1,9$ micron.

New profiles of counter and working rollers were worked out, successfully tested and implemented which were calculated with the help of computer program “ANSYS” based on finite element method. As a result substandard roughness at the surface of wide strips was eliminated.

Automobile sheet, working and counter rollers, profiles, roughness.

Организация производства в России легковых автомобилей ведущих зарубежных автопроизводителей («Форд», «Тойота», «Рено», «Фольксваген», «Шкода» и др.) привела к необходимости повышения качества автомобильных листов, выпускаемых отечественными металлургическими предприятиями.

Один из показателей качества холоднокатаных листов, используемых для наружной обшивки легкового автомобиля, – шероховатость поверхности. Ее регламентируют в жестких границах, так как от этого зависят надежность сцепления антикоррозионного покрытия с металлом, привлекательность и эстетичность внешнего вида автомобиля.

Стремление сократить количество сварных швов при изготовлении кузова автомобиля вызвало увеличение спроса на листы шириной свыше 1400 мм.

Чтобы удовлетворить возросшую потребность автопроизводителей в таких листах, на 5-клетевом стане «1700» Череповецкого металлургического комбината (ЧерМК) ОАО «Северсталь» увеличили объем производства наиболее широких полос ($b = 1400...1550$ мм) паспортного сортамента, а также освоили технологию прокатки полос, имеющих ширину от 1560 до 1600 мм, не предусмотренную паспортной характеристикой стана.

Согласно общепринятым рекомендациям [3], [4] и практическим данным [1], максимальная паспортная ширина полос b_{\max} (мм) прокатываемых на широкополосных станах, определяется следующей зависимостью:

$$b_{\max} = L_p - (150...200),$$

где L_p – длина бочки рабочих валков.

Поскольку в сортаменте 5-клетевого стана «1700», как и большинства других широкополосных станов, предусмотрена возможность прокатки полос всего диапазона ширин (от минимальной (900...1000 мм) до максимальной (1500...1550 мм)), конструкцией стана предусмотрено выполнение бочки опорных валков длиной $L_{оп} = 1600$ мм, т.е. на 100 мм меньше длины бочки рабочих валков.

Однако и при таком соотношении длин бочек рабочего и опорного валков прокатка полос минимальной ширины вызывала затруднения: из-за большого упругого сплющивания в средней части бочек рабочих валков их нерабочие торцевые участки нередко начинали контактировать друг с другом, что приводило к повышенному разогреву и искажениям теплового профиля, вызывавшим появление волнистости в прикромочных участках полос. Исправление волнистости воздействием противозгиба рабочих валков оказывалось малоэффективным при ширине полос 900...1100 мм, так как края бочек опорных валков препятствовали удалению от полосы торцовых участков бочек рабочих валков. Из-за этих особенностей взаимодействия рабочих валков с полосой и с опорными валками в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. на краях бочек опорных валков длиной 100–120 мм стали выполнять конические скосы. В част-

ности, на 5-клетевом стане «1700» длины участков со скосами бочек опорных валков составляют 100 мм, в результате плотный контакт бочек рабочего и опорного валков происходит на так называемой активной части длины:

$$L_{\text{акт}} = L_{\text{оп}} - 2l_{\text{ск}} = 1400 \text{ мм},$$

где $l_{\text{ск}} = 100$ мм – длина одного скоса.

Выполнение скосов обеспечило возможность качественной прокатки полос минимальной ширины, но привело к тому, что при прокатке полос максимальной ширины (свыше 1400 мм) на поверхности их прикромочных участков, находящихся за пределами зоны плотного контакта рабочих и опорных валков, появились светлые полосы шириной до 100 мм (см. рис. 1). Для листов, используемых в качестве наружных элементов кузова легкового автомобиля, такие полосы являются недопустимым дефектом. Значения нормируемого показателя шероховатости R_a на участках светлых полос оказались равными 2,2...3,0 мкм, а на остальной поверхности $R_a = 1,1...1,5$ мкм; в то время как ее предельно допустимая величина, установленная требованиями автопроизводителей, равна $R_{a \text{ макс}} = 1,9$ мкм.

Рис. 1. Фотография наружной поверхности рулона холоднокатаной полосы из стали марки 08Ю толщиной 0,7 мм, шириной 1560 мм

Исследования показали, что расстояние между границами левого и правого участков полосы со сверхнормативной шероховатостью поверхности всегда было больше 1400 мм. Это дало основание для вывода о том, что наиболее вероятная причина данного дефекта – меньшая, чем на остальной поверхности бочки, интенсивность износа исходного микрорельефа поверхности рабочих валков из-за пониженного давления на рабочий валок со стороны опорного на участке, где выполнены скосы.

В работе [2] приведены результаты исследований влияния профилировки опорных валков со скосами на плоскостность полос при использовании гидроизгиба рабочих валков; вопросы о влиянии скосов на шероховатость и о ее распределении по ширине прокатываемых полос в литературе ранее не рассматривались.

Для уменьшения сверхнормативной шероховатости поверхности прикромочных участков полос ши-

риной более 1400 мм до допустимых значений $R_a \leq 1,9$ мкм было предложено провести испытания на 5-клетевом стане «1700» два технических эксперимента¹.

Первый эксперимент заключался в использовании в 5-й клетки стана «1700» для прокатки широких полос автомобильного сортамента специально подготовленных рабочих валков с переменной шероховатостью по длине бочки. Подготовку поверхности таких валков выполнили в 2 этапа: сначала после шлифовки ее обработали по всей длине бочки в установке поверхностного текстурирования до шероховатости $R_a = 2$ мкм. Затем, заизолировав краевые участки бочки шириной по 150 мм, ее среднюю часть длиной 1400 мм повторно обработали в установке поверхностного текстурирования до шероховатости $R_a = 4,2$ мкм. Обкатав опытные валки в 5-й клетки с приложением рабочих усилий, шероховатость в средней части бочки уменьшили до $R_a = 2,0...2,2$ мкм, одновременно повысив ее твердость и износостойкость.

Металл, прокатанный в опытных рабочих валках, имел шероховатость поверхности в средней части $R_a = 1,65$ мкм, а в прикромочных участках $R_a = 1,31$ мкм, т.е. по всей поверхности значения шероховатости вошли в нормативный диапазон $R_a \leq 1,9$ мкм. Однако внедрение данного мероприятия в производство связано с рядом организационных проблем и дополнительными затратами, поскольку на подготовку рабочих валков с переменной шероховатостью по длине бочки требуются значительные затраты и в 3 раза больше времени, чем на подготовку обычных валков.

Поэтому было разработано и проведено менее затратное мероприятие – **изменение профилировок опорных и рабочих валков**.

Поскольку причиной сверхнормативной шероховатости полос шириной свыше 1400 мм оказались скосы по краям бочек опорных валков 5-й клетки, было решено устранить эту причину – отказаться от выполнения скосов, скомпенсировав их увеличением выпуклости в середине бочки опорных валков, и пересчитать профилировки рабочих валков 5-й клетки для всего диапазона ширин и толщин сортамента стана, чтобы сохранить их плоскостность.

Для определения возможности практической реализации указанного мероприятия необходимо было установить, можно ли в рабочей клетке с выпуклыми опорными валками, не имеющими скосов, качественно прокатать самые узкие и тонкие полосы сортамента стана (шириной 990–1015 мм, толщиной 0,28 мм) без соприкосновения краев бочек верхнего и нижнего рабочих валков, исключив при этом дефекты неплоскостности и обеспечив требуемую поперечную разнотолщинность.

Для ответа на этот вопрос было проведено компьютерное моделирование упругих деформаций и

¹ В испытаниях участвовали С.В. Жиленко, И.Н. Щелкунов, Д.Е. Сергеев, С.Л. Евтух, В.Ю. Комисаров, В.В. Кузнецов, Д.Л. Шалаевский.

профилировок рабочих и опорных валков 5-й клетки при прокатке полос указанного профилеразмера с использованием программы “ANSYS”, основанной на методе конечных элементов.

Валковый узел 5-й клетки представили в виде сечеточной модели (рис. 2), со всеми размерами, взятыми из конструкторской документации.

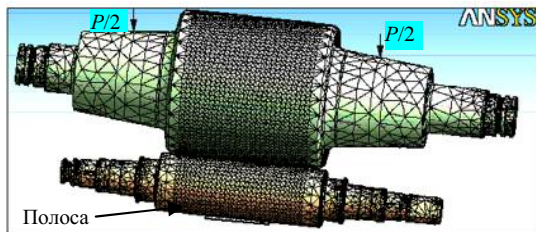

Рис. 2. Сечеточная модель валкового узла с размерами конечных элементов 50 мм

К модели рабочего валка приложили силу прокатки P в виде погонной нагрузки, распределенной по ширине полосы. Значение P взяли из реального режима прокатки, параметры которого представлены в табл. 1.

Таблица 1

Режим прокатки полосы размерами 0,28 × 1015 мм, сталь 08пс

Номер клетки	v_i , м/с	h_{i-1} , мм	h_i , мм	N_{i-1} , кН	N_i , кН	μ_i	P_i , МН
1	3,29	1,820	1,170	124,8	165,1	0,048	10,45
2	5,78	1,170	0,727	165,1	113,8	0,0223	7,68
3	9,26	0,727	0,452	113,8	79,8	0,0185	6,47
4	14,46	0,452	0,291	79,8	54,2	0,0151	6,43
5	14,73	0,291	0,280	54,2	9,9	0,028	11,30

Примечание. v_i – скорость прокатки; h_{i-1} , h_i – толщина полосы на входе в клетку и выходе из нее; N_{i-1} , N_i – натяжения полосы перед и за клетку; μ_i – коэффициент трения; P_i – усилие прокатки.

У модели опорного валка зафиксировали сечения шеек, соответствующие сечениям подшипников, в которых действуют опорные реакции $R_1 = R_2 = \frac{P}{2}$.

Шейкам модели рабочего валка, которые в реальной клетке вместе с подшипниками и подушками свободно перемещаются в вертикальном направлении, обеспечили возможность такого же перемещения.

Это дало возможность определить с помощью сечеточной модели координаты активной образующей рабочего валка, контактирующей с полосой в вертикальной плоскости, проходящей через оси валков (рис. 3).

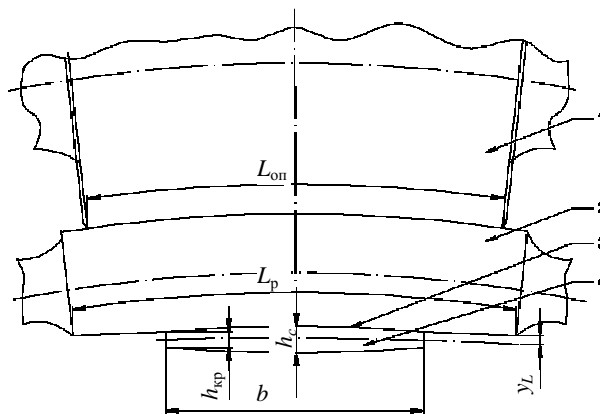

Рис. 3. Схема валкового узла в контакте с прокатываемой полосой в деформированном состоянии: 1, 2 – бочки опорного и рабочего валков; 3 – активная образующая рабочего валка; 4 – полоса; $L_{оп}$, L_p – длины бочек опорного и рабочего валков; h_c , $h_{кр}$ – толщина полосы в середине и у боковой кромки; y_L – расстояние от торца бочки рабочего валка до оси прокатки

Шлифовочную выпуклость опорного валка (разность диаметров в середине и у края бочки) варьировали в реальном диапазоне, предварительно установленном с учетом практического опыта: $\Delta D_{оп.шл} = 0,3...0,6$ мм. Шлифовочные выпуклости рабочих валков определяли моделированием упругих деформаций валкового узла с помощью программы “ANSYS” для каждого варианта $\Delta D_{оп.шл}$, исходя из требования, чтобы при прокатке одновременно выполнялись два условия:

1. **Исключение контакта краев бочек верхнего и нижнего рабочих валков** (рис. 3):

$$\frac{h_c}{2} - y_L < \frac{h_{зад}}{2}, \quad (1)$$

где $h_{зад} = 0,28$ мм – заданная номинальная толщина полосы.

2. **Поперечная разнотолщинность полосы не должна превышать допустимого значения**, которое для листов автомобильного сортамента составляет 2 % от номинальной толщины:

$$\delta h_{поп} = h_c - h_{кр} \leq 0,02 h_{зад}. \quad (2)$$

Рассчитанные по условиям (1), (2) шлифовочные выпуклости рабочих валков корректировали при прокатке, чтобы исключить появление неплоскостности на полосе, так как условие (2) не учитывает поперечную разнотолщинность горячекатаного подката.

Окончательные значения шлифовочных выпуклостей принимали с учетом возможности частичной компенсации разности между фактической и требуемой выпуклостями по условию плоскостности с помощью системы гидроизгиба рабочих валков.

В результате для промышленных испытаний приняли значение шлифовочных выпуклостей опорных

валков, не имеющих скосов, $\Delta D_{\text{шл.оп}} = 0,6$ мм, а шлифовочные выпуклости рабочих валков выполнены в соответствии с табл. 2.

Таблица 2

Шлифовочные выпуклости рабочих валков, в зависимости от ширины полосы и межперевалочной кампании валков, $\Delta D_{\text{шл.р}}$, мм

Ширина полосы, мм	Менее 1100	1100–1280	Свыше 1280
Начало кампании опорных валков	+ 0,1	- 0,05	- 0,1
Конец кампании опорных валков	+ 0,2	+ 0,2	+ 0,2

Как видно из табл. 2, при прокатке полос шириной более 1100 мм в начале кампании опорных валков без скосов требуются рабочие валки с вогнутой профилировкой. По мере износа опорных валков вогнутость уменьшают и в конце их кампании используют рабочие валки с выпуклостью 0,2 мм.

Промышленные испытания новых профилировок и их влияния на шероховатость холоднокатаных полос производили в 5-й клетки 5-клетевого стана «1700» в течение трех месяцев – с ноября 2010 г. по январь 2011 г. За этот период в клетки отработали 4 межперевалочные кампании опорных валков. Нарботка за кампанию, в зависимости от качества материала валков и сложности сортамента, составила от 30 до 50 тыс. т. В конце кампании первоначальная выпуклость бочек опорных валков уменьшалась за счет их износа до 0–0,15 мм.

Основные результаты испытаний выпуклых опорных валков без скосов по краям бочки состояли в следующем.

1. Вненормативная шероховатость с показателем

$R_a > 1,9$ мкм на поверхности прикромочных участков полос шириной более 1400 мм исчезла сразу же после установки в 5-ю клетку опорных валков с новой профилировкой. От начала и до конца кампании опорных валков показатель R_a по всей ширине полос находился в диапазоне 1,5...1,8 мкм, разница значений R_a в средней части и вблизи кромок не превышала 0,2...0,23 мкм, светлые полосы в прикромочных участках исчезли, т.е. широкие листы автомобильного сортамента стали полностью удовлетворять по шероховатости техническим условиям автомобильных заводов.

2. Увеличение отсортировки металла по неплоскостности и другим дефектам в период испытаний не наблюдалось, в том числе – при производстве листов минимальной толщины (до 0,28 мм) и ширины (990...1015 мм).

На основании результатов промышленных испытаний выпуклые профилировки опорных валков без скосов на 5-й клетки 5-клетевого стана «1700» и измененные выпуклости (вогнутости) рабочих валков были приняты к постоянному использованию в производстве.

Литература

1. *Беняковский, М.А.* Справочник. В 3 кн. Кн. 3. Технология прокатного производства / М.А. Беняковский, К.Н. Богоявленский, А.И. Виткин и др. – М., 1991.
2. *Мазур, В.Л.* Управление качеством тонколистового проката / В.Л. Мазур, А.М. Сарьян, И.Ю. Приходько, А.И. Яценко. – Киев, 1997.
3. *Третьяков, А.В.* Расчет и исследование прокатных валков / А.В. Третьяков, Э.А. Гарбер, Г.Г. Давлетбаев. – М., 1976.
4. *Целиков, А.И.* Машины и агрегаты металлургических заводов. В 3 т. Т. 3. Машины и агрегаты для производства и отделки проката: учеб. для вузов / А.И. Целиков, П.И. Полухин, В.М. Гребеник и др. – М., 1981.

УДК 517.958:621.74.047

З.К. Кабаков, Д.И. Бородин, И.Ю. Мазина

АНАЛИТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ ЗАТВЕРДЕВАНИЯ ПЛОСКОЙ ЗАГОТОВКИ НА ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ УСТАНОВКЕ НЕПРЕРЫВНОЙ РАЗЛИВКИ МЕТАЛЛА

В статье приводится постановка и аналитическое решение двумерной задачи затвердевания плоской заготовки на горизонтальной установке непрерывной разливки.

Задача затвердевания, двумерная задача Стефана, аналитическое решение, непрерывное литье.

The article considers the statement and the analytical solution of a two-dimensional problem of flat blank solidification on a horizontal continuous-casting machine.

Solidification problem, Stefan two-dimensional problem, analytical solution, continuous casting.

Необходимым условием успешного развития любого металлургического предприятия является мо-

дернизация используемых в производстве технологий и технического оснащения, а также внедрение

инновационных разработок в области техники и технологии производства металлопродукции, обладающих преимуществом с точки зрения ресурсо- и энергосбережения.

Одним из инновационных направлений в непрерывной разливке металла является производство заготовок, близких к готовым изделиям. В работах [1], [3], [4] приведен метод горизонтальной непрерывной разливки металла, который позволяет получать прутки толщиной не более 10 мм с гладкой поверхностью. В этом методе струя жидкого металла затвердевает во взвешенном состоянии с использованием поля электромагнитных сил, которые возникают при скрещивании магнитного поля и электрического тока, пропускаемого через заготовку. Схема установки приведена на рис. 1.

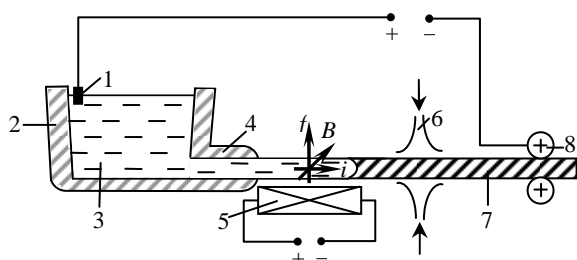

Рис. 1. Схема установки литья: 1 – электрод; 2 – промежуточный ковш; 3 – жидкий металл; 4 – стакан; 5 – электромагнит; 6 – водяное охлаждение; 7 – готовая заготовка; 8 – ролики; $f = i \cdot B$ – электромагнитная сила; i – плотность тока в заготовке; B – индукция магнитного поля

Устройство для литья состоит из промежуточного ковша 2. После выхода из разливочного стакана 4 металл 3 поддерживается электромагнитной силой f , возникающей в струе при скрещении во взаимно перпендикулярных направлениях постоянного магнитного поля B и постоянного электрического тока i . Магнитное поле создается электромагнитом 5. От жидкого металла к затвердевшему проходит ток, подводимый с помощью электрода 1 и роликов 8. Жидкий металл охлаждается сначала за счет излучения и свободной конвекции, а затем водой 6. Затвердевшая заготовка 7 вытягивается роликами.

В найденных источниках отсутствуют методики обоснования данного устройства. Главным конструктивным параметром установки является глубина жидкой фазы, которая зависит от скорости вытягивания прутка и интенсивности его охлаждения.

Для обоснования основных конструктивных и технологических параметров установки необходимо исследовать влияние этих параметров на длину жидкой фазы. Такое исследование можно выполнить только на основе решения задачи затвердевания плоской заготовки. Наиболее просто это решение можно получить аналитическим путем.

В данной статье для решения поставленной задачи рассматривается процесс затвердевания и охлаждения плоской заготовки в продольном сечении,

проходящем через середины широких граней. Предполагается, что процесс затвердевания проходит симметрично, поэтому в качестве расчетной области выбрана половина сечения. Скорость литья v полагается неизменной, а плотность металла ρ и теплопроводность λ – постоянными, не зависящими от температуры.

Расчетная область (рис. 2) состоит из трех участков, каждому из которых соответствует своя функция температуры $T = T(x, z, t)$. Участок 1 занят жидкой фазой, участки 2 и 3 – твердой фазой. При переходе из зоны поддержки (участки 1 и 2) в зону охлаждения (участок 3) значение коэффициента теплоотдачи α изменяется с α_1 на α_2 .

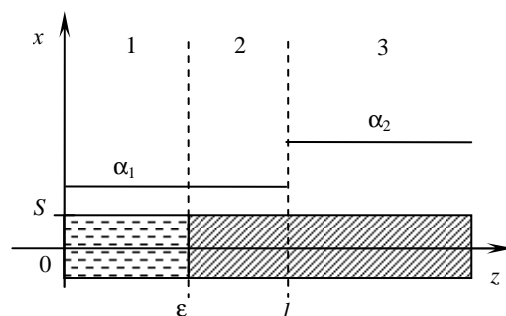

Рис. 2. Схема расчетной области: S – половина толщины заготовки; ϵ – длина жидкой фазы; l – длина зоны поддержки

Математическая постановка задачи выглядит следующим образом. Имеется система уравнений теплопроводности

$$\begin{cases} c\rho v \frac{\partial T_1}{\partial z} = \lambda \frac{\partial^2 T_1}{\partial z^2} + \lambda \frac{\partial^2 T_1}{\partial x^2}; \\ c\rho v \frac{\partial T_2}{\partial z} = \lambda \frac{\partial^2 T_2}{\partial z^2} + \lambda \frac{\partial^2 T_2}{\partial x^2}; \\ c\rho v \frac{\partial T_3}{\partial z} = \lambda \frac{\partial^2 T_3}{\partial z^2} + \lambda \frac{\partial^2 T_3}{\partial x^2} \end{cases}$$

с граничными условиями:

$$\begin{aligned} z = 0: & \quad T_1 = T^0; \\ z = \epsilon: & \quad \begin{cases} \lambda \frac{\partial T_1}{\partial z} - L\rho v = \lambda \frac{\partial T_2}{\partial z}; \\ T_1 = T_2 = T_{кр}; \end{cases} \\ z = l: & \quad \begin{cases} \lambda \frac{\partial T_2}{\partial z} = \lambda \frac{\partial T_3}{\partial z}; \\ T_2 = T_3; \end{cases} \\ z = \infty: & \quad T_3 = T_{ср}; \\ x = 0: & \quad -\lambda \frac{\partial T}{\partial x} = 0; \\ x = S: & \quad -\lambda \frac{\partial T}{\partial x} = \alpha(T - T_{ср}), \quad \alpha = \begin{cases} \alpha_1, & 0 \leq z < l; \\ \alpha_2, & l \leq z < \infty. \end{cases} \end{aligned}$$

Оценим значение критерия Bi в направлении оси x заготовки при максимальном значении $\alpha_2 = 5000 \text{ Вт}/(\text{м}^2 \cdot \text{К})$ (охлаждение водой), максимальной толщине заготовки $2S = 10 \text{ мм}$ и $\lambda = 236 \text{ Вт}/(\text{м} \cdot \text{К})$ (для алюминиевой заготовки).

$$Bi = \frac{0,005 \cdot 5000}{236} = 0,106.$$

Так как $Bi < 0,24$ [2], то по толщине заготовка является термически тонким телом.

С учетом последнего замечания проинтегрируем первое уравнение системы по x от 0 до S с учетом граничных условий при $x = 0$ и $x = S$.

$$\int_0^S c\rho v \frac{\partial T_1}{\partial z} dx = \int_0^S \lambda \frac{\partial^2 T_1}{\partial z^2} dx + \int_0^S \lambda \frac{\partial^2 T_1}{\partial x^2} dx;$$

$$c\rho v \frac{\partial T_1}{\partial z} = \lambda \frac{\partial^2 T_1}{\partial z^2} - \frac{\alpha_1}{S} (T_1 - T_{cp}).$$

Таким же образом преобразуем второе и третье уравнения системы. В результате получим одномерную задачу:

$$\begin{cases} c\rho v \frac{\partial T_1}{\partial z} = \lambda \frac{\partial^2 T_1}{\partial z^2} - \frac{\alpha_1}{S} (T_1 - T_{cp}), & 0 \leq z < \varepsilon; \\ c\rho v \frac{\partial T_2}{\partial z} = \lambda \frac{\partial^2 T_2}{\partial z^2} - \frac{\alpha_1}{S} (T_2 - T_{cp}), & \varepsilon \leq z < l; \\ c\rho v \frac{\partial T_3}{\partial z} = \lambda \frac{\partial^2 T_3}{\partial z^2} - \frac{\alpha_2}{S} (T_3 - T_{cp}), & l < z \end{cases}$$

с граничными условиями:

$$\begin{aligned} z = 0: & \quad T_1 = T^0; \\ z = \varepsilon: & \quad \begin{cases} \lambda \frac{\partial T_1}{\partial z} - L\rho v = \lambda \frac{\partial T_2}{\partial z}; \\ T_1 = T_2 = T_{кр}; \end{cases} \\ z = l: & \quad \begin{cases} \lambda \frac{\partial T_2}{\partial z} = \lambda \frac{\partial T_3}{\partial z}; \\ T_2 = T_3; \end{cases} \\ z = \infty: & \quad T_3 = T_{cp}. \end{aligned}$$

Для упрощения дальнейших вычислений перейдем к безразмерным параметрам:

$$\theta_1 = \frac{T_1 - T_{cp}}{T^0 - T_{cp}}; \quad \theta_2 = \frac{T_2 - T_{cp}}{T^0 - T_{cp}}; \quad \theta_3 = \frac{T_3 - T_{cp}}{T^0 - T_{cp}}; \quad Z = \frac{z}{S};$$

$$Pe = \frac{c\rho v S}{\lambda}; \quad Bi_1 = \frac{\alpha_1 S}{\lambda}; \quad Bi_2 = \frac{\alpha_2 S}{\lambda}; \quad K_3 = \frac{L}{c(T^0 - T_{cp})};$$

$$E = \frac{\varepsilon}{S}; \quad \theta_{кр} = \frac{T_{кр} - T_{cp}}{T^0 - T_{cp}}; \quad L_1 = \frac{l}{S},$$

где θ_i – безразмерная температура ($i = 1, 2, 3$); Z –

безразмерная координата; Pe – критерий Пекле; Bi_i – критерий Био ($i = 1, 2$); K_3 – критерий затвердевания; E – безразмерная координата фронта затвердевания; $\theta_{кр}$ – безразмерная температура кристаллизации; L_1 – безразмерная длина зоны поддержки.

В безразмерных величинах задача примет вид:

$$\begin{cases} Pe \frac{\partial \theta_1}{\partial Z} = \frac{\partial^2 \theta_1}{\partial Z^2} - Bi_1 \theta_1; \\ Pe \frac{\partial \theta_2}{\partial Z} = \frac{\partial^2 \theta_2}{\partial Z^2} - Bi_1 \theta_2; \\ Pe \frac{\partial \theta_3}{\partial Z} = \frac{\partial^2 \theta_3}{\partial Z^2} - Bi_2 \theta_3; \end{cases} \quad (1)$$

граничные условия:

$$Z = 0: \quad \theta_1 = 1; \quad (2)$$

$$Z = E: \quad \begin{cases} \frac{\partial \theta_1}{\partial Z} - Pe \cdot K_3 = \frac{\partial \theta_2}{\partial Z}; \\ \theta_1 = \theta_2 = \theta_{кр}; \end{cases} \quad (3a)$$

$$(3b)$$

$$Z = L_1: \quad \begin{cases} \frac{\partial \theta_2}{\partial Z} = \frac{\partial \theta_3}{\partial Z}; \\ \theta_2 = \theta_3; \end{cases} \quad (4)$$

$$Z = \infty: \quad \theta_3 = 0. \quad (5)$$

Все уравнения системы (1) представляют собой линейные дифференциальные уравнения II порядка. Решением системы являются функции:

$$\begin{aligned} \theta_1 &= C_1 e^{az} + C_2 e^{bz}; \\ \theta_2 &= C_3 e^{az} + C_4 e^{bz}; \\ \theta_3 &= C_5 e^{a_2 z} + C_6 e^{b_2 z}, \end{aligned}$$

где

$$a = \frac{Pe + \sqrt{Pe^2 + 4Bi_1}}{2}; \quad b = \frac{Pe - \sqrt{Pe^2 + 4Bi_1}}{2};$$

$$a_2 = \frac{Pe + \sqrt{Pe^2 + 4Bi_2}}{2}; \quad b_2 = \frac{Pe - \sqrt{Pe^2 + 4Bi_2}}{2}.$$

Для определения неизвестных постоянных C_1, \dots, C_6 используем граничные условия. Из условия (5) $\lim_{z \rightarrow \infty} \theta_3 = \lim_{z \rightarrow \infty} (C_5 e^{a_2 z} + C_6 e^{b_2 z}) = 0$. Это условие выполняется только в том случае, если $C_5 = 0$ (так как $a_2 > 0$ и $e^{a_2 z} \rightarrow \infty$). Следовательно, $\theta_3 = C_6 e^{b_2 z}$.

Из (2), (3б) и (4) составим систему

$$\begin{cases} C_1 + C_2 = \theta_0; \\ C_1 e^{aE} + C_2 e^{bE} = 1; \\ C_3 e^{aE} + C_4 e^{bE} = 1; \\ C_3 a e^{aL_1} + C_4 b e^{bL_1} = C_6 b_2 e^{b_2 L_1}; \\ C_3 e^{aL_1} + C_4 e^{bL_1} = C_6 e^{b_2 L_1}, \end{cases}$$

решая которую, находим

$$\begin{aligned} C_1 &= \frac{\theta_0 e^{bE} - 1}{e^{bE} - e^{aE}}; \\ C_2 &= \frac{1 - \theta_0 e^{aE}}{e^{bE} - e^{aE}}; \\ C_3 &= \frac{e^{bL_1}}{\frac{a-b_2}{b_2-b} e^{aL_1+bE} + e^{aE+bL_1}}; \\ C_4 &= \frac{e^{aL_1}}{e^{aL_1+bE} + \frac{b_2-b}{a-b_2} e^{aE+bL_1}}; \\ C_6 &= \frac{e^{(b+a-b_2)L_1} (a-b)}{e^{aL_1+bE} (a-b_2) + e^{aE+bL_1} (b_2-b)}. \end{aligned}$$

Запишем выражения для температурных полей:

$$\theta_1 = \frac{\theta_0 e^{bE} - 1}{e^{bE} - e^{aE}} e^{aZ} + \frac{1 - \theta_0 e^{aE}}{e^{bE} - e^{aE}} e^{bZ}; \quad (6)$$

$$\begin{aligned} \theta_2 &= \frac{e^{bL_1}}{\frac{a-b_2}{b_2-b} e^{aL_1+bE} + e^{aE+bL_1}} e^{aZ} + \\ &+ \frac{e^{aL_1}}{e^{aL_1+bE} + \frac{b_2-b}{a-b_2} e^{aE+bL_1}} e^{bZ}; \end{aligned} \quad (7)$$

$$\theta_3 = \frac{e^{(b+a-b_2)L_1} (a-b)}{e^{aL_1+bE} (a-b_2) + e^{aE+bL_1} (b_2-b)} e^{b_2 Z}, \quad (8)$$

где

$$\begin{aligned} a &= \frac{Pe + \sqrt{Pe^2 + 4Bi_1}}{2}; \quad b = \frac{Pe - \sqrt{Pe^2 + 4Bi_1}}{2}; \\ b_2 &= \frac{Pe - \sqrt{Pe^2 + 4Bi_2}}{2}. \end{aligned}$$

Для определения безразмерной координаты фронта затвердевания воспользуемся граничным условием (3а). Подставив в него выражения для θ_1 и θ_2 , получим уравнение относительно E :

$$\begin{aligned} &\frac{\theta_0 e^{bE} - 1}{e^{bE} - e^{aE}} a e^{aE} + \frac{1 - \theta_0 e^{aE}}{e^{bE} - e^{aE}} b e^{bE} - K_3 Pe = \\ &= \frac{e^{bL_1}}{\frac{a-b_2}{b_2-b} e^{aL_1+bE} + e^{aE+bL_1}} a e^{aE} + \frac{e^{aL_1}}{e^{aL_1+bE} + \frac{b_2-b}{a-b_2} e^{aE+bL_1}} b e^{bE}. \end{aligned}$$

Упростим данное уравнение:

$$\begin{aligned} &\frac{b - a e^{(a-b)E} + \theta_0 e^{aE} (a-b)}{e^{bE} - e^{aE}} - K_3 Pe = \\ &= \frac{a}{\frac{a-b_2}{b_2-b} e^{(a-b)(L_1-E)} + 1} + \frac{b}{1 + \frac{b_2-b}{a-b_2} e^{(a-b)(E-L_1)}}. \end{aligned} \quad (9)$$

Таким образом, получено решение задачи в безразмерных величинах, включающее поля температуры на всех трех участках расчетной области (6)–(8) и уравнение для определения границы фазового перехода (9). Решение уравнения (9) может быть получено с помощью математического пакета MathCAD для конкретного набора исходных данных.

Полученное решение позволяет исследовать влияние толщины заготовки, длины участка поддержки жидкого металла, интенсивности охлаждения твердой части металла и скорости вытягивания плоской заготовки на длину жидкой фазы и обосновать основные конструктивные и технологические параметры горизонтальной установки непрерывной разливки с электромагнитным подвешиванием металла. Кроме того, данное решение можно использовать для тестирования численного решения рассматриваемой задачи.

Литература

1. Каваками, К. Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии / К. Каваками // Черные металлы. – 1988. – № 13. – С. 3–12.
2. Фокин, В.М. Основы энергосбережения в вопросах теплообмена / В.М. Фокин, Г.П. Бойков, Ю.В. Видин. – М., 2005.
3. Asai, S. Birth and resent activities of electromagnetic processing of materials / S. Asai // ISIJ International. – 1989. – Vol. 29, № 12. – P. 981–992.
4. Takeuchi, S. Stability analysis of free surface of liquid metals levitated by electromagnetic force / S. Takeuchi, J. Etay, M. Garnier // ISIJ International. – 1989. – Vol. 29, № 12. – P. 1006–1015.

**МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПАРАМЕТРАМИ ЖИДКОГО МЕТАЛЛА
В КРИСТАЛЛИЗАТОРЕ ПРИ РАЗЛИВКЕ НА МАШИНЕ
НЕПРЕРЫВНОГО ЛИТЬЯ ЗАГОТОВОК**

В статье рассматривается способ одновременного измерения плотности и уровня жидкого металла в кристаллизаторах машин непрерывного литья заготовок (МНЛЗ), обеспечивающий прецизионное измерение и регулирование. Представленный способ двухпараметрического измерения реализуется с помощью радиоизотопных датчиков.

Плотность, автоматизация, гамма-лучевое приборостроение, кристаллизатор, система управления, многофункциональное приборостроение, контроль, качество, МНЛЗ, заготовка, жидкий металл.

The article considers the way of simultaneous measurement of density and level of liquid metal in crystallizers of continuous casting machine, providing precision measurement and regulation. The presented way of two-parametrical measurement is realized by means of radio isotope detectors.

Density, automation, gamma-ray detectors, crystallizer, control system, multifunctional detectors, control, quality, continuous casting machine, preparation, liquid metal.

Построение систем управления, основанных на всеобъемлющем контроле выпускаемой продукции, является одним из шагов в решении задач повышения конкурентоспособности промышленного производства.

В современных условиях производства важное значение приобретают динамические характеристики существующих радиационных датчиков уровня жидкого металла в кристаллизаторе (рис. 1) сортовой МНЛЗ и в других аналогичных тепловых объектах, использующих приборы с ионизирующими излучениями.

В типовых системах радиационные датчики спроектированы как автономные и имеют заданные системные характеристики, которые могут быть достигнуты только при соответствующей активности излучателей, основополагающей в функционировании и метрологии этих приборов. Время накопления информации для обработки системой управления при статистической природе ионизирующих излучений, взаимодействующих с объектами контроля, является дополнительным к заданному быстродействию системы управления. Исследования выявили, что в типовых случаях применения радиационного датчика в системах управления уровнем металла совместно с корректирующим микропроцессором появляется возможность снижения исходных требований (погрешность, быстродействие, надежность, стоимость), прямо зависящих от уровня активности излучателей. Это и есть предпосылки для удешевления прибора и системы управления, для снижения эксплуатационных расходов, повышения быстродействия и соответственно производительности сортовой МНЛЗ без ухудшения условий кристаллизации и качества продукции.

При контроле уровня металла в кристаллизаторе

в существующей системе измерения принято, что пучок лучей с исходной интенсивностью полностью поглощается жидким металлом, а до источника доходит пучок лучей от незакрытых металлом зон излучения. Система измерения уровня интерпретирует такой статистический сигнал как зависимость числа импульсов, зарегистрированных на сцинтилляционном приемнике, от текущего уровня жидкого металла.

Колебания уровня открывают и закрывают зоны излучения в источнике, изменяя соответственно и число импульсов на счетчике импульсов:

$$n_k(hm) = n_0 \cdot \exp \left[\frac{-hm + h_{k-1}}{b_0 \cdot \sin \left(\arctg \left(\frac{H_{\max} - h_{k-1}}{d} \right) \right)} \right], \quad (1)$$

где n_k – перекрытая металлом зона излучения в источнике; k – номер зоны излучения в источнике; n_0 – число импульсов счетчика в секунду, приходящихся на одну зону излучения; hm – текущее значение уровня металла; b_0 – поправочный коэффициент по плотности и проницаемости; h_k – расстояние между зонами излучения в источнике; H_{\max} – наивысшая точка контроля уровня; d – ширина кристаллизатора.

В формуле (1) знаменатель учитывает увеличение расстояния (по диагонали) от нижележащих зон излучения до приемника.

Функция зависимости количества импульсов от уровня жидкого металла $n_1(hm)$ по каждой зоне излучения, согласно экспоненциальному закону поглощения (1), с учетом увеличения расстояния по мере удаления источника от счетчика имеет вид

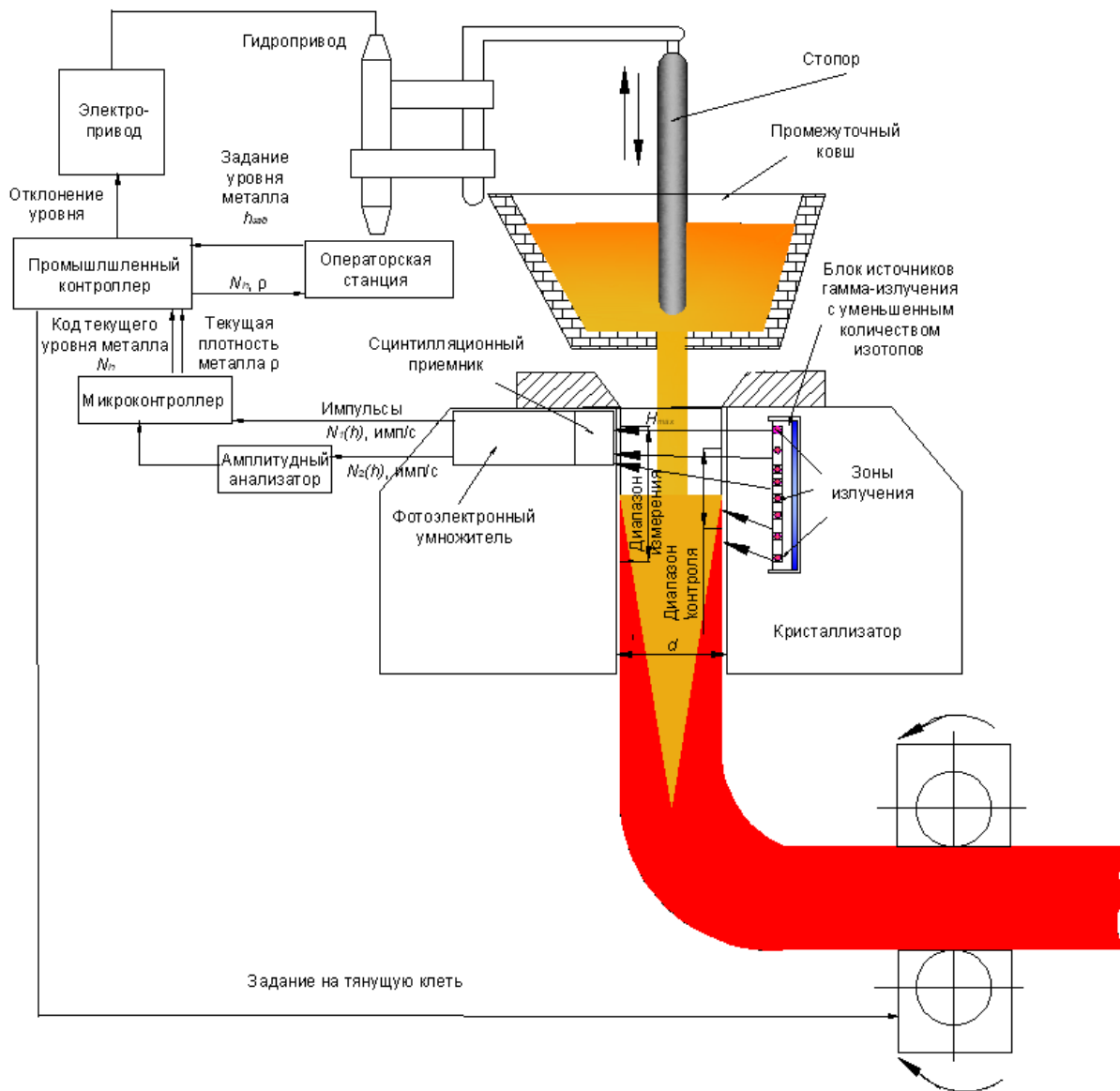

Рис. 1. Функциональная схема системы контроля и управления уровнем жидкого металла в кристаллизаторе МНЛЗ

$$n_1(hm) = \sum_{k=2}^{tb} \left\{ \begin{array}{l} n_0 \cdot \exp \left[\frac{-hm + h_{k-1}}{b_0 \cdot \sin \left(\arctg \left(\frac{H_{\max} - h_{k-1}}{d} \right) \right)} \right], \\ \text{если } hm \geq h_{k-1}; \\ n_0, \text{ если } hm < h_{k-1} \end{array} \right\}, \quad (2)$$

где h_k – расстояние между зонами излучения в источнике; n_0 – число импульсов счетчика в секунду, приходящихся на одну зону излучения; h_1 – диапазон уровня контроля металла, приходящийся на одну зону излучения; tb – число зон излучения в источнике.

В работе [3] разработан метод охлаждения слитка, позволяющий выдерживать рациональное изме-

нение температуры поверхности слитка вдоль технологической оси МНЛЗ при произвольном изменении скорости разливки. При использовании способа одновременного определения плотности и уровня, для определения обеих переменных к (2) добавляется выборочный спектрометрический, преимущественно реагирующий на изменяющуюся плотность металла ρ канал контроля n_2 :

$$n_2(hm, \rho) = \sum_{k=2}^{tb} \left\{ \begin{array}{l} n_0 \cdot \exp \left[\frac{-hm + h_{k-1}}{b_0 \cdot \sin \left(a \cdot \operatorname{tg} \left(\frac{H_{\max} - h_{k-1}}{d} \right) \right)} \right] \times \\ \times \exp \left(\frac{-\rho}{\rho_1} \right), \text{ если } hm \geq h_{k-1}; \\ n_0, \text{ если } hm < h_{k-1} \end{array} \right\}, \quad (3)$$

где ρ – текущая плотность металла; ρ_1 – плотность металла при температуре ликвидуса.

Выведенная в (3) зависимость интенсивности излучения в виде дополнительной функции двух переменных по диапазону регистрации физически измеряется с помощью детектора ионизирующих излучений с амплитудным анализатором (рис. 2).

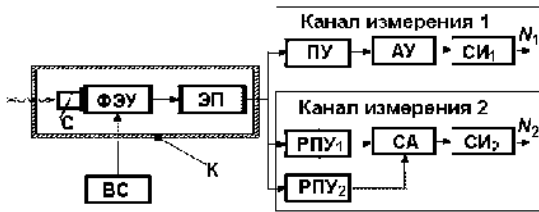

Рис. 2. Блок-схема детектора ионизирующих излучений с выделением энергетических спектров: С – сцинтиллятор; ФЭУ – фотоэлектронный умножитель; ЭП – эмиттерный повторитель; ПУ – пороговое устройство; РПУ₁, РПУ₂ – регулируемые пороговые устройства для выделения спектра; АУ – амплитудный усилитель; СА – спектрометрический анализатор-усилитель; СИ₁, СИ₂ – счетчики импульсов; ВС – высоковольтный стабилизатор напряжения; К – кожух

Двухпараметрическое измерение достигается путем усложнения детектора ионизирующих излучений и алгоритмов обработки сигнала. Вместе с повышением частоты опроса радиометра возникает эффект статистического сглаживания, учитывающийся при обработке сигнала в разработанном алгоритме. Эффект сглаживания дает возможность уменьшить число кусочно-нелинейных участков функции (рис. 3), определяемых числом точечных источников (1), и отказаться от воспроизведения контроллером сложных аппроксимирующих функций, ограничившись самыми простейшими – «ступенчатыми». Последние могут воспроизводиться вычислителями, например, ПС-контроллерами, стоимостью на порядок ниже и с доверительной вероятностью в работе на порядок выше из-за отсутствия сложного алгоритма вычислений. Ухудшение статистических свойств измерителя компенсируется фильтрующими (инерционными) свойствами электромеханической системы управления уровнем жидкого металла.

В [4] показано применение эффекта статистического сглаживания простых функций настройки с получением гладких нелинейных функций. Такой подход оказался возможным при использовании на этапе проектирования современных математических пакетов MathCAD [1]. В отличие от [4], где рассматривался случайный процесс с нормальным законом распределения, характерный для непрерывных процессов, предлагается определение функции настройки реального вычислителя на базе микроконтроллера для обработки импульсного сигнала, распределенного количественно во времени по закону Пуассона.

При анализе спектра (3) учитывается сигнал только того точечного источника, который перекрывается в данный момент металлом. Для реальных

систем с «холодной» настройкой до начала разливки, при калибровке системы радиационного контроля заготовкой с температурой 20 °С, влияние изменения плотности на измерительную характеристику в рабочей зоне составит 1–4 мм (рис. 3, кривая 3). Колебания плотности разливаемой стали могут составлять до 20 % от плотности калибровочной заготовки. Таким образом, при измерении уровня металла появляется возможность измерения текущей плотности, основанная на использовании существующего радиационного оборудования с гамма-излучением, что увеличивает число контролируемых параметров металла в кристаллизаторе и повышает возможности управления зонами вторичного охлаждения [3].

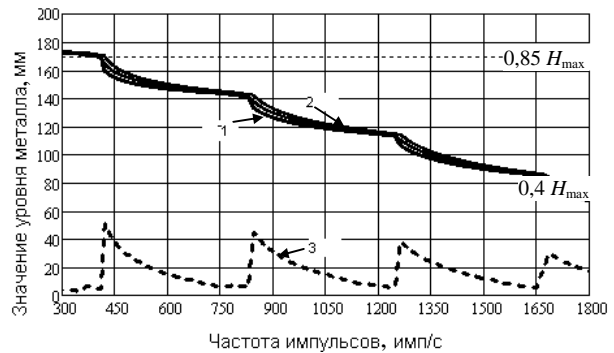

Рис. 3. Графики зависимости уровня жидкого металла от частоты импульсов при колебаниях плотности до 20 %: 1 – график функции математического ожидания входного сигнала при измерении уровня марки жидкого металла с низкой плотностью; 2 – график функции математического ожидания входного сигнала при измерении уровня марки жидкого металла с высокой плотностью; 3 – график абсолютной погрешности измерения уровня металла при колебании плотности (увеличение в 10 раз)

С учетом того, что спектр сигнала является значением, сравнительно медленно меняющимся во времени, его можно накапливать с большой постоянной времени, это существенно снижает статистическую погрешность и повышает достоверность анализа. Оборудование, входящее в состав системы измерения и управления уровнем жидкого металла, позволяет дополнительно проводить анализ и отбор импульсов, что дает возможность добиться улучшения характеристик сцинтилляционных измерительных устройств по сравнению с существующей системой и увеличить число управляемых параметров процесса [2]. Измеренное значение плотности дополнительно вводится в контур системы управления через поправочный коэффициент с учетом корректировки текущего значения уровня металла в зависимости от изменения плотности. Это позволяет добиться более точного управления уровнем жидкого металла.

Таким образом, разработан способ измерения плотности слитка в МНЛЗ при динамических режимах разливки, позволяющий учесть изменение уровня жидкого металла в кристаллизаторе, повысить точность его определения и улучшить качество непрерывнолитой заготовки.

Литература

1. Дьяконов, В. MathCAD 2001: учеб. курс / В. Дьяконов. – СПб., 2001.
2. Лукин, С.В. Контроль мениска жидкого металла при управлении охлаждением слитка в машине непрерывного литья заготовок / С.В. Лукин, А.В. Ларичев, А.В. Полянский // Изв. вузов. Черная металлургия. – 2009. – № 9. – С. 69–70.
3. Лукин, С.В. Теоретическое изменение интенсивности

охлаждения и затвердевание сляба в машине непрерывного литья заготовок / С.В. Лукин, В.В. Мухин, Е.Б. Осипов и др. // Изв. вузов. Черная металлургия. – 2009. – № 3. – С. 46–51.

4. Полянский, А.В. Синтез статистически сглаженной аппроксимирующей функции в микроконтроллере / А.В. Полянский, А.В. Ларичев // Автоматизация машиностроительного производства, технология и надежность машин, приборов и оборудования. Материалы второй Междунар. науч.-техн. конф. – Вологда, 2006. – Т. 2. – С. 167–171.

УДК 621.778, 620.17

С.В. Овчинников, Д.С. Осипов, И.Г. Гунн

**ИССЛЕДОВАНИЕ РЕОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ
СТАЛИ МАРКИ 40ХН2МА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА РАВНОПРОЧНЫХ БОЛТОВ**

В статье приведены результаты исследований и анализа реологических свойств стали марки 40ХН2МА в исходном и термообработанном состояниях, применительно к проектированию процессов холодной объемной штамповки (ХОШ) стальных заготовок и накатки резьбы, при производстве равнопрочных болтов. Получены зависимости скорости и сопротивления деформации от степени деформации, а также аппроксимирующие уравнения диаграмм деформирования для различных состояний стали.

Пластометрические исследования, пластичность, сопротивление и скорость деформации, статистические зависимости, состояние стали, упрочнение.

The article presents the results of research and analysis of rheological properties of steel 40ХН2МА in initial and heat-treated conditions applied to the design of cold forging process of steel blanks manufacturing and threading of equal in strength bolts. The dependences of resistance and rate of deformation on the degree of deformation as well as approximating equations of deformation diagrams for the different steel types were researched.

Plastometric research; plasticity, resistance and rate of deformation; statistical dependences; steel condition; hardening.

Развитие современных технологий производства автомобильного крепежа с повышенным уровнем эксплуатационных свойств, наряду с определением требований к качеству исходного подката, требует учета специфики технологических процессов производства того или иного вида изделия. Подавляющее большинство этих процессов базируются на взаимодействии различных методов структурного и деформационного воздействий на металл.

Одним из основных способов придания оптимальных прочностных и пластических свойств материалу заготовки является введение в сквозную технологию производства изделий холодной объемной штамповкой операций предварительной и окончательной термической обработки перерабатываемого металла. Однако процессы термической обработки, применяемые на любом из этапов метизного передела, требуют существенных затрат энергоресурсов, использования дополнительного оборудования, производственных площадей, а также высоких эксплуатационных расходов. Все это повышает себестоимость выпускаемых изделий и снижает их конкурентоспособность.

Разработка технологических процессов производства практически любого вида метизной продукции, в частности равнопрочных болтов крепления головки блока цилиндров автомобильных двигателей, невозможна без детального изучения ресурса пластичности получаемых заготовок и исследования его изме-

нения в перерабатываемой стали на отдельных этапах передела.

В связи с вышеизложенным целью данной работы явилось:

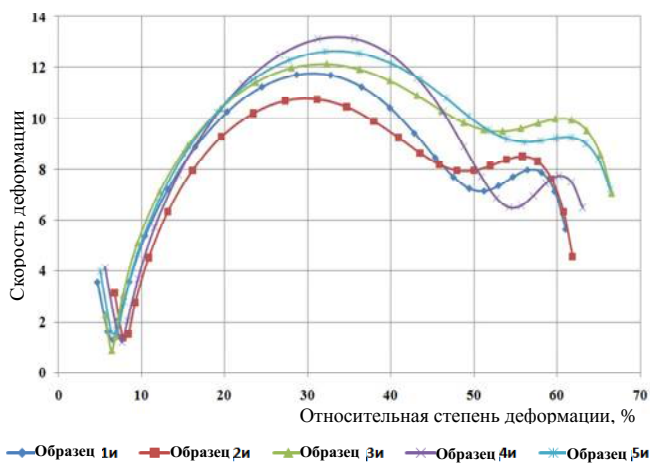
– экспериментальное исследование сопротивления деформации при испытаниях на сжатие образцов, изготовленных из стали марки 40ХН2МА, используемой в крепежном производстве, в исходном состоянии и после упрочняющей термической обработки в зависимости от степени и скорости деформационного испытания;

– выявление возможности и условий повышения резервов пластичности исходного металла при использовании на операциях холодной объемной штамповки для обеспечения бездефектного формообразования и накатки резьбы, а также разработка путей рационального проектирования технологических процессов изготовления равнопрочных болтов для автомобильных двигателей.

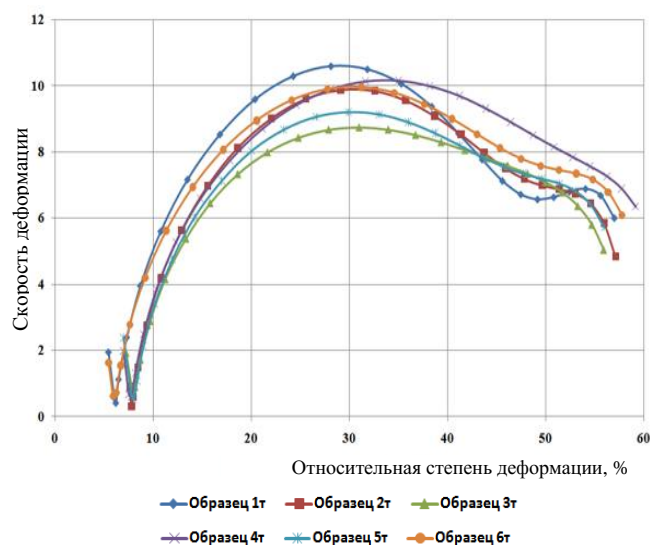
Оценка реологических свойств проводилась на специально подготовленных цилиндрических образцах с исходными диаметрами $d_0 = 6$ мм и высотами $h_0 = 9$ мм, изготовленных из стали марки 40ХН2МА производства ОАО «Оскольский электрометаллургический комбинат», в состоянии поставки и после термической обработки в виде закалки и отпуска. Твердость термообработанных образцов составляла 37HRC. Испытания на сжатие проводились на кулачковом пластометре при температуре 20 °С, который

обеспечивал реализацию заданного закона нагружения образца при сжатии до относительной степени деформации 70–80 %. Для достижения однородного напряженно-деформированного состояния (НДС) в процессе осадки использовалась полировка и смазка контактных поверхностей. Статистическая достоверность результатов эксперимента достигалась проведением не менее трех параллельных испытаний для каждого значения скорости и степени деформации с фиксацией (расчетом) текущих значений степени деформации и сопротивления деформации. Число фиксируемых во времени испытаний пар значений $\varepsilon_i - \sigma_i$ равнялось 10 вне зависимости от величины предельной деформации [1].

Распределение скоростей деформации по значениям относительной степени деформации при пластометрических испытаниях образцов из исследуемой марки стали, находящейся в исходном состоянии и после термообработки, приведено на рис. 1.

а)

б)

Рис. 1. Распределение скорости деформации по значениям относительной степени деформации при пластометрических испытаниях образцов стали марки 40ХН2МА: а – в исходном состоянии; б – после термической обработки

Из рис. 1 видно, что кривые зависимости распределения скорости деформации от суммарного обжатия не имеют существенного различия между собой. Максимальное отклонение скорости деформации от среднего значения по всему массиву данных не превышает 20 %, что свидетельствует об однородности НДС. Однотипный характер полученных кривых говорит об идентичности условий испытаний по отдельным группам стальных образцов и адекватности их поведения при пластометрических исследованиях, что свидетельствует о правомерности использования всей полученной информации в оценочных процедурах и в дальнейших исследованиях.

Диаграммы деформирования для стали 40ХН2МА, находящейся в исходном и термообработанном состоянии, приведены на рис. 2. При построении диаграмм, представленных на рис. 2, использовался весь массив экспериментальных значений без их дифференцирования в зависимости от показанной скорости деформации (см. рис. 1).

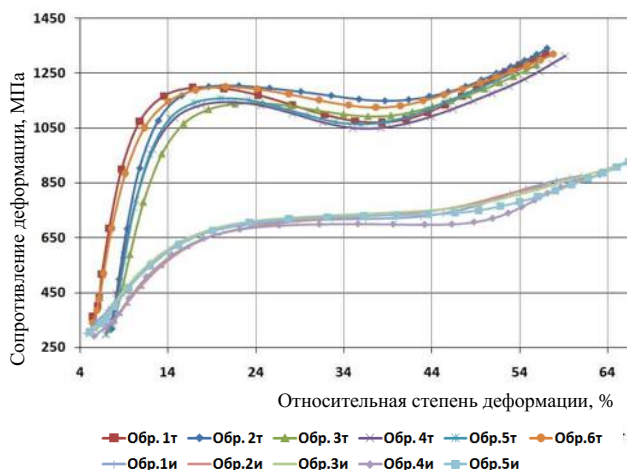

Рис. 2. Диаграммы деформирования образцов из стали марки 40ХН2МА в состоянии поставки (индекс «и» в обозначении образцов) и после термической обработки (индекс «т»)

Высокая плотность расположения точек в поле экспериментальных данных свидетельствует о малой дисперсии и достаточно высокой достоверности полученных результатов как для образцов, изготовленных из горячекатаной стали марки 40ХН2МА, так и для образцов из термообработанного металла. Как и следовало ожидать, уровень сопротивления деформации термообработанной стали выше, чем уровень сопротивления деформации того же металла в горячекатаном состоянии, и составляет 50 и 39 % соответственно.

Низкий разброс экспериментальных значений свидетельствует об отсутствии значимого влияния скоростей деформации на сопротивление деформации рассматриваемых сталей. Это подтверждают также и специально проведенные исследования влияния вязких свойств в рассматриваемой стали при холодном деформировании образцов, изготовленных из металла в различном состоянии.

При проведении данных исследований использовались средние значения скорости и сопротивления деформации по образцам. Для этого осуществлялся процесс усреднения скорости и сопротивления деформации по образцам с построением поля значений в координатах «средняя скорость деформации – среднее значение сопротивления деформации».

Линейная аппроксимация осуществлялась по методу наименьших квадратов. Результаты анализа показали, что в рассматриваемом случае скорость деформации не оказывает существенного (статистически значимого) влияния на значения сопротивления деформации при 20 °С, поэтому при проектировании технологических процессов производства крепежных изделий с применением методов холодной объемной штамповки вязкой составляющей можно пренебречь.

Сопротивление деформации сталей определяется не только химическим, но и фазовым составом и структурным состоянием рассматриваемых материалов. Указанные параметры металла формируются на этапах его подготовки к переделу. В связи с этим одной из задач проводимых исследований явилось изучение характера изменения прочностных свойств на различных этапах передела, а именно в состоянии поставки и после термической обработки, а также в сопоставлении кривых упрочнения для анализируемой марки стали, полученных при различных технологических схемах (рис. 3).

Как показали данные, разница начальных значений прочности стали при разном ее состоянии не столь существенна, максимальное значение прочности составляет 72 МПа ($\approx 7 \text{ кг/мм}^2$), минимальное – 16 МПа ($\approx 1,5 \text{ кг/мм}^2$) в пользу горячекатаного состояния. Однако дальнейшее пластическое деформирование гораздо в большей степени повышает прочностные свойства образцов из стали, подверженной термической обработке. Как видно из рис. 1, различие прочностных свойств образцов, изготовленных из стали в разных ее состояниях при одинаковых

степенях деформации, составляет 400–550 МПа ($\approx 40\text{--}55 \text{ кг/мм}^2$). Такое поведение рассматриваемой стали в обязательном порядке следует учитывать при проектировании технологий холодной объемной штамповки крепежных изделий из этого металла.

Анализ структуры представленных уравнений регрессии вида $y = ax + b$ показывает их идентичность с уравнениями состояния жесткопластических сред с линейным упрочнением, используемых в теории пластичности для описания реологических свойств материалов. В результате были получены единые уравнения состояния (см. табл. 1). Результаты аппроксимации диаграмм деформирования стали 40ХН2МА в исходном и термообработанном состояниях по линейным зависимостям приведены в табл. 2.

Численной характеристикой упрочнения сталей является модуль упрочнения, который отражает интенсивность увеличения сопротивления деформации в зависимости от обжатия.

Поскольку построенные в ходе исследований диаграммы деформирования имеют не монотонный характер, то для упрощения процедуры определения модуля упрочнения m , представляющего собой тангенс угла наклона касательной к кривой деформационного упрочнения в любой точке с определенной степенью деформации, а также исходя из анализа диаграмм деформирования, была осуществлена процедура линеаризации участков диаграмм упрочнения с построением аппроксимирующих линейными функциями зависимостей $\sigma_i - \epsilon_i$. При этом, как следует из всей совокупности данных, на кривых деформационного упрочнения условно можно выделить 3 характерные области, а именно:

- область интенсивного упрочнения при малых степенях деформации, характеризуемую модулем упрочнения m_1 . Верхний предел этой области ограничен значением $\approx 14 \%$ для данной марки стали;

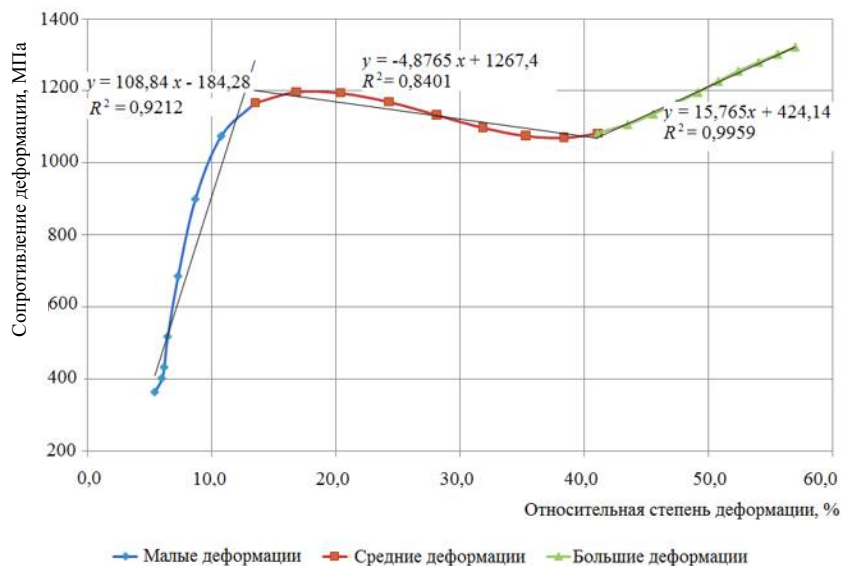

Рис. 3. Аппроксимация диаграммы деформирования по характерным участкам для стали 40ХН2МА в термообработанном состоянии

Таблица 1

Аппроксимирующие уравнения диаграмм деформирования стали 40ХН2МА в исходном и термообработанном состояниях

Вид обработки	Аппроксимирующие уравнения диаграмм деформирования	Достоверность аппроксимации по критерию r^2	Коэффициент корреляции
В исходном состоянии	$\sigma = 0,0112\epsilon^3 - 1,3248\epsilon^2 + 51,869\epsilon + 73,498$	0,9939	0,9969
После термообработки	$\sigma = -0,0017\epsilon^4 + 0,2505\epsilon^3 - 13,158\epsilon^2 + 279,73\epsilon - 821,2$	0,9904	0,9951

Таблица 2

Аппроксимация диаграмм деформирования стали 40ХН2МА в исходном и термообработанном состояниях по линейным зависимостям

Вид обработки	Аппроксимирующие уравнения диаграмм деформирования	Достоверность аппроксимации по критерию r^2	Коэффициент корреляции
В исходном состоянии	$\sigma = 7,7647\epsilon + 400,96$	0,8537	0,92
После термообработки	$\sigma = 12,472\epsilon + 656,35$	0,5934	0,77

– область низко модульного упрочнения, соответствующую однородному напряженно-деформированному состоянию (НДС). Данная область характеризуется модулем упрочнения m_2 , она ограничена слева верхним пределом области интенсивного упрочнения при малых степенях деформации ($\approx 14\%$), а справа значением степени деформации, при которой начинается область более интенсивного упрочнения, отличающаяся неоднородным НДС ($\approx 40\%$);

– область интенсивного упрочнения, соответствующую высоким степеням деформации и характеризуемую модулем упрочнения m_3 . Нижний предел указанной области ограничен значением степени деформации, при которой начинается неоднородное напряженно-деформированное состояние ($\approx 40\%$), а верхний предел ограничен деформационным пределом прочности или максимальной степенью деформации исследуемых материалов по условиям проведения экспериментов.

Анализ результатов исследований реологических свойств стали 40ХН2МА в исходном и термообработанном состояниях позволяет сделать следующие выводы применительно к проектированию процессов холодной объемной штамповки стальных заготовок и накатки резьбы, обеспечивающих благоприятные условия для работы технологического инструмента и обеспечения регламентированного качества продукции:

1. Результаты пластометрических исследований стали 40ХН2МА, находящейся в различных состояниях, показали, что все образцы успешно выдержали обжатие, при этом проявления дефектов металлургического и деформационного происхождения обнаружено не было.

2. Для гарантированного достижения качества выпускаемой продукции представляется важным учет величины обжатия при волочении и при проектировании переходов ХОШ, поскольку деформаци-

онный предел прочности для конкретного состояния обрабатываемого металла имеет конкретный уровень, определяемый состоянием стали. Так, для стали в исходном состоянии деформационный предел прочности составляет 62–68 %, а для термообработанной стали – 58–60 %.

3. Отмечено различие в деформационном поведении стали 40ХН2МА в разном ее состоянии. Так, термообработанная сталь 40ХН2МА имеет большую склонность к деформационному упрочнению при малых и больших степенях деформации. Наиболее сильное ее упрочнение происходит на начальной стадии деформирования. Незначительное уменьшение значений прочности заготовок при средних деформациях, что характеризуется отрицательным значением модуля упрочнения, не снижает общего уровня прочности обрабатываемой стали.

4. Полученные в ходе пластометрических исследований статистические зависимости влияния степени деформации стальных образцов из исследуемой стали 40ХН2МА на сопротивление деформации при различных ее состояниях применимы для прогнозирования прочностных свойств металла при проектировании технологических процессов изготовления крепежных изделий с регламентируемым уровнем качества. Информация о значениях модуля упрочнения исследуемой марки стали также может быть использована в технологических и конструкторских расчетах при проектировании технологических процессов и переходов холодной объемной штамповки крепежных изделий.

Литература

1. Гунн, Г.С. Особенности реологических свойств конструкционных наносталей / Г.С. Гунн, М.В. Чукин, М.П. Барышников, Р.З. Валиев и др. // Вестник МГТУ им. Г.И. Носова. – 2008. – С. 24–27.

РЕШЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ НЕСТАЦИОНАРНОЙ МАССОПРОВОДНОСТИ ПРИ ТЕРМООБРАБОТКЕ ГУММИРОВАННЫХ ОБЪЕКТОВ

Разработана математическая модель массопереноса вулканизирующего агента при термообработке, предварительной подготовке и в процессе изготовления многослойных композиционных гуммировочных покрытий. Методом конечных интегральных преобразований с улучшенной сходимостью рядов получено аналитическое решение нестационарной задачи массопереноса в пластине без внутренних источников массы. Проведен сравнительный анализ теоретических данных и результатов эксперимента по горячему креплению эластомерных покрытий к металлу.

Термообработка, массоперенос, теплоперенос, эластомерные покрытия, агент вулканизации, концентрация, температура, математическое моделирование, гуммирование.

The mathematical model of mass transfer of the vulcanizational agent under thermal treating, preliminary preparation and in the process of manufacturing of multilayered composite gumming coatings has been developed. With the help of the method of final integral transformations with improved convergence of series the analytical solution of the non-stationary task of mass transfer in a plate without active source of mass has been received. The comparative analysis of the theoretical data and the results of the experiment on hot fastening of elastomer coatings to metal has been carried out.

Thermal treating, mass transfer, heat transfer, elastomer coatings, a vulcanizational agent, concentration, temperature, mathematical modeling, gumming.

Массообменные процессы, протекающие с участием агентов вулканизации, играют большую роль в технологии производства гуммировочных покрытий. Несмотря на большой объем проводимых исследований, которые в основном рассматривают химические реакции, происходящие при вулканизации, процесс переноса именно свободной серы изучен еще недостаточно. Это объясняется трудностями экспериментального характера, связанными, в частности, с замером локальных концентраций в покрытии, которые могут резко отличаться по своим свойствам, аналитической неразрешенностью соответствующих нелинейных дифференциальных уравнений переноса, неизотермичностью многих процессов, проблемой задания граничных условий.

Движущими силами процесса переноса вулканизирующего агента по толщине гуммировочных покрытий являются градиент температуры и градиент концентраций распределенного вещества при вулканизации.

При исследованиях вулканизации каучука физико-химическими методами [1] установлено, что имеет место диффузия серы при хранении сырых резиновых смесей. Сера мигрирует из слоя в слой, что приводит к различным концентрациям вулканизирующего агента и к неоднородной вулканизации. Кроме того, наблюдалась диффузия серы по толщине гуммировочных покрытий при вулканизации. Причем миграция и повышенная концентрация серы в отдельных слоях покрытий может служить причиной скорчинга («горения») покрытий, перевулканизации, появления трещин и других дефектов в обкладках.

На основании экспериментальных и теоретических данных [1]–[5] установлено, что массоперенос агента вулканизации может оказать существенное влияние на качество гуммировочных покрытий.

В процессе сшивания не вся сера присоединяется

к каучуку, часть ее остается в несвязанном (свободном) состоянии и может извлекаться экстрагированием с последующим количественным определением. Связывание серы сопровождается выделением теплоты, количество которой на начальных этапах пропорционально содержанию связанной серы, а позднее остается постоянным в результате преобладания внутримолекулярного присоединения серы. Однако при вулканизации мягкой резины тепловой эффект мал и практического влияния на условия вулканизации не оказывает.

В процессе вулканизации гуммировочных покрытий происходит ряд последовательных и параллельных реакций, представляющих собой различные стадии вулканизации [1], [2], [4]. Общая картина происходящих химических процессов усложняется структурированием и деструкцией каучука под влиянием различных факторов.

Однако основное значение в процессе вулканизации имеет реакция присоединения серы к каучуку. Это подтверждается тем, что к моменту окончания присоединения серы наблюдается наибольшее изменение свойств каучука по сравнению с первоначальными физико-механическими свойствами (до вулканизации) [1]–[5].

При вулканизации серой наблюдается постепенное изменение различных физических и технических свойств каучука. Эти изменения происходят с разной скоростью: в начале вулканизации свойства меняются быстро, а затем медленно. Наиболее характерными являются следующие изменения свойств гуммировочных покрытий: резко повышаются предел прочности при растяжении и эластичность обкладок, при этом пластичность покрытия почти полностью исчезает; повышается температуро- и теплостойкость покрытий; покрытие теряет способность растворяться, оно только набухает в растворителях; понижается химическая активность обкладок.

Массоперенос серы, особенно в многослойных резиновых и эбонитовых обкладках, как самопроизвольный процесс переноса вещества в объекте, обусловливается неоднородностью распределения ее концентраций по всему объему, а также разностью температур и давлений.

Под действием температуры в резиновой смеси происходит плавление серы, а затем сшивание ее с каучуком. От продолжительности вулканизации и степени поперечного сшивания зависят свойства гуммировочных покрытий.

Динамика процесса вулканизации эластомерных покрытий может быть прослежена по распределению и содержанию вулканизирующего агента, не вступившего в реакцию с каучуком.

Рассмотрим многослойное гуммировочное покрытие из эластомера одной марки при предварительной термообработке. Учитывая, что механические и теплофизические свойства слоев гуммировочного покрытия не отличаются друг от друга, можно свести покрытие к однослойной системе [1], [2], [4].

В ходе математического моделирования процесса массообмена эластомерной заготовки были приняты следующие допущения: отсутствие переноса вещества в поперечном и продольном направлениях; отсутствие внутренних источников массы; о пренебрежении термическим сопротивлением клеевых прослоек.

С учетом допущений процесс массопереноса вулканизирующего агента в однослойном эластомерном покрытии при термообработке описывается дифференциальным уравнением (1) с начальным (2) и граничными условиями (3)–(4) [2]–[6]:

$$\frac{\partial C_S}{\partial \tau} = D \frac{\partial^2 C_S}{\partial x^2}, \tau > 0, 0 < x < \delta; \quad (1)$$

$$C_S(x, \tau) = \text{const} = C_0 \text{ при } \tau = 0; \quad (2)$$

$$\frac{\partial C_S(0, \tau)}{\partial x} = h[C_S(0, \tau) - C_p]; \quad (3)$$

$$\frac{\partial C_S(\delta, \tau)}{\partial x} = -h[C_S(\delta, \tau) - C_p]. \quad (4)$$

Здесь D – коэффициент диффузии, m^2/c ; $C_S(x, \tau)$ – текущая концентрация вулканизирующего агента в пластине, %; C_0 – начальная концентрация вулканизирующего агента в пластине, %; C_p – равновесная концентрация, соответствующая концентрации распределяемого вещества в ядре потока внешней фазы по обеим сторонам пластины, концентрация вулканизирующего агента в пластине, %; $h = \beta / (A_p D)$; β – коэффициент массоотдачи, m/c ; A_p – коэффициент распределения.

Задача (1)–(4) описывает процесс массопереноса вещества (вулканизирующего агента) в неограниченной пластине толщиной δ без внутреннего источника массы при равномерном начальном распределении концентрации C_0 и при граничных условиях третьего рода на поверхностях пластины.

Для решения задачи выпишем предварительно интегральное преобразование

$$\bar{C}(\mu_n, \tau) = \int_0^\delta C(x, \tau) \Psi_n(\mu_n, x) dx, \quad (5)$$

где $\bar{C}(\mu_n, \tau)$ – изображение искомой функции $C(x, \tau)$; $\Psi_n(\mu_n, x)$ – ядро интегрального преобразования (5). Функция $\Psi_n(\mu_n, x)$ выбрана с учетом геометрии рассматриваемого материала и типа граничных условий; ее находят решением соответствующей однородной задачи на собственные значения и собственные функции для задачи (1)–(4).

Формула обращения для интегрального преобразования (5) имеет вид

$$C(x, \tau) = \frac{2}{\delta} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{\Psi_n(\mu_n, x)}{\mu_n^2 + h^2 \delta^2 + 2h\delta} \bar{C}(\mu_n, \tau), \quad (6)$$

изображение для производной

$$\int_0^\delta \frac{\partial^2 C(x, \tau)}{\partial x^2} \Psi_n(\mu_n, x) dx = -\mu_n \left[\frac{\partial C(x, \tau)}{\partial x} - hC(x, \tau) \right]_{x=0} + \frac{\mu_n^2 + h^2 \delta^2}{2h\delta} \sin(\mu_n x) \times \left[\frac{\partial C(x, \tau)}{\partial x} + hC(x, \tau) \right]_{x=\delta}. \quad (7)$$

$$\text{Здесь } \Psi_n(\mu_n, x) = \mu_n \cos\left(\mu_n \frac{x}{\delta}\right) + h\delta \sin\left(\mu_n \frac{x}{\delta}\right),$$

где $\mu_n > 0$ – корни уравнения $\text{ctg } \mu = \frac{\mu}{2\mu\delta} - \frac{h\delta}{2\mu}$.

На основе соотношений (5), (7) находим решение задачи, затем преобразуем интеграл и улучшим решение.

Решение краевой задачи (1)–(4) получено при помощи стандартных преобразований метода конечных интегральных преобразований [4], [6], с последующей доработкой с целью улучшения сходимости рядов:

$$\frac{C(x, \tau) - C_0}{C_p - C_0} = 1 - 2\text{Bi}_m \sum_{n=1}^{\infty} \frac{[1 - (-1)^n] \Psi_n(\mu_n)}{\mu_n (\mu_n^2 + \text{Bi}_m^2 + 2\text{Bi}_m)} \times \exp(-\mu_n^2 \text{Fo}_m) + C_p - 2h\delta \times \sum_{n=1}^{\infty} \frac{\left(\mu_n \cos\left(\mu_n \frac{x}{\delta}\right) + h\delta \sin\left(\mu_n \frac{x}{\delta}\right) \right) [1 - (-1)^n]}{\mu_n (\mu_n^2 + h^2 \delta^2 + 2h\delta)}, \quad (8)$$

где $\mu_n > 0$ – корни уравнения $\text{ctg } \mu = \frac{\mu^2 - \text{Bi}_m^2}{2\mu \text{Bi}_m}$;

$$\Psi_n(\mu_n) = \mu_n \cos\left(\mu_n \frac{x}{\delta}\right) + Bi_m \sin\left(\mu_n \frac{x}{\delta}\right); Bi_m = \beta\delta/(DA_p)$$

– критерий Био массообменный; $Fo_m = D\tau / \delta^2$ – число Фурье массообменное.

На основе решения (8) построены графики распределения концентрации вулканизирующего агента в покрытиях марок 1976 (СКБ), 4476 (СКБ), ИРП-1025 (наирит), 1814 (СКБ), 1751 (СКБ), ИРП-1213 (НК), ИРП-1214 (НК) и других с помощью пакета программ MathCAD. В качестве примера на рис. 1 приведены концентрационные профили в эбонитовых покрытиях марки 1752 (НК+СКБ), которые сравнены с собственными экспериментальными данными [4]. Отклонение аналитических расчетов от опытных данных составило до 7 %.

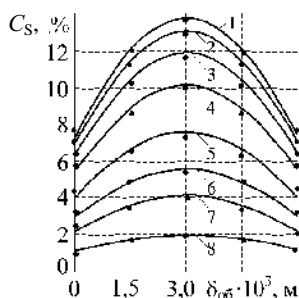

Рис. 1. Кривые распределения концентрации свободной серы в однослойном покрытии марки 1752 (НК + СКБ) при $\delta_{0\delta} = 6,0$ мм, $T_c = 418$ К, $T_0 = 293$ К, $\alpha = 200$ Вт/(м²·К), $D = 1,27 \cdot 10^{-7}$ м²/с; время прогрева: 1 – 30 с; 2 – 120 с; 3 – 300 с; 4 – 600 с; 5 – 1200 с; 6 – 1800 с; 7 – 2400 с; 8 – 3600 с; — – расчетные данные; • – экспериментальные данные; НК – натуральный каучук; СКБ – синтетический каучук бутадиеновый

Отличие результатов расчета от экспериментальных данных тем больше, чем меньше значения числа Фурье, что соответствует коротким режимам термообработки, мало используемым в промышленности. При увеличении продолжительности нагрева результаты расчетов практически не отличаются от экспериментальных данных.

В результате расчетов выявлено, что количество вулканизирующего агента зависит от продолжительности вулканизации; распределение свободной серы в эластомерных покрытиях становится равномернее, постепенно уменьшаясь со временем, а количество связанной серы растет.

Таким образом, полученные соотношения (8) позволяют аналитически описать распределение вулканизирующего агента в эластомерном покрытии при предварительном прогреве. Полученную математическую модель массопереноса вулканизирующего агента в гуммированных покрытиях можно использовать для разработки рациональных тепловых режимов их термообработки.

Затем рассмотрим процесс массопереноса в эластомерных покрытиях при вулканизации резинометаллических объектов. Так как в резинометалличе-

ском изделии процесс массопереноса вулканизирующего агента происходит только в эластомерном слое, то соответственно рассмотрим однослойную пластину при отсутствии потока вещества с левой поверхности (стенка металла).

Процесс массопереноса вулканизирующего агента в эластомерной обкладке резинометаллического полотна при термообработке описывается дифференциальным уравнением (9) с начальным условием (10), как и в предыдущем случае, но с несимметричными граничными условиями (11)–(12):

$$\frac{\partial C_S}{\partial \tau} = D \frac{\partial^2 C_S}{\partial x^2}, \tau > 0, 0 < x < \delta; \quad (9)$$

$$C_S(x, \tau) = \text{const} = C_0 \text{ при } \tau = 0; \quad (10)$$

$$\frac{\partial C_S(0, \tau)}{\partial x} = 0; \quad (11)$$

$$\frac{\partial C_S(\delta, \tau)}{\partial x} = -h[C_S(\delta, \tau) - C_p]. \quad (12)$$

Решение краевой задачи (9)–(12) имеет вид

$$C(x, \tau) = \frac{2}{\delta} \sum_{n=1}^{\infty} \frac{\mu_n^2 + h^2 \delta^2}{(\mu_n^2 + h^2 \delta^2) + h\delta} \cos\left(\frac{\mu_n x}{\delta}\right) \times \\ \times \left[C_0 \frac{\mu_n}{\delta} \sin(\mu_n) \cdot \exp\left(-\frac{D\mu_n^2}{\delta^2} \tau\right) - \right. \\ \left. - \frac{C_p \delta^2}{\mu_n^2} \cdot \left(1 - \exp\left(-\frac{D\mu_n^2}{\delta^2} \tau\right)\right) + \right. \\ \left. + \frac{(-1)^{n+1} C_p h^2 \delta^2}{\sqrt{\mu_n^2 + h^2 \delta^2}} \right], \quad (13)$$

где $\mu_n > 0$ – корни уравнения $\text{ctg } \mu = \mu / (h\delta)$.

Решение приведенной краевой задачи со смешанными граничными условиями получено с помощью метода конечных интегральных преобразований с улучшенной сходимостью рядов. На основе решения (13) построены графики распределения концентрации вулканизирующего агента в покрытиях марок 1976 (СКБ), 4476 (СКБ), ИРП-1025 (наирит), 1814 (СКБ), 1751 (СКБ), ИРП-1213 (НК), ИРП-1214 (НК) и других с помощью пакета программ MathCAD. В качестве примера на рис. 2 приведены концентрационные профили в резинометаллических изделиях с эластомерными покрытиями марки 1752 (НК+СКБ), которые сравнены с экспериментальными данными. Отклонение аналитических расчетов от опытных данных составило 3–5 %.

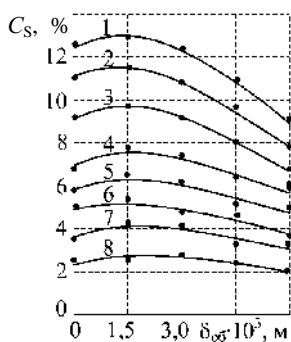

Рис. 2. Кривые распределения концентрации свободной серы в эбонитовом покрытии марки 1752 (НК + СКБ) при $\delta_{об} = 6,0$ мм, $T_c = 418$ К, $T_0 = 293$ К, $\alpha = 200$ Вт/(м² · К), $D = 1,27 \cdot 10^{-7}$ м²/с; время прогрева: 1 – 30 с; 2 – 120 с; 3 – 300 с; 4 – 600 с; 5 – 1200 с; 6 – 1800 с; 7 – 2400 с; 8 – 3600 с; — — расчетные данные; • — экспериментальные данные

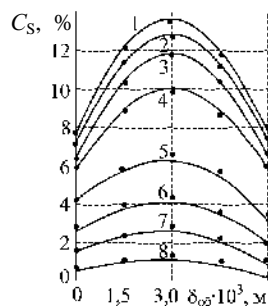

Рис. 3. Кривые распределения концентрации свободной серы в резинометаллическом изделии с покрытием 1752 (НК + СКБ) при вулканизации с предварительной термообработкой, $\delta_{об} = 6,0$ мм, $\delta_{ст} = 2,0$ мм, $T_c = 418$ К, $T_0 = 293$ К, $\alpha = 200$ Вт/(м² · К), $D = 1,27 \cdot 10^{-7}$ м²/с; $\beta = 2,23 \cdot 10^{-4}$ м/с; время прогрева: 1 – 30 с; 2 – 120 с; 3 – 300 с; 4 – 600 с; 5 – 1200 с; 6 – 1800 с; 7 – 2400 с; 8 – 3600 с; — — расчетные данные; • — результаты эксперимента

Отличие результатов расчетов от экспериментальных данных наблюдалось при малых значениях чисел Фурье, которые соответствуют коротким режимам термообработки, мало используемым в промышленности.

На рис. 3 представлены результаты расчетов содержания и распределения свободной серы по толщине покрытия при вулканизации с предварительной термообработкой. Очевидно, что предварительный нагрев гуммировочных покрытий позволит не только сократить продолжительность вулканизации, но и обеспечить равномерную степень вулканизации покрытий, что улучшит качество резинометаллических изделий.

В результате расчетов выявлено, что количество вулканизирующего агента зависит от продолжительности вулканизации; распределение свободной серы в эластомерных покрытиях становится равномернее, постепенно уменьшаясь со временем, а количество связанной серы растет.

Таким образом, соотношения (13) позволяют аналитически описать распределение вулканизирующего агента в эластомерном покрытии. Полученную математическую модель массопереноса вулканизирующего агента в резинометаллическом гуммированном объекте целесообразно использовать для разработки рациональных тепловых режимов термообработки.

УДК 621.181

Н.Н. Сеницын, Ю.А. Калягин, В.А. Кушков, А.К. Кудрявцева

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОГРЕВА ВЫСОКОВЛАЖНОЙ КОРЫ

В статье рассмотрена математическая модель прогрева коры ели с учетом выхода влаги и летучих веществ, представлены результаты проведения экспериментов и расчетов по прогреву коры ели с учетом выхода влаги и летучих веществ.

Математическая модель, экспериментальная установка, высоковлажная кора ели, прогрев, выход влаги, выход летучих веществ.

Литература

1. Лукомская, А.И. Тепловые основы вулканизации резиновых изделий / А.И. Лукомская, П.Ф. Баденков, Л.М. Кеперша. – М., 1984.
2. Осипов, Ю.Р. Термообработка и работоспособность покрытий гуммированных объектов / Ю.Р. Осипов. – М., 1995.
3. Осипов, Ю.Р. Математическое моделирование процесса массопереноса вулканизирующего агента при вулканизации гуммировочного многослойного покрытия / Ю.Р. Осипов, С.Ю. Осипов, О.А. Панфилова // Конструкции из композиционных материалов. – М., 2007. – Вып. 4. – С. 37–47.
4. Панфилова, О.А. Исследование теплопереноса при вулканизации покрытий гуммированных объектов в конвективных аппаратах: дис. ... канд. техн. наук / О.А. Панфилова / Вологодский гос. техн. ун-т. – Череповец, 2009.
5. Панфилова, О.А. Исследование массопереноса в процессе конвективной термообработки гуммировочного покрытия / О.А. Панфилова, Ю.Р. Осипов, С.Ю. Осипов // Вестник ЧГУ. – 2008. – № 4. – С. 132–138.
6. Райченко, А.И. Математическая теория диффузии в приложениях / А.И. Райченко. – Киев, 1981.

The article considers the mathematical model of warming up the bark of the fir tree considering the output of moisture and flying substances. The results of conducting the experiments and calculation on warming up the bark of the fir tree considering the output of moisture and flying substances are presented.

Mathematical model, an experimental installation, high-moisture bark of the fir tree, warming up, output of moisture, output of flying substances.

Перестройка экономики страны предусматривает проведение целенаправленной энергосберегательной политики. Экологическая политика в сфере энергообеспечения предусматривает вовлечение в топливно-энергетический баланс возобновляемых источников энергии и отходов производства в целях уменьшения негативного влияния энергетической деятельности на окружающую среду и сохранения потенциала невозобновляемых энергоресурсов для будущих поколений. В настоящее время использование биотоплив в электроэнергетике занимает менее 2 % и не может решить проблемы защиты окружающей среды от выбросов вредных веществ в масштабах всей страны. Однако применение биотоплив там, где это возможно (вместо невозобновляемых первичных энергоресурсов) является обязательным элементом совершенствования энергохозяйств промышленных предприятий. Одним из направлений снижения выбросов вредных веществ в атмосферу установками топливно-энергетического комплекса следует считать замену невозобновляемых видов топлив на возобновляемые. К биологическому топливу относится древесина и отходы ее обработки и переработки – кора. При сжигании биотоплив резко снижаются выбросы оксидов серы, азота, летучей золы.

Для энергетических целей целесообразно использовать отходы, образующиеся при обработке и переработке древесины, не находящие другого применения (например, кора).

При использовании высоковлажной коры в качестве топлива, без добавок высококалорийного топлива, возникают проблемы при обеспечении устойчивого горения в топках котлов. Поэтому возникает задача совершенствования технологии сжигания высоковлажной коры деревьев в топках котлов. Для выбора оптимальной технологической схемы энергетического использования коры деревьев необходимо выполнить исследование его теплотехнических и гранулометрических характеристик.

Процесс горения твердого натурального топлива представляет собой комплекс сложных физико-химических явлений, из которых основными являются теплообмен частиц топлива с окружающей средой, выход влаги, выход и горение летучих веществ, горение коксового остатка. При этом надо учитывать внешние условия процесса, связанные с конкретной конструкцией промышленной установки или способа сжигания.

Для постановки задачи о прогреве частицы твердого натурального топлива необходима определенная схематизация процесса [1], [2]. Расчетная схема процесса прогрева куска коры в экспериментальной установке представлена в [1] (рис. 1).

Рассмотрим нагрев плоского тела в среде с постоянной температурой. В начальный момент времени ($\tau = 0$) все точки пластины имеют одинаковую тем-

пературу T_0 . Влажность пластины имеет значение W_i^r . Температура T_0 меньше температуры испарения влаги $T_{исп} = 100$ °С. Коэффициент теплопроводности и теплоемкость зависят от температуры.

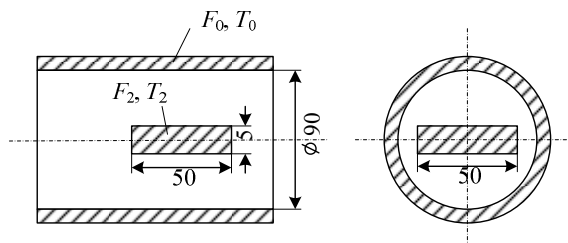

Рис. 1. Схема к расчету прогрева плоского тела: F_0 – площадь поверхности цилиндра; F_2 – площадь поверхности пластины; T_0, T_2 – температура поверхностей цилиндра и пластины

Математически задачу можно сформулировать так:

$$c_1 \rho_1 \frac{\partial T_1(x, \tau)}{\partial \tau} = \frac{\partial}{\partial x} \left(\lambda_1 \frac{\partial T_1(x, \tau)}{\partial x} \right), \quad \tau > 0, \quad 0 \leq x \leq \eta; \quad (1)$$

$$c_2 \rho_2 \frac{\partial T_2(x, \tau)}{\partial \tau} = \frac{\partial}{\partial x} \left(\lambda_2 \frac{\partial T_2(x, \tau)}{\partial x} \right), \quad \tau > 0, \quad \eta \leq x \leq \delta; \quad (2)$$

$$\lambda_1 \frac{\partial T_1(\eta, T)}{\partial x} = \lambda_2 \frac{\partial T_2(\eta, T)}{\partial x} - W_i^r \rho_1 r_n \frac{d\eta}{d\tau}; \quad (3)$$

$$\frac{dV}{d\tau} = k_0 \exp \left[-\frac{E}{RT_2(x, \tau)} \right] (1-V); \quad (4)$$

$$\frac{dm}{d\tau} = \frac{dW}{d\tau} + \frac{dV}{d\tau}. \quad (5)$$

Начальные условия:

$$T_1(x, 0) = T_2(x, 0) = T_0; \quad \eta = \delta_0.$$

Граничные условия:

$$T_1(\eta, \tau) = T_2(\eta, \tau) = T_{исп} = \text{const};$$

$$\left. \frac{\partial T_1(x, \tau)}{\partial x} \right|_{x=0} = 0 - \text{условие симметрии.}$$

$$Q'_{нов} = \epsilon_{np} 5,67 \left[\left(\frac{T_0}{100} \right)^4 - \left(\frac{T_2(\delta_0, \tau)}{100} \right)^4 \right] F_2. \quad (6)$$

Здесь $T_1(x, \tau)$ – текущая температура до фронта испарения влаги; $T_2(x, \tau)$ – текущая температура пос-

ле фронта испарения влаги; x – текущая координата; $c_1, \rho_1, \lambda_1, c_2, \rho_2, \lambda_2$ – коэффициенты (теплоемкости, плотности, теплопроводности) влажного и сухого материала; V – доля летучих веществ в прогреваемом материале; r_n – теплота испарения; τ – время; E – энергия активации; $Q'_{\text{пов}}$ – тепловой поток на поверхности пластины; $\varepsilon_{\text{пр}}$ – приведенный коэффициент излучения системы тел (цилиндра и пластины); F_0, F_2 – площади поверхности цилиндра и пластины; m – масса пластины; δ_0 – полутолщина пластины; $Q''_{\text{пов}}$ – тепловой поток на поверхности пластины за счет конвекции; W_i^r – влажность материала на рабочую массу.

Для расчета теплоотдачи от горизонтальной пластины (теплоотдающая поверхность обращена вниз) применяется следующая формула [3]:

$$\overline{Nu} = 0,48 \cdot Gr_l^{1/4},$$

где $Gr_l = \frac{g \cdot l^3}{\gamma^2} \cdot \frac{T_2(\delta_0, \tau) - T_{\text{ж}}}{T_{\text{ж}}}$; $\overline{Nu} = \frac{\overline{\alpha} l}{\lambda}$ – среднее

число Нуссельта; l – длина пластины; $g = 9,81 \text{ м/с}^2$ – ускорение свободного падения; γ – коэффициент кинематической вязкости газа; $\overline{\alpha}$ – средний коэффициент теплопроводности; $T_{\text{ж}}$ – температура среды; λ – коэффициент теплопроводности газа.

В том случае, когда нагретая (теплоотдающая) поверхность обращена вверх, применяется формула

$$\overline{Nu} = 0,54 \cdot Ra^{1/4},$$

справедливая для квадратных пластин при $10^5 < Ra < 2 \cdot 10^7$ (здесь $Ra = Gr_l \cdot Pr$ – число Рейля, построенное по определяющему размеру l ; Pr – число Прандтля).

В формулах (1)–(6) физические свойства среды отнесены к температуре $0,5(T_2(\delta_0, \tau) + T_{\text{ж}})$.

Тепловой поток на поверхности за счет естественной конвекции определяется по формуле

$$Q''_{\text{пов}} = \overline{\alpha}_{\text{ср}} (T_{\text{ж}} - T_2(\delta_0, \tau)) F_2, \quad (7)$$

где $\overline{\alpha}_{\text{ср}}$ – среднее значение коэффициента теплоотдачи конвекцией.

Суммарный тепловой поток на поверхности пластины равен

$$Q_{\text{пов}} = Q'_{\text{пов}} + Q''_{\text{пов}}. \quad (8)$$

Здесь $Q''_{\text{пов}}$ – тепловой поток на поверхности пластины за счет конвекции.

В системе уравнений (1)–(6) два уравнения описывают прогрев влажной пластины до и после фронта испарения влаги. Третье уравнение определяет положение фронта испарения влаги. Четвертое уравнение определяет выход летучих веществ.

Плотность материала V_i объема рассчитывается

по формуле

$$\rho_i = \rho_0 \left(1 - X_{i+1}^{T+\Delta T} \frac{W^p}{100} - \xi_i^{\Sigma} \frac{\gamma_{\text{лет}}^p}{100} \right),$$

где ρ_i измеряется в кг/м^3 ; ρ_0 – начальная плотность материала, кг/м^3 ; $X_{i+1}^{T+\Delta T}$ – доля испаренной влаги в i -м узле за время ΔT ; W^p – влажность на рабочую массу, %; ξ_i^{Σ} – суммарный относительный выход летучих из объема V_i за время ΔT ; $\gamma_{\text{лет}}^p$ – выход летучих на рабочую массу, %.

Масса материала в момент времени τ рассчитывается по формуле

$$m^{\tau} = \frac{V_m}{\delta_0} \int_0^{\delta_0} \rho(x) dx,$$

где V_m – объем материала, м^3 .

Решение системы (1)–(8) дает возможность получить измерение массы пластины во времени и изменение температуры по сечению пластины. Предложенная схема учитывает возникновение градиента температур по сечению с учетом изменения массы во время прогрева, сушки и выхода летучих веществ.

Задача прогрева пластины при $Bi < 0,1$ формулируется так: пластина полутолщиной δ_0 и температурой T_2 подается в реакционную камеру с температурой $T_0 > T_2$. Прогрев, испарение влаги и прогрев коры происходит за счет теплоты, полученной от газа и раскаленной стенки. Уравнение теплового баланса для пластины в реакционной камере записывается так:

$$m c \frac{dT_2}{d\tau} = \left\{ \overline{\alpha} [T_0 - T_2] + \varepsilon_{\text{пр}} C_0 \left[\left(\frac{T_0}{100} \right)^4 - \left(\frac{T_2}{100} \right)^4 \right] \right\} F_2,$$

где m и c – масса и удельная теплоемкость пластины.

Изменение массы за счет испарения влаги определяется по формуле

$$\frac{dm}{d\tau} = \frac{Q_{\text{пов}}}{r_{\text{исп}} + c_{\text{рп}} (T_0 - T_2)},$$

где $r_{\text{исп}}$ – теплота парообразования; $c_{\text{рп}}$ – удельная теплоемкость пара; $Q_{\text{пов}}$ – тепловой поток на поверхности пластины.

Решение системы дифференциальных уравнений дает возможность получить изменение массы частицы во времени и изменение температуры по сечению тела. Адаптация результатов расчета системы уравнений и экспериментальных данных по изменению массы позволяют рассчитывать время прогрева материала и изменение массы во времени. Результат зависит от конкретных внешних и внутренних условий теплообмена частиц коры. Поэтому на установке, представленной в [1], произведен мониторинг массы пластины из высоковлажной коры при ее

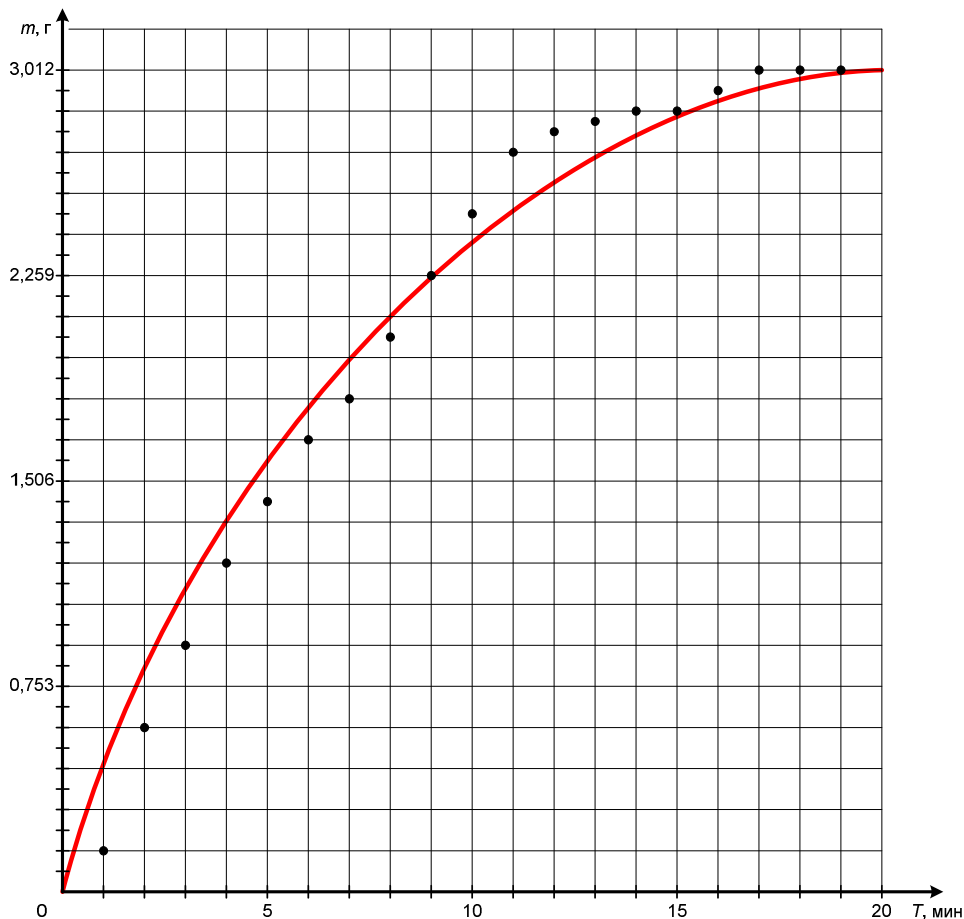

Рис. 2. Изменение массы образца во времени за счет выхода влаги и летучих веществ:

• – экспериментальное значение; — расчетные значения

нагревании. Пластина коры ели необходимых размеров закреплена на конце длинного плеча разноплечих рычажных весов и уравнивается перемещаемым грузиком на коротком плече весов. После уравнивания весы перемещаются по столу так, что пластина коры оказывается в середине нагреваемого объема электронагревательного устройства.

Относительная погрешность измерений находится в пределах $10^{-4} - 10^{-3}$, что соответствует техническому взвешиванию повышенной точности.

Результаты прогрева пластины из коры ели представлены на рис. 2.

Образцы коры ели размерами $50 \times 50 \times 5$ мм помещались на лоток длинного плеча весов и вдвигались в рабочее пространство электропечи СУОЛ-0,44/12-М2-У42 с температурой 300°C в момент времени $t = 0$ мин на оси абсцисс (см. рис. 1). С этого момента производилось отслеживание изменения массы коры. Через 5 мин появился дым, т.е. начался процесс интенсивного выхода летучих. На 11-й минуте выход дыма прекратился. После выделения дыма начинается процесс горения образца. После 17 мин нагрева изменения массы не происходило.

Технические параметры образца коры:

– рабочая влажность $W^p = 55,53\%$ после выдержки в течение 2 ч в сушильном шкафу при $T = (105 \div 110)^\circ\text{C}$;

– летучие фракции $89,56\%$ после выдержки в течение 7 мин при температуре 850°C ;

– зольность $A^p = 1,25\%$ после выдержки в течение 2 ч при температуре 800°C .

Полученные данные позволяют оценить время прогрева образца из коры ели с учетом выхода влаги и летучих в различных системах подготовки топлива перед сжиганием в топках котлов.

Литература

1. Синецкин, Н.Н. Методика расчета прогрева высоковлажной коры древесины / Н.Н. Синецкин, В.А. Кушков, А.Н. Нохрин, А.К. Кудрявцева // Вестник ЧГУ. – 2010. – № 2. – С. 94–98.
2. Синецкин, Н.Н. Теплофизические процессы при движении одиночных частиц в газовом потоке / Н.Н. Синецкин. – Череповец, 2001.
3. Теория тепломассообмена: учеб. для вузов / С.И. Исаяев, И.А. Кожин, В.И. Кофанов и др.; под ред. А.И. Леонтьева. – М., 1979.

МОДЕЛЬ СОВОКУПНОГО ОРГАНИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО МЕТОДА РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩ

В основу формирования совокупного организационного механизма реконструкции жилищ и жилищных фондов положена разработка целевой функции программно-целевого метода управления реконструкцией жилищ на базе совокупности организационной, строительной, технологической, информационной, финансовой, экономической, ресурсного обеспечения систем и подсистем. Предложена модель реконструируемых элементов строительной системы здания.

Модель, совокупный организационный механизм, метод управления реконструкцией жилищ, экономический эффект, элементы строительной системы здания.

The development of target function of program-target method of management of reconstruction of dwellings is taken as a principle of formation of the cumulative organizational mechanism of reconstruction of dwellings and available housings on the basis of the set of organizational, building, technological, information, financial, economic, resource maintenance of systems and subsystems. The model of reconstructed elements of the construction of the building is offered.

Model, the cumulative organizational mechanism, the method of management of reconstruction of dwellings, economic benefit, the elements of construction of the building.

Совокупный организационный механизм – это вид человеческой деятельности и обмен деятельностью по организации качественного и количественного соединения, сопряжения, сочленения взаимосвязанных и взаимодействующих элементов и компонентов, объединенных в организационную систему, расчлененных и разъединенных по вертикальному и горизонтальному разделению общественного труда, элементов и компонентов производительных сил и производственных отношений, различных по формам собственности и видам деятельности предприятий, организаций и подразделений, охваченных определенными организационными связями и отношениями и решающих задачи по достижению цели.

Организационные связи и отношения, охватывающие все элементы и компоненты системы, играют ведущую роль передаточного звена необходимой для развития системы информации по увязке совместной деятельности людей и обмену деятельностью, инструмента по формированию единого совокупного механизма.

Организационные связи и отношения отражаются в различных механизмах и их сочетаниях: технологических, технических, строительных, финансовых, инвестиционных, экономических, социальных и других системах и подсистемах, входящих в организационную систему и образующих совокупный организационный механизм.

Формирование совокупного организационного механизма как упорядоченной, организованной, спланированной и спроектированной системы элементов и компонентов связано с воздействием (временным и пространственным) факторов и сил развития окружающей, внешней и внутренней сред на эти элементы и компоненты. Сигналы-команды, которые несут в себе факторы окружающей, внешней и внут-

ренней сред, создают импульсы формирования различных механизмов-импульсов в составе систем и подсистем совокупного механизма. От соотношения сигналов, факторов и сил развития и возмущающих это развитие факторов и сил сопротивления зависит устойчивость, организованность и надежность всего совокупного организационного механизма.

Сущность совокупного организационного механизма проявляется в различных формах структурных единиц управления процессами и операциями, в формах организации труда и производства, которые «вплетаются» в сеть организационной системы при использовании определенных методов, средств, приемов организационной деятельности человека.

В основу формирования совокупного организационного механизма реконструкцией жилищ и жилищных фондов положена разработка целевой функции программно-целевого метода управления реконструкцией жилищ на базе совокупности организационной, строительной, технологической, информационной, финансовой, экономической, ресурсного обеспечения систем и подсистем [2, с. 6–40].

Все элементы и компоненты строительной системы жилого здания, организованные в определенных пространственных и планировочных формах жилища, имеют разное технико-физическое содержание строительных материалов, изделий и конструкций, различные нормативные сроки службы, старения, морального и физического износа в различных типах и сериях жилых домов, подлежащих реконструкции.

На элементы и компоненты строительной системы жилого здания в процессе его содержания и эксплуатации воздействуют многочисленные возмущающие факторы и силы сопротивления, препятствующие нормативному состоянию элементов и компонентов, ускоряющие развитие процессов старения,

морального и физического износа и требующие периодического их восстановления посредством текущих, предупредительных и основных ремонтов.

Определенный порядок возведения и расположения конструктивных элементов, компонентов и частей жилого здания связан с взаимодействием, соединением, сопряжением, сочленением несущих (несмежных и смежных) и ненесущих (смежных) конструктивных элементов, которые можно объединить в группы:

- по функциональному назначению;
- по нормативным срокам службы;
- по физико-техническим свойствам и структуре строительных материалов, из которых они изготовлены;
- по группам капитальности;
- по ремонтпригодности;
- по прочности, устойчивости, безопасности;
- по степени развития морального и физического износа конструктивных элементов на этапах жизненного цикла здания;
- по содержанию жилого дома в установленном порядке;
- по эксплуатационным характеристикам и потребительским свойствам;
- по качеству узлов и стыков соединения, сочленения, сопряжения конструктивных элементов и других признаков.

Эти признаки воздействуют на поведение всей строительной и, следовательно, организационной

системы, на определение сроков проведения ремонтно-строительных работ, на выбор видов и способов реконструкции, объемов финансовых, инвестиционных и других ресурсов на этапах жизненного цикла здания.

В нашем представлении жизненный цикл здания (в зависимости от капитальности, типа, серии жилого дома) состоит из 10 этапов (см. таблицу).

При ветхом и аварийном состоянии жилого здания производятся его снос или вторичная застройка (реконструкция) ширококорпусными либо новыми зданиями.

Моральный износ здания может начаться с появления проектов новых зданий того же типа и серии, т.е. с момента начала возведения уже начатого здания и сдачи его в эксплуатацию.

Применение тех или иных строительных материалов, конструкций, конструктивных элементов и изделий корреспондируется с выбором вида и способа реконструкции на определенном этапе жизненного цикла, соответствующего средневзвешенному физическому износу жилого здания и целевой функции реконструкции. Целевая функция реконструкции жилого здания реализуется при программно-целевом методе, связывающем функциональный, программный и целевой блоки с обеспечивающими подсистемами (финансовой, инвестиционной, ресурсной, производства работ) в совокупный организационный механизм реконструкции жилищ и жилищных фондов.

Этапы жизненного цикла здания

1-й этап	2-й этап	3-й этап	4-й этап	5-й этап***	6-й этап****	7-й этап*****	8-й этап*****	9-й этап	10-й этап
Предпроектный и проектный: нормативные сроки проектирования типов и серий жилого здания	Строительство: нормативные сроки строительства	Сдача жилого дома в эксплуатацию	Заселение Дома жильцами*	Адаптация жилого дома к среде возведения, устранение выявленных повреждений и дефектов (срок 20 лет – хорошее состояние)	Нормативного срока старения и физического износа. Удовлетворительное состояние – 30–40 лет	Интенсивное развитие физического износа. Переход из удовлетворительного состояния в неудовлетворительное (40–60 лет)	Плохое, ветхое состояние (60–70 лет)	Аварийное состояние. (70–90 лет – срок жилого дома)	Вторичная застройка территории на месте сноса
Нормативный срок службы жилого здания**									
Развитие физического износа жилого здания: – эксплуатационный срок службы жилого дома; – экономический срок службы жилого дома; – моральный износ									
Жизненный цикл здания									

* Дом, который не заселен, не является жилым домом.

** Нормативный (технический) срок службы жилого дома всегда сокращается под воздействием неудовлетворительной человеческой деятельности по содержанию и эксплуатации, под воздействием техногенных явлений и резких изменений природно-климатических условий, интенсивного развития физического износа, несвоевременного проведения косметических, текущих, предупредительных, капитальных ремонтов и реконструкции. При устранении этих факторов и при проведении комплексной, коренной реконструкции, установленный нормативный (технический) срок службы здания может быть превышен (продлен жизненный цикл здания).

*** Проведение санации, модернизации.

**** Проведение основного капитального ремонта и модернизации.

***** Проведение коренной реконструкции.

В качестве примера взят пятиэтажный крупнопанельный жилой дом с нормативным (техническим) сроком службы 125 лет.

***** Проведение комплексной, коренной реконструкции жилого здания.

Строительной системе реконструкции жилищ и жилищных фондов присущ гомеостазис – способность сохранять свои существенные характеристики в определенных допустимых границах средневзвешенного физического износа конструктивных элементов – до ветхого и аварийного состояния. Гомеостатическое состояние и изменение значений параметров (количественных и качественных) жилого здания поддерживается разработкой и реализацией программно-целевого метода управления реконструкцией на этапах жизненного цикла здания при переходах его технического состояния из хорошего в удовлетворительное, из удовлетворительного в плохое, из плохого в ветхое, из ветхого в аварийное.

Методология подхода к реконструкции жилищ и жилищных фондов позволяет выделить в целевой функции систему целей и подцелей, которые образуют дерево-систему целей и подцелей, соответствующую избранным видам и способам реконструкции элементов и компонентов строительной системы здания в иерархии уровней (рис. 1).

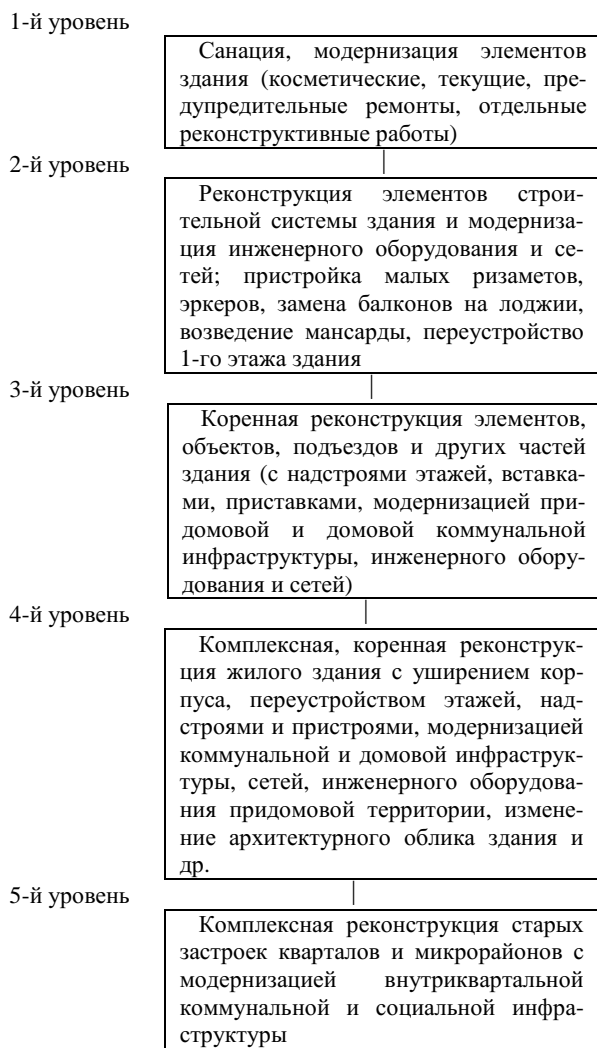

Рис. 1

Формальная структура дерева-системы и дерева работ, при допустимых состояниях элементов организационной и строительной системы и множестве

возможных действий при принятии решений по реализации мероприятий целевой программы, может быть построена на основе теории графов:

$$G = [(x_i^j), (P_{n,m}^j)],$$

где (x_i^j) – множество i -х вершин (целей и подцелей) j -го уровня; P – множество взаимосвязанных ребер, соединяющихся в n -ю вершину j -го уровня с m -й вершиной $(j + 1)$ -го уровня соответствующим образом организованных элементов, связанных с подцелями.

Тогда модель реконструируемых элементов строительной системы здания строится при использовании критериев: C_p – совокупность элементов строительной системы жилого здания; $G_{n,m}^j$ – организационная структура множества элементов строительной системы, объединенных вершиной целей n и соответствующим образом организованных элементов, связанных с подцелями m на различных уровнях реконструкции объектов j ; $P_{n,m}^j$ – ребра соединений, сопряжений, сочленений элементов (углов, стыков и т.п.), связанных с целями и подцелями достижения вершин n и m .

То есть

$$P_{n,m}^j = H[f_w(\varepsilon)],$$

где ε – элементы системы, их соединений, сочленений (ребер); f_w – функции-множества (w) элементов системы нормативного значения, связанных целями и подцелями целевой функции F^j ; H – нормативное значение критериев множества элементов строительной системы жилого здания, имеющих функциональное назначение ($f_w \varepsilon$); F^j – целевая функция реконструкции жилища.

$[E_1 \dots E_5]$ – иерархические уровни реконструкции объектов.

То есть

$$[E_1 = (f_w \varepsilon) H \dots E_5 = (f_w \varepsilon) H].$$

Совокупность элементов строительной системы (C_p), подлежащих реконструкции жилых зданий, может быть представлена моделью:

$$C_p = \left\{ \begin{array}{l} F_i \text{ как множества } (f_w \varepsilon) H \text{ реконструкции} \\ \text{объектов иерархического уровня } [E_1 \dots E_5]; \\ G_{n,m} = F_{ji} (f_w \varepsilon) H (E_1 \dots E_5) (P_{jn,m} (f_w \varepsilon) H (E_1 \dots E_5)); \\ P_{jn,m} = H (f_w \varepsilon) \text{ как множества соединений,} \\ \text{сопряжений, сочленений узлов, стыков и т.п.} \end{array} \right.$$

Оценка достигнутого результата реконструкции рассчитывается по формуле

$$Q = \sum_{i=1}^n C'_p / \sum_{i=1}^n K,$$

где C'_p – сумма затрат на реконструкцию элементов C_p строительной системы при достижении целевой функции F^j ; K – сумма весовых коэффициентов из-

бранных показателей реконструкции; n – значение каждого показателя.

При формировании целевой программы рассчитываются:

– удельная трудоемкость Y_T работ – отношение суммарных затрат труда Q на реконструкцию объектов, элементов и здания в целом к общему объему работ V , выраженное в соответствующих показателях (на 1 м^2 жилой площади или 1 м^3 объема здания, 1 км длины линейного протяжения коммуникаций, сетей и др.):

$$Y_T = \Sigma Q / \Sigma V;$$

– среднедушевая выработка n – отношение сметной стоимости S реконструктивных работ на здании к общей трудоемкости Q :

$$n = S/Q;$$

– уровень механизации работ M – отношение объема работ, выполняемых механизированным способом V_M в натуральном выражении к общему объему данного вида работ $V_{\text{общ}}$:

$$M = (V_M / V_{\text{общ}}) \cdot 100 \%;$$

– равномерность λ движения рабочих отдельных профессий, характеризуемая средним и максимальным количеством рабочих:

$$\lambda = P_{\text{max}} / P_{\text{cp}} \leq 1,5 - 2,0;$$

– экономическое обоснование разработки проекта организации строительства (ПОС) и проекта производства работ (ППР) осуществляется сопоставлением приведенных затрат:

$$C_i + E_n \cdot K_i \rightarrow \min,$$

где C_i – себестоимость реконструктивных работ по i -му варианту, виду и способу реконструкции, тыс. р.; K_i – капитальные вложения в фонды и оборотные средства ремонтно-строительных и монтажных организаций по i -му варианту, виду и способу реконструкции, тыс. р.; E_n – нормативный коэффициент капитальных вложений в строительство.

Сравнительные варианты, виды и способы проектных решений должны быть приведены в сопоставимый вид с учетом продолжительности работ.

Снижение условно-постоянных накладных расходов, зависящих от продолжительности работ, определяется по формуле

$$\Delta = H_0(1 - T_2 / T_1),$$

где Δ – эффект от сокращения условно-постоянных расходов, тыс. р.; H_0 – условно-постоянные расходы в составе себестоимости работ; T_1 – продолжительность работ по нормативу; T_2 – продолжительность работ по принятому варианту, виду и способу реконструкции.

При укрупненных расчетах принимается доля условно-постоянных накладных расходов в размере 50 % от суммы H :

$H_0 = 0,5 H$ – для генподрядных ремонтно-строительных организаций;

$H_0 = 0,3 H$ – для субподрядных организаций;

H – полные накладные расходы.

Экономический эффект от досрочного окончания реконструктивных работ определяется по формуле

$$\Delta_b = E_n \Phi (T_1 - T_2),$$

где Δ_b измеряется в тыс. р.; Φ – стоимость жилищных фондов, досрочно введенных в действие.

Соединение, сопряжение, сочленение старых и новых конструкций, конструктивных элементов и изделий в строительной системе здания происходят при формировании дерева-работ – организации строительных, технологических и монтажных процессов.

Изменение поведения элементов строительной системы здания происходит под воздействием различных возмущающих факторов (повреждений, дефектов, деформаций при старении и износе элементов, техногенных явлений и т.п.). Данное изменение восстанавливается при проведении ремонтно-реконструктивных работ. Для этого разрабатываются механизмы-импульсы, дающие толчок к производству тех или иных ремонтов (текущих, предупредительных, основных), видов и способов реконструкции в зависимости от степени повреждений и износа. На этапах жизненного цикла здания характер таких механизмов можно выявить лишь на основе обследования элементов системы, исследования условий содержания и эксплуатации жилого здания, при логических построениях, разработке целей, моделей и при расчетах.

При подходе к формированию механизмов-импульсов, реагирующих на утрату зданием своих свойств и характеристик и определяющих варианты, виды и способы его восстановления, необходимо учитывать расхождения между реальным действием механизмов-импульсов и возможностями производства реконструктивных работ, которые вытекают из теории «механизмов» и их функционирования в статике и динамике. При простом производстве работ по восстановлению элементов строительной системы здания механизмы-импульсы можно назвать закрытыми, или замкнутыми, поскольку они лишь воспроизводят (восстанавливают) прежние элементы, а при расширенном производстве работ (с пристроями, вставками, надстройками и т.п.) – открытыми. Такое деление связано с формированием организационной системы реконструкции жилищ, т.е. со способами привлечения финансовых, инвестиционных и прочих ресурсов. При переустройстве, перепланировке, строительстве надстроев, пристроев и вставок в замкнутых механизмах работы обеспечиваются остаточной и восстановительной стоимостью здания. В открытых механизмах это происходит на основе софинансирования из бюджетов различного уровня, из средств собственников жилья, из фондов и т.д., при консолидации инвестиций в исполнительных орга-

нах, при распределении поставок строительных материалов, конструкций, изделий, полуфабрикатов по различным предприятиям и организациям и других ресурсов.

В реконструкции жилищ и жилищных фондов принимают участие предприятия и организации, имеющие различные организационные структуры, взаимосвязи которых между собой образуют сеть, деятельность которой базируется на взаимосвязанных и взаимодействующих элементах организационной системы. Сетизация означает преобразование в систему совокупности организаций и предприятий – субъектов реконструкции и формирования связей и отношений этой сети с окружающей, внешней и внутренней средой на основе механизмов-импульсов.

Сеть формируется на основе:

- консенсуса;
- сохранения различий между партнерами при стремлении достижения общей цели (подцели) реализации программы;
- соблюдения собственных интересов и получения прибыли;
- участия в сверхъёмких потоках лентообразных событий (заказы, договора, права, ответственность, полномочия и т.п.);
- использования и применения информационно-коммуникативной технологии, определяющей топологию связи между различными партнерами сетевой организационной структуры.

Организационная сетевая структура формируется по уровням иерархии. При этом каждому уровню отводится свой балл, определяющий компетентность выбора партнера и уверенность в его эффективной деятельности в сети.

Коэффициент такой уверенности рассчитывается по формуле

$$\sum_{i=1}^n K_i = 1,$$

где K – коэффициент уверенности, баллы; $i = 1, \dots, n$.

При этом K_i может принимать значения: $0 \leq K_i \leq 1$.

Взаимоотношения и взаимодействия предприятий и организаций с различной организационной структурой строятся на основе формирования моделей и матриц: делегирования полномочий, прав и ответственности сверху вниз от исполнительного органа до подразделений сетевых предприятий и организаций; формирования функциональных моделей (проектных; матричных; адаптивных; механических; органических и других структур) по горизонтали и вертикали разделения труда в организационной системе в соответствии со структурой программно-целевого метода реконструкции.

Вид сетевой организации управления реконструкцией жилищ для городов РФ представлен на рис. 2.

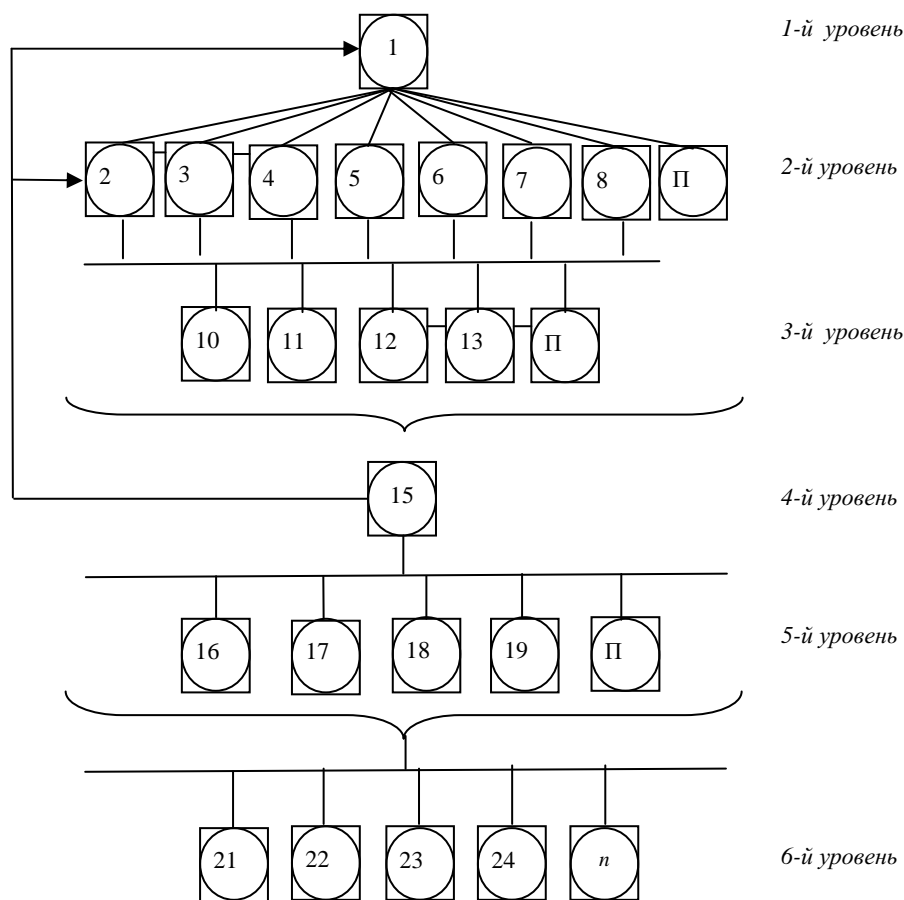

Рис. 2

1-й уровень управления – исполнительный орган администрации города, осуществляющий целевую функцию реконструкции, регулирующий и согласовывающий с администрацией области разработанную целевую подпрограмму «Реконструкция жилищ и жилищных фондов» в целевой программе «Жилище», а также подпрограммы «Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры», «Реновация объектов социальной инфраструктуры», входящие в целевую программу «Жилище».

2-й уровень управления – административные управления ЖКХ, управление капитальным строительством, главного архитектора, казначейства и финансов, под руководством которых идет разработка подпрограммы «Реконструкция жилищ и жилищных фондов» (2, 3, 4) с привлечением проектных, специализированных, генподрядных, субподрядных, монтажных организаций (5, 6, 7, 8, 9).

3-й уровень управления – собственники жилищ и жилищных фондов, управляющие компании – службы-заказчики, объединения собственников жилых фондов (ПСЖ, ТСД, ЖСК).

4-й уровень управления – системный администратор, в руках которого сосредотачивается вся необходимая информация о жилых зданиях, подлежащих реконструкции (15).

5-й уровень управления – формирование подцелей, целевых блоков, подсистем, разработка организационно-технических и социально-экономических мероприятий по реконструкции жилищ и жилищных фондов в организациях и на предприятиях – участниках целевой программы.

6-й уровень управления – структурные единицы, службы, отделы, подразделения, количество персонала на предприятиях и в организациях – участниках реконструкции.

Структура целевой программы и сетевой организации управления процессом реконструкции может быть описана при использовании в модели следующих критериев:

- C_{pi} – допустимое нормативное состояние элементов строительной системы жилых зданий;
- j – решающий элемент при принятии решения о разработке целевой программы;
- $\Phi_{cj} I_{cj}$ – допустимое состояние финансовой и инвестиционной системы;
- X_j – осуществление множества действий;
- P_{oj} – допустимое состояние системы ресурсного обеспечения реконструкции жилищ;
- $[(C_p), (\Phi_{cj} I_{cj}), (P_{oj})]$ – множество возможных действий по изменению состояний;
- U_p – множество состояний сетевой системы управления реконструкцией жилищ;
- U_{pj} – множество допустимых состояний организации сети и управления реконструкцией жилищ;
- Z_j – множество состояний окружающей и внешней среды;
- оператор регулирования и согласования принятых решений по разработке целевой программы (1, 15);

- F – момент принятия решения о разработке целевой программы реконструкции жилищ;

- Q_o – количество предприятий и организаций в сети, принимающих участие в разработке целевой программы реконструкции жилищ;

- $C_{сте}$ – количество структурных единиц (служб, отделов, подразделений) на предприятиях и в организациях, принимающих участие в разработке целевой программы;

- Q_n – численный состав персонала по нормативам H_n , задействованного в структурных единицах предприятий и организаций по разработке целевой программы;

- Q_k – число контактов различных взаимосвязанных предприятий и организаций – участников разработки целевой программы;

- V_j – множество возможных вариантов целевой программы;

- множество вводимых оператором (O) критериев, индикаторов, параметров и показателей при разработке целевой программы оценки состояния элементов – множество возможных вариантов П;

- C_Σ – множество возможных социально-экономических критериев целевой программы;

- R – конечный результат разработки целевой программы (предварительный).

Принятие решения о разработке целевой программы реконструкции жилищ, выборе множества действий X_j при множестве состояний окружающей и внешней среды Z_j основывается на информации о j -м решающем элементе (техническом состоянии элементов жилища), которая зафиксирована в момент времени t .

Условие $X_j, C_{pj}, Z_j \Phi_{cj} I_{cj}(t) = V^j(t)$, описывающее ситуацию принятия решения, трансформируется в $F_{j(V^j(t)Z_j X_j)} = V^j(t)$, отражающее преобразование выбранных действий при принятии решения при j -м решающем элементе и достижении результата ($V^j(t)$ – разработки целевой программы реконструкции в данный момент времени принятия решения).

Тогда ситуацию допустимых состояний элементов организационной структуры реконструкции жилищ можно описать следующей моделью: $V_j [(C_{pi}), (\Phi_{cj} I_{cj}), (P_{oj}), (X_j), (Z_j), (Y_{pj}), (Y'_p), (E_j), (R), (C_\Sigma), (F_j), (PO)]$.

Сетевая организационная структура управления реконструкцией жилищ и жилищных фондов может быть описана моделью [1, с. 44–47], [3, с. 6–8, 25–36, 46–49]:

$$(Y'_p) \begin{cases} Q_o = f(C_p); \\ C_{сте} = f(Q_o); \\ H_n = f(C_{сте}); \\ Q_k = f(Q_o; C_{сте}). \end{cases}$$

Затраты на результат C_Σ реализации целевой программы с учетом времени и затрат на реконструкцию можно описать с помощью дисконтированных затрат в соизмерении с результатом, относящимся к некоторому моменту времени T , и достижения сопоставимости разновременных затрат:

$$C_{\Sigma} = \sum C_i (1 + E_{н.п})^{T-t_i},$$

где C_i – затраты на реконструкцию объекта (жилого здания) в i -й год жизненного цикла здания; t_i – текущий период времени; $T_n \leq t_i \leq t_k$ (где T_n, t_k – время начала и окончания работ соответственно); $E_{н.п}$ – нормативный коэффициент приведения разновременных затрат.

Учет фактора времени с помощью приведенной формулы в ряде случаев позволяет исключить составляющую «время» из обобщенного оптимального критерия реконструкции здания, рассчитываемого по формуле

$$E = f[R \bar{p}(t), C \bar{p}(t), t] \rightarrow \text{extr},$$

где E – критерий оптимальности; R – результат, полученный от реконструкции зданий; C – затраты на достижение результата; \bar{p} – вектор параметров жилого здания, характеризующий его состояние после реконструкции; t – время реконструкции; f – некоторая форма связи между отдельными составляющими обобщенного критерия.

R – результат, полученный от реализации целевой программы реконструкции здания, может быть рассчитан одним из известных методов:

- методом актуализации;
- методом аннуитетов;

- методом оценки стоимости эффективности инвестиционного проекта;
- затратным методом;
- методом «сравнимые продажи»;
- доходным методом.

Таким образом, совокупный организационный механизм реконструкции жилищ и жилищных фондов разрабатывается на основе построения:

1. Модели организационной строительной системы жилого здания;
2. Модели структуры целевой программы реконструкции жилищ и жилищных фондов;
3. Модели организационной системы и структуры реконструкции жилищ и жилищных фондов;
4. Модели сетевой организации управления разработкой и модели достижения результата реконструкции жилищ и жилищных фондов.

Литература

1. *Иозайтис, В.С.* Экономико-математическое моделирование производственных систем: учеб. пособие для инженерно-экономических спец. вузов / В.С. Иозайтис, Ю.А. Львов. – М., 1991.
2. *Алоян, Р.М.* Совокупный механизм организационного строения реконструкции жилищ / Р.М. Алоян, Л.В. Гущин, В.П. Подживотов, А.А. Хохлов. – Иваново, 2007.
3. *Семенов, Г.В.* Лекции по экономической кибернетике: учеб. пособие / Г.В. Семенов. – Казань, 1990.

УДК 33

Д.В. Жуков

Научный руководитель: кандидат экономических наук, доцент М.А. Морозова

АКТУАЛЬНОСТЬ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОДВИЖЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ

В данной статье описывается необходимость своевременного продвижения инновационных туристских услуг в условиях высокой конкурентной среды, приводятся факторы, воздействующие на состояние компании на рынке, подчеркивается актуальность нововведений в туристский бизнес посредством диверсификации услуги и более глубокой интеграции ее на рынок.

Конкурирующая среда, инновации, туристическая услуга.

The article considers the necessity of timely promotion of innovative tourist services in conditions of competition. It presents the factors influencing the state of the company on the market, it underlines the urgency of innovations to tourist business through diversification of services and deeper integration to the market.

Competitive environment, innovations, tourist service.

Современность показывает, что необходимым условием экономического роста и повышения качества жизни любой страны является инновационная активность. Она зависит от множества факторов, основными из которых являются экономический и научно-технический потенциал государства, его инновационная политика и ресурсы, а также духовное состояние общества.

В частности, на уровне отдельного предприятия, инновационная активность зависит от выбора стратегии и качества управления деятельностью, гибкос-

ти производственных систем и использования ресурсов. Поэтому инновационная стратегия хозяйствующего субъекта, в том числе и в туризме, вырабатывается в зависимости от задач, которые ему предстоит решать с учетом позиционирования на рынке, диверсификации или специализации деятельности, возможных конкурентных преимуществ, которые может обеспечить его инновационный потенциал. Инновации в туризме – разносторонние организационно-управляющие нововведения состоящие в целенаправленных изменениях, производимых на разных

уровнях индустрии туризма. Кроме того, они изменяют основные характеристики отрасли: объем производства и продаж (в данном случае новых туристских брендов); текущие затраты фирмы, занимающейся инновациями; размер созданного и действующего имущества; численность специалистов, занятых в проектировке и внедрении нового туристского продукта на рынок; длительность освоения и внедрения новшеств потребителям. Однако одновременно с этим в современном мире изменяется характер и структура туризма. Новые технологии дают возможность гибко и сегментированно организовать проведение отпуска, конкурентоспособного с традиционным предложением. На смену массовому, стандартному и комплексному туризму приходят его новые виды, сделанные на заказ, исходя из спроса. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос продвижения инновационных туристских услуг в условиях высокой конкурентной среды на рынке, а также стремление предпринимателей к получению большей прибыли.

В настоящее время при выборе стратегии действий для достижения конкурентных преимуществ организации могут использовать различные методы: лидерство в издержках, дифференциацию продукции, концентрацию, ранний выход на рынок и др. При этом стратегия дифференциации предполагает ясное понимание потребительских нужд и предпочтений, выполнение обязательств перед покупателями, знание возможностей собственной организации, осуществление постоянных инноваций. Потенциальной основой дифференциации являются факторы, повышающие ценность продукции для покупателя, в том числе его психологическую удовлетворенность, что особенно важно в сфере туризма. Руководствуясь стратегией дифференциации, организация предоставляет покупателю продукцию, удовлетворяющую разнообразным потребительским предпочтениям. В литературе выделяют следующие виды дифференциации: продуктовая, сервисная, персонала, имиджевая. Продуктовая дифференциация – это предложение продуктов с характеристиками, лучшими, чем у конкурентов, в основе которой лежит широкий ассортимент услуг, предлагаемых туристской организацией. Сервисная дифференциация – это предложение разнообразного и более высокого уровня обслуживания по сравнению с конкурентами. Дифференциация персонала – это наем и тренинг персонала, который осуществляет свои функции работы с клиентами более эффективно, чем персонал конкурентов. И наконец, дифференциация имиджа – это создание имиджа организации или ее услуг, с лучшей стороны отличающего их от конкурентов. Так, при использовании дифференциации имиджа компания может предлагать услуги под разными брендами для различных сегментов рынка, что особенно распространено в сфере гостиничного туризма. Однако для расширения рынков сбыта организации не могут ограничиться в своей деятельности только одним брендом, который бы удовлетворял требования и предпочтения всех клиентов. Кроме того, услуги, предоставляемые каждой торговой маркой, уни-

кальны и рассчитаны на определенных клиентов.

Как уже было замечено, для предпринимательской деятельности в сфере туризма в большинстве случаев характерна высокая степень конкуренции. Под конкуренцией понимается соперничество на каком-либо поприще между отдельными юридическими или физическими лицами (конкурентами), заинтересованными в достижении одной и той же цели. С точки зрения предприятия, такой целью является максимизация прибыли за счет завоевания предпочтений потребителя.

На силу конкурентной борьбы среди фирм, функционирующих в отрасли туризма, влияет множество факторов. Однако некоторые из них повторяются чаще других. Рассмотрим наиболее важные среди них. Во-первых, борьба усиливается, когда число конкурирующих фирм увеличивается и когда они становятся относительно сравнимы с точки зрения размеров и возможностей. Число фирм является важным фактором, поскольку большее число предприятий повышает вероятность новых стратегических инициатив. При этом уменьшается влияние каких-либо отдельных фирм на всех остальных. Это хорошо заметно, например, в разгары сезонов, когда появляется большое количество фирм, предлагающих аналогичные продукты.

Во-вторых, конкурентная борьба усиливается тогда, когда спрос на продукт растет медленно. В быстро расширяющемся рынке соперничество ослабляется тем, что здесь всем хватает места. Правда, чтобы идти в ногу с развивающимся рынком, фирмы обычно используют все свои финансовые и управленческие ресурсы, уделяя намного меньше внимания переманиванию клиентов от соперников. Когда рост рынка замедляется, предприятия начинают борьбу за рыночную долю. Это стимулирует появление новых стратегических идей, маневров и мер, направленных на переманивание клиентуры конкурентов.

В-третьих, конкуренция на туристском рынке усиливается тем, что спрос на туристские услуги отличается значительными сезонными колебаниями. Поэтому фирмы часто прибегают к использованию скидок, уступок и других тактических действий, имеющим целью – увеличение продаж.

В-четвертых, конкурентная борьба усиливается, если туристские продукты фирм недостаточно дифференцированы. Как было указано выше, дифференциация туристского продукта сама по себе не является сдерживающим конкуренцию фактором. Однако бесспорно она имеет возможность оживить (разнообразить) конкурентную борьбу посредством принуждения фирм к поиску новых путей повышения качества туристских услуг.

В-пятых, соперничество возрастает в соответствии с размером отдачи от успешных стратегических маневров. Чем больше отдача от стратегии, тем больше вероятность, что другие фирмы будут склонны принимать тот же стратегический маневр. Отдача существенно зависит от скорости реакции конкурентов. Если ожидается, что конкуренты будут реагировать медленно или не будут реагировать

совсем, фирма – инициатор новых конкурентных стратегий может получить преимущество во времени, которое труднопреодолимо для соперников. Предприятия, которые обладают объективными данными о потенциале конкурентов, находятся в выгодной позиции, поскольку могут правильно оценить скорость и саму ответную реакцию соперников. Такие знания и умения являются очевидным преимуществом при оценке потенциальной отдачи от стратегических инициатив.

В-шестых, борьба имеет тенденцию к усилению, когда уход из отрасли становится дороже, чем продолжение конкуренции. Чем выше барьеры для выхода (т.е. уход с рынка более дорогой), тем сильнее фирмы расположены остаться на рынке и конкурировать на пределе своих возможностей, даже если они могут заработать меньшую прибыль.

В-седьмых, конкуренция принимает острый и непредсказуемый характер при увеличении различий между фирмами в смысле их стратегий, кадрового состава, общих приоритетов, ресурсов. Подобные различия увеличивают вероятность того, что отдельные фирмы будут вести себя непредсказуемо и принимать маркетинговые стратегии, которые приведут к рыночным неопределенностям. Наличие таких «чужаков» (обычно это новые фирмы на рынке) создает подчас совершенно новые условия рыночной ситуации.

Вышесказанное подтверждает, что анализ конкурентов и выработка конкретных действий в отношении главных соперников часто приносят больше пользы, чем существенный реальный рост на дан-

ном сегменте рынка. Так, зная сильные и слабые стороны конкурентов, можно оценить их потенциал, цели, настоящую и будущую стратегии. Это позволит стратегически точно сконцентрировать свое внимание на том направлении, где конкурент слабее. Таким образом, предприятие может расширить собственные преимущества в конкурентной борьбе. Так как услуги воспринимаются очень индивидуально и зависят от того, кто их оказывает, в сфере туризма велико значение качественных характеристик не только покупателей, но и конкурентов. Поэтому в современном мире, безусловно, все более устойчивые позиции занимает маркетинг, проникая во многие сферы жизнедеятельности человека. В сфере туризма маркетинг – это своего рода компас, который позволяет вести корабль бизнеса к намеченной цели более безопасным путем. В то же время маркетинг – это творческий процесс, который нецелесообразно, да и невозможно заранее регламентировать во всех деталях. Абстрактная модель маркетинга предлагает несколько вариантов решений и подходов, выбор которых должен осуществляться с учетом конкретных обстоятельств деятельности фирмы. Дело в том, что в условиях конкурентной борьбы добиться успеха и, как следствие, максимизации прибыли может только то предприятие, которое творчески и нестандартно применяет концепцию маркетинга в своей инновационной деятельности, ищет в ее рамках новые способы адаптации к постоянно изменяющимся рыночным условиям, активного воздействия на рынок и потребителей.

УДК 339.13

Е.С. Лебединцева

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННОГО МАРКЕТИНГА

В статье рассматриваются проблемы и предпосылки внедрения системы внутриорганизационного маркетинга на предприятиях потребительской кооперации. Автор предлагает методологический подход к оценке эффективности его внедрения.

Маркетинг, внутриорганизационный маркетинг, конкурентоспособность, потребительская кооперация.

The article considers the problems and preconditions of the system of internal marketing at the enterprises of consumer cooperative societies. The author offers methodological approach to the evaluation of effectiveness of its introduction.

Marketing, internal marketing, competitiveness, consumer co-operative societies.

От развития и эффективной работы системы потребительской кооперации, обслуживающей более 30 % населения России, большую часть сельского, сегодня во многом зависит общее экономическое состояние страны. С одной стороны, большинство предприятий потребительской кооперации рентабельны, потребсоюзы вкладывают средства в развитие розничной торговли, модернизацию предприятий, с другой – конкуренция в розничной и оптовой

торговле обострилась и с каждым днем становится все сильнее, причем не только в крупных городах, но и в районных центрах. Это заставляет искать новые направления развития, более активно действовать для сохранения и увеличения доли рынка.

Перестройка организационной структуры, структуры товарооборота, заготовительной деятельности, производства, нахождение внутренних резервов повышения рентабельности, улучшение экономическо-

го состояния хозяйств зависит от эффективной маркетинговой деятельности. Изменение форм и методов конкурентной борьбы предъявляет особые требования к работе персонала, которые проявляются в необходимости формирования их маркетинговой ориентации. На данном этапе развития организаций потребительской кооперации, в условиях отсутствия рыночной мотивации у значительной части руководителей и сотрудников, считаем внутриорганизационный маркетинг необходимым условием адаптации персонала к усложнившимся требованиям потребителей и предпосылкой эффективного традиционного (внешнего) маркетинга.

Внутриорганизационный маркетинг востребован в практической маркетинговой деятельности организаций системы потребительской кооперации, прежде всего, с целью удовлетворения внешних потребителей через сотрудников фирмы, при формировании их мышления, мотивов, клиентоориентированности.

Внешняя среда обуславливает важность удовлетворения нужд потребителя, что требует изменений в системе управления на основе концепции внутриорганизационного маркетинга. Сознательное воздействие на поведение сотрудников организации повышает их компетенции и стимулирует маркетинговую ориентацию коллектива. Внутриорганизационный маркетинг, применяющийся для повышения эффективности внешнего маркетинга, должен превратить принцип «ориентации на потребителя» в смысл деятельности всей организации. Будучи по совместительству специалистами по маркетингу, сотрудники должны работать на маркетинговых принципах, чтобы взаимоотношения с клиентами складывались положительным образом и на долгий срок. Маркетингом должна заниматься вся компания, каждый сотрудник, а не только «профильный» отдел (если он существует).

Основной идеей маркетинга является ориентация на клиента, под которой понимается систематическое выявление, анализ и оценка его ожиданий, их воплощение в реальный объект для установления долгосрочных взаимовыгодных связей. Предпосылка рыночного успеха организаций заключается в учете интересов внешних клиентов и собственных сотрудников. В этом случае внутриорганизационный маркетинг становится не только условием ориентации на клиента, но и ее результатом.

Объектом исследования внутриорганизационного маркетинга являются внутренние клиенты организации, которые в условиях усложнения требований внешних клиентов должны быть ориентированы на эффективное обслуживание. Но пока сотрудники морально не готовы к этому, слабо проявляется их рыночная ориентация и клиентоориентированность. У сотрудников возникают психологические барьеры, так как не было возможности приобрести навыки поведения в условиях ориентации на клиента. Для преодоления человеческих барьеров, возникающих при ориентации на клиента, внутриорганизационный маркетинг приобретает особую роль, которая заключается в формировании и развитии системы условий, позволяющих удовлетворить потребность в труде внутренних потребителей организации – сотрудников.

Таким образом, автором статьи предлагается следующее определение: внутриорганизационный маркетинг – это система условий, удовлетворяющих потребность в труде внутренних потребителей организации, формирующих их клиентоориентированность с целью удовлетворения внешних потребителей.

Комплексирующая потребность в труде внутренних клиентов вызывает сложную реакцию работодателя. Для установления отношений внутри компании, направленных на мотивацию персонала и установление отношений с конечным потребителем, нужно удовлетворять потребность персонала в труде. Но ограничиться только этим – значит исключить из маркетинга главный его смысл – конечных потребителей, поэтому инвестируя средства в развитие и созревание у сотрудников потребности в труде, работодатель предъявляет и определенные требования к их компетенции. Наличие и развитие компетенций сотрудников оказывает влияние на их отношение к труду и через формирование клиентоориентированности – на удовлетворение внешних потребителей.

Следует отметить, что, несмотря на положительную динамику показателей хозяйственно-финансовой деятельности, предприятия системы потребительской кооперации вынуждены искать новые направления развития, более активно действовать для сохранения и увеличения своей доли рынка в связи с усилением конкуренции.

Авторский подход заключается в том, что формирование клиентоориентированности сотрудников организаций осуществляется путем развития уточненных и обоснованных элементов внутриорганизационного маркетинга: миссия, традиции, история фирмы; имидж организации; подбор, обучение и повышение квалификации персонала; организационная структура, должностные обязанности; стандарты качества обслуживания; мотивация персонала, оценка работы; информация, коммуникации; лояльность персонала; внутренний PR.

При внедрении внутриорганизационного маркетинга для повышения эффективности деятельности организаций потребительской кооперации нужно ответить на два основных вопроса:

- реализация системы внутриорганизационного маркетинга в полном объеме или поддержание и развитие отдельных его элементов;
- выделение структурного подразделения, занимающегося внутриорганизационным маркетингом, или наделение этими функциями отдельного сотрудника.

Автор считает необходимым реализацию внутриорганизационного маркетинга в виде комплексной концепции, при формировании и внедрении которой будут развиты все выделенные элементы. Целесообразность такого подхода заключается в том, что каждый элемент в большей или меньшей степени влияет на удовлетворенность потребности в труде сотрудников, формирование их лояльности и клиентоориентированности. Выпадение одного из элементов, при нежелании уделять ему достаточного внимания, может свести к минимуму усилия, потраченные на формирование, поддержание и развитие других элементов.

При высокой степени изученности вопросов, связанных с организацией маркетингового управления, ориентированного на внешних клиентов, практически отсутствуют специальные исследования, посвященные разработке концепции управления, способствующей установлению тесных экономических, технических и социальных связей и созданию маркетинговой системы взаимодействия внутри компании и со всеми заинтересованными в ее работе группами. Вместе с тем теоретическое осмысление и методология оценки эффективности внедрения внутриорганизационного маркетинга практически отсутствуют, что делает его использование на практике затруднительным. В данной статье предложен подход, решающий эту проблему (безусловно, частично, поскольку она сложна и носит комплексный характер).

Для подтверждения эффективности проведенного исследования по внедрению и совершенствованию внутриорганизационного маркетинга разработана экономико-математическая модель взаимосвязи предмета и объекта данного научного исследования, определяющая, что необходимо предпринимать на втором и последующих этапах хозяйственной деятельности организации в сфере потребкооперации в процессе внедрения.

В контексте данного исследования объектами для анализа выступают организации системы потребительской кооперации Кировской области, которые за годы своего существования зарекомендовали себя как конкурентоспособные предприятия, не менее эффективные, чем рыночные структуры, даже в сложной экономической, социальной и политической обстановке.

Рассматривая организации в сфере потребкооперации как систему (рис. 1) достижения приемлемых значений показателей прибыльности (конечно, организации потребительской кооперации сложно рассматривать только с позиции получения прибыли, ведь они являются некоммерческими, но прибыльность не рассматривается как коммерческий результат, поскольку дает финансовый ресурс на развитие), следует отметить, что способность системы производить при ее изменении (и при изменении условий ее функционирования – внедрения внутриорганизационного маркетинга) большой экономический эффект, чем в других условиях, а также реализация этой способности есть главный показатель влияния внутриорганизационного маркетинга на конечные результаты деятельности организации в сфере потребкооперации. Иными словами, речь идет об эффективности изменения и реализации деятельности при внедрении внутриорганизационного маркетинга.

При рассмотрении этой проблемы в динамическом аспекте, эффективность изменений выявляется путем сопоставления их с исходными, начальными условиями функционирования организаций в сфере потребкооперации. Достоинство этого метода состоит в возможности оперативного анализа множества вариантов внутримаркетинговых действий и выбора на этой основе наилучшего. Особенно это применимо к управлению внутриорганизационным маркетингом, который является основной точкой соприкосновения организации с ее окружением – внешними

клиентами. Эффективность этого процесса зависит в большей степени от доступности постоянной информационной связи между рынком и организациями потребительской кооперации, что позволяет каждой конкретной организации судить о ее положении на рынке и оценивать возможности новых (модифицированных) действий.

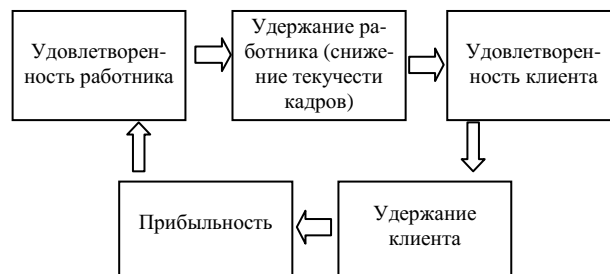

Рис. 1. Организация внутриорганизационного маркетинга как система достижения прибыльности

Для построения экономико-математической модели динамики процесса внутриорганизационного маркетинга как комплексного инструментария последовательного интеграционного процесса использованы две экономико-динамические задачи маркетинга: «внутриорганизационные процессы» и «рыночная ориентация организации». При этом учитывается тот факт, что предприятия потребительской кооперации по структуре затрат и прибыли идентичны между собой.

Преобразования, проведенные в ходе использования модели, позволяют связать воедино изменение параметров в любой период внедрения и тем самым получить неразрывность функции, описывающей изменение обстановки в организации потребительской кооперации через удовлетворенность персонала, которая преобразуется в уравнение следующего вида:

$$C_i = k J_0 (Q_0 + Q_i) t / L^4,$$

где C_i – валовой доход от процессов внутриорганизационного маркетинга при использовании его компонент в заданный период внедрения; k – передаточный коэффициент, учитывающий характер процесса внедрения внутриорганизационного маркетинга в организации потребительской кооперации (для предприятий Кировской области он может быть принят равным 0,002–0,0006, для других регионов – 0,01–0,007, так как потребительская кооперация там имеет меньший уровень развития (по данным «Годового отчета потребкооперации России)); J_0 – интенсивность внедрения внутриорганизационного маркетинга в организации потребительской кооперации; Q_0 и Q_i – соответственно удовлетворенность персонала в начале внедрения внутриорганизационного маркетинга и через некоторое время; t – время внедрения внутриорганизационного маркетинга в организации потребительской кооперации; L – относительная удовлетворенность персонала функциями внутриорганизационного маркетинга.

Данное уравнение позволяет оценить результативность внутриорганизационного маркетинга, так как оно полностью удовлетворяет основным закономерностям, описанным в модели. Оно может считаться базовым по выявлению показателей мероприятий внутриорганизационного маркетинга не только предприятий потребительской кооперации, но и предприятий, схожих с данными.

Результаты моделирования показывают три разновидности вариантов развития внутриорганизационного маркетинга: 1) с высокой степенью удовлетворенности, 2) со средней степенью удовлетворенности, 3) с высокой неудовлетворенностью (рис. 2).

Из рис. 2 виден разброс удовлетворенности (от 0 до 9 баллов по 10-балльной шкале), преобладание неудовлетворенности очевидно: от 0 до 3 баллов – высокая степень удовлетворенности, от 3 до 6 и от 6 до 9 баллов – высокая неудовлетворенность. Размер шариков соответствует количеству человек.

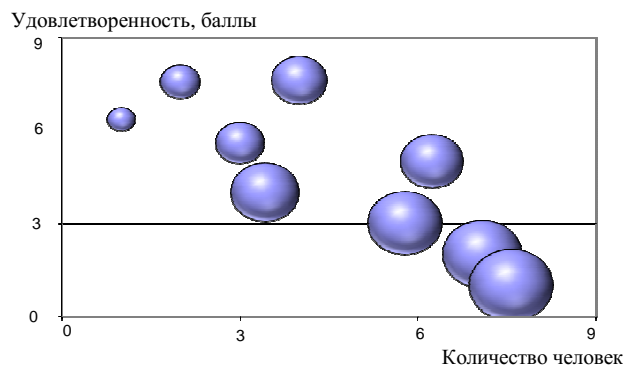

Рис. 2. Удовлетворенность организацией внутриорганизационного маркетинга согласно статистическим данным потребительской кооперации Кировской области (до внедрения)

На рис. 3 представлена удовлетворенность организацией внутриорганизационного маркетинга согласно данным, вычисленным с помощью модели по потребительской кооперации Кировской области (в результате развития внутриорганизационного маркетинга).

В интервале средней удовлетворенности находится весь персонал, нет завышенных ожиданий и нет неудовлетворенных внутриорганизационным маркетингом сотрудников – это оптимальный результат. По-другому, всегда есть группа неудовле-

творенных сотрудников. Размер шариков соответствует количеству человек с одинаковым коэффициентом удовлетворенности.

Экономико-математическая модель взаимосвязи предмета и объекта проведенного исследования, формализующая причинно-следственные связи между факторами внутриорганизационного маркетинга и внешней средой, доказывает его эффективность, определяя возможности организаций потребительской кооперации достигать большего экономического эффекта при внедрении и совершенствовании внутриорганизационного маркетинга. Результатом является развитие удовлетворенности потребителей и, как следствие, получение прибыли, ведь она на конкурентном рынке (в долгосрочной перспективе) как стратегический аспект будет зависеть от лояльности потребителей.

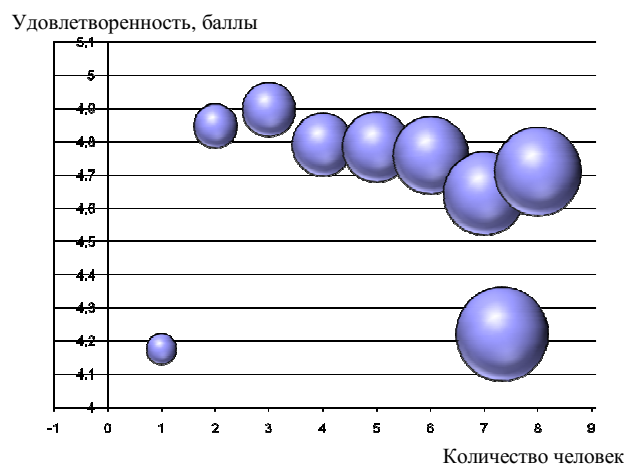

Рис. 3. Удовлетворенность организацией внутриорганизационного маркетинга согласно данным, вычисленным с помощью математической модели по потребительской кооперации Кировской области (в результате его совершенствования)

Гибкая организационная адаптация, реализация эффективного внешнего маркетинга возможны при внедрении и развитии внутриорганизационного маркетинга, направленного на удовлетворение внешних клиентов посредством удовлетворения потребности в труде сотрудников, координации внутренних переменных с целью формирования и развития ответных реакций на воздействия среды.

УДК 338.46

И.К. Осянин

Научный руководитель: доктор экономических наук, профессор М.И. Беркович

ПРОВАЙДЕРЫ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В РЕГИОНЕ, ИХ СОСТАВ И КЛАССИФИКАЦИЯ

В статье рассматриваются структура регионального рынка финансовых услуг, основные группы поставщиков (провайдеров) финансовых услуг, а также предлагается их классификация.

Финансовые услуги, региональный рынок финансовых услуг, провайдеры финансовых услуг, регион.

The article is devoted to the issues of the structure of regional market of financial services and the main providers of financial services. Besides, the author suggests the classifications of providers of financial services.

Financial services, regional market of financial services, providers of financial services, region.

Рынок финансовых услуг, характеризующийся постоянным появлением инноваций (как новых типов провайдеров, так и финансовых услуг) весьма сложен по своей структуре. Тем не менее в основе деятельности того или иного провайдера лежат схожие принципы функционирования. В данной статье раскрыты основные виды провайдеров, действующих на этом рынке, и представлена их классификация в соответствии со спецификой их деятельности.

Организации, оказывающие финансовые услуги по проведению расчетов (платежей), кредитованию и приему депозитов, представлены двумя большими группами:

- банки (кредитные организации);
- организации, не являющиеся кредитными.

Кредитные организации представлены банковским сектором и имеют право осуществлять банковские операции на основании лицензии, предоставляемой Центральным банком РФ. К организациям, которые не являются кредитными, относятся организации почтовой связи, кредитные кооперативы, микрофинансовые организации, операторы мобильной связи, предоставляющие услуги по переводу денежных средств («мобильные» и иные «кошельки»), международные системы переводов, ломбарды, разнообразные розничные агенты-посредники и т.д.

Представляет интерес более подробное рассмотрение основных видов кредитных и некредитных организаций, работающих на рынке финансовых услуг региона – Костромской области.

Под кредитной организацией в России понимается юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (ЦБР) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» № 395-1 от 02.12.1990. Выделяют следующие виды кредитных организаций:

- банк — кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц; размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц;
- небанковская кредитная организация — кредитная организация, имеющая право осуществлять отдельные банковские операции, предусмотренные ФЗ «О банках и банковской деятельности». Допустимые сочетания банковских операций для небанковских кредитных организаций устанавливаются ЦБР;

- иностранный банк – банк, признанный таковым по законодательству иностранного государства, на территории которого он зарегистрирован.

Банковский сектор занимает лидирующие позиции на рынке финансовых услуг. На кредитные организации приходится подавляющий объем операций по кредитованию и приему во вклады сбережений населения (по сравнению с кредитными кооперативами, о которых речь пойдет ниже): через них проходит около половины расчетов населения с организациями, предоставляющими жилищно-коммунальные услуги и услуги фиксированной телефонной связи. Проведение операций по обмену валюты является исключительным правом кредитных организаций. В настоящее время банки являются провайдером наиболее широкого спектра финансовых услуг.

Кредитные организации можно разделить на несколько групп: банки с государственным участием (Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк); крупные коммерческие банки, имеющие федеральную филиальную сеть (50–100 банков); средние и малые региональные банки; дочерние организации иностранных кредитных институтов (как правило, со 100 %-ной долей участия).

В целом на банки с государственным участием приходится около половины рынка розничных банковских услуг. Среди банков безусловным лидером на российском рынке финансовых услуг является Сбербанк. На него приходится около трети рынка платежей, 51 % рынка депозитов физических лиц и около 30 % рынка потребительского кредитования. Наиболее значимой услугой банка, с точки зрения объемов операций, остается прием платежей населения – около 40 % населения пользуется услугами Сбербанка при оплате коммунальных услуг и услуг фиксированной телефонной связи.

В отличие от банков, предоставляющих самый широкий спектр финансовых услуг, существуют субъекты, сосредоточенные на какой-нибудь одной услуге и компетентные в этой области. К ним могут быть отнесены лизинговые компании (или фирмы) – коммерческие организации (резиденты Российской Федерации или нерезиденты Российской Федерации), выполняющие в соответствии с законодательством Российской Федерации и со своими учредительными документами функции лизингодателей.

Существуют структуры, занимающиеся исключительно факторингом, которые определяются как факторинговые фирмы или факторинговые организации. Ими являются финансовые организации, которые кредитуют клиентов и на основании полученных от них прав на дебиторскую задолженность взыскивают долги с должников. Факторинговые компании выступают в качестве посредников-комиссионеров между клиентом (кредитором) и его должником.

На рынке услуг по переводу денежных средств одно из первых мест занимает Почта России, которая является, пожалуй, самой крупной розничной сетью в Российской Федерации. По итогам 2010 года объем финансово-почтовых операций, проведенных Почтой России, составил около 86 536 млн р. Большая часть из них приходится на операции по доставке пенсий: Почта России контролирует более 60 % этого рынка. Она занимает также значимую долю на рынке приема коммунальных платежей и платежей в адрес третьих лиц, что составляет примерно 14 % всех финансовых услуг, оказываемых Почтой России, и 25 % рынка коммунальных услуг РФ.

Серьезную конкуренцию банковскому сектору и Почте России на рынке платежных услуг (микроплатежей) в последние годы начали составлять так называемые электронные (агентские) платежные системы. В настоящее время они обслуживают подавляющую часть платежей операторов мобильной связи, иных операторов связи и интернет-провайдеров, поставщиков медиаконтента, а также успешно осваивают новые сегменты: оплата жилищно-коммунальных услуг и услуг фиксированной электросвязи; возврат потребительских кредитов; продажа авиа-, железнодорожных и иных билетов и т.п.

Особое место в этой системе занимают операторы сотовой связи. Это компании, предоставляющие услуги сотовой связи для сотовых телефонов своих абонентов. В России на данный момент действует несколько десятков операторов. Трое из них – «МТС», «Билайн» и «МегаФон» – совокупно занимают 82 % рынка. Общее количество абонентов в России на сегодняшний день составляет 210,05 млн человек.

Оплатить услуги мобильных компаний можно электронным способом или в пунктах приема платежей (у платежных агентов). Деятельность платежных агентов осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 289-ФЗ, по которому основным видом услуг таких компаний является прием и проведение платежей физических лиц за товары и услуги.

Особое место на рынке финансовых услуг занимают страховые компании – коммерческие организации, специализирующиеся на предоставлении страховых услуг. На страховом рынке присутствуют также такие категории участников страхового рынка, как страховые агенты и страховые брокеры.

Страховые агенты – постоянно проживающие на территории Российской Федерации и осуществляющие свою деятельность на основании гражданско-правового договора физические лица или российские юридические лица (коммерческие организации), которые представляют страховщика в отношениях со страхователем и действуют от имени страховщика и по его поручению в соответствии с предоставленными полномочиями.

Страховые брокеры – постоянно проживающие на территории Российской Федерации и зарегистрированные в установленном законодательством Российской Федерации порядке в качестве индивидуальных предпринимателей физические лица или российские юридические лица (коммерческие организа-

ции), которые действуют в интересах страхователя или страховщика и осуществляют деятельность по оказанию услуг, связанных с заключением договоров страхования между страховщиком и страхователем, а также с исполнением указанных договоров.

Не менее важным участником рынка финансовых услуг являются инвестиционные фонды – финансовые учреждения, предназначенные исключительно для коллективного управления вложениями его акционеров, как правило, в ценные бумаги и в недвижимость.

Через их деятельность реализуется механизм, при помощи которого частные лица передают денежные средства или активы в руки профессиональных менеджеров для управления. Вложения инвесторов затем управляются как единым портфелем, в котором у каждого инвестора есть доля, пропорциональная его инвестиции. Инвесторы, приобретающие доли участия в инвестиционном фонде, являются его владельцами (акционерами, пайщиками). Имуществом фонда управляет управляющая компания, которая ответственна за качество управления и размещения полученных финансовых ресурсов.

Прямые и венчурные инвестиции являются, пожалуй, самыми основными на рынке инвестиций, поэтому для наилучшего размещения денежных средств создаются особые компании – прямые и венчурные фонды, специализирующиеся на своем типе инвестиций. На рынке инвестиций также фигурируют паевые инвестиционные фонды – обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией. Все средства вкладчиков собираются в единый пул, который в дальнейшем на основе договора о доверительном управлении управляющая компания размещает в некие активы.

Следует выделить такого участника рынка финансовых услуг, как кредитные кооперативы.

В Федеральном законе «О кредитной кооперации» № 190-ФЗ 18.07.09 кредитным кооперативом признается «добровольное объединение физических и (или) юридических лиц на основе членства и по территориальному, профессиональному и (или) иному принципу в целях удовлетворения финансовых потребностей членов кредитного кооператива (пайщиков)». Наряду с ними существуют и так называемые кооперативы второго уровня – кредитный кооператив, членами которого являются исключительно кредитные кооперативы, в то время как члены простого кредитного кооператива – физические и юридические лица.

Наряду с банками кредитные кооперативы обладают исключительным правом принимать сбережения граждан. Собранные таким образом средства кооперативы предоставляют своим членам в форме

займов. Однако по юридической форме привлечения денежных средств, по способу их использования и ответственности за обеспечение их сохранности деятельность кредитного кооператива существенно отличается от банковской. Важной особенностью деятельности кредитной кооперации является отсутствие необходимости получать какое-либо специальное разрешение (лицензию, аккредитацию) на осуществление деятельности и, как следствие, недостаток статистической информации в данной сфере, что не позволяет должным образом производить наблюдение и контроль за ними.

Также, наряду с кооперативным движением, в России получили развитие частные микрофинансовые организации (МФО), создаваемые как российскими, так и иностранными учредителями. Их основная миссия заключается в предоставлении микрофинансовых услуг (в основном микрокредитования) малообеспеченным слоям населения, микропредпринимателям, не имеющим кредитной истории и деловых связей с банками. В этом сегменте представлены самые разнообразные организационно-правовые формы организации:

- некоммерческие организации, зарегистрированные в форме фондов или автономных некоммерческих организаций (АНО);
- коммерческие организации – в форме хозяйственных обществ (ООО);
- небанковские депозитно-кредитные организации (НДКО).

Особый субъект рынка финансовых услуг – негосударственные пенсионные фонды, которые появились сравнительно недавно, но ведут активную борьбу на рынке пенсионного обеспечения. Негосударственный пенсионный фонд – особая организационно-правовая форма некоммерческой организации социального обеспечения, исключительными видами деятельности которой являются: аккумулирование пенсионных взносов, размещение и организация размещения пенсионных резервов, учет пенсионных обязательств фонда, назначение и выплата негосударственных пенсий участникам фонда.

Негосударственное пенсионное обеспечение является добровольным и строится по накопительному принципу формирования пенсий, предполагающему регулярное перечисление пенсионных взносов в негосударственный пенсионный фонд в течение определенного периода времени и их прирост за счет дохода, получаемого по результатам размещения пенсионных резервов. Деятельность таких субъектов представляется особо актуальной в связи с недостаточностью средств, находящихся под управлением традиционного пенсионного фонда, для своевременной индексации пенсий и обеспечения приемлемого уровня жизни пенсионеров.

Операции, которые проводят эти специализированные коммерческие организации, схожи с потребительским кредитованием (предоставление займов под залог имущества и ценностей). Принятие специального закона стимулировало развитие ломбардов и их кредитные операции (предоставление займов населению).

Проблема финансовых услуг в региональном аспекте не находит должного отражения в экономичес-

кой литературе, не существует на данный момент их признанной классификации. Поэтому предложена классификация финансовых услуг в зависимости от типа провайдера. Она является достаточно укрупненной, хотя не отражает всех тонкостей, и позволяет определить основные взаимосвязи между поставщиком и потребителем услуг, которые возникают в процессе их взаимодействия на региональном рынке.

Предлагается разделить провайдеров на следующие укрупненные группы:

- 1) кредитные провайдеры;
- 2) инвестиционные провайдеры;
- 3) страховые провайдеры;
- 4) операционные провайдеры;
- 5) посреднические провайдеры.

К кредитным провайдерам целесообразно отнести тех субъектов рынка, которые так или иначе занимаются финансированием на условиях срочности, платности и возвратности. В эту же группу отнесем провайдеров лизинговых услуг, поскольку экономический смысл их деятельности наиболее близок к кредитованию. Обозначим таких субъектов символом «L» (от англ. *loan* – кредит). Поскольку на рынке существует многообразие кредитных провайдеров, данные субъекты финансовых услуг нуждаются в дальнейшей классификации. Наиболее логичным делением представляется классификация таких субъектов по способу формирования ресурсной базы:

- депозитные (d/deposit) – привлекающие денежные средства по договорам банковского вклада (депозита) у физических или юридических лиц;
- банковские (b/bank) – источником кредитных ресурсов являются банковские кредиты. В эту категорию попадают лизинговые компании, а также зачастую различные структуры, аффилированные с банками;
- паевые (s/share) – источником кредитных ресурсов являются средства пайщиков – физических/юридических лиц;
- ценные бумаги (p/paper) – источником кредитных ресурсов являются средства, вырученные от продажи ценных бумаг;
- выкупные (b/buy-out) – источником кредитных ресурсов является выкупленная кредиторская задолженность с последующим ее возмещением. В эту группу входят факторинговые и форфейтинговые компании.

Посреднические провайдеры – юридические лица, которые оказывают содействие в установлении связей между субъектами рынка финансовых услуг и потребителями (B/Broker):

- страховые брокеры (i/insurance);
- кредитные брокеры (l/loan);
- инвестиционные брокеры (i/investment).

Инвестиционные провайдеры – субъекты рынка финансовых услуг, занимающиеся долгосрочным вложением денежных средств в различные проекты и ценные бумаги с целью получения дохода. Инвестиционных (I/Investment) провайдеров имеет смысл классифицировать по объекту приложения осуществляемых инвестиций:

- ценные бумаги (p/paper) – объектом инвестирования служат ценные бумаги различных компаний;

- прямые инвестиции (d/direct) – объектом инвестирования служит конкретный субъект финансово-хозяйственной деятельности;

- венчурные инвестиции (v/venture) – объектом инвестирования служат start up либо высокорисковые проекты.

Кроме того, инвестиционных провайдеров стоит разделить по типу формирования ресурсной базы:

- паевые (s/share) – источником кредитных ресурсов являются средства пайщиков – юридических/физических лиц;

- ценные бумаги (p/paper) – источником кредитных ресурсов являются средства, вырученные от продажи ценных бумаг;

- пенсионные сбережения (r/retiring pension) – источником кредитных ресурсов являются отчисления физических лиц в счет накопительной части будущей пенсии.

Страховой провайдер (I/insurance) – субъекты рынка финансовых услуг, занимающиеся страхованием. В большинстве стран наиболее общепринята классификация на:

- страхование жизни (l/life);
- страхование имущества (p/property);
- страхование ответственности (l/liability).

Операционные посредники (O/operating) – субъекты рынка финансовых услуг, занимающиеся оказанием услуг по проведению платежей, ведению счетов: пункты приема платежей, платежные системы, почта и др.

Особую роль на рынке финансовых услуг играют банки, поэтому имеет смысл выделить их отдельно. Сфера деятельности банков настолько велика, что их невозможно отнести к одному из пунктов данной классификации. Формально они являются кредитными институтами, но у каждого банка есть свое приоритетное направление (приоритет услуги). В международной практике принято делить банки на следующие типы, в зависимости от их деятельности:

- инвестиционные банки – специализируются на эмиссионно-учредительных операциях;

- сберегательные банки – это, как правило, учреждения местного значения, которые объединяются в национальные ассоциации и обычно контролируются государством, а нередко и принадлежат ему.

- ипотечные банки – учреждения, предоставляющие долгосрочный кредит под залог недвижимости (земли, зданий, сооружений). Пассивные операции этих банков состоят в выпуске ипотечных облигаций.

Таким образом, в статье представлена авторская классификация региональных провайдеров финансовых услуг в соответствии со спецификой их деятельности. Несмотря на рост рынка и постоянное появление финансовых инноваций, а также новых провайдеров финансовых услуг, основные провайдеры и виды деятельности, которой могут заниматься даже инновационные провайдеры, представлены в рамках данной классификации.

УДК 332.1 (075)

Т.Л. Смирнова

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА РЫНКА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ

В статье рассматривается рынок рабочей силы как экономический институт в условиях формирования инновационно-инвестиционной эффективности, дифференциации экономических систем. Недостаточность эффективности механизмов саморегуляции рынка рабочей силы восполняется методами государственного регулирования.

Рынок рабочей силы, инновации, экономический институт, эффективность, трансформационный кризис, трудовой контракт, социально-экономические отношения.

The article is devoted to the analysis of the labor market as an economic institute in the formation of innovation and investment efficiency, differentiation of the economic systems. Lack of effective mechanisms of self-regulation of the labor market will be made up with the methods of state regulation.

Labor market, innovation, economic institute, efficiency, transformational crisis, labor contract, social-economic relations.

Институциональные изменения российского рынка рабочей силы в условиях преодоления последствий трансформационного кризиса национальной экономики за последние годы характеризуются дисбалансами, возникающими между социально-психологическими и организационно-правовыми компонентами этого экономического института. Под экономическим институтом рынка рабочей силы понимают принятые в обществе правила взаимодействия индивидов по поводу купли-продажи рабочей силы, сложившиеся в процессе развития культуры и определяющие привычный способ организации общест-

венной жизни. Институциональная природа рынка рабочей силы заключается в реализации через рыночный механизм устойчивых и сохраняющихся ценностей, носителями которых выступают работники и работодатели. Совокупность норм и стандартов поведения участников рынка рабочей силы преломляется через мировоззренческие установки.

Классическая школа экономической мысли рассматривает базовые институты рынка рабочей силы как экзогенные, универсальные и стабильные. Введение в анализ рынка рабочей силы критической неопределенности и критической динамики показывает

варианты эволюции этого института. Создатели футурологических теорий экономисты Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс, Ф. Фукуяма, В. Иноземцев, уделяя особое внимание знаниям, информации, технологиям – стратегическим ресурсам развития современной экономики, считали их источниками структурных сдвигов в национальной экономике и рынка рабочей силы. Изменения, вызванные этими факторами в структурных сдвигах рынка рабочей силы, приводят к смещению элементов в моделях воспроизводства рабочей силы, к ускорению процессов редистрибуции рабочей силы по территориальным и локальным рынкам. Развитие информационных и коммуникационных технологий в обществе приводит к структурным сдвигам, проявляющимся в сокращении спроса на специалистов в сельском хозяйстве, материальном производстве и в расширении спроса в отраслях «экономики знаний».

Развитие рынка рабочей силы в национальной экономике можно рассматривать через изменение стандартов и моделей поведения участников рынка, формальных и неформальных норм, образа мышления и национального менталитета. Анализ динамики институциональных процессов рынка рабочей силы на основе подхода, проводимый Т. Вебленом, имеет недостатки, проявляющиеся в односторонней трактовке доминирующего социального фактора как основы развития экономического института рынка рабочей силы. Исследование современных изменений института рынка рабочей силы на основе подхода М. Вебера, Э. Дюркгейма характеризует постепенно меняющиеся и расширяющиеся мягкие психологические формы воздействия, вовлекающие в работу этого института новых участников экономического процесса, и имеет ограниченное применение [6]. Меняющиеся рациональные установки и экономическое принуждение характеризуют направления эволюции рынка рабочей силы в национальной экономике.

В Российской экономике, при использовании институционального подхода в анализе эффективности функционирования рынка рабочей силы, акцент делался на организационно-правовом аспекте. Рынок рабочей силы трактовался как легитимный институт, совокупность правовых норм, регулирующих социально-трудовые отношения между работником и работодателем. Рынок рабочей силы являлся способом организации социально-экономических отношений. Такой односторонний подход к исследованию рынка рабочей силы не учитывал ролевые ожидания субъектов экономической деятельности, ценностные установки участников рынка, социальные нормы поведения. С позиций организационно-правовых структур рынок рабочей силы в национальной экономике анализировался как институт.

Современное понимание природы рынка рабочей силы в условиях формирования инновационной модели развития российской экономики невозможно без понятия экономического института как устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих сферу социально-трудовых отношений между работником и работодателем. Для характеристики и ана-

лиза рынка рабочей силы как экономического института можно опираться на разработанный подход Д. Коммонса, в основе которого лежат правовые нормы и оценка тенденций их изменения. Благодаря сочетанию организационно-правовой и социально-психологической составляющей, функции института рынка рабочей силы в национальной экономике эффективно реализуются через упорядоченные группы социально-экономических отношений, регулирующих деятельность экономических субъектов. Соотношение организационно-правовой и социально-психологической составляющих в рассматриваемом экономическом институте в эволюционном процессе меняется в сторону увеличения социально-психологической составляющей под воздействием совокупности факторов: производственно-технического, информационного, демографического, образовательного, культурно-нравственного, правового и др. В России модель эволюционирования института рынка рабочей силы функционирует не стихийно, а через заимствование, внедрение отдельных элементов «сверху» на основе изучения опыта стран с развитой рыночной экономикой, базирующихся на разных сформированных национальных моделях инновационной системы.

Опыт институционального развития стран ЕС, США, Японии демонстрирует варианты выстраивания национальных институтов рынка рабочей силы как «сверху», так и «снизу» через развитие координативных механизмов структуры на национальном и региональном уровнях [4]. В настоящее время развитие института рынка рабочей силы характеризуется формальным переносом из других национальных инновационных моделей развития внешних организационно-правовых форм, которые оказываются недостаточно эффективными и адекватными в условиях развития современной российской экономики.

Глубокие исторические и культурные традиции, эволюция института наемного труда в России связаны с формированием институциональной модели развития «снизу» [3]. Легитимизация институтов отношений свободного найма рабочей силы, частной собственности и современной контрактной практики была дополнена вариантом развития институтов «сверху». Преимущества и более высокий уровень конкурентоспособности института рынка рабочей силы, сформированного эволюционным путем, заключаются в том, что реализующийся комплекс социально-экономических отношений через поведенческие модели, систему ценностей, социальные нормы соответствует внешним организационно-правовым формам института, гармонично дополняет их. В России до трансформационного кризиса полноценный институт рынка рабочей силы не был сформирован, его роль заменялась командно-административными механизмами управления, планирования и перераспределения трудовых ресурсов по экономическим районам, отраслям экономики. Институт рынка рабочей силы, функционировавший в российской экономике, имел прочные и устойчивые психологические позиции, проявлялся в моделях поведе-

ния работодателей и работников разных возрастных, профессионально-квалификационных групп.

Развитие рынка рабочей силы в национальной экономике как экономического института невозможно без сочетания эффективных механизмов гармонизации и взаимодействия экзогенных и эндогенных факторов. В России сохраняющийся дисбаланс между социально-экономическими и организационно-правовыми компонентами рынка рабочей силы вызывает негативное отношение части субъектов экономической деятельности к институциональным изменениям и приводит к неустойчивости функционирования рынка рабочей силы. Институциональная природа российского рынка рабочей силы характеризуется достаточно сильными позициями неформальных норм персонифицированного и локализованного доверия, таких как семейно-родственная. Импорт институтов рынка рабочей силы в России не сформировал максимально эффективной конвергенции формальных и неформальных норм, в результате чего ожидаемого ускорения институционального развития не произошло. Институт рынка рабочей силы, проходя поэтапное становление в российской национальной экономике, характеризуется рассогласованием конгруэнтности неформальной и формальных норм, трудностью их эффективного взаимодействия и согласования, формирует дивергенцию. Конвергенция формальной и неформальной структур рынка рабочей силы в результате длительного процесса взаимодействия приведет к сближению институционального тренда их развития, к снижению роли нелегальных элементов института, трасакционных издержек, связанных с психологическим дискомфортом в экономическом развитии [5].

Рассматривая рынок рабочей силы как важный современный институт экономики, участвующий в аллокации трудовых ресурсов по секторам экономики, можно выделить ряд его особенностей. Современной институциональной особенностью рынка рабочей силы является более высокий уровень инерционности развития социально-психологической подсистемы по сравнению с организационно-правовой подсистемой. Устаревшие модели поведения субъектов экономической деятельности на рынке рабочей силы, социальные нормы, ценности, сохраняющиеся у преобладающей части экономических агентов, являются причиной институционального конфликта, неэффективности функционирования экономического института. Организационно-правовые формы, инновационные технологии развития рынка рабочей силы как элемент экзогенных институциональных изменений российской экономики, не связанные с эволюционными историческими изменениями, с образом мышления экономически активного населения, являются одним из факторов замедления и снижения темпов экономического роста национальной экономики.

Современная институциональная структура рынка рабочей силы может быть представлена взаимодополняющими институтами, исторически сложившимися: формальными и неформальными, государственными и негосударственными, базовыми и об-

служивающими, организационно-правовыми и социально-психологическими. К таким институтам относятся: институты защиты интеллектуальной собственности работника; институты поиска и координации экономической деятельности работника и работодателя; институты заключения трудовых контрактов и ведения переговоров; институты контроля выполнения трудовых контрактов; институты стимулирования мобильности рабочей силы; институты государственного регулирования рынка рабочей силы и др. Слабость развития институциональной среды российского рынка рабочей силы приводит к территориальной дифференциации форм социальной напряженности на региональных рынках рабочей силы, к структурным, застойным и гендерным формам безработицы. Выше среднего значения уровень социальной напряженности формируется на территориях моногородов, староосвоенных регионов, в слаборазвитых регионах и других проблемных регионах с разными типами нестабильности социально-экономического развития.

Институциональная структура рынка рабочей силы деформируется на разных уровнях территориальной системы под воздействием инновационных процессов, связанных с изменением мотивации отдельных экономических субъектов, которые участвуют в создании конкурентоспособных товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью. Институты рынка рабочей силы, в силу своей инерционности и комплекса других факторов, медленно подстраиваются под формирующуюся национальную инновационную систему, которая представляет собой совокупность экономических субъектов и институтов, участвующих в воспроизводстве, хранении, передаче знаний, информации и технологий [1].

Инновационная культура экономической системы обеспечивает возможность управления инновационным потенциалом, при использовании которого создается система управления добавленной стоимостью на основе извлечения инновационной ренты. Экономическая система, развивающаяся на основе инновационной культуры, формирует новые качества воспроизводства рабочей силы. Она характеризуется более высоким уровнем восприимчивости к инновациям, возможностью генерации и высоким качеством контроля параметров инновационных процессов. Эффективная реализация инновационного потенциала отдельных территорий сопровождается готовностью бизнеса реализовать новые идеи, создавать прогрессивные и конкурентоспособные технологии, товары и услуги. Прогнозируемые институциональные изменения рынка рабочей силы определяются возможными направлениями формирования национальной инновационной системы в России: производственно-технологическим и инфраструктурным. Производственно-технологическое направление инновационного развития национальной экономики формируется на развитии пяти типов стратегических технологий пятого и шестого технологических укладов [2].

Активизация развития российской экономики после кризиса 2008–2009 годов характеризуется рас-

ширяющейся инвестиционной государственной поддержкой стратегически значимых отраслей, моногородов, транзакционного сектора и рынка рабочей силы, формирует необходимость сохранения социальной направленности структурных и институциональных реформ, обеспечивающих повышение управляемости формирующейся национальной инновационной модели развития. Комплексное исследование институциональных закономерностей развития рынка рабочей силы на региональном уровне позволяет преодолеть кризисное состояние территорий, снижение уровня социально-экономической напряженности и нестабильности.

Территориальный аспект научного рассмотрения рынка рабочей силы как социально-экономической системы опирается на базовые элементы регионального комплекса, такие как наемный работник, работодатель, предприятие, региональная инфраструктура, сбалансированная бюджетная политика региональных и муниципальных бюджетов, социальная политика, политика занятости, модели развития высокотехнологического комплекса, научно-образовательный комплекс и инновационные системы подготовки специалистов. Новая тенденция к территориальной децентрализации управления социально-экономическими процессами приводит к формированию самостоятельной политики развития модели и секторов рынка рабочей силы с учетом специализации, диверсификации территориального производственного комплекса, информационной и социальной инфраструктуры, межрегиональных и внешнеэкономических связей.

Сохранение социальной эффективности и направленности рынка рабочей силы как экономического института в условиях формирования инновационно-инвестиционной эффективности и дифференциации территориальных систем является новым элементом современной концепции развития российской экономики, изменения либерального направления парадигмы экономического развития. Повышение эффективности функционирования рынка рабочей силы в региональной системе, оптимизации координационного механизма, согласующего структуры спроса и предложения, опирается на подход «рационализации» экономического института и дополняется развитием точек экономического роста: технополисов, технопарков, центров трансфера технологий, инновационных программ. Многоуровневые

функциональные направления участия государства в процессах регулирования социально-экономических отношений на рынке рабочей силы территориальных образований обеспечивают сочетание национальных и региональных интересов. С введением методов государственного регулирования несовершенство механизмов саморегуляции рынка рабочей силы восполняется инновационной эффективностью, социальной направленностью региональной экономической системы.

Использование концепции инновационной модели промышленной политики в региональной системе и структурно-функционального подхода меняет значимость рынка рабочей силы по сравнению с другими ресурсными рынками. Такая концепция предполагает развитие трудового, производственного, научно-технического потенциалов в регионе, эффективное использование их для прогрессивных структурных сдвигов. Территориальный мониторинг, планирование, диагностика структуры спроса и предложения рабочей силы в сочетании с технологиями маркетинга разных сегментов рынка рабочей силы формируют возможности оценки влияния структурных сдвигов на рынок рабочей силы в условиях дифференциации региональных инновационных систем в России.

Литература

1. *Барышева, А.Б.* Инновации: учеб. пособие / А.В. Барышева, К.В. Балдин, С.Н. Ищенко, М.М. Передеряев. – М., 2007.
2. *Глазьев, С.Ю.* Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов / С.Ю. Глазьев. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/GlazjevSUR.htm> (Дата обращения 05.12.2010).
3. *Левита, Р.Я.* О социально-психологическом компоненте институциональных изменений в экономике / Р.Я. Левита // Экономика и математические методы. – 1996. – Т. 32. – Вып. 4. – С. 91–93.
4. *Морита, А.* Сделано в Японии: история фирмы «Сони» / А. Морита; пер. с англ.; общ. ред. А.Ю. Юданова. – М., 1993.
5. *Олейник, А.Н.* Институциональная экономика: учеб. пособие / А.Н. Олейник. – М., 2007.
6. *Ядгаров, Я.С.* История экономических учений: учеб. / Я.С. Ядгаров. – М., 2006.

МЕГАСТРУКТУРА ДИАХРОНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДНОГО СЛОВАРЯ

В статье рассматриваются принципы организации словаря нового типа: диахронического переводного словаря для переводчиков. На примере диахронического русско-немецкого словаря реалий анализируется мегаструктура изданий этого типа: описывается специфика рамочной конструкции, обосновывается необходимость и последовательность композиционных составляющих.

Лексикография, проблемы перевода, диахронический переводной словарь, мегаструктура.

The article deals with the principles of compilation of a new type of dictionary: a diachronic bilingual dictionary for translators. The mega-structure of this type of dictionary is analyzed on the example of the diachronic Russian-German reference book of the realities: the specifics of frame construction is described, the necessity and sequence of composite components is substantiated.

Lexicography, translation problems, diachronic bilingual dictionary, mega-structure.

В настоящее время в двуязычной лексикографии отмечается небывалый подъем, характеризующийся совершенствованием традиционных изданий и появлением большого количества новых разработок, способных удовлетворить разносторонние запросы современных пользователей словарной продукции. Переводные словари являются незаменимыми помощниками в практической переводческой деятельности [7, с. 109]. Вместе с тем лексикографы подчеркивают: «Каким бы полным ни был двуязычный словарь, как бы тщательно и исчерпывающе ни была разработана его «правая» часть (т. е. часть на выходном языке), она никогда не охватывает весь выходной язык, а именно не включает в себя ту его часть, которая является безэквивалентной по отношению к входному языку» (разрядка моя. – М. А.) [6, с. 22]. Представляется целесообразным и актуальным создание специальных переводных словарей, фиксирующих и этот слой лексики. Решить данную задачу поможет диахронический переводной словарь.

Диахронический переводной словарь (ДПС) содержит варианты перевода лексических единиц, не зафиксированных традиционными двуязычными словарями, причем он представляет несколько разных по времени выполнения переводческих решений, отобранных из параллельных переводов, выполненных профессиональными переводчиками. Он включает их толкование на исходном языке и все внетекстовые переводческие пояснения (в постраничных сносках или в затекстовых комментариях). Это позволяет читателю оценить тенденции передачи данной безэквивалентной единицы, выбрать наиболее удачное решение или создать свой вариант перевода.

«Создание общефилологического словаря диахронического типа... словаря с широкими хронологическими рамками, словаря, стремящегося хотя бы контурно отразить историю слова, диахронию лексико-семантических явлений, можно считать магист-

ральным направлением в русской исторической лексикографии» [2, 513]. В связи с этим считаем целесообразным разработку диахронических переводных словарей, отражающих историю перевода, способных наглядно показать конкретные этапные изменения в теории перевода на протяжении XIX–XXI вв. и послужить источником дальнейших исследований в области критики перевода (становление нормы перевода, изучение переводческих стратегий в синхронии и диахронии, принципов работы конкретных переводчиков и др.).

В данной статье мы коснемся принципов организации ДПС. Современные лексикографы выделяют несколько типов структур. Для двуязычной лексикографии особенно важны мега-, макро- и микроструктуры [6, с. 15]. Микроструктура отражает построение словарной статьи, макроструктуру составляет совокупность словарных статей, а мегаструктура охватывает остальные композиционные составляющие словаря [1, с. 58].

Необходимость выделения и изучения рамочной организации компонентов словаря была осознана сравнительно недавно, в начале XXI в. Мегаструктура, как правило, состоит из предваряющего текста, корпуса и заключающего текста. Предваряющий текст ДПС включает предисловие составителя, информацию о том, как пользоваться справочником, указания на лексикографические и иллюстративные источники, а также использованные в словаре условные обозначения. Затем следует основной корпус единиц с разновременными переводами и несколько приложений.

Рассмотрим особенности расположения различных частей словаря нового типа, его мегаструктуру, на примере диахронического русско-немецкого словаря реалий [3].

В **предисловии** раскрывается специфика данного издания: тип, концепция, методологическая установка, структура, особенности лексикографируемого материала, методика его отбора, способ представления, объем, назначение.

Предлагаемый читателям словарь-справочник – принципиально новая лексикографическая разработка. В ней представлена национально-специфичная лексика русского языка, отсутствующая в переводных русско-немецких словарях. Она отобрана в произведениях отечественных классиков и снабжена несколькими разновременными параллельными переводами.

Отметим, что возможно лексикографирование различных единиц перевода: окказионализмов, ономастической лексики, сниженной лексики, а также фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д. На данном этапе развития теории и практики перевода особенно полезны такие словари при отработке перевода безэквивалентных единиц, когда отсутствует словарное соответствие и переводчику приходится каждый раз принимать то или иное решение в зависимости от типа и вида перевода, используя различные приемы и их комбинации.

Задачи диахронического переводного словаря-справочника – предоставить пользователю информацию о возможных вариантах перевода, систематизировать опыт, накопленный многими поколениями переводчиков за определенный период, компактно и наглядно его представить и, таким образом, помочь принять осмысленное решение в конкретном случае перевода в условиях отсутствия словарного соответствия.

Данное издание относится к словарям активного типа. Оно адресовано всем, кто изучает немецкий язык, перевод, практикующим переводчикам, а также преподавателям немецкого языка, истории, теории и практики перевода. ДПС имеют яркую учебную направленность, поскольку они разработаны для русскоязычных студентов-бакалавров, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение». Их можно использовать и как словари, и как справочники безэквивалентной лексики конкретной языковой пары, источники иллюстративного и исследовательского материала для курсовых и дипломных работ. Таким образом, ДПС реализует переводную, учебную и справочную функции.

Правила пользования содержат конкретные указания относительно поиска вариантов перевода единиц, переводческих пояснений и обратного перевода.

Список источников примеров является важнейшей составляющей этого типа словарей. Диахронический переводной словарь-справочник предполагает всегда несколько разновременных вариантов перевода для слова входного языка, отобранных за достаточно продолжительный период времени (на протяжении одного или нескольких столетий). Работы классиков отечественной литературы как нельзя лучше подходят в качестве материала для создания учебных пособий для студентов-переводчиков. Европейские издательства предоставляют возможность повторных переводов шедевров мировой литературы опытным и квалифицированным специалистам. Множественные разновременные переводы являются богатейшим материалом для сопоставительных исследований и позволяют глубже изучить феномен перевода, охватывая работы нескольких поколений

переводчиков. Кроме того, оригинальные решения, принятые известными переводчиками, являются ценной информацией для студентов переводческих отделений.

По нашим наблюдениям, сделанным на основе изучения приемов передачи реалий в 20 параллельных разновременных переводах (см. подробнее [5]), изменения в технике перевода происходят каждые несколько десятилетий. Для их изучения необходимы большие корпуса параллельных переводов одного и того же текста. Полученные данные будут иметь огромное значение для развития теории перевода, истории теоретической мысли и практической деятельности в области перевода, переводной лексикографии.

Список условных сокращений содержит принятые в словаре знаки и пометы. Пометы включают слова, которые приводятся в сокращенной или условной форме на русском, немецком и латинском языках. Они вводятся курсивом и без скобок, например:

Русские

Словари русского языка

Л Краткий словарь чинов и званий государственной службы Московского государства и Российской Империи в XV – начале XX в. Д.В. Ливенцева.

ОС Объяснительный словарь русского языка: структурные слова / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева.

Принятые в словаре сокращения и знаки

устар. устаревшее слово

*знак ** наличие внетекстового пояснения

Немецкие и латинские

Толковые словари немецкого языка

D Duden. Deutsches Universalwörterbuch

W Wahrig. Deutsches Wörterbuch

Грамматическая характеристика слова

f Femininum – (существительное) женского рода

pl Plural – множественное число

Фамилии немецких переводчиков

M. K. M. Kegel – М. Кегель

S. G. S. Geier – С. Гайер

Корпус диахронического переводного словаря включает расположенные в алфавитном порядке единицы в минимальном контексте оригинального произведения (равном одному предложению) с вариантами их перевода в параллельных контекстах такой же длины, значением заголовочного слова, внетекстовыми пояснениями переводчиков. Все переводы вводятся последовательно: сначала варианты перевода из ранних работ, затем – из более поздних, например:

Русская реалия

Словарное

значение

половой, трактир

РСС. Половой: Слуга в трактире, обслуживающий посетителей. Трактир: небольшое столовое заведение с подачей вина, напитков (первонач. также с номерами для постояльцев).

Русский контекст	Ф. Д. с. 287. Он было вспомнил, что давеча говорил с половым в трактире за обедом об одном недавнем чрезвычайно странном убийстве...
Перевод № 1 Контекст	A. S., 1889, S. 270. Mit Gewalt suchte er sich nun ein Gespräch zu vergegenwärtigen, das er kurz vorher mit dem Kellner im Gasthof zur Waage gehabt – es handelte sich um einen Mord, der kurz vorher begangen worden war...
Перевод № 2 Контекст	H. R., 1923, S. 313. Er versuchte sich daran zu erinnern, daß er vorhin in dem Restaurant beim Mittagessen mit dem Kellner über einen kürzlich geschehenen, sehr eigenartigen Mord gesprochen hatte...
Перевод № 3 Контекст	G. J., 1931, S. 289. Für einen Augenblick besann er sich darauf, daß er während des Mittagessens mit dem Bedienten des Gasthauses über einen sehr eigentümlichen Mord gesprochen hatte...
Перевод № 4 Контекст	A. L., 1959, S. 298. Er erinnerte sich, daß er vorhin beim Mittagessen mit dem Kellner in der Gastwirtschaft von einem kürzlich vorgefallenen, höchst seltsamen Mord gesprochen hatte...
Перевод № 5 Контекст	H. H., 1986, S. 312. Ihm fiel ein, daß er beim Mittagessen in dem Gasthaus mit dem Kellner über einen unlängst geschehenen seltsamen Mordfall gesprochen hatte...
Перевод № 6 Контекст	S. G., 1996, S. 328. So erinnerte er sich, daß er vorhin beim Essen mit dem Kellner ins Gespräch gekommen war, über einen kürzlich geschehenen, äußerst seltsamen Mord...

Все переводческие внетекстовые пояснения в форме постраничных сносок или затекстовых комментариев фиксируются в словаре. Они помечены знаком звездочка (*) и расположены рядом с соответствующим вариантом перевода. В качестве при-

мера приведем фрагмент словаря-справочника реалий, в котором содержатся затекстовые комментарии:

Русская реалья Словарное значение	однодворец РСС. Однодворец, -рца, м. В России в старое время: происходящий из служивых людей владелец небольшого (в один двор) земельного участка (сам на нем работающий).
Русский контекст	Ф. Д. с. 32. А что касается до отцов и дедов, то они у нас и однодворцами бывали.
Перевод № 1 Контекст	A. S., 1889, S.6. Mein Vater und mein Großvater besaßen ein kleines Gut .
...	
Перевод № 5 Контекст	H. H., 1986, S. 11. Meine Vorväter waren immer nur Einhofbauern *...
Примечание	*Einhofbauern: In der Zeit der Leibeigenschaft staatseigene Bauer mit kleinen Landbesitz, oft auch mit Leibeigenen.
...	

Материал, представленный в таком виде, позволяет не только наглядно отобразить изменения принципов передачи данного слоя лексики на протяжении более ста лет, но и помогает выявить «проблемные места», лексические единицы, наиболее сложные для перевода. В данной публикации мы не будем останавливаться на вопросе специфики микроструктуры диахронических переводных словарей-справочников, поскольку этот материал подробно рассмотрен в работе «Словарная статья толково-переводного словаря для переводчиков» [4, с. 22–26] или по электронному адресу URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/185/004.pdf>.

Заключаящий текст словаря представлен двумя приложениями, увеличивающими его ценность как справочного пособия.

Сводная таблица вариантов перевода реалий

Игрок, 1866	Л. Хауфф, 1890	Э. Разин, 1910	Х. Рель, 1921	Х. Лоренц, 1958	В. Кройтцигер, 1971	Э. Маркштайн, 1992
...						
1.2. двугри- венный	einige Groschen несколько грошей	Mark f марка	Zwanzigko- pekenstück m двадцатико- пешечная моне- та	Zwanziger m двадцатчик	ein paar Groschen пару грошей	zwanzig Ko- peken 20 копеек
...						
Идиот, 1868	А. Шольц, 1889	Г. Ярхо, 1908	Х. Рель, 1923	Р. Кадрия, 1951	Х. Хербот, 1986	С. Гайер, 1996
1.27. одно- дворец	besaß ein kleines Gut владел небольшо- й усадьбой	hat sie nicht mehr als einen einigen Hof besessen имел не бо- лее одного крестьянского двора	hat nur Bau- erngüter beses- sen владелец крестьянских усадеб	besaß die nur ein einziges Gut владел одной единственной усадьбой	Einhofbauer*m владелец од- ного крестьян- ского двора	Freisasse m свободный мелкий земле- владелец

Первое приложение содержит сводную таблицу разновременных вариантов перевода русских безэквивалентных единиц. Немецкие переводные эквиваленты представлены без контекста, но с обратным переводом автора, выделенным курсивом. Варианты перевода каждой единицы систематизированы в алфавитном порядке по отдельным произведениям, поскольку они транслировались разными переводчиками, и по времени их перевода. Рассмотрим фрагмент сводной таблицы указанного выше словаря.

Этот компонент словаря играет важную систематизирующую роль: позволяет проследить эволюцию принципов передачи определенного слоя лексики на протяжении более ста лет. Новое системное представление русских безэквивалентов открывает широкие возможности использования справочного издания в сфере научных исследований истории, теории, лексикографии перевода и в сфере практики перевода.

Второе приложение включает список русских слов, освоенных немецким языком. Словарными называют заимствованные освоенные и не до конца освоенные, фиксируемые в словарях чужого языка единицы исходного языка. Так, например, в указанный выше словарь входят словарные русские реалии, отобранные по словарю иностранных слов немецкого языка „Duden Fremdwörterbuch 2001“. Представим фрагмент справочника:

Balalaika [russ.] die; -, -s u. ...ken: mit der Hand oder einem Plektron geschlagenes, dreisaitiges russ. Instrument

Balban [russ.] der; -s, -e: (veraltet) künstlicher Lockvogel (Jagdw.)

Balyk [russ.] der; -: getrockneter Störücken (russ. Delikatesse)

Barsoi [...seu; russ.] der; -s, -s: russischer Windhund

Beluga [russ.] I. die; -, -s: 1. russischer Name für den Hausen (einen Störfisch). 2. ältere Bezeichnung für den Weisswal. II. der; -s: aus dem Rogen des Hausens bereiteter Kaviar

Bitok [russ.] der; -s, -s u. Bitki: kleiner, runder gebratener Fleischkloß

Bojar [russ.] der; -en, -en: 1. Angehöriger des nichtfürstlichen Adels, der gehobenen Schicht in der Gefolgschaft der Fürsten u. Teilfürsten im mittelalterl. Russland. 2. adliger Großgrundbesitzer in Rumänien bis 1864

Bolschewik [russ.; „Mehrheitler“] der; -en, -i (abwertend: -en): Mitglied von Lenin geführten revolutionären Fraktion in der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Russlands vor 1917; (bis 1952) Mitglied der Kommunistischen Partei Russlands bzw. der Sowjetunion; (abwertend) Kommunist.

Borschtsch [russ.] der; -: russ. Kohlsuppe mit Fleisch, verschiedenen Kohlsorten, roten Rüben u. etwas Kwass

Burlak [russ.] der; -en, -en: Schiffsknecht, Schiffszieher (im zarist. Russland)

Byline [russ.] die; -, -n: episches Heldenlied der russischen Volksdichtung.

Как показывает диахронический сопоставительно-переводческий анализ, словарные реалии не всег-

да используются на практике [5, с. 192–195]. Мы посчитали необходимым включить это приложение в общую структуру как обязательное условие реализации учебной функции словаря: ознакомления начинающих переводчиков с традициями передачи данного слоя лексики. В современных переводах следует применять сложившиеся и закрепившиеся в словарях переводческие решения.

В конце словаря приводится алфавитный указатель русских безэквивалентов с указанием соответствующей страницы справочника, чтобы помочь читателю быстро найти варианты перевода той или иной единицы.

Резюмируя описанные особенности рамочной конструкции диахронического русско-немецкого словаря реалий, представим взаиморасположение основных структурных единиц изданий этого типа в виде схемы:

1. Предваряющий текст.

1.1. Предисловие.

1.2. Правила пользования.

1.3. Список источников примеров.

1.4. Список лексикографических источников.

1.5. Список условных сокращений.

2. Корпус.

3. Закрывающий текст.

3.1. Сводная таблица разновременных вариантов перевода.

3.2. Словарные единицы.

3.3. Алфавитный указатель входных единиц.

Такая мегаструктура диахронического переводного словаря-справочника продиктована спецификой объекта лексикографирования:

- безэквивалентные единицы нуждаются в фиксации, а многовековая практика перевода предоставляет ряд готовых решений, выполненных профессиональными переводчиками. Корпус содержит список словарных статей, раскрывающих разнообразные возможности передачи безэквивалентной лексики. Для компактного представления единиц, сопоставления и осознанного выбора оптимального эквивалента в конкретной ситуации перевода в словаре приводится сводная таблица вариантов перевода;

- отсутствие в принимающей культуре уникального объекта или явления, лежащего в основе номинации, вызывает необходимость включения толкования. Раскрытия значения также требует устаревшая лексика, которая становится непонятной, как и иностранные слова;

- некоторые единицы зафиксированы в словарях иностранных слов принимающего языка, однако переводчики по различным причинам не используют их. Список словарных единиц позволяет познакомиться с освоенными современным языком словами.

Краткая характеристика всех элементов рамочной конструкции ДПС на примере диахронического русско-немецкого словаря реалий показывает их взаимосвязь и взаимозависимость и представляет все составляющие как отдельную сложную систему, единый инструмент перевода. Их состав и последовательность обусловлены назначением новой лексикографической разработки и позволяют в полной мере

реализовать переводную, справочную и учебную функции.

Литература

1. *Авербух, К.Я.* Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие / К.Я. Авербух, О.М. Карпова. – М., 2009.
2. *Алексеев, А.А.* Историческая лексикография XX в. / А.А. Алексеев, Г.А. Богатова // История русской лексикографии. – СПб., 2001. – С. 503–513.
3. *Алексеева, М.Л.* Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф.М. Достоевского: словарь-

справочник / М.Л. Алексеева. – Екатеринбург, 2007.

4. *Алексеева, М.Л.* Словарная статья диахронического толково-переводного словаря для переводчиков / М.Л. Алексеева // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2010. – № 40. – С. 22–26.
5. *Алексеева, М.Л.* Перевод реалий и реалии перевода: особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф.М. Достоевского / М.Л. Алексеева. – Екатеринбург, 2010.
6. *Берков, В.П.* Двухязычная лексикография / В.П. Берков. – М., 2004.
7. *Дубичинский, В.В.* Лексикография русского языка / В.В. Дубичинский. – М., 2009.

УДК 811.111

Е.А. Варлакова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор И.А. Щирова

ПОРТРЕТНОЕ ОПИСАНИЕ ПРОТАГОНИСТА В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДЕТЕКТИВНОГО ТЕКСТА

В статье проводится сравнительный анализ портретной детали, участвующей в создании портретного описания сыщика-протагониста, ее функциональной направленности и языковых средств реализации. Портретная деталь исследуется на материале двух типов детективного текста: аналитического и жесткого. Основным тезисом статьи является вывод о текстотипологической отмеченности портретной детали.

Художественная деталь, портретная деталь, тип текста, аналитический детектив, жесткий детектив.

The article analyses the portrait detail which forms the detective-protagonist portrait description, its functional orientation and linguistic means of implementation. The portrait detail is studied on the base of two detective text-types: the analytical detective story and the hard detective. The main thesis of the article covers the idea that the portrait detail is marked by text-type.

Poetic detail, portrait detail, text-type, analytical detective story, hard detective.

В содержательно-смысловой структуре художественного текста неизбежно реализуются универсальные категории «человек», «пространство» и «время». Познание и эстетическое отражение мира имеет своей конечной целью познание человека, что подтверждает абсолютно антропоцентрический характер художественного произведения. Представления о человеке развиваются автором в системе создаваемых им действующих лиц (персонажей). Персонаж является субъектным центром художественного мира и главным объектом познания в форме художественного текста [5, с. 219, 230–231].

Материалом данной статьи выступают тексты детективной прозы, в сюжете которых, как правило, присутствуют три персонажа – преступник, жертва и детектив (сыщик), необходимые для выстраивания событийной линии текста и разрешения ключевого конфликта детектива – конфликта между добром и злом. Первое из этих конфликтных начал традиционно символизируется образом сыщика, а второе – образом преступника, т.е. его антагонистом. Протагонист (сыщик) и антагонист (преступник) формируют линию расследования преступления, при этом преступник, согласно законам жанра, обычно «скрыт» от глаз читателя.

Важнейшим средством изображения протагониста художественного текста признается создание его

портретной характеристики. Как «устойчивый комплекс внешнего человека» портрет включает описание наружности: телесных, природных, возрастных черт внешности (черт лица, цвета волос); всего того, что сформировано социальной средой, культурной традицией; а также характерных для персонажа телодвижений и поз, жестов и мимики, выражения глаз и лица [3, с. 181]. При этом некоторые из портретных деталей, называя внешнее, указывают на черты внутреннего мира. О природе, функциях и семантике художественной детали подробно пишет И.А. Щирова. По мнению автора, такая деталь является минимальным эстетически значимым компонентом художественного текста, индуцирует в воспринимающем сознании целостный художественный образ и, в зависимости от семантики реализующих ее языковых единиц, носит констатирующий или имплицитный характер, как это имеет место в упомянутых нами выше «овнешняющих деталях» [4, с. 13].

Целью предполагаемого далее анализа портретных деталей, формирующих образ сыщика-протагониста, является попытка охарактеризовать их как типологически отмеченные, т.е. зависящие от типа детектива, в котором они используются. По причине ограниченности объема статьи, выявление типологической маркированности художественных деталей будет прослежено на примере двух типов детектив-

ного текста (аналитического (классического) и жесткого) и проведено на одном – лексико-семантическом уровне.

Расцвет **аналитического детектива** приходится на время бурного развития науки и культуры и, в частности, связан с началом развития криминалистики (появлением первых систем идентификации по антропометрическим данным, полицейских портретов, отпечатков пальцев), зоологии, биологии, химии. В аналитическом детективе сыщик-протагонист представляет собой воплощение торжества рационализма, науки и силы логического мышления. В качестве основного инструмента ведения расследования описываются интеллектуальные способности. Языковые средства, включенные в портретные описания, называют особенности внешности, которые ассоциируются в сознании с острым умом и пронизательностью.

Так, в цитируемых ниже фрагментах текстов аналитических детективов (“The Adventures and Memoirs of Sherlock Holmes”; “A Study in Scarlet”, “At Bertram’s Hotel”) детали внешности сыщиков формируются предложениями и словосочетаниями, в состав которых входят прилагательные *piercing* и *sharp* (*his sharp, eager face; His eyes were sharp and piercing; a piercing glance*):

1. Sherlock Holmes, with **his sharp, eager face** framed in his ear-flapped travelling-cap, dipped rapidly into the bundle of fresh papers which he had produced at Paddington [10, с. 277].

2. Miss Marple paused by her room door and directed **a piercing glance** after him [7, с. 88].

3. **His eyes were sharp and piercing**, save during those intervals of torpor to which I have alluded; and his thin, hawk-like nose gave his whole expression an air of alertness and decision [9, с. 14].

Прилагательное *piercing* реализует в микроконтексте процитированного предложения узуальное значение affecting sharply the senses or feelings of [13, с. 1090] и указывает на пронизательный ум героя. И взгляд (*His eyes were sharp*), и выражение лица Холмса (*his sharp, eager face*) характеризуются прилагательным *sharp* в значении quick, acute, or penetrating in perception or intellect [13, с. 1318], также свидетельствующим о неординарных аналитических способностях протагониста.

Исключительные интеллектуальные способности и особая сила логического мышления сыщиков в аналитическом детективе нередко прямо номинируются автором. Сравни экспликационные словосочетания (*the art of the reasoner; powers of observation and memory; usual clear-eyed common sense*) в предложениях, приведенных далее. Заметим, что рассматриваемые примеры включают в себя существительные, относящиеся к ментальной деятельности и работе и работе мозга (*analysis, reasoner, brain, memory, common sense*):

1. It is one of those cases where **the art of the reasoner** should be used... [10, с. 278].

2. I already know what your **powers of observation and memory** are and you didn’t have to demonstrate them by remembering that I had mentioned his name on the fly... [12, с. 63].

3. She [Marple] knew quite well, with her **usual clear-eyed common sense**... [7, с. 14].

Свидетельством принадлежности аналитического детектива на раннем этапе его развития к конкретному социокультурному контексту становится отражение в нем философских идей логического позитивизма, рассуждений об идеальном методе, при помощи которого можно обнаружить истину. Таким методом называют дедуктивный метод, предполагающий использование общих фактов для получения точной информации о конкретной ситуации, его ключевым средством признается наблюдательность и логическое рассуждение. Сошлемся на некоторые, наиболее простые примеры, иллюстрирующие данный метод. Так, по отдельным портретным чертам человека сыщик, согласно авторской интенции, оказывается способным судить о характере или профессиональной сфере, которую представляет этот человек. Эркюль Пуаро, глядя на подбородок девушки, делает вывод о ее решительности, а Шерлок Холмс по форме ушей определяет, что персонаж был в прошлом боксером:

1. M. Hercule Poirot thought, “She is pretty, that little one over there. There is **determination in that chin**” [8, с. 10].

2. “It is your ears. They have the peculiar flattering and thickening which **marks the boxing man**” [10, с. 341].

Приверженец идей о рационализме и логическом позитивизме сыщик-аналитик представляет собой «великолепную машину для наблюдений и решений» (“the most perfect reasoning and observing machine”), он чужд эмоциям и чувств [1, с. 74]. Неслучайно портретные описания такого протагониста содержат детали, включающие существительное (*machine*) и/или языковые единицы с отрицательной оценочной направленностью, которые номинируют отсутствие «душевных движений» (*inhuman, without a heart, unemotional character*):

1. When I glanced again his face had resumed that red-Indian composure which had made so many regard him as **a machine rather than a man** [9, с. 398].

2. This reticence upon his part had increased **the somewhat inhuman** effect which he produced upon me, until **some brain without a heart**, as deficient in human sympathy as he was preeminent in intelligence. His aversion to women and his disinclination to form new friendships were both typical of **his unemotional character** [9, с. 430].

Неопределенные местоимения (*somewhat, some-brain*), отрицательные префиксы у прилагательных (*inhuman, unemotional*), отрицательный предлог (*without*) создают в сознании читателя образ неподвластного переживаниям профессионала, способного абстрагироваться от простых человеческих чувств ради достижения высокой цели.

На состояние погружения сыщика в размышления нередко указывают такие портретные детали, как позы и жесты, например, статичное положение (*leaning back*), закрытые глаза (*his eyes closed*), сомкнутые пальцы рук героя (*with his finger-tips together, putting his fingertips together*) (ср.: имплицитные детали, [4]).

Приведем некоторые примеры:

1. Poirot made a frantic gesture with his hands – **his eyes closed** – his face contorted in agony. ‘A little minute – a little minute,’ he implored them. ‘I have got to think, to see, to realize how this affects my ideas of the case. I must go back in my mind. I must remember... [8, с. 37].

2. Sherlock Holmes **closed his eyes** and placed his elbows upon the arms of his chair, **with his finger-tips together**. “The ideal reasoner”, he remarked, “would, when he had once been shown a single fact in all its bearings, deduce from it not only all the chain of events which led up to it but also all the results which would follow from it” [10, с. 102].

3. “Try the settee,” said Holmes, relapsing into his arm-chair and **putting his fingertips together**, as was his custom when in judicial moods [9, с. 26].

Жесткий детектив зародился в эпоху Великой депрессии: эпоху безработицы, расовой нетерпимости, расцвета преступности, наркомании и коррупции. Современная его автору действительность отличается особой жестокостью. Иным становится и образ протагониста: герой жесткого детектива не рассуждает, не сопоставляет, не умозаключает, – он борется и выступает как персонаж действия [2, с. 317]. Ему самому иногда приходится преступать закон и прибегать к помощи физической силы. В портретных зарисовках сыщика-протагониста жесткого детектива нередко присутствует экспрессивное прилагательное *tough*. Оно функционирует в условиях «стилистически непогашающего контекста» и одновременно реализует несколько узуальных значений: а) strong of physique; robust; hardy; б) displaying mental or moral firmness; с) hard to convince or influence; stubborn; д) aggressive; brutal or rough [13, с. 1513]. Часто авторы жесткого детектива прибегают и к использованию прилагательного *hard-boiled* в его неформальном значении (ср. само название рассматриваемого нами типа детектива): not affected by sentiment, pity, etc.; tough; callous [13, с. 647] (ср.: русскоязычный перевод названия рассматриваемого нами детектива – «жесткий», «крутой»).

Примеры из романов Р. Чандлера “The Little Sister” и Д. Хеммета “The Glass Key” иллюстрируют высказанные соображения:

1. The Luger under my arm and the 32 in my hand **made me tough**. Two-gun Marlowe, the kid from Cyanide Gulch [6, с. 228].

2. “You can’t croak him. He’s **tough**. He’s a **tough baby**. He likes this” [11, с. 84].

3. “I heard you were **kind of hard-boiled**,” Toad said slowly, his eyes cool and watchful [6, с. 101].

Жестокость, продажность современного общества, отсутствие напарника вызывают у протагониста, несмотря на всю его «жесткость», постоянное чувство одиночества. Об этом свидетельствуют присутствующие в его портретных описаниях эпитеты *lonely* и *lone*. Прилагательные, формирующие эти эпитеты, реализуют узуальное значение *isolated; apart from anything or anyone else* [13, с. 845] и номинируют одиночество героя:

1. “Yes,” I said, “I talk too much. **Lonely men** always talk too much. Either that or they don’t talk at all. Shall we get down to business? [6, с. 12].

2. “I can’t see myself by-passing the police who have an organization for finding people. And going to a **lone-wolf** operator you never heard of, asking him to root around for you in the rubble. <...> No letter from Orrin. No news” [6, с. 45].

Фразеологизм *a lone-wolf* в приведенном выше фрагменте текста реализует неформальное значение one who prefers to be independent of others, as by living or working alone [13, с. 1004].

Портретные описания героя жесткого детектива часто включают языковые средства со значением «усталый», например: 1) прилагательное *tired (tired face)* – в значении *fatigued, worn-out, or weary* [13, с. 1502]; 2) наречие *wearily* – в значении: *tired, worn out* [13, с. 1621]; а также 3) прилагательное *jaded (jaded and old)* – в значении *tired, worn-out, wearied* [13, с. 763]:

1. Outside the Buckman Ned Beaumont started briskly down the street. His eyes were glowing in **his tired face** and his dark mustache twitched above a flickering smile [11, с. 43].

2. I leaned against the wall **wearily** and listened [6, с. 179].

3. I knocked the two longs and two shorts as instructed. Nothing happened. I felt **jaded and old** [6, с. 55].

В качестве завершения рассуждений о типологической маркированности портретной детали в жестком детективе сошлемся еще на один пример. Цитируемый отрывок указывает на отрицательное отношение протагониста к окружающему миру, на ощущение им внутренней опустошенности и своей ненужности. В создании характеристики, которую «герой дает самому себе», автор использует параллельные структуры, в состав которых входит повторяющаяся отрицательная частица *no (no face, no meaning, no personality)*, уточняющую частицу *hardly* с отрицательным значением *probably not, not likely* [13, с. 648] и перифраз, усиленный образным сравнением (*the page from yesterday’s calendar crumpled at the bottom of the wastebasket*). Все эти стилистические средства создают общеизвестный прием конвергенции, фокусирующий внимание читателя на содержательном и смысловом наполнении образа:

I had **no face, no meaning, no personality, hardly a name. I was the page from yesterday’s calendar crumpled at the bottom of the wastebasket** [6, с. 211].

Проведенный нами анализ позволяет подвести некоторые итоги. В тексте аналитического детектива портретная деталь функционально направлена на создание образа протагониста, полностью погруженного в «работу сознания», и формируется языковыми средствами, номинирующими его интеллектуальные способности и силу логического мышления. На фоне доминирующего *ratio* эмоции и чувства такого героя, как правило, не только не акцентируются, но и намеренно отодвигаются автором на второй план. В жестком детективе портретные детали описывают сыщика, способного на проявление эмоций, хотя, как правило, отрицательных: протагонист не скрывает разочарования в современном ему обществе и страдает от одиночества. Текстотипологическая маркированность портретной детали подтверждается социокультурным контекстом, которому принадлежат

анализируемые нами типы детективных текстов. Эпоха логического позитивизма и научных открытий нуждалась в раскрытии интеллектуального потенциала личности (аналитический детектив), в то время как эпоха Великой депрессии требовала от человека жесткости и активной жизненной позиции, обрекая его вместе с тем на чувство одиночества (жесткий детектив).

Литература

1. *Адамов, А.Г.* Мой любимый жанр – детектив: записки писателя / А.Г. Адамов. – М., 1980.
2. *Анджипаридзе, Г.А.* Феномен Реймонда Чандлера: [послесловие к рассказам Р. Чандлера] / Г.А. Анджипаридзе. – М., 1983. – С. 313–331.
3. *Хализев, В.Е.* Теория литературы: учеб. пособие / В.Е. Хализев. – М., 2007. – С. 181.

4. *Щирова, И.А.* Психологический текст: деталь и образ / И.А. Щирова. – СПб., 2003.
5. *Щирова, И.А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация : учеб. пособие / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб., 2007. – С. 230–232.
6. *Chandler, R.* The Little Sister / R. Chandler. – L., 2005.
7. *Christie, A.* At Bertram's Hotel / A. Christie. – SPb., 2005.
8. *Christie, A.* Death in the Clouds / A. Christie. – СПб., 2007.
9. *Doyle, A.C.* Study in Scarlet and The Sign of Four / A.C. Doyle. – L., 2004.
10. *Doyle A.C.* The Adventures and Memories of Sherlock Holmes / A.C. Doyle. – L., 1996.
11. *Hammett, D.* The Glass Key / D. Hammett. – М., 1985.
12. *Stout, R.* Champagne for One / R. Stout. – SPb., 2005.
13. *Webster's New World College Dictionary.* – N.Y., 1997.

УДК 81'373.2

Р.И. Воронцов

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор В.Д. Черняк

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена проблеме взаимодействия языка и культуры в сфере ономастики. Вводится понятие семантического развития имени собственного как культурно-обусловленного процесса, и описываются его свойства.

Имя собственное, семантическое развитие, трансляция культуры, метафора, метонимия.

The paper is devoted to the problem of language and culture interaction in the sphere of onomastics. The notion of semantic progress of the proper name is introduced, being referred to as a culturally conditioned process. Besides, its typological features are described.

Proper name, semantic progress, cultural transmission, metaphor, metonymy.

Уникальность имени собственного как единицы языка состоит, прежде всего, в том, что, будучи, подобно слову, единицей номинативной, оно реализует свою номинативную функцию не в полном объеме: имя собственное не обозначает общего понятия. Однако эта кажущаяся ущербность имени оборачивается для него существенным преимуществом. Имя собственное, оставаясь единицей лексического уровня, при определенных условиях может расширить объем применения, развиг в своей семантике сигнификативную область, и стать, таким образом, обозначением общего, «нарицательного» понятия. Нетипичность подобного обозначения, в свою очередь, обуславливает его экспрессивность, стилистическую яркость и семантическую емкость. В качестве примера можно привести такие широко известные случаи перехода собственных имен в нарицательные, как *донжуан, донкихот, гамлет, обломов, фамусов* и т. д.

Таким образом, **семантическое развитие имени собственного** представляет собой формирование в его смысловой структуре сигнификата (понятийной отнесенности) и, как следствие, образование единицы, близкой к именам нарицательным. Семантичес-

кое развитие имени собственного охватывает целый круг явлений: а) *метафорическая деонимизация* (перенос имени по сходству: *митрофанушка, отелло, росинант*); б) *метонимическая деонимизация* (перенос имени по смежности: *джоуль, макинтош, страдивари*); в) *антономазия* (ономастическая метафора, представляющая собой текстовое явление и, в отличие от метафорической деонимизации, носящая, как правило, окказиональный характер).

Образование «нарицательного значения» имени осуществляется на базе одного или нескольких ассоциативных признаков, входящих в окружающий имя широкий экстралингвистический ассоциативный фон. Имя собственное (и особенно – культурно значимое), обладая языковой природой, в то же время чрезвычайно сближено с экстралингвистическим, культурным контекстом. До тех пор пока оним остается онимом, вся ассоциативно связанная с ним культурная информация пребывает за гранью языковой семантики, но как только хотя бы один из элементов этого культурного фона начинает ассоциироваться с новым референтом, на который переносится имя, культурный смысл становится фундаментом

сигнификата новой единицы, культурное содержание переносится в лингвистическую плоскость и с одного предмета (первоначального носителя имени) распространяется (потенциально) на неограниченное число предметов. Так – в самом общем приближении – с помощью семантического развития имени собственного происходит языковая трансляция культуры.

В фундаментальной работе Г.П. Нешиченко [1] описываются свойства языковой системы, позволяющие ей служить органичным средством трансляции, распространения духовных ценностей (культуры). Рассмотрим эти свойства в применении к такому частному языковому явлению, как семантическое развитие имени собственного.

1. *Язык – универсальная знаковая система открытого типа, способная к постоянному совершенствованию.* «Импульсы, стимулирующие эволюцию языковой системы, зарождаются внутри этносоциального коллектива, использующего язык в качестве средства общения, регулируются его социальным заказом, однако их конечная реализация осуществляется в соответствии с имманентными языковыми закономерностями» [1, с. 36]. Импульсы к семантическому развитию имени собственного рождаются внутри культурного ассоциативного фона, окружающего имя. В этом обширном эмоционально-признаковом пространстве выделяются аксиологически значимые ассоциативные признаки, в результате чего запускается установившийся языковой механизм: на базе этих признаков у имени собственного вырабатывается понятийная отнесенность. Так, для семантического развития имени *Отелло* импульсом послужило выделение признака ревности, которое привело к формированию «нарицательного» значения: *Отелло* – «ревнивый человек».

2. *Постепенность развития языка*, которая «делает возможным восприятие результатов духовного освоения действительности самыми различными поколениями данного социума, то есть обеспечивается историко-культурная преемственность общества» [1, с. 37]. Данное свойство языка применительно к семантическому развитию имени собственного реализуется в двух аспектах.

Во-первых, значение отонимного деривата может претерпевать более или менее значительные изменения в ходе исторического развития языка и общества. В разные эпохи у одного и того же имени могут формироваться разные коннотации. Ярчайшим примером здесь служит история имени *Дон Кихот* (*донкихот*) в русском языке. Попав в русское культурное пространство в XVIII веке, *Дон Кихот* долгое время воспринимался иронически, даже саркастически: *Дон Кихот* – шут. Это было связано как с просветительской идеологией, с точки зрения которой поступки *Дон Кихота* неразумны, а следовательно, смешны и нелепы, так и с тем фактом, что роман Сервантеса был известен российским читателям во французском переводе, носившем на себе след классицистического рационализма. Однако уже на рубеже XVIII–XIX веков образ *Дон Кихота* начинают романтизировать: на первый план выходит его честность, благородство, верность идеалам. Имя обраста-

ет положительными коннотациями. И лишь впоследствии, во многом благодаря статьям В.Г. Белинского и И.С. Тургенева, имя *Дон Кихот* (*донкихот*) начинает пониматься с имманентно присущей ему амбивалентностью (см. подробнее [2]).

Таким образом, языковая модель семантического развития имени собственного оказывается открытой к видоизменениям, к наполнению новым культурным содержанием. Более того, она аккумулирует в себе разные смыслы, обеспечивая историческую преемственность.

Во-вторых, культурно значимые собственные имена являются важнейшей частью такого феномена, как *культурная грамотность*. Термин «культурная грамотность» был введен американским культурологом Э. Д. Хиршем для обозначения минимального набора знаний, необходимых человеку для гармоничной жизни в обществе [3]. Прежде всего, сюда относится владение культурно-обусловленными языковыми средствами, такими как прецедентные высказывания, прецедентные имена, географические названия, общенаучные понятия и т. д. Важнейшим критерием для включения той или иной единицы в состав культурной грамотности является ее известность большинству членов этносоциального коллектива на определенном этапе его истории. Очевидно, что объем и состав культурной грамотности меняется вместе с языковой и социокультурной ситуацией. Некоторые имена постоянны: это, прежде всего, так называемые «вечные образы» (*тартюф*, *казанова*, *фальстаф*, *хлестаков*). Другие имена приходят и уходят. В этом отношении весьма характерна история имен персонажей С. Ричардсона, английского писателя, пользовавшегося огромной популярностью в России на рубеже XVIII–XIX веков. Грандисон, Ловелас, Кларисса, Памела – все эти имена составляли важный компонент культурной грамотности в начале XIX века и соотносились с определенными «нарицательными» понятиями: Грандисон – образец светскости и неотразимости, Ловелас – волокита, соблазнитель, Памела – воплощенная добродетель и т. д. Впоследствии забвение романов Ричардсона, их почти полное исключение из круга чтения постепенно вывели из состава культурной грамотности и имена персонажей. Тем не менее любопытно, что одно из этих имен – Ловелас – настолько упрочило свои системно-языковые позиции, что сегодня воспринимается почти исключительно как имя нарицательное.

Так, культурная грамотность одновременно обеспечивает и динамику культурно-языкового взаимодействия в области семантического развития собственных имен, и историко-культурную преемственность общества: движение «преходящих» имен на фоне «вечных».

3. *Аналогичность репродукции языковых схем*, «способствующая более оперативной «расшифровке» информации, снижению коммуникативных потерь» [1, с. 37]. Из всего круга явлений, составляющих феномен семантического развития имени собственного, *ономастическая метафора* наиболее зависима от языковой модели, контекста, в котором она

реализуется. Вообще «использование тропов самого разнообразного характера... невозможно без контекстного ограничения» [4, с. 100], но для ономастической метафоры (в большей степени окказиональной) включенность в тот или иной типизированный контекст особенно важна. Окказиональные продукты ономастической метафоры редко обладают четким значением. Смыслы, извлекаемые из «мутной семантической среды» [5, с. 348], окружающей культурно значимое имя собственное, как правило, сохраняют свою диффузность. Включение же имени в одну из речевых моделей ономастической метафоры позволяет ему отчасти преодолеть свою многомерность, что, безусловно, помогает адресату «расшифровать» заложенный в имя смысл. Так, например, наибольшей стабильностью обладают контексты ономастической метафоры, связанные с идеей времени. Ср.:

Историки польские говорят, что Великий князь (Изяслав Ярославич. – Р. В.), обязанный королю (Болеславу II. – Р. В.) переменю судьбы своей, взялся содержать его войско, и дал ему съестные припасы, одежду и жалованье; что Болеслав, плененный красотой места, роскошными приятностями Киева и любезностью россиянок, едва мог выйти из сей новой Капуи, что он на возвратном пути, в Червенской области, или Галиции, осаждал Перемышль, который, будучи весьма укреплен искусством, каменными стенами и башнями, долгое время оборонялся (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2).

Замечательно во Франции постоянное сродство бонапартизма с революцией: синий мундир подбит красным сукном. И нынешний Гришка Отрепьев (Наполеон III. – Р. В.), принизив Францию самым постыдным и оскорбительным игом, твердит о правилах 1789 года, низвергнувших династию Бурбонов (Греч Н.И. Записки о моей жизни).

Она (кузина. – Р. В.) поддержала во мне мои политические стремления, пророчила мне необыкновенную будущность, славу, – и я с ребячьим самолюбием верил ей, что я будущий «Брут или Фабриций» (Герцен А.И. Былое и думы).

К чрезвычайно устойчивым можно также отнести экспрессивную модель бессоюзного однородного ряда имен в форме множественного числа:

Чувствительные души толпами ходили гулять на Лизин пруд; Эрасты, Леоны, Леониды, Мелодоры, Филалеты, Нины, Лилы, Эмилии, Юлии размножились до чрезвычайности, вздохи превращали самые тихие дни в ветреные, слезы потекли реками... (Белинский В.Г. Русская литература в 1845 году).

Таким образом, любое окказиональное метафорически переосмысленное имя собственное может быть адаптировано к языковой системе путем его использования в рамках определенной устоявшейся модели.

4. Внутренняя компактность языковых знаков, связанная с «возможностью насыщения имеющихся знаковых единиц максимально емким содержанием. <...> Таким образом, при определенном минимуме средств выражения достигается максимум семантической емкости» [1, с. 37]. Здесь уместно вспомнить

и о понятии *сгущения мысли*, предложенном А.А. Потебней: «сгущением может быть назван тот процесс, в силу которого становится простым и не требующим усилия мысли то, что прежде было мудрено и сложно» [6, с. 195]. Так, культурно значимое собственное имя, обладающее уникальным ономастическим значением и окруженное обширным экстралингвистическим смысловым полем, развивая дополнительный «нарицательный» смысл, становится лаконичным и в то же время предельно емким средством выражения. Мысль, растворенная в ассоциативно-семантической ауре, окружающей такое имя, сгущается в его «нарицательном» значении. «Используя единичный антропоним в метафорической функции, мы позволяем себе сказать мало там, где нужно было бы говорить слишком много, если бы приходилось обходиться только нарицательными словами. Имя дает возможность выразить признаки человека, не называя их непосредственно» [7, с. 66].

А.С. Пушкин в своих заметках так характеризует А.Л. Давыдова:

*«***был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст» (Table-Talk).*

Метафорически переосмысленное имя шекспировского персонажа заменяет в данном случае восемь (!) характеристик, являя пример удивительной содержательной емкости. Семантическое развитие имени собственного, таким образом, представляет собой чрезвычайно эффективный способ сгущения смысла, что, безусловно, составляет одну из его важнейших функций на стыке языка и культуры.

5. Дифференциация языковой системы на центр и периферию, которая «позволяет вычленив в имеющемся инвентаре языковых знаков активно востребованные пласты, а также пласты маргинальные» [1, с. 37]. Поскольку семантическое развитие имени собственного – явление, прежде всего, речевое, постольку так многочисленны окказиональные случаи перехода собственных имен в нарицательные. Так, например, существует мнение, согласно которому антономазия («антономасия») есть сугубо окказиональная стилистическая фигура [8, с. 100]. В сущности, окказиональную нарицательность может приобрести любое имя собственное, известное в том или ином языковом коллективе, от целого этноса до узкого круга родственников, друзей или коллег. Ср.:

Он (Грибоедов. – Р. В.) певал эту песенку, сидя за фортепьяно, и дал фамилию угольщику: Психадзе. Так назывались разбойничьи шайки на кавказских дорогах. Он делал большие глаза и говорил шепотом: Психадзе.

Вокруг бродили психадзы, а дома пели сверчки, домашние психадзы. <...> И тут появилась прямая психадза: Давыдчик со своими друзьями, и с ними вернулся Завилейский, они его вернули с полпути (Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара).

В узусе закрепляются только наиболее частотные имена с «нарицательными» значениями, известные большинству носителей языка. Однако и в кругу узальных семантически видоизмененных имен наблюдается важное расслоение. Так, если значения имен

тартюф, *ловелас* и *отелло* легко исчерпываются одной характеристикой (соответственно 'лицемер', 'обольститель' и 'ревнивец'), то такие имена, как *Гамлет*, *Дон Кихот* и *Фальстаф* оказываются гораздо более многомерными. Если в первом случае значение имени мало зависит от контекста, то во втором именно контекст определяет, какие характеристики того или иного персонажа переносятся на новый референт (безусловно, с сохранением некоей инвариантной части значения).

Таким образом, если представить всю совокупность продуктов семантического развития собственных имен как полевою структуру, то ее ядро составят а) метонимические отонимные дериваты (*ампер*, *рентген*) и б) метафорические отонимные дериваты с четким узуальным значением (*ловелас*, *тартюф*), в околоядерной зоне будут представлены узуальные метафорические отонимные дериваты с размытой семантикой (*Дон Кихот*, *Гамлет*), а периферийное положение займут всевозможные окказиональные употребления. Поскольку, как уже было сказано, контекстная обусловленность любого тропа, и в том числе ономастической метафоры и метонимии, чрезвычайно значима, элементы описанной полевой структуры располагаются тем дальше от ядра, чем больше они зависят от контекстного окружения. Очевидно, что, как и в любой полевой структуре, между указанными разрядами располагается множество элементов промежуточного типа. Полевое строение данного участка языковой системы позволяет эффективно осуществлять трансляцию культурных смыслов, в разной степени трансформируя их средствами языка.

Итак, семантическое развитие имени собственно – культурно-обусловленный процесс. Имя, называющее значимую историко-культурную реалию, приобретает статус культурного символа – «знака, обладающего способностью концентрировать в себе,

сохранять и реконструировать память о своих предшествующих контекстах» [9, с. 617]. Каждый новый языковой контекст, в который включается культурный символ, «актуализирует некоторую степень его глубины» [9, с. 621], так или иначе трансформирует его. Для культурно значимого имени такой трансформацией служит его семантическое развитие, которое может идти как по пути обогащения дополнительными смыслами (вспомним историю русского *донкихота*), так и по пути семантической редукции (характер шекспировского *Отелло* не исчерпывается ревнивостью, тогда как для «нарицательного» *отелло* этого свойства вполне достаточно). Если первый из указанных путей открывает перед именем перспективу бесконечного смыслового варьирования, то второй представляет собой прямую дорогу к образованию полноценного имени нарицательного.

Литература

1. Нецименко, Г.П. К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» / Г.П. Нецименко // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000. – С. 30–45.
2. Багно, В.Е. Дорогами «Дон Кихота»: Судьба романа Сервантеса / В.Е. Багно. – М., 1988.
3. Hirsch, E.D., Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know / E.D. Hirsch Jr. – N.Y., 1988.
4. Колианский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М., 1980.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1998.
6. Потехня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потехня. – М., 2007.
7. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М., 2001.
8. Языковая номинация: виды наименований / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М., 1977.
9. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб., 2000.

УДК 821.512.145

Л.Х. Давлетшина

МИФ В СТРУКТУРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Статья посвящена изучению структурообразующей функции мифа в современной татарской прозе в свете применения мифопоэтического метода анализа художественного текста. В процессе анализа прослеживаются закономерности соотношения сюжета литературного произведения с обрядами перехода, а именно типичной моделью инициации мифологического героя.

Миф, инициация, обряд, мифопоэтика, текст.

The article is devoted to the study of structural function of myth in the modern Tatar prose in the light of using the myth-poetic method of analysis of the artistic text. In the process of analysis the regularities of correlation of the plot of the literary work with the ceremonies of transformation, namely, a typical model of initiation of a mythological hero have been traced.

Myth, initiation, ceremony, myth-poetic, text.

В конце XX – начале XXI столетия историко-культурными предпосылками контакта мифологии и литературы явились осознание кризисного характера

рубежа веков, утрата ценностных ориентиров, распад целостной картины мира. Процесс творчества зачастую стал превращаться в экспериментирование, мо-

делирование, охватывающее все структурные уровни произведения. Изменения, произошедшие в литературном процессе в целом, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие татарской литературы. В прозе рубежа веков миф стал реализовываться как художественная структура, воспроизводящая функциональные и поэтические особенности древнего мифа в соответствии с творческими задачами автора. Формирование семантического пространства произведения посредством мифоритуального подтекста определило настоятельную необходимость раскрытия ритуальной основы сюжета, так как во все времена ритуал определялся как наиболее действенный (по сути – единственно возможный) способ переживания человеком критических жизненных ситуаций [1, с. 3].

Социальная организация современного общества в некоторой степени повторяет принцип разделения на группы с последовательным переходом из одной в другую, который наблюдался на ранних этапах развития цивилизации. Классифицируя обряды, сопровождающие переход, А. ван Геннеп внутри одного церемониального цикла выделил особые ступени обрядов перехода: обряды отделения, обряды промежуточные и обряды включения. Вместе с тем он считал, что обряды, связанные с рождением, инициацией, свадьбой, похоронами, имеют формальную и содержательную стороны [2, с. 15–16]. Исходя из чего, можно предположить, что ступени перехода представляют собой структурную организацию переходных обрядов. Это позволяет раскрыть ритуальную основу сюжета произведений в соответствии с древними магически-религиозными схемами обрядов.

В этом отношении наиболее интересным представляется роман Г. Гильманова «Албастылар» (Казань, 2002), сочетающий в себе реалистический и фантастико-мифологический пласты повествования. Важнейший компонент мифопоэтической структуры текста – сюжетная схема – представляет собой последовательность событий, характерных для мифологического сюжета – истории героя: его чудесного рождения, приключений, женитьбы, мудрого правления и загадочной гибели (возможна имитация смерти). В фольклоре многих народов повествуется о таких персонажах: у шумеров – Гильгамеш; у греков – Тесей, Геракл; у русских – плеяда богатырей; у тюркских народов – Манас. Алп. Дж. Кэмпбелл считает, что «основу героического мифа составляют два важнейших события – сотворение мира и становление личности» [3, с. 68]. Рождение героя и его странствия соответствуют ритуалу инициации, а подвиги, свершения и смерть выражают мироустройство, созидание Космоса из всеобщего Хаоса. Смена социального статуса, составляющая основную цель инициационных испытаний, предполагает разрушение социальной роли, открепление личности от группы, пребывание в необычном, промежуточном состоянии, завершающимся приобретением необыкновенной силы, женитьбой и властью героя. Итак, приключения культурного героя – творца-демиурга передают процесс становления личности, восхождения к «высшему» в себе.

В процессе развертывания сюжета рассматриваемого нами произведения инициационная схема приключений героя выходит на первый план. При сопоставлении романного пути Халима с моделью инициации мифологического героя вырисовывается определенная схема, этапы которой могут быть представлены следующим образом.

Первая попытка. Деревня Камперле и лесная поляна. Халим попадает в руки мифических существ – албасты, обитающих в лесу; раскрывается история его жизни и любви, воспоминания и попытка жить по-прежнему в родной деревне, заканчивающаяся самовольным, но и вынужденным уходом в лес.

I. Обряды отделения.

1. *Зов к приключениям.* Момент, повлекший за собой цепь событий, характеризующихся постоянной сменой гибели и воскресения героя, связан с внезапным уходом Халима в районный центр, который можно охарактеризовать как «зов к странствиям». Согласно Дж. Кэмпбеллу, «зов к странствиям» означает, что судьба позвала героя и перенесла центр его духовного тяготения за пределы его общества, в область неизвестного. Эта судьбоносная сфера может быть представлена по-разному: как далекая страна, лес, подземное, подводное и небесное царство и т.д. Герой может сам отправиться в свои странствия или может быть унесен какой-нибудь злонамеренной силой» [3, с. 68].

«Зов к странствиям» переносит героя в область неизвестного, влечет за собой смену пространств. Сменив пространство деревни на доселе неизвестную ему действительность, герой романа впервые становится на путь инициации.

2. *Преодоление порога в иной мир.* Возвращение Халима домой из районного центра связано с прохождением пути-дороги, прорезывающей дремучий лес и символизирующей жизненный путь человека. Следуя по каменной, извилистой дороге, Халим попадает в «изломанный мир», затерянный во времени и пространстве, т.е. в этот момент Халим преодолевает «первый порог» своего путешествия, являющийся характерной чертой мифологического сюжета. Сопровождаемый направляющими его и помогающими ему персонализациями его судьбы, герой продвигается к порогу – «входу в царство, где правят некие высшие силы. За порогом тьма, неизвестное и опасность» [3, с. 68]. Преодоление магического порога является переходом в мифологическое пространство.

Встреча на поляне с албасты – демоническими силами, пришедшими за Халимом, заканчивается его насильным уходом в лес. Причина победы албасты над Халимом – сон, так как по народным верованиям пришелец не должен спать, потому что это выдает в нем живого. «Сон имеет здесь такое же значение, как и запах. Живые узнаются потому, что они пахнут, спят и смеются. Мертвые этого не делают. Естественно поэтому, что страж, охраняющий царство мертвых от живых, пытается по запаху и сну узнать природу пришельца» [4, с. 86].

II. Промежуточный период.

3. *Символическая смерть в царстве мертвых.* Обряд посвящения всегда производился в лесу. Ха-

лим, попав в пространство леса, переживает символическую смерть – теряет память и речь, забывает прежнюю жизнь, родных и близких. В лесу Халим попадает в царство мертвых, где проживают немые люди, так же как и он, забывшие свое прошлое. Окончательное приобщение к сонму мертвецов происходит после первой трапезы, потому что «пища мертвых придает им специфическую волшебную, магическую силу, нужную мертвецам» [4, с. 40]. С едой связана сила Халима: чем больше он приобщается к еде мертвых, тем быстрее теряется его сила.

III. Обряды включения.

4. *Возрождение героя, возвращение к людям.* В архаических мифологических сказках присутствует мотив «звериной (тотемной) жены (мужа)». «Женитьба на тотемной жене двойным способом, хотя и отдаленно, соотносится с историей попадания во власть демонического существа, во-первых, потому что “тотемное царство”, откуда появилась жена и где ее обычно ищет герой, иногда приобретает демонические черты и, во-вторых, потому что пребывание героя у лесного демона сопоставимо с обрядом посвящения, а пребывание героя в тотемном царстве – с брачными обычаями» [4, с. 56]. В романе «Албастылар» мотив «звериной жены» возникает в момент встречи Халима с Майей, девушкой, украденной лесными старухами, унесенной в лес и вскормленной молоком волчицы. Девушка начинает выполнять хозяйственные обязанности жены в отношении Халима, помогает ему приподнять пелену беспомощности. Любовь к лесной девушке возвращает Халима к жизни: он убегает из леса. Так заканчивается первый этап инициационного пути героя, из которого он выносит понимание силы любви и преодоление чувства страха перед албасты.

Вторая попытка. Халим вновь уходит в лес, находит свою жену, ребенка и возвращается с ними в деревню.

I. Обряды отделения.

1. *Зов к приключениям.* В фольклоре многих народов одна из причин, по которым герой отправляется в путь (похищение девушки демоническими силами), находит отражение и в романе. Халим, вернувшись в деревню в беспомощности, постепенно вспоминает все пережитые события, и на фоне темных красок дремучего леса ярким пятном в его памяти всплывает воспоминание о Майе. С этого дня Халим не находит места и душой все время рвется к Майе, а впоследствии уходит в лес на ее поиски.

2. *Преодоление порога в иной мир.* На первом этапе инициации Халим попал в царство мертвых, преодолев порог – светлую поляну на дороге, окружающей лес. На втором этапе возникает аналогия с первым этапом, но в то же время здесь возникает незнакомец – страж порога. «Герой продвигается вперед в своем приключении до тех пор, пока не приходит к стражу порога, стоящему у входа в царство, где правят некие высшие силы. Такие хранители оберегают мир с четырех сторон – а также сверху и снизу – они определяют границы настоящего и горизонт жизни героя» [3, с. 84].

Стражем порога в романе «Албастылар» стано-

вится старец-путник, который, встретившись герою в пути, доводит его до границы сакрального мира. С одной стороны, старец-путник, характеризуется как страж порога, с другой – он ассоциируется с архетипическим образом Хызыр-Ильяса, т.е. с архетипом Мудрого Старца в национальном мировосприятии татарского народа. Из уст Путника, близкого к сказочным белобородым старцам, звучат роковые слова, перевернувшие впоследствии мировоззрение Халима и приведшие его к пониманию того, что албасты – это борьба злого и доброго начал в душе человека, а истинные албасты – жители деревни.

II. Промежуточный период.

3. *Символическая смерть в царстве мертвых. Борьба с демоническими силами.*

Вернувшись в лес, Халим умирает, чтобы снова возродиться: он притворяется поддавшимся чарам албасты, тем самым, с одной стороны, символизируя смерть, с другой – победу над ними. «Если герой сам стал жертвой демонического существа, то его спасение совершается не посредством богатырского подвигу, а с помощью особой ловкости, хитрости и магии» [5, с. 54], что и происходит с героем романа, который с помощью оберега – пупка обманывает старух, спасает себя и свою семью. Возвращение героя с магическим оберегом в царство мертвых необходимо ему для спасения сакрального микрокосма, представленного в данном контексте в образах Майи и дочери Голяш. Для осуществления этих намерений он должен быть неузнаваемым среди всех близких ему людей (по крайней мере временно), что и происходит в тексте романа. Герой выполняет мифологическую сакральную миссию: став неузнаваемым, выволяет семью из рук демонических сил.

III. Обряды включения.

4. *Отцовская инициация – столкновение и примирение с архетипным врагом – отцом.* Возрождение и возвращение к людям. Мотив примирения-непримирения мифологического героя с отцом в тексте «Албастылар» вполне очевиден. Согласно общей схеме мифа, герой после прохождения им обряда инициации и посвящения должен примириться с отцом, т.е. получить признание со стороны отца-создателя. В случае непризнания отцом герой изгоняется или погибает [3, с. 135]. В романе на втором этапе обряда посвящения происходит узнавание и примирение сына с отцом, причина этого кроется в окончании инициационного пути и восхождении личности к собственному «я», так как Халим, переборов албасты в своей душе, с одной стороны, возродился к жизни, женился на тотемной супруге, а с другой – сам стал отцом. Ужасающая пустота на месте отсутствующего отца – это рана в сознании героя, поэтому обретение отца для Халима равноценно прохождению инициационного этапа, приведшего к возобновлению связей с людьми и возвращению в общество.

Однако покинув темное, замкнутое пространство, Халим столкнулся с внешним разомкнутым пространством. Конфликт героя с односельчанами становится в повествовании основным, равновесие между внутренним миром (душа Халима) и внешним миром (деревня) разрушается. Растет отчуждение

Халима от социальной структуры, и, следовательно, на первый план выходит тема одиночества героя и некоего, неясного еще ему самому избранничества. Последней каплей в чаше терпения Халима оказывается убийство Майи. Таким образом, деревня, воспринимаемая доселе как сакральный мир, оказывается темным царством, скопищем демонических сил, которое герой еще не в состоянии упорядочить, а лес превращается в место спасения для Халима и всего человечества. Так происходит «выворачивание наизнанку», характерное для мифологического сознания, и инициация героя оказывается незавершенной.

Третья попытка. Возвращение Халима в лес с ребенком, смертельная болезнь, исцеление в волчьем логове, приход домой и женитьба на Нафисе.

I. Обряды отделения.

1. *Зов к приключениям, мудрое покровительство, преодоление порога.* Халим в отчаянии и ужасе от свершившегося – убийства Майи, в третий раз уходит в лес, бежит от «людей» с маленькой дочкой. В трагедии ощущении безнадежности и заключается зов к странствиям для главного героя романа. В путь его сопровождает старец-путник, следующий за ним до границы миров – порога и готовый прийти на помощь в любую минуту.

II. Промежуточный период.

2. *Символическая смерть героя.* Если при второй попытке инициационных испытаний демонические старухи не смогли навредить Халиму, то сейчас после потери тотемической супруги, после разочарования в людях он становится уязвимым для злых существ, ему грозит мир темных природных инстинктов, что вновь возвращает его на первый круг инициации. В древнем обществе главная часть церемонии посвящения состояла в умерщвлении и посвящении неопита, который в результате этого процесса приобретал магическую силу. Итогом обрядового действия, совершаемого албасты становится полная безвозвратная потеря памяти, превращение в зомби, однако из этого состояния его спасает Нафиса – сестра-близнец Майи, которая воспринимается как зеркальное отражение образа Майи и тотемическая супруга Халима. Однако колдовство не проходит бесследно, Халим оказывается смертельно больным и отправляется умирать в лес.

3. *Возрождение к жизни.* В лесу герой попадает в логово волков, где волчица исцеляет его раны и возрождает к жизни. Связь с данной ситуацией прослеживается в фольклоре как помощь духа-покровителя своей жены по линии тотемного родства, а как известно, Майя состояла в родстве с волками. Здесь в повествование вводится мотив приобретения чудесного помощника – волшебного животного – волчонка и магической силы, так как вся колдовская сила старух переходит к Халиму. Данный этап инициации может расцениваться как приобретение знаний предков, мудрость и духовное исцеление.

Четвертая попытка. Возвращение Халима в лес, борьба с ворами, спасение лесных старух и возвращение домой после завершения пути самосовершенствования.

1. *Зов к приключениям, преодоление порога.* Чет-

вертое возвращение Халима в лесное пространство вновь связано с обидой, но в данном случае на Нафису, которая призналась в убийстве Майи. Обидевшись на весь свет, Халим бежит сломя голову от людей. Пройдя три этапа инициации, он все еще не способен к прощению и пониманию, поэтому для окончательного единения с собой ему необходимо умереть и воскреснуть.

2. *Символическая смерть и возрождение героя.* При возвращении в лес происходит встреча Халима с ворами, воплощающими в данном контексте демонические силы. Задачей героя становится спасение сакрального мира от демонических сил, в котором ему помогает дух-покровитель Белый Глаз. Волчонка спасает хозяина от неминуемой смерти и погибает сам, а вместе с ним уходят сверхъестественные способности Халима.

III. Обряды включения.

3. *Возрождение героя.* На этом этапе инициации Халим наконец понимает истинный смысл жизни, вновь обретает терпение, веру в любовь, искореняет из своей души темные инстинкты и возвращается в деревню возродившимся к новой жизни, чтобы самостоятельно противостоять социальному хаосу и упорядочить бытие деревни. Завершенность инициационного пути подтверждается тем, что лес – место его инициационного испытания – в конце повествования не принимает его, что означает окончание процесса становления личности. Здесь вновь возникает образ старца-путника – мудрого покровителя, из уст которого звучат слова напутствия в дальнейший путь: «Ты не погибнешь. Ты только что родился. Ты только что начал жить» (Гильманов Г. Албастылар. Казань, 2003).

В заключение нужно отметить, что ритуал инициации, заложенный в основу сюжета произведения, служит для выражения идеи автора. Посредством уподобления сюжета романа инициационному пути писатель раскрывает путь самоопределения и духовного возвышения героя, дает ключ к пониманию таких понятий, как «смысл жизни», «гармония добра и зла», и возводит жизненный путь одного человека в статус вечного и незыблемого процесса становления личности. Сюжетная структура романа тяготеет к универсальной мифологической схеме, а именно к становлению личности, которая позволяет выразить индивидуальные мировоззренческие установки автора на материале современной действительности.

Литература

1. *Байбурин, А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб., 1993.
2. *Геннеп, А., ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп; пер. с фр. – М., 1999.
3. *Кэмпбелл, Дж.* Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. – М., 1997.
4. *Пропп, В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л., 1986.
5. *Мелетинский, Е.М.* Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М., 1976.

О БЭДЖЕВОМ ТЕКСТЕ В ЯЗЫКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И РЕКЛАМЫ

В статье рассматривается актуальная проблема лингвистики – использование бэджового текста в языке средств массовой информации и рекламы. Дается определение такого языкового явления, как бэджовый текст, предлагается классификация бэджовых текстов, выявляется их специфика, определяются первоисточники, анализируется их манипулятивный потенциал.

Аллюзия, бэдж, коммуникация, компрессия, текст, язык.

The article considers the urgent problem of linguistics. That is the using of badge text in the language of mass-media and advertising. The definition of such linguistic phenomenon as badge text, the classification of badge texts are given. The article reveals the specifics of badge texts, identifies their origins and analyzes their manipulative potential.

Allusion, badge, communication, compression, text, language.

Специфика языка средств массовой информации (СМИ) и рекламы определяется особенностями коммуникативной ситуации, которую он обслуживает. Поскольку в последнее время носители языка стремятся к компрессии речи, то это зачастую приводит к возникновению новых коммуникативных единиц – бэджовых текстов.

В лингвистике под бэджами (от англ. *badge* – знак, значок) понимают краткие по форме суждения, носящие обобщающий характер, имеющие преимущественно пейоративное значение и являющиеся откликом на злободневные вопросы. Бэджовые тексты как абсолютно новое языковое явление возникли в последние годы и стали своеобразной реакцией на происходящие преобразования в общественной жизни. Бэджи «позволяют понять картину мира, которая складывается у потребителей самых примитивных, низших форм массовой культуры» [1, с. 75]: «Родная милиция нас бережет – бесплатно какает, бесплатно сажает, бесплатно стрижет» (МК в Рязани. 2008. 16 июля); «Почем вы, девушки, красивых любите?» (КП-Рязань. 2008. № 110); «Где родился – такая и зарплата» (www.kommersant.ru. 2009. 11 февраля); «Водка с пивом – народ на ветер» (КП-Рязань. 2009. № 76).

Способность бэджового текста вступать в различные отношения как с читательской аудиторией, так и с окружающим культурным контекстом, влиять на окружающую действительность, а также присущая ему коммуникативность определяют его функции.

Так, например, Ю.М. Лотман выделяет социально-коммуникативную функцию как основную функцию текста и сводит ее к следующим процессам [3, с. 131]: общение между аудиторией и культурной традицией; общение читателя с текстом; общение между текстом и культурным контекстом. Рассматривая текст в общей системе культуры, Ю.М. Лотман выделяет три основные его функции: функцию адекватной передачи значений, функцию порождения новых смыслов, функцию культурной памяти [3, с. 151]. Вторая функция текста порождена его смысловой многозначностью. Текст не только передает готовые сообщения, но и служит генератором новых, не выводимых однозначно по заданным алгоритмам сообщений из уже имеющихся. Что касается третьей

функции, то текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. По символам текстов воспринимающий реконструирует целостное значение (архетипы). Это смысловое пространство текста вступает в определенное отношение с культурной памятью, отложившейся в сознании, и это, в свою очередь, порождает новые смыслы.

Следует отметить, что бэджи давно перестали восприниматься только как пошловатые надписи на значках и вошли в активный словарный запас широких слоев населения, и в первую очередь, молодежи [4, с. 195]. Таким образом, надписи на значках стали использоваться как самостоятельные языковые единицы, семантически цельные и синтаксически оформленные: «Чего пить, того не миновать» (КП-Рязань. 2008. № 27); «Что у женщины на уме, то мужчине не по карману!» (МК в Рязани. 2008. 26 марта).

В основном бэджи не связаны с общим смыслом высказывания, но могут являться цельным выводом или же подчеркивать отдельную мысль, «вливать» в высказывание экспрессивный эффект суждения.

Одной из основных причин появления бэджовых текстов на страницах современных газет и журналов в рекламе следует назвать языковую игру, которая в последние десятилетия стала характерным признаком языка СМИ. И если в начале 70-х годов XX века В.Г. Костомаров отмечал в качестве конструктивного принципа языка газеты одновременное существование двух тенденций: стремление к экспрессии и стремление к стандарту [2, с. 40], то в XXI веке явно побеждает первая из них.

Распространение языковой игры объясняется стремлением газетчика построить парадокс, как можно красивее «упаковать» свой материал. Своего рода «упаковкой» в текстах СМИ служат и бэджовые тексты. Готовность читателей воспринимать бэджи как норму объясняется тем, что они не существуют изолированно, а становятся частью активного общения. Поэтому при создании бэджового текста журналисту необходимо учитывать связь с внешними проявлениями окружающей действительности и социальной реальностью.

Следует отметить, что во многих случаях невозможно определенно сказать, кто является автором того или иного бэджа. Данные единицы создаются анонимно, являются результатом активного творчества

многих людей, обобщают их наблюдения и жизненный опыт. Однако большинство бэджевых текстов вторичны, т.е. они основываются на широко известных, авторитетных текстах (пословицах, поговорках, афоризмах, цитатах из литературных источников, песен); на кинофильмах, анекдотах, объявлениях, лозунгах, научных и профессиональных терминах [4, с. 196]. В связи с этим целесообразно разделить бэджевые тексты на несколько групп в зависимости от их первоисточника.

1. Бэджевые тесты, созданные на основе пословиц и поговорок. Как известно, художественная природа пословиц определяет в значительной мере их прочность, запоминаемость. На страницах газет и журналов пословицы с подачи журналиста превращаются в бэджевые тексты: «„Глухаря“ салом не испортишь» (Антенна-Телесемь-Рязань. 2009. № 18) – материал о выходе на экраны нового телесериала «Глухарь» производства Россия-Украина. Ср.: «*Кашу маслом не испортишь*»; «Друзья познаются в еде» (МК в Рязани. 2009. 21 января) – материал о гастрономических пристрастиях современной молодежи. Ср.: «*Друзья признаются в беде*»; «Два новых здания лучше старого одного» (Родной Город-Рязань. 2008. № 31) – материал о реконструкции здания Областной рязанской библиотеки им. М. Горького. Ср.: «*Одна голова – хорошо, а две – лучше*»; «Договор дешевле штрафа» (Родной Город-Рязань. 2009. № 3). Ср.: «*Уговор дороже денег*»; «Большому кораблю – большое кораблекрушение» (КП-Рязань. 2009. № 16) – материал о росте безработицы в США. Ср.: «*Большому кораблю – большое плавание*»; «Пьяный укуренному не товарищ» (www.rodgor.ru. 2008. 17 ноября) – материал об уличной потасовке. Ср.: «*Гусь свиные не товарищ*»; «Умеешь сам – помоги другому» (заголовок) (Молодежная среда. 2011. № 9 (513). 20 апреля) – материал о семинаре волонтеров; «Игра на игру не приходится» (заголовок) (Рязанские ведомости. 2011. № 36 (3839). 3 марта) – о рязанском футболе. Ср.: «*Раз на раз не приходится*»; «Готовь сани летом, а снегоход – весной» (заголовок) (Рязанские ведомости. 2011. № 51 (3855). 26 марта) – материал о регистрации внедорожных средств. Ср.: «*Готовь сани летом, а телегу – зимой*»; «Семь бед – один медведь» (заголовок) – материал о партии «Единая Россия» (МК в Рязани. 2011. № 18 (683). 27 апреля – 4 мая). Ср.: «*Семь бед – один ответ*»; «Горячая ванна коже не товарищ» (заголовок) (МК в Рязани. 2011. № 18 (683). 27 апреля – 4 мая). Ср.: «*Гусь свиные не товарищ*»; «Первый год – не комом» (Рязанские ведомости. 2011. № 94 (3897). 27 мая) – о работе общероссийского телефона доверия. Ср.: «*Первый блин комом*»; «Кто не успел, тот не опоздал» (заголовок) (Рязанские ведомости. 2011, № 61 (3864). 8 апреля) – материал о продолжении программы утилизации старых автомобилей; «Весна с Есениным красна» (заголовок) (Молодежная среда. 2009. № 15 (460). 27 мая) – о Международном фестивале научного литературно-художественного творчества студентов «Есенинская весна».

При трансформации пословиц в бэджевые тексты главная идея «народных афоризмов», концентри-

рующая, как правило, национальную мысль, меняется, и высказывание приобретает пошловато-сниженный смысл.

2. Бэджевые тексты, созданные на основе литературных источников. Характерная особенность современных текстов СМИ – интертекстуальность. Обычно цитаты вводятся в текст без всяких отсылок. Адресат должен уметь их вычлениить, понять их происхождение, первоначальный смысл и тот смысл, который они получают в новом контексте: «Дай, Джек, на лапу счастье мне» (Экспресс-газета. 2007. № 15) – материал о взяточничестве. Ср.: «*Дай, Джим, на счастье лапу мне...*» (С.А. Есенин «Собаке Качалова»); «Танго все возрасты покорны» (МК в Рязани. 2008. 17 декабря) – материал о создании в Рязани танцевального кружка для пенсионеров. Ср.: «*Люби все возрасты покорны*» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»); «Не хочу учиться, а хочу учить» (Родной Город-Рязань. 2009. № 4) – материал о том, как студенты зарабатывают репетиторством. Ср.: «*Не хочу учиться, а хочу жениться!*» (Д.И. Фонвизин «Недоросль»); «Брать или не брать: вот в чем вопрос» (слоган компании потребительского кредитования «РосЕвроБанка»). Ср.: «*Быть или не быть: вот в чем вопрос*» (В. Шекспир «Гамлет»); «Рязань другому отдана» (Российская газета. 2008. № 4750) – статья о новом губернаторе Рязанской области Олеге Ковалеве. Ср.: «*Но я другому отдана и буду век ему верна...*» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»); «Белеет мишка одинокий» (заголовок) (МК в Рязани. 2011. № 7 (445). 24 февраля) – материал о вымирании белых медведей. Ср.: «*Белеет парус одинокий...*» (М.Ю. Лермонтов); «О подвиге. О доблести» (заголовок) (Рязанские ведомости. 2011. № 83 (3886). 12 мая) – об общественном просмотре в Рязани фильма «Брестская крепость». Ср.: «*О доблестях, о подвигах, о славе...*» (А.А. Блок); «Горячее сердце» болельщика» (заголовок) – материал о том, как спортивные фанаты стали донорами (Рязанские ведомости. 2011. № 50 (3853). 24 марта). Ср.: «*Горячее сердце*» (название драмы А.Н. Островского); «Врага на лету остановят, кирпич головой разобьют...» (заголовок) (Молодежная среда. 2011. № 9 (513). 20 апреля) – материал о Воздушно-десантных войсках. Первоисточник (Н.А. Некрасов «Мороз, Красный нос»); «Все флаги в гости...» (заголовок) (Рязанские ведомости. 2011. № 51 (3855). 26 марта) – об открытии Кубка России Комбата Самообороны. Первоисточник – поэма А.С. Пушкина «Медный всадник»; «Памятник рукотворный» (заголовок) (Рязанские ведомости. 2011. № 100 (3903). 4 июня) – о коллекции изображений монументов А.С. Пушкину. Первоисточник – стихотворение А.С. Пушкина «Памятник».

Чаще всего такие типы бэджевых текстов используются в заголовках.

Иногда в бэджах используется прямая цитация текстов, при которой высказывание переосмысливается, не меняясь текстуально: «Я не люблю, когда стреляют в спину» (АИФ. 2008. № 39) – о выходе на экраны нового российского боевика. Первоисточник – строки из стихотворения В. Высоцкого «Я не люб-

лю»; «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» (МК в Рязани. 2008. 6 февраля) – о муже-ревнивце, учинившем расправу над женой. Первоисточник – монолог героя из пьесы В. Шекспира «Отелло»; «Свободно мыслят между женщинами только уроды...» (Родной город-Рязань. 2008. № 26) – статья о взаимоотношениях мужчин и женщин. Первоисточник – монолог Базарова из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»; «А судьи кто?» (КП-Рязань. 2008. № 82) – материал о российском судопроизводстве, «Роскомнадзор Рязани, или судьи-то кто?» (Вечерняя Рязань. 2010. № 46 (1277). 25 ноября). Первоисточник – монолог Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»; «Москвичей испортил только квартирный вопрос...» (www.kommersant.ru. 2009. 15 февраля). Первоисточник – слова Воланда из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Однако при создании бэджевых текстов путем прямой цитации автору материала необходимо учитывать общий интеллектуальный уровень аудитории, к которой он обращается. Далеко не все цитаты из литературных источников известны широкому кругу людей. Следовательно, для того чтобы каждый читатель смог адекватно воспринять передаваемую информацию, в некоторых случаях автору необходимо указывать источник, натолкнувший его на ту или иную мысль, особенно если цитаты из этих источников не являются общеупотребительными (см. пример: «Свободно мыслят между женщин только уроды...»).

3. Бэджевые тексты, созданные на основе фраз из известных кинофильмов и песен. Телевидение, киноиндустрия, а также продукты эстрадного музыкального творчества являются мощным воздействием на психическое состояние как индивида, так и масс. Названия кинофильмов, отдельные выдержки из популярных песен приобретают сегодня статус «общеизвестных», цитируются при бытовом общении, тиражируются СМИ и рекламой. Отсюда становится закономерным и обращение журналистов при создании бэджевых текстов к таким сферам массовой культуры, как киноиндустрия и музыкальное творчество: «Я Новый год узнаю по походке» (Молодежная среда. 2009. № 1) – материал о главных приметах Нового года. Ср.: «Я милого узнаю по походке» (из песни А. Дмитриевича); «Трое в чуме, не считая собаки» (Родной Город-Рязань. 2009. № 7) – материал о выходе на экраны нового приключенческого фильма. Ср.: «Трое в лодке, не считая собаки» (название фильма, снятого по мотивам одноименной повести Д.К. Джерома); «В лот идут одни старики» (заголовок) (Новая газета. 2008. № 16Р (1349). 5 мая – 11 мая) – материал о выставке старинных автомобилей). Ср.: «В бой идут одни старики»; «Физкультурница и просто красавица» («Новая газета. 2008. № 16Р (1349). 5 мая – 11 мая) – материал об автомобиле «Мазда». Ср. с фразой из кинофильма Л. Гайдая «Кавказская пленница»; «Остров, обитаемый во Вселенной, есть» (Молодежная среда. 2009. № 1) – рецензия на фильм Ф. Бондарчука «Обитаемый остров». Ср.: «Остров невезения в океане есть» (из песни Л. Дербенева); «А я играю на гармошке» (КП-

Рязань. 2008. № 109) – материал об уличных музыкантах. Первоисточник – песня В. Шаинского «День рождения»; «Первым делом мы испортим самолеты. Ну, а экономику? А экономику – потом...» (www.kommersant.ru. 2009. 13 января). Ср.: «Первым делом, первым делом – самолеты. Ну а девушки? А девушки – потом» (песня из кинофильма «Небесный тихоход»); «Как прекрасен этот мир, посмотри!» – заголовок рекламной статьи о турфирме. Первоисточник – песня Д. Тухманова. «Важней всего погода в доме» (заголовок) (об условиях работы в трудовом коллективе) (Вечерняя Рязань. 2008. № 21 (1148). 29 мая). Первоисточник – заголовок песни М. Танича; «Молодым везде у нас работа» (Молодежная среда. 2009. № 15 (460) 27 мая) – о ярмарке вакансий рабочих мест для молодежи. Первоисточник – «Марш о Родине» И. Дунаевского.

Как свидетельствуют приведенные примеры, использование отдельных фраз из известных кинофильмов и песен при создании бэджевых текстов во многом определяет «массовую» ориентацию издания. Автор бэджа в данном случае воспринимается как «свой», что, в свою очередь, способствует сближению адресанта и адресата и делает последнего «открытым» для восприятия текстовой оценки.

4. Бэджевые тексты, созданные по образу и подобию афоризмов. Особенно часто при создании бэджевых текстов используется прием замены какого-либо одного слова новым, ключевым для исходного афористического высказывания. Добавленное слово вносит в высказывание элемент шутки или метафорического намека, но чаще всего способствует «опошлению» каких-либо правил, жизненных устоев: «Искусство вождения требует жертв» (МК в Рязани. 2008. 21 мая) – материал об автомобилистах; «Учиться, конечно, нужно, но когда жить?» (КП-Рязань. 2009. № 9) – размышления автора на тему образования; «Теперь все будет просто: пришел, увидел, поменял» (Родной Город-Рязань. 2009. № 3) – материал о создании в Рязани рынка бесполезных вещей; «Брак – это победа надежды над здравым смыслом???» (www.kommersant.ru. 2008. 15 октября).

Спецификой бэджей является выпячивание интимных, личных сторон человеческой жизни. Все самые сокровенные мысли и чувства в бэджах носят нарочито сниженный характер, все сложности человеческих взаимоотношений гиперболизируются или утрируются, вследствие чего происходит их обесценивание.

5. Бэджевые тексты, созданные на основе лозунгов. Лозунг, как правило, призывает к действию, поступку, возбуждает любовь или ненависть. Именно к подобным чувствам и апеллируют создатели бэджевых текстов, когда строят их по образу и подобию лозунгов: «Не тормози! Тормоза придумали трусы, а смелым помогает судьба!» (Экспресс-газета. 2008. № 3) – материал о произволе на автодорогах, который учиняют представители шоу-бизнеса; «Каждой женщине – по мужику!» (реальный лозунг одной из предвыборных компаний Жириновского); «Морской прибой всегда с тобой!» (реклама средства для профилактики и лечения насморка «Маример».

2008); «Веселье без похмелья!» (реклама средства против похмелья «Алкозельцер». 2009); «Чешитесь те, кому лень намазываться!» (реклама препарата против раздражений кожи «Псило-бальзам». 2008); «Просвещайтесь на здоровье» (заголовок) – материал о доступности флюорографического обследования (Рязанские ведомости. 2011. № 51 (3854). 25 марта).

Анализ данных примеров позволяет сделать следующий вывод: бэджевые тексты, созданные на основе лозунгов, особенно активно используются в языке рекламы. Это объясняется коммуникативной функцией, которую призвана выполнять реклама: осуществление связи между производителем и потребителем путем прямого воздействия, в данном случае – через слово.

Исследование материалов СМИ и рекламы дает возможность установить, что в бэджевых текстах кристаллизуется человеческий опыт, тонкие и поразительно меткие философские наблюдения, обобщения – все то, что окружает человека, что его волнует в общественной и личной жизни, что составляет содержание его мыслей, чувств, идеалов. Однако зачастую бэджевые тексты подчеркивают скептический взгляд их создателей на явления окружающей

действительности, негативное отношение к общепринятым ценностям и традициям, стремятся низвести идеалы с занимаемых ими позиций. В устной речи бэджи в основном используются в качестве готовых языковых формул, которые позволяют высказывать мысли в краткой форме и одновременно несут огромную смысловую нагрузку, а также позволяют передавать необходимую информацию завуалированно, иносказательно.

Литература

1. *Береговская, Э.М.* Надпись на значке как вид текста / Э.М. Береговская // Филологические науки. – 2006. – № 6.
2. *Костомаров, В.Г.* Языковой вкус эпохи (из наблюдений над языком современных масс-медиа) / В.Г. Костомаров. – СПб., 1999.
3. *Лотман, Ю.М.* Текст как семиотическая система / Ю.М. Лотман. – Таллин, 1992.
4. *Тулинова, О.А.* Бэджевый текст как особая коммуникативная единица / О.А. Тулинова // Активные процессы в языковой массовой коммуникации // Рус. язык – основа отечественной журналистики: тезисные выступления участников Всерос. науч.-практ. конф. – М., 1997. – С. 194–196.

УДК 82-92=82-95

Н.В. Зиновьева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор В.В. Агеносов

ТЕМА ЖАЛОСТИ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ ЖУРНАЛА «ЧИСЛА»

Данная статья посвящена одному из самых, на наш взгляд, интересных журналов русского зарубежья 1930-х гг. – литературному журналу «Числа». Тема жалости занимает одно из центральных мест среди тем, к которым обращались критики и авторы «Чисел»; она неразрывно связана с общими религиозными и философскими концепциями, развиваемыми журналом.

Журнал «Числа», русское зарубежье, тема, жалость.

This article is devoted to the literary journal of the Russian Diaspora of the 1930s. called “The Numbers”. The theme of pity takes one of the central places among the themes of this journal; the theme is closely connected with the general religious and philosophical concepts being developed in “The Numbers”.

Journal “The Numbers”, Russian Diaspora, theme, pity.

Журнал (а точнее, «сборник» – именно так он именовался в выходных данных) русской эмиграции «Числа» выходил в Париже с февраля 1930 г. по июнь 1934 г., когда увидел свет последний, десятый номер. Первые четыре номера редактировались совместно известной теософкой И. де Манциарли и Н. Оцупом, остальные – только Н. Оцупом (о роли Н.А. Оцупа в редактировании и администрировании сборников см., например, [4, с. 8]).

К особенностям сборников можно отнести, во-первых, сам их внешний вид: они имели солидный объем (до 300 страниц), печатались на качественной бумаге, с большим количеством иллюстраций и репродукций, в том числе и цветных. Внимание в «Числах» уделялось прежде всего литературе и ис-

кусству как эмигрантским, так и зарубежным и советским.

Основными сотрудниками журнала стали «молодые» (то есть начавшие свою литературную деятельность уже в эмиграции, в отличие от писателей «старшего поколения») прозаики и поэты русского зарубежья. В истории литературы «Числа» остались как журнал, вокруг которого в основном сложилась так называемая «парижская нота» – не оформленная организационно поэтическая школа, ориентирующаяся на требования, предъявляемые поэзии Г. Адамовичем. Именно в «Числах» сотрудничали главные идеологи «парижской ноты» (по свидетельству В.С. Варшавского) – Г. Иванов, Г. Адамович и сам Н. Оцуп [1, с. 178].

Неудивительно, что «Числа» с их «аполитичностью», их проблемными публикациями, их вниманием к авангарду, к культурной жизни СССР, считающегося тогда в эмигрантской среде «несуществующим государством», с их весьма расплывчато обозначенной литературной позицией привлекали к себе интерес эмигрантского читателя и вызывали много споров.

Об основных темах «Чисел» говорилось достаточно много как в них самих, так и в других изданиях русского зарубежья. При этом, как правило, отмечались те темы, которые декларировали и сами «Числа». Уже в редакционной статье, которой открывался первый номер сборников, говорилось: «У бездомных, у лишенных веры отцов или поколебленных в этой вере, у всех, кто не хочет принять современной жизни такой, как она дается извне, – обостряется желание знать самое простое и главное: цель жизни, смысл смерти. „Числам“ хотелось бы говорить главным образом об этом» [7, с. 6]. Одной из главных тем «Чисел», действительно, стала тема смерти, в религиозном и философском плане тесно связанная с темами жизни и воскресения. Именно за эту тему, ставшую одной из центральных в лирике «парижской ноты» (наряду с темами метафизического одиночества, пустоты и др.), «Числа» неоднократно порицались критиками русского зарубежья и обвинялись в «похоронных настроениях», в «упадочничестве» и «декадентстве» (см., например, [8, с. 150]).

Одной из наиболее типичных в этом отношении может служить статья Г.П. Федотова «О смерти, культуре и „Числах“», в которой он говорит о том, что «...тема смерти оборачивается в „Числах“ темой нирваны. Это доказывает, что старое декадентство еще не преодолено – с его ставкой на усталость, на блеклость, на угашение жизни». Это связано, по мнению критика, с неправильным „смертеощущением“ сотрудников „Чисел“, с их тоской по блаженной смерти, в то время как «христианству чуждо отношение к смерти, как ко сну и покою» [10, с. 146].

В дальнейшем К. Гершельман, один из первых исследователей «Чисел», в своей опубликованной в журнале «Новь» статье «О современной поэзии» выделит следующие основные темы сборников – «смысловая оценка жизни, личности, мира; индивидуальная смерть как центральная тема; темы религиозно-философские» [12, с. 233]; в письме в редакцию «Чисел» те же темы определяются им по-другому: «темы смерти, метафизической неполноты и одиночества, темы бессмысленности и призрачности мира и др.» [2, с. 248].

Современная исследовательница «молодой» эмигрантской литературы 30-х годов XX века Н.В. Летаева также говорит о вечных темах литературы, нашедших свое отражение в «Числах», а в качестве основной темы «Чисел» выделяет «тему самоценности и значимости индивидуального уровня бытия человека» [5, с. 54].

Мы, в свою очередь, выделяем не одну, а несколько основных тем «Чисел», тесно связанных друг с другом. Из них, как нам кажется, одна тема

заслуживает особого рассмотрения; она напрямую связана с религиозно-философскими и творческими установками сотрудников «Чисел» и, насколько нам известно, отдельно никогда не рассматривалась. Это тема, условно обозначенная нами как «тема жалости».

Эта тема на страницах «Чисел» неразрывно связана с такими основными темами художественных и публицистических произведений сборников, как тема смерти и тема религиозного бытия, в меньшей степени – с темой стремления к истине.

Тема жалости – прежде всего, к ближним своим, то есть к таким же эмигрантам, – была органически вписана в бытие русского зарубежья. Не зря во вступительной редакционной статье к первому номеру «Чисел» говорится о духовном мире эмиграции: «Мировоззрения, верования – все, что между человеком и звездным небом составляло какой-то успокаивающий и спасительный потолок, – сметены или расшатаны» [7, с. 6]. Видя разрушение великой и, казалось, незыблемой державы, крушение идеалов, трагедию русского рассеяния, кризис русской интеллигенции в условиях зарубежья, русский человек, воспитанный в традициях православной культуры (а жалость к ближнему связывалась для русских мыслителей прежде всего с христианской религией), вряд ли мог не жалеть тех, кто, как и он, оказался вдалеке от Родины.

Тема жалости находит свое выражение уже на страницах первого номера «Чисел», вышедшего в 1930 году, в рецензии Г. Федотова на книгу В. Розанова «Опавшие листья» [9]. Здесь следует заметить, что рецензии в «Числах» обычно представляли собой не подробный разбор анализируемого произведения, и даже не читательские впечатления, а, скорее, философские и религиозные рассуждения «на тему», своеобразные статьи в миниатюре. Рецензия Георгия Федотова, одного из выдающихся критиков русского зарубежья того времени, не стала исключением из правила. Он говорит не столько об «Опавших листьях» как о художественном произведении, сколько о религиозных взглядах и жизненной позиции самого Розанова – и уже через эту призму рассматривает «Опавшие листья». Жалость здесь предстает в качестве одной из основных движущих сил в мире Розанова – наряду с любовью и страхом смерти (или мечтой о бессмертии). Все эти три своеобразные философские категории у Федотова взаимосвязаны и перетекают одна в другую. Он утверждает, что неизбежный страх смерти у Розанова преодолевается только любовью, «лишь через любовь к конкретной личности он ощущает бессмертие» [9, с. 224], а сама «любовь для Розанова – жалость (здесь и далее курсив мой. – Н. З.) и боль о человеке» [9, с. 224]. И несмотря на это, ни в одной из цитат из «Опавших листьев», приведенных Г. Федотовым в своей рецензии, не встречается само слово «жалость». Розанов говорит: «утешение», «любовь к человеку»; но обобщает эти нравственные категории и обозначает их словами «религия жалости» уже Г. Федотов – и это позволяет нам познать внутренний мир самого критика, пожалуй, едва ли не лучше, чем мир Розанова, о котором он говорит.

По мнению Федотова, Розанов не полностью проникся идеями христианства: «...как древний еврей, он плохо верит в бессмертие» [9, с. 224]. И только категория жалости помогает Розанову познать Бога, оставаться *христианским* писателем: «лишь погружаясь в жалость, Розанов встречается с Христом» [9, с. 224].

Однако жалость как таковая для творчества Розанова может быть и в какой-то степени пагубной. Говоря о недостатках «Опавших листьев», Федотов пишет: «Нельзя... не почувствовать, как тонет в этой жалостной стихии чувство личности. О самой любимой, о «друге», Розанов не умеет сказать почти ничего конкретного. Она остается для нас бледной тенью Женщины, Русской Женщины, Матери, Христианки – мы не видим ее живого лица [9, с. 225]».

Здесь тема жалости в какой-то степени сталкивается со стремлением «числовцев» к истине. Жалость как таковая для Федотова, безусловно, остается положительным качеством, христианской добродетелью, однако в творчестве критик ценит жалость ниже, чем правдивое отображение действительности.

В том же первом номере сборника, в котором появилась рецензия Г. Федотова, была помещена и одна из ставших знаменитыми анкет «Чисел», касающаяся творчества М. Пруста и его влияния на литературу в общем и на литературу русского зарубежья в частности. Ив. Шмелев, считавшийся тогда одним из виднейших русских литераторов «старшего» поколения, в своем ответе на вопрос анкеты сравнил тяжеловесный, «утомляющий» стиль Пруста со стилем М. Альбова, однако заметил при этом: «...у Альбова есть полет и светлая *жалость* к человеку, есть Бог, есть путь, куда он ведет читателя» [11, с. 278]. Несомненно, что для Шмелева жалость Альбова намного предпочтительнее холодного бесстрастия Пруста; она непосредственно связана с творческим полетом, с Богом и с путем постижения жизни. Ведь не случайно рядом Шмелев поставил вопрос: «Куда ведет Пруст, какому Богу служит?» [11, с. 278]. Своим противопоставлением Ив. Шмелев в какой-то степени возражает Г. Федотову – жалость для Шмелева не помеха искусству, а, напротив, критерий его истинности и отражения в нем всей полноты жизни.

Официально редакция «Чисел» не выразила свою точку зрения на трактовку темы жалости; однако уже во втором-третьем (сдвоенном) номере «Чисел» появилась статья Б. Поплавского «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции», в которой, как и в последующих своих работах на страницах «Чисел» (в статьях «По поводу...», «Новое издание Тургенева», а также в многочисленных рецензиях) Поплавский активно возражает Г. Федотову.

Поплавский создает в «Числах» своеобразную «философию жалости». Для Поплавского, как и для Шмелева, жалость – неотъемлемая черта христианского мировоззрения и мировосприятия; но Поплавский, в отличие от Шмелева, ставит жалость *на первое место* в своих требованиях к творческой личности. До Поплавского никто из философов и теоретиков искусства – а в своих статьях в «Числах» он выступает именно в такой роли – не делал жалость *основой* своей концепции.

Впервые тема жалости у Поплавского, как уже было сказано выше, появляется в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции» [6]. Эта статья стала одной из программных для молодых литераторов, сплотившихся вокруг «Чисел»; в ней, сравнительно небольшой по объему, затронуты все основные темы сборников и подняты все специфически «числовские» вопросы. Именно в ней впервые, как считают сегодня литературоведы, появилось определение «парижская мистическая школа» – так Поплавский обозначил то явление, которое сегодня благодаря ему же называют парижской нотой.

Начиная свою статью в свойственном ему парадоксальном стиле с шокирующих утверждений о том, что «искусства нет и не нужно» [6, с. 308], что «красивая и чистая духовная жизнь такая же пошлость, как и красивое искусство» (Там же), Поплавский делает вывод: «Что же остается, когда познано, что и заниматься и не заниматься искусством одинаково грех? Остается жалость к высшему человеку (а все люди высшие, и чем ниже и темней человек, тем выше). Жалость в форме всякого рода участия. <...> Жалость к высшему человеку – пафос Ницше, одного из самых христианских писателей» [6, с. 308]. Уже по данному отрывку можно судить, что понятие «жалость» у Поплавского тесно связано, во-первых, с искусством и с духовными поисками людей искусства (которым, собственно, и предназначается статья) и, во-вторых, с христианством. Но связи эти трудно назвать определенными; из приведенной цитаты можно лишь сделать вывод, что жалость Поплавский ставит выше искусства как такового и даже выше «красивой и чистой духовной жизни». Здесь подразумевается, скорее всего, то, что С. Горный позже назовет «жалостью деятельной», ведь не зря же автор утверждает: «...конечно, гораздо выше давать деньги, чем давать мысли. И малейший парад Армии Спасения стоит всего Лувра» [6, с. 308].

Далее Поплавский говорит о том, что «литература есть аспект жалости» [6, с. 309], то есть без жалости, испытываемой к тому, о ком и для кого пишешь, к ближнему своему, литература вообще невозможна. И, наконец, он полностью уравнивает понятия литературы (искусства), жалости и христианства, одновременно связывая их с истинно «числовской» трактовкой смерти: «...конечно, для литературы, т.е. для жалости (т.е. для христианства) самое лучшее – это погибать» [6, с. 309]. Для чего погибать? У Поплавского здесь видна своего рода символика подвижничества: с одной стороны, самоунижение, самоограничение и самоотречение во имя просветления, приближения к Богу, с другой стороны, самопожертвование, конечная гибель ради других людей, ради их спасения, ради *жалости* к ним. Для Поплавского имена Христа, Сократа, Моцарта и Блока стоят в одном ассоциативном ряду – они все «погибли, и сиянием своего погибания озарили мир» [6, с. 309]. Именно эмиграция, «тьма внешняя», по его мнению, предоставляет наилучшие возможности для такого духовного подвижничества. И тогда эмиграция, по Поплавскому, становится не величайшим злом, но величайшим благом; да, она ведет к гибели, но ведь

«только погибающий согласуется с духом музыки» [6, с. 309]. И православная жалость здесь – величайшая движущая сила, способная преобразовать мир.

Может показаться, что здесь Поплавский противоречит сам себе: сначала говорит о жалости деятельной, о денежной помощи, о готовности пожертвовать собой ради блага других, и вдруг оказывается, что умирание и есть благо. Тогда нужна ли эта помощь – не проще ли дать человеку умереть и «слиться с духом музыки»?

Однако никакого противоречия здесь нет. Дело в том, что Поплавский выдвигает различные требования по отношению к себе – к творческой личности, которой не страшно погибнуть, – и к другим, всем прочим, ближним своим. *Себя* творческие люди жалеть не могут, «им прекрасно и сладко себя не щадить, потому что они уже иной мистический «аеон» самораскрытия духа и им все легко» [6, с. 311]. Других же жалеть – и притом деятельной, активной, по Поплавскому, *истинно христианской* жалостью – творческий человек обязан. Навязывать другому свой путь, в том числе и путь гибели, нельзя; и именно потому «выше давать деньги, чем давать мысли» – материальная помощь пойдет во благо, а «давать мысли» бесполезно и даже вредно – ведь каждый сам должен создавать свое мировоззрение.

Эту же точку зрения Поплавский продолжит развивать в других своих критических работах, опубликованных в «Числах».

В свою очередь, Г. Федотов в уже упоминавшейся нами статье «О смерти, культуре и „Числах“» [см. 10] весьма резко возражает Б. Поплавскому. По мнению Федотова, «Поплавский прокликает искусство во имя единственной реальности: жалости к человеку, даже к отдаленной заячьей лапке. С разных концов здесь Бог и человек (живая тварь) убивают искусство, как мнимое и ложное...» [10, с. 147].

Федотов утверждает главенство искусства над жалостью, именно в искусстве, прежде всего, а не в жалости для него проявляется Бог: «Искусство есть слава, «осанна» сквозь распятие падшего мира, и жалость бессильна убить его» [10, с. 147].

Точки зрения Г. Федотова и Б. Поплавского своеобразно примиряет С. Горный в своем опубликованном на страницах «Чисел» докладе «Психология «Жалости»» [3]. Само появление такой, отчасти философской, отчасти публицистической, работы говорит о том, что тема жалости была, действительно, актуальна в условиях эмиграции.

Доклад, безусловно, заслуживающий отдельного и тщательного исследования, по своей структуре двучастен. В первой, самой обширной части доклада автор беспристрастно, ни в коей мере не навязывая слушателям и читателям свою точку зрения, приводит примеры различных трактовок жалости как понятия: речь псковской крестьянки, говорящей «за лею» вместо «люблю», философия Ницше, Спенсера, Шопенгауэра, случай из студенческой жизни (встреча с сумасшедшим) и случай нервно-психического расстройства, описанный у Фрейда, рассказ князя Мышкина о бедной Мари и разговор Нехлюдова с Катюшей Масловой; во второй же части, небольшой

по сравнению с первой, автором делаются выводы из приведенных выше примеров. Эти выводы, несмотря на явное и глубокое знакомство автора с проблемой и постоянные ссылки на авторитет выдающихся философов, – и даже по контрасту с этим – кажутся достаточно тривиальными. С. Горный выделяет два вида жалости – «вялую» или «пассивную» и «активную», «действенную». По мнению автора, первая есть причина (и симптом!) многих нервных расстройств; она безоговорочно вредна, поскольку «парализует волевой импульс» [3, с. 186], создавая только видимость дела. Активная же жалость – жалость подлинно христианская (но при этом автор оговаривается: «Я говорю не о церковно-историческом, а о евангельском» (христианстве. – Н. 3.) [3, с. 186]); активная жалость непременно ведет за собой поступок, доброе дело с целью помочь страдающему. Действенная жалость, по С. Горному, «в том и состоит, что ее струя, направленная к единице – на самом деле есть борьба за нарушаемую злом гармонию» [3, с. 187]. Если мы рассмотрим с этой точки зрения статьи Г. Федотова и Б. Поплавского, то увидим, что Федотов говорит в первую очередь о «пассивной» жалости, а Поплавский, как уже упоминалось выше, – об «активной» ее разновидности.

К сожалению, все проявления темы жалости в журнале «Числа» не могут быть рассмотрены в одной статье. Тем не менее, исходя из приведенных нами примеров, мы можем сделать следующие выводы: тема жалости присутствует на страницах журнала «Числа» и тесно связана с его основными темами: темой смерти и воскресения, темой стремления к истине и темой религиозного бытия; на страницах «Чисел» развернулась дискуссия, связанная, прежде всего, с различными трактовками жалости и сострадания Г. Федотовым и Б. Поплавским как представителями различных «поколений» эмиграции и закончившаяся своеобразным «примирением» их точек зрения в докладе С. Горного, также опубликованном на страницах сборника.

Литература

1. *Варшавский, В.С.* Незамеченное поколение / В.С. Варшавский. – Нью-Йорк, 1956.
2. *Гершельман, К.* Отклики отовсюду / К. Гершельман // Числа. – 1934. – № 10. – С. 248.
3. *Горный, С.* Психология «Жалости» (Выдержка из доклада, прочитанного в Берлине) / С. Горный // Числа. – 1933. – № 9. – С. 183–187.
4. *Еремина, Л.* Рыцарь культуры / Л. Еремина // Лит. обозрение. – 1996. – № 2. – С. 8–10.
5. *Летаева, Н.В.* Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала «Числа»: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Летаева. – М., 2003.
6. *Поплавский, Б.* О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции / Б. Поплавский // Числа. – 1930. – № 2–3. – С. 308–311.
7. Редакционная статья (автор не указан) // Числа. – 1930. – № 1. – С. 6.
8. *Струве, Г.П.* Русская литература в изгнании / Г.П. Струве // Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского Зарубежья. – 3-е изд., испр. и доп. – Париж; М., 1996.

9. Федотов, Г.П. Розанов. Опавшие листья. Изд. Rossica. Берлин. 1929 / Г.П. Федотов // Числа. – 1930. – № 1. – С. 223–227.
10. Федотов, Г.П. «О смерти, культуре и „Числах“» / Г.П. Федотов // Числа. – 1930. – № 4. – С. 146.

11. Шмелев Ив. Анкета о Прусте / И. Шмелев // Числа. – 1930. – № 1. – С. 278.
12. Ю.Т. [Рец.]. «Новь», сборник № 6. Изд. Комитета Русской Культуры. Эстония, 1934 // Числа. – 1934. – № 10. – С. 233.

УДК 811.161.1

А.А. Котов

ОБ ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТИ ОДНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается соотношение полных и кратких форм имен прилагательных-предикатов в русском языке. Описываются основные семантико-прагматические особенности такого соотношения, делается вывод об этноспецифичности этого явления.

Языковая картина мира, этноспецифичные значения, грамматика, прилагательные-предикаты, темпоральная семантика, функционально-коммуникативная семантика, параметрическая оценка.

In the article the ratio of full and short forms of names of adjectives-predicates in the Russian language is considered. The basic semantic and pragmatic features of such ratio are described, the conclusion of ethnospecificity of this grammatical phenomenon is drawn.

A language picture of the world, ethnospecific values, grammar, adjectives-predicates, temporal semantics, functional-communicative semantics, parametrical estimation.

Языковая картина мира является предметом многих современных лингвистических исследований. По мнению М.А. Кронгауза, «одной из основных задач современной лингвистической семантики стало исследование концептуализации мира языком, его лексикой и грамматикой, т. е. исследование того, как язык членит мир и как он этот мир представляет» [15, с. 85]. И в этом случае мы говорим «о том представлении, которое стоит за языком, а если говорить точнее, за каждым конкретным языком» [15, с. 85], о том, как язык концептуализирует окружающий нас мир и представляет его нам.

Единого, если так можно выразиться, *строгого* определения языковой картины мира нет. Под языковой (иначе – *наивной*) картиной мира чаще всего понимают «исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [8], или «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [22, с. 10], или «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывающихся в некую единую систему взглядов, или предписаний... и навязываемых в качестве обязательной всем носителям языка» [7].

Изучение русской языковой картины мира имеет достаточно давнюю историю (см. обзоры [22]), одним из первых в отечественной лингвистике эту идею с конца 60-х годов XX века развивал Ю.Д. Апресян. В его понимании языковая картина мира – это «особый способ мировидения», проявляется в «национально специфичном наборе ключевых идей –

своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими» [1, с. 35]. Такая ключевая идея имеет «тем больше оснований на лингво-, или этноспецифичный статус, чем больше арсенал средств ее выражения в данном языке по сравнению с другими языками, чем разнообразнее их природа (особенно показательны в этом отношении грамматикализованные значения) и чем больше число языков, в которых она не может быть выражена столь же простыми средствами» [1, с. 35].

Ю.Д. Апресян разграничивает этноспецифичность в сильном и слабом смысле: в первом случае в языке присутствуют «простые по своей структуре единицы с таким значением, которое в других языках может быть выражено только описательно, т. е. сложными единицами типа словосочетаний или предложений (этноспецифичность в сильном смысле)»; во втором случае «значение, в принципе выражимое простыми средствами в других языках, имеет... некий особый – грамматикализованный или полуграмматикализованный – статус (этноспецифичность в слабом смысле)» [1, с. 36].

Этноспецифичные значения, как правило, исследуются преимущественно на лексическом и идиоматическом материале, поскольку «основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка. Особенно наглядно и ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками — то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосре-

доточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа» [19, с. 146].

Этноспецифичность фразеологии понятна и неоспорима: «система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности» [18, с. 215]. То же можно сказать о русских «уникальных» словах, специфичных для русского мировосприятия, которые выделяются в этом статусе практически всеми исследователями, являются «любимым языковым материалом». Это *авось, воля, душа, судьба, тоска, удасть, маяться*, семантическая корреляция в таких лексических парах, как *голова/ разум ~ сердце, правда ~ истина, добро ~ благо* и пр. Или ставшие уже хрестоматийными несовпадения и различия в наименованиях основного цветового спектра в разных языках, выделяемых, по сути, на основе единого физического спектра.

Собственно грамматический материал исследуется гораздо реже и большей частью фрагментарно – как нам кажется, на то есть две причины. Во-первых, грамматический материал представляет этноспецифичные различия между языками менее отчетливо и, говоря образно, рельефно; во-вторых, выход через уровень грамматических значений и категорий на уровень ключевых идей мировидения подчас сложен, извилист и не всегда бесспорен. При этом, по признанию многих лингвистов, такое описание оканчивается *принципиально* фрагментарным.

Существует еще одно, помимо уже описанных в лингвистической литературе, любопытное грамматическое явление русского языка, которое можно считать этноспецифичным. Речь идет о соотношении полных и кратких предикативных качественных прилагательных – одной из давних и даже «вечных» тем русской грамматической и – шире – лингвистической традиции.

Данному вопросу посвящена значительная специальная литература (см. обзоры в [10], [20]), но единого взгляда на этот грамматический феномен у авторов нет. Причина кроется как в объективной сложности, так и в динамичности явления. Современные исследователи независимо друг от друга пришли к мнению, что использование в русском языке предикативных именных форм, в частности прилагательных, их соотношение, демонстрирует процесс непрерывного развития языка, а колебания между полными и краткими предикативными формами неустойчиво и динамично (см. [12], [17], 5). Приведем мнение М. Гиро-Вебер: «Нам кажется очевидным, что для прилагательного эта эволюция еще не закончилась, о чем свидетельствуют колебания в употреблении форм...» [6, с. 18].

Две серии противопоставленных друг другу форм имен прилагательных существуют не только в русском, но и в некоторых других славянских и неславянских языках – например в немецком (краткие прилагательные в нем являются неизменяемыми предикатами), чешском (литературном) и отчасти польском. В русском языке краткие прилагательные хотя и тяготеют к книжно-письменной сфере, но со-

храняют при этом высокую активность употребления в языке в целом. Особенностью польского языка является почти полное отсутствие кратких форм прилагательных. В польских грамматиках отмечается, что в краткой форме в позиции предиката могут выступать лишь несколько прилагательных: *wesół, zdrów, gotów, łaskaw, godzien, ciekaw, winien* и некоторые другие. Поэтому если в чешском и русском языках говорящий обладает возможностью выбора между полной или краткой формой прилагательного в позиции предиката [9], то в отношении польского языка говорить о такой возможности почти не приходится. Наша задача – кратко описать то, как и для каких нужд данная собственно грамматическая корреляция используется в русском языке.

1. Корреляцией полной и краткой предикативных форм прилагательного может выражаться **темпоральная семантика** предикативного признака. Эта особенность была подмечена русскими грамматистами и составителями школьных грамматик еще в XIX веке, позднее обрела статус теории и в свое время была поддержана Н.Ю. Шведовой [21], которая, что немаловажно, была автором соответствующего раздела в Грамматике русского языка – 1954. Теория получила широкое распространение в отечественной лингвистической литературе, несмотря на обоснованную критику, – в том числе в различных стилистических справочниках. Из новейших назовем «Практическую стилистику русского языка» Ю.А. Бельчикова [2, с. 147–148].

В рамках данной теории существует несколько точек зрения, в том числе противоположных, согласно наиболее распространенной точке зрения, полная форма выражает признак постоянный, не ограниченный во времени, краткая – непостоянный, во времени ограниченный. Для иллюстрации этого положения приведем следующие предложения:

- 1) *Он болен. – Он больной.*
- 2) *Ребенок подвижен и здоров. – Ребенок подвижный и здоровый.*
- 3) *Река спокойна. – Река спокойная.*
- 4) *Город удивительно красив. – Город удивительно красивый.*

Они действительно демонстрируют семантические различия, которые характеризуются с точки зрения временной локализованности/ нелокализованности проявления предикативного признака. Является ли это отличительной этноспецифичной чертой русского синтаксиса? С одной стороны, приведенные примеры свидетельствуют о том, что является, с другой – одновременно возникает необходимость сделать несколько существенных оговорок.

Во-первых, такая семантическая корреляция распространяется не на весь класс качественных прилагательных. Ср.:

- 5) *Я голоден. – Я голодный.*
- 6) *Мой школьный приятель холост. – Мой школьный приятель холостой.*
- 7) *Водитель автобуса абсолютно трезв. – Водитель автобуса абсолютно трезвый.*
- 8) *Эти квартиры свободны. – Эти квартиры свободные.*

В конструкциях (5)–(8) в отличие от (1)–(4) се-

мантический компонент «временность/постоянство» на уровне семантики предложения уже отсутствует, хотя во *всех* примерах (1)–(8) в роли предиката используются прилагательные, которые своей лексической семантикой обозначают «ситуативный» признак, т. е. признак, связь которого с субъектом – его носителем – не является постоянной, но характеризуется определенными временными рамками. Заметим, что в соответствии с классификацией Е.В. Красильниковой [14] все прилагательные-предикаты в конструкциях (1)–(8) относятся к одному (выделяемому ею) подклассу, поскольку «в значениях этих прилагательных на первый план выступает идея пребывания в определенном положении, состоянии» [14, с. 202]. Следовательно, важным оказывается не что иное, как *референциальный статус* субъекта и предиката.

Во-вторых, семантическая корреляция «временность/ постоянство» обуславливается разнообразными внешними (по отношению к оппозиции форм) факторами – например наличием/ отсутствием в предложении глагольных связок, специализированных темпоральных экспликаторов типа *сегодня, сейчас, всегда, постоянно, вечно* или именных групп с темпоральным значением, присутствием придаточных конструкций (в том числе с модальным значением) и пр. Одним своим присутствием они могут не только нивелировать все прочие лексические и референциальные особенности, но и перекрывать собственные, «наслаиваясь» друг на друга и порождая новые возможности семантической интерпретации. Ср.:

9) *Он всегда болен. – Он всегда был болен. – Сейчас он больной. – В последние годы он был больной – Ты опять больной?*

10) *У нас дети всегда подвижны и здоровы. – Ребенок был подвижный и здоровый.*

11) *Река постоянно спокойна. – Сколько себя помню, эта река спокойна. – Река сегодня спокойная. – В последние годы река на удивление спокойная.*

12) *Этот город всегда удивительно красив. – Вечерами город удивительно красивый.*

Мы можем по-разному, более или менее строго, оценивать стилевой и стилистический статус (и потенциал) приведенных примеров, в том числе с точки зрения языковой нормы и кодификации, но мы не можем утверждать, что конструкции (9)–(12) являются грамматически неверными и/или аномальными.

Картина еще более усложняется, если мы обратим внимание на так называемые *синтаксически формульные* высказывания с конструктивно обязательным присутствием краткого прилагательного предиката. Это паремии (половицы, поговорки, приговорки и пр.), философские и житейские сентенции, формулировки научных законов и постулатов, предупреждающие информационные микротексты. С интересующей нас точки зрения все они отличаются одним немаловажным свойством – панхронией.

13) *Жизнь коротка – искусство вечно. Человеческое счастье переменчиво.*

14) *Добра была деревня, да слава худа. У бабы волосы долги, да ум короток.*

15) *Материя первична, сознание вторично. Токсины опасны для человека.*

16) *Непастеризованное некипяченое молоко небезопасно для вашего здоровья!*

2. Использование полных и кратких прилагательных в предикате также связано с **функционально-коммуникативной семантикой** высказывания. Говорить о корреляции как таковой здесь, как нам кажется, нельзя, поскольку отсутствует жесткость сопоставления и обусловленность, но можно проследить основные закономерности того, как использование прилагательных в предикате соотносится с тремя основными типами высказываний, выделенных М.В. Всеволодовой – *сообщением, оценкой, суждением* [3].

Высказывание-сообщение в принципе допускает использование обеих форм (1); в высказывании-оценке предпочтительна постановка полной формы, особенно в сочетании с поддерживающим квалификатором степени проявления признака (2), а краткая типична для немногочисленного класса оценочных прилагательных с отчетливой коннотацией, которые активны в том числе в конструкциях, демонстрирующих речевую энантиосемию (3). Ср.:

1) *Шансы у них равны. – Шансы у них равные.*

2) *Красивые цветы! – Какие красивые цветы! – До чего же ты счастливый!*

3) *Хитер старик! – Хорош друг! – Умен, ничего не скажешь!*

В высказывании-суждении (выводе, умозаключении о философской, физической сущности носителя признака) используется только краткое прилагательное, причем большинство примеров – это упомянутые выше застывшие синтаксические формулы с характерной панхронией. Часто это морально-этические, философские или просто житейские сентенции (претендующие на роль непреложной истины), которые могут иметь конкретного автора:

4) *Губители бывают подозрительны; тайные злодеи робки* (А. Радищев).

5) *Несчастливы у того человека ноги, у которого душа дурна* (А. Сумароков).

6) *Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* (Л. Толстой).

Б.М. Гаспаров дал объяснение, помогающее раскрыть прагматическую специфику этой закономерности: «Различие позиции, занимаемой говорящим по отношению к адресату в связи с выбором Sh либо L (краткой или полной формы. – А.К.) можно описать как различие между стремлением создать объективированное утверждение, с одной стороны, и стремлением к контакту, к эмпатии – с другой» [4, с. 237]. Рамки статьи не позволяют нам остановиться на этом подробнее, укажем лишь, что предпринятый нами анализ фрагмента «Жизнеописания Аввакума» с этой точки зрения демонстрирует интересные результаты [13].

3. Предикативное краткое прилагательное может использоваться в русском языке для **выражения параметрической оценки** признака по шкале «больше/меньше». Качественные прилагательные, и в первую

очередь оценочные, имеют шкалу: «полная форма соответствует норме, а краткая – отклонению от нормы со знаком плюс для признаков, характеризующих прилагательными» [11, с. 13], причем точка отсчета устанавливается говорящим произвольно и индивидуально: *Платье, конечно, дорого! А котлетка-то мала! Проём слишком узок!*

Как кажется, в том числе и это пронизательно имел в виду А.М. Пешковский, анализируя реплики в «Трех сестрах» А.П. Чехова: *Ирина: Ты, Машка, злая. Ольга: Ты Маша глупая. Самая глупая в нашей семье. Извини пожалуйста.* «Это – по-родственному, по-дружески. – замечает Пешковский. – Но сказать ты зла, ты глупа есть уже оскорбление...» [16, с. 204].

Это довольно тонкое семантико-прагматическое различие хорошо ощущается носителями русского языка и активно используется в художественных текстах, в том числе как особый стилистический прием при «сгущении» кратких форм в пределах одной конструкции. Приведем примеры, вызывающие у носителей языка особый перлокутивный эффект, связанный с эмоционально-эстетическим впечатлением, что просчитывается и прогнозируется автором:

1) *Муза должна быть легка на подъем, нарядна, остро словна, весела, певуча, танцевальна, загадочна, таинственна, неотмирна, ангелоподобна* (О. Николаева).

2) *Служит чуть не двадцать лет и всегда был неизменно прост, мил, разумен, вежлив, сердечен к нам* (И. Бунин).

3) *Сед, лохмат, зол. – И пожалуйста, без всяких китайских церемоний! Околою – тотчас же в яму, в канаву!* (И. Бунин).

4) *...Камилл был заика, безобразен лицом, нищ, честолюбив, жаден до благ земных, «сладкоморд», как говорят русские мужики* (И. Бунин).

Подведем итоги. По нашему мнению, некоторые описанные явления русского языка можно считать этноспецифичными, хотя и слабыми. Доказательством может служить следующий аргумент: даже при использовании языковых средств разных уровней мы не сможем адекватно передать все описанные семантико-прагматические особенности, если в языке нет грамматической корреляции форм прилагательного и порождаемых ею разнообразных смыслов, возникающих на стыке лексической семантики, грамматики и прагматики.

Литература

1. *Апресян, Ю.Д.* Основные принципы и понятия системной лексикографии / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М., 2006. – С. 33–4.
2. *Бельчиков, Ю.А.* Практическая стилистика современного русского языка / Ю.А. Бельчиков. – М., 2009.
3. *Всеволодова, М.В.* Употребление полных и кратких прилагательных / М.В. Всеволодова // Русский язык за рубежом. – 1972. – № 1. – С. 59–64.
4. *Гаспаров, Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М., 1996.
5. *Гиро-Вебер, М.* Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке / М. Гиро-Вебер // Теория функциональной грамматики. Количественность. Качественность. – СПб., 1996. – С. 65–79.
6. *Гиро-Вебер, М.* Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: возможно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs Тв.»? / М. Гиро-Вебер // Вопросы языкознания. – 2007. – № 1. – С. 18–26.
7. *Зализняк, А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев. – URL: www.lingvoda.ru/transforum/articles/zaliznyak_al.asp
8. *Зализняк, А.* Языковая картина мира / А. Зализняк. – URL: www.krugosvet.ru/articles/77/1007724
9. *Исаченко, А.В.* Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных / А.В. Исаченко // Исследования по структурной типологии. – М., 1963. – С. 61–87.
10. *Казавчинская, Н.А.* О состоянии изучения функций кратких и полных прилагательных в позиции предиката / Н.А. Казавчинская // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1987. – Вып. 760. – С. 120–129.
11. *Казавчинская, Н.А.* Функции кратких и полных форм прилагательных в позиции предиката в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Казавчинская. – Л., 1990.
12. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М., 2004.
13. *Котов, А.А.* Опыт прагматического анализа «Жизнеописания Аввакума». Использование прилагательных-предикатов / А.А. Котов // Стил: international journal. – 2006. – № 5. – С. 287–292.
14. *Красильникова, Е.В.* Имя прилагательное / Е.В. Красильникова // Русская разговорная речь. – М., 1973. – С. 196–216.
15. *Кронгауз, М.А.* Семантика / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2005.
16. *Пешковский, А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – 4-е изд. – М., 1934.
17. *Руде, Р.* Предикативное прилагательное и типы предложений в русском языке / Р. Руде // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3. – С. 80–101.
18. *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
19. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2000.
20. *Чернов, В.И.* Именные предикативные конструкции в современном русском языке. – М., 1985.
21. *Шведова, Н.Ю.* Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV–XVI вв. / Н.Ю. Шведова // Доклады и сообщения ИРЯ АН СССР. – М.; Л., 1948. – Вып. 1. – С. 102–126.
22. *Яковлева, Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира: Модели пространства, времени и восприятия / Е.С. Яковлева. – М., 1994.

**ПОВЕСТЬ А.С. ПУШКИНА «ГРОБОВЩИК» И ОДА Г.Р. ДЕРЖАВИНА «ВОДОПАД»:
ДИАЛОГ НА ПРЕДМЕТНОМ УРОВНЕ**

Статья посвящена изучению связи пушкинской повести и державинской оды в сфере предметной изобразительности. Рассматриваются формальные тезаурусы оды и повести. Анализируются два предметных «совпадения» в «Водопаде» и «Гробовщике»: *броня* и *рубщице*. Выявляется диалогическая природа отношений между одой Державина и повестью Пушкина. Устанавливаются такие формы диалога произведений на предметном уровне, как отталкивание, пародия, преодоление, усвоение и развитие.

Повесть, ода, диалог, формальный тезаурус, художественный предмет, портрет.

The article is dedicated to studying the relation of Pushkin's narrative and Derzhavin's ode in the scope of subject depiction. Formal thesauruses of the ode and the narrative are considered. Two object coincidences – *armor* and *rags* – in “The Waterfall” and “The coffin maker” are analyzed. Dialogical nature of the relationships between Pushkin's narrative and Derzhavin's ode is revealed. Such forms of dialogue of the literary works at the object level as repellency, parody, overcoming, assimilation and progress are defined.

A narrative, an ode, a dialogue, formal thesaurus, an artistic object, a portrait.

Контекст, в котором следует рассматривать, единственную фантастическую повесть в составе «Повестей Белкина» – «Гробовщик» (1830), наметил сам Пушкин, выбрав в качестве эпиграфа строки из державинской оды «Водопад»¹ (1791–1794): «Не зрим ли каждый день гробов, / Седин дряхлеющей вселенной?». Эпиграф ориентирует на осмысление семантики образа гроба в обоих произведениях, поэтому в центре внимания пушкинистов оказывался ограниченный круг предметов, связанный с профессиональной деятельностью Адрияна Прохорова. Традиция подобного изучения оды и повести заложена В.В. Виноградовым, показавшим отличие в понимании одного и того же образа – *гроба* – в произведениях Державина и Пушкина: философское осмысление вопросов жизни и смерти в оде оборачивается в «цеховой» повести бытом московского ремесленника, в котором *гробы* – «изделия хозяина, произведения ремесла, товар, предмет торговли, расходов и убытков» [2, с. 464]. Такому пониманию *гробов* «иронически противопоставит» эпиграф: «В реалистически воспроизведенный мир профессионально-бытовых повседневных отношений, в мещанскую действительность жизни ремесленников, низвергается символическая риторика державинского „Водопада“» [2, с. 465].

В исследовательской литературе сложились два подхода к характеру отношений пушкинской повести и державинской оды. Первый восходит к идеям В.В. Виноградова, изложенным в книге «Стиль Пушкина». Его последователи определяют связь произведений как конфликт [1, с. 69]; [15, с. 29]; [9, с. 212]; [14, с. 227–228] или контраст [13, с. 109]; [4, с. 109]. Иной позиции придерживается С.А. Салова. В отличие от

своих предшественников, указывавших на «конфликтные отношения между пафосом поэтико-философских медитаций о жизни и смерти, с одной стороны, и прозой существования торгующего гробами ремесленника, с другой», исследовательница полагает, что связь между «эпиграфом и основной коллизией повести о гробовщике более значительна и многозначна». Пушкин «подвергает гротескной материализации» ряд образов: во-первых, метафора «гробы – седины вселенной» проецируется на реальный быт живущего в непосредственном соседстве с гробами и другими принадлежностями похоронного ритуала гробовщика Прохорова; во-вторых, метафора «двери скрип подземной» Державина «преобразуется» Пушкиным в прозаическую калитку; в-третьих, Пушкин трансформирует и переосмысляет воспринятый у Державина мотив падения-смерти [12, с. 146 – 147].

В центре нашего внимания – диалог «Гробовщика» А.С. Пушкина с «Водопадом» Г.Р. Державина в сфере предметной изобразительности. Формальные тезаурусы (М.Л. Гаспаров) оды и повести отличаются количеством и набором предметов. Степень предметной насыщенности в «Водопаде» и «Гробовщике» неодинакова. Тезаурусы обоих произведений, незначительно отличаясь по числу рубрик (в оде – 8, в повести – 7), имеют разные количественные показатели: 44 и 109 словоупотреблений соответственно. Доминирующие в тезаурусе «Водопада» рубрики, отвечающие канону жанра оды, в тезаурусе «Гробовщика» отсутствуют или заполнены минимально: «Атрибуты власти» (12 и 0 словоупотреблений), «Оружие» (9 и 1). Ядро вещного поля повести образует неактуальная в тезаурусе оды рубрика «Дом и интерьер» – 65 словоупотреблений (в оде – 5). Если в тезаурусе «Водопада» содержатся рубрики «Инструменты» (3), «Топографические приборы и принадлежности» (2), то отличительная черта тезауруса

¹ С точки зрения жанровой природы «Водопад» рассматривается нами как особая «державинская» (П.А. Вяземский) ода, «развернутое сюжетное стихотворение» [6, с. 278].

«Гробовщика» – наличие в нем рубрик «Похоронные принадлежности» (17), «Гастрономия» (6). Рубрика «Средства передвижения» в тезаурусе оды включает 5 словоупотреблений, в тезаурусе повести – 1. По одному словоупотреблению в тезаурусах произведений приходится на рубрику «Деньги». Общая рубрика «Костюм», по сравнению с тезаурусом оды, в тезаурусе повести представлена разнообразнее: кроме подрубрик «Тип одежды», «Элементы обмундирования», она содержит подрубрики «Обувь» и «Ткань». Проанализируем два имеющихся в тезаурусах предметных «совпадения», принадлежащих данной рубрике: *броню* и *рубище*.

В «Водопаде» *броня*, встречающаяся 1 раз и образующая вместе с сопряженными друг с другом предметами разных рубрик, *шлем* («Костюм»), *копье* (2), *меч*, *щит* («Оружие»), *меры*, *чертеж* («Топографические приборы и принадлежности»), *шатер* («Дом и интерьер»), вещное окружение П.А. Румянцева, является деталью портрета героя: «Я вижу – некий муж седой / Склонился на руку glavой. / *Копье* (курсив здесь и далее мой. – М.Н.) и *меч*, и *щит* великой, / Стена отечества всего, / И *шлем*, обвитый повилкой, / Лежат во мху у ног его. / В *бронь* блистая златордяной, / Как вечер на заре румяной, / Сидит – и, взор вперя водам, / В глубокой думе рассуждает» [5, с. 179–180]. При описании «мужа седого» Державин использует свойственный стихотворной речи инверсированный порядок слов: *броня* златордяная. С помощью вынесенного в постпозицию сложносоставного эпитета *златордяная*¹ передается колористический признак предмета. А.В. Чичерин отмечал: «Державину по праву принадлежит слава поэта-живописца, палитра его богата, и цвета его густы, зримы, не поглощены изображаемым предметом...» [16, с. 320].

Попадая из оды в повесть, *броня* претерпевает трансформацию. Предмет «взят» из стиха сказки А.Е. Измайлова «Дура Пахомовна» (1824) [7, с. 99]: «...Юрко стал опять расхаживать <...> с *секирой* и в *бронь сермяжной*» [10, с. 91]. *Броня*, получившая определение «*сермяжная*» (сделанная из грубого, неокрашенного сукна – сермяги²), есть не что иное, как солдатская шинель, применяется для комической характеристики персонажа. В отличие от «Водопада» в «Гробовщике» *броня* дана в сниженном виде, иными словами, иронически переосмыслена.

«Совпадение» в оде и повести еще одного предмета – *рубища* – едва ли можно считать случайным. *Рубище* – слагаемое вещесферы Г.А. Потемкина, на передний план которой выдвигаются реалии, связанные с властью: *венец*, *венок*, *трон* (2) – традиционные единицы одического словаря. Державин, стремясь создать индивидуальный образ героя, перечисляет реальные предметы, принадлежащие князю – *венок* («Атрибуты власти») и *булава* («Оружие»), –

которые вместе с тем становятся членами развернутой метафорической конструкции, обозначающей смерть своего владельца: «Потух лавровый твой *венок*, / Гранена булава упала, / *Меч* в полножны войти чуть смог / Екатерина возрыдала» [5, с. 187]. С названными предметами перекликается *факел* в пушкинской повести. В доме гробовщика *факел* – атрибут похоронного обряда, тогда как на вывеске, «изображающей дородного Амура с опрокинутым факелом в руке», факел, согласно эмблематической традиции, прочитывается как символ: «перевернутый факел – угасшая жизнь» [11, с. 521].

Рубище упоминается единственный раз при изображении умершего Потемкина: «Чей труп, как на распутье мгла, / Лежит на темном лоне ноши? / Простое *рубище* чресла, / Две *ленте* покрывают очи, / Прижаты к хладной груди персты, / Уста безмолвствуют отверсты!» [5, с. 185]. Просторечное *рубище*, наделенное эпитетом «простое», контрастирует со словом высокого стиля *порфира*, данным через отрицание: «Решитель дум в войне и мире, / Могущ – хотя и не в *порфире*» [5, с. 185]. Из «Объяснений Державина к своим сочинениям» становится известно, что князь Потемкин умер на дороге и оставался целую ночь лежащим в степи, покрытым простым плащом. Через предмет, *рубище*, утверждается мысль о конечности всего живого, неотвратимости наступления смерти.

В фантастической части повести Прохоров видит одетого в *рубище* мертвеца. *Рубище*, ветхая рваная одежда, выделяет бедняка, «недавно даром похороненного», из «толпы» гостей, пришедших по приглашению гробовщика на его новоселье, и противопоставлено *мундирам*, *кафтанам*. Эпитет «простое» излишен, и он снимается. Во сне представлено «московское общество в социальном разрезе» [8, с. 99]. Земная жизнь проецируется на загробное бытие, поэтому в мире неживых соблюдается социальная иерархия: «Все они, дамы и мужчины, окружили гробовщика с поклонами и приветствиями, кроме одного бедняка, недавно даром похороненного, который, совестясь и стыдясь своего *рубища*, не приближался, и стоял смиренно в углу. Прочие все одеты были благопристойно: покойницы в *чепцах* и *лентах*, мертвецы чиновные в *мундирах*, но с бородами небритыми, купцы в праздничных *кафтанах*» [10, с. 93]. Одежда свидетельствует о статусе человека. «Мертвецы православные» явились на новоселье в той одежде, в которой были похоронены.

Костюм в повести наделяется знаковым содержанием, характеризуя своего носителя. Отказываясь описывать костюм гробовщика: «Не стану описывать ни русского *кафтана* Адрияна Прохорова, ни европейского *наряда* Акулины и Дарьи... Полагаю, однако ж, не излишним заметить, что обе девицы надели желтые *шляпки* и красные *башмаки*...» [10, с. 91], – Пушкин ограничивается его названием (*кафтан*) и указанием на тип кафтана – *русский*. По словам А.П. Чудакова, здесь «изобразительная скупость демонстративна» [17, с. 55]. Следует отметить, что русский *кафтан* гробовщика особенно выделяется «на фоне» европейского наряда. У Адрияна и его дочерей разные предпочтения в одежде. Европей-

¹ Державин «подбирает сверхточные, именно в смысле внешней конкретности, эпитеты, а когда их не хватает, создает <...> новые составные, такие как... <...> „Златордяная броня“...» [3, с. 354].

² Данное слово, согласно «Словарю языка Пушкина», зафиксировано лишь в исследуемой повести.

ский наряд обнаруживает следование навязанной извне моде, а безвкусице Акулины и Дарьи показано через нелепое сочетание цветов элементов костюма (*желтые шляпки и красные башмаки*).

Вопреки сложившейся точке зрения отношения между одой и повестью нельзя свести к конфликту или контрасту, а можно определить только как диалогические. На предметном уровне диалог «Гробовщика» с «Водопадом» осуществляется в разных формах:

1. **Отгалкивание.** В произведениях используются разные критерии отбора вещей. Если Державин осуществляет отбор предметов, следуя одическому канону, то предметный слой пушкинской повести плотнее и разнообразнее. Расширение сферы изображаемой действительности связано с реалистическими принципами «Гробовщика». Не случайно «Повести Белкина» называют энциклопедией провинциальной жизни.

2. **Пародия.** Пушкин, обращаясь к предметам державинской оды, иронически их переосмысливает.

3. **Преодоление.** В «Водопаде» в силу специфики стихотворного типа речи предметы совмещают конкретное значение и метафорическое (*венки, булава*). Пушкин в прозаической повести «Гробовщик» преодолевает державинский символизм и сохраняет предметное содержание слова. При изображении вещей проявляются типичные для Пушкина-прозаика стилевые черты: точность и краткость.

4. **Усвоение и развитие.** Предметы в пушкинском «Гробовщике», так же как и в державинском «Водопаде», выполняют характерологическую функцию. В оде предметы участвуют в создании индивидуальных образов героев (Румянцеву и Потемкину соответствует свой набор предметов). В реалистической повести «Гробовщик» одежда имеет знаковую природу и дифференцирует персонажей. В обоих произведениях предмет становится средством создания портрета.

Таким образом, уже в «Гробовщике», первой по времени написания повести цикла, Пушкиным задан тип отношений к контексту – диалог.

1. Берковский, Н.Я. О «Повестях Белкина» / Н.Я. Берковский // Берковский Н.Я. О русской литературе: сб. статей. – Л., 1985. – С. 7 – 111.

2. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина / В.В. Виноградов. – М., 1941.

3. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века / Г.А. Гуковский. – М., 1999.

4. Дебрецени, П. Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина / П. Дебрецени. – СПб., 1996.

5. Державин, Г.Р. Стихотворения / Г.Р. Державин; вступ. ст., подгот. текста и общ. ред. Д.Д. Благого; примеч. В.А. Запорова. – Л., 1957.

6. Запоров, А.В. Поэты XVIII века. М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин / А.В. Запоров. – М., 1979.

7. Комментарии к «Повестям Белкина». «Гробовщик» / Н.Н. Смирнова // Пушкин А.С. Повести Белкина / под ред. Н.К. Гая, И.Л. Поповой. – М., 1999. – С. 81–112.

8. Петрунина, Н.Н. Проза Пушкина: Пути эволюции / Н.Н. Петрунина. – Л., 1987.

9. Поволоцкая, О. «Гробовщик»: коллизия и смысл / О. Поволоцкая // Вопр. лит. – 1989. – № 12. – С. 210–224.

10. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч. В 17 т. Т. VIII (1). Романы и повести. Путешествия / А.С. Пушкин. – М.; Л., 1949. – С. 87 – 94.

11. Сазонова, Л.И. Эмблематика и изобразительные мотивы в «Повестях Белкина» / Л.И. Сазонова // Пушкин А.С. Повести Белкина. – М., 1999. – С. 510 – 534.

12. Салова, С.А. Об эпиграфе к повести «Гробовщик» / С.А. Салова // Университетский пушкинский сборник. – М., 1999. – С. 146–153.

13. Сыроватко, Л.В. «Какие сны приснятся в смертном сне?» (Об одном диалоге Г.Р. Державина и приказчика Б.В.) / Л.В. Сыроватко // Начало: сб. работ молодых ученых. – М., 1995. – Вып. 3. – С. 108–110.

14. Удодов, Б.Т. Пушкин: Художественная антропология / Б.Т. Удодов. – Воронеж, 1999.

15. Хализев, В.Е. Литературные реминисценции в «Повестях Белкина» / В.Е. Хализев, С.В. Шешунова // Болдинские чтения. – Горький, 1985. – С. 28–45.

16. Чичерин, А.В. Очерки по истории русского литературного стиля / А.В. Чичерин. – М., 1977.

17. Чудаков, А.П. К поэтике пушкинской прозы / А.П. Чудаков // Болдинские чтения. – Горький, 1981. – С. 54–68.

УДК 81+070

Э.Г. Никитина

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ СПОРТИВНЫХ РЕПОРТАЖЕЙ

Статья посвящена рассмотрению влияния отдельных характеристик телевизионного спортивного репортажа на зритель. Проведенное экспериментальное исследование, выбранные методы анализа и статистической обработки данных позволили обнаружить, что на оценку репортажа влияют видеоряд, личности интервьюируемых и качество речи корреспондента.

Телевизионный спортивный репортаж, характеристики, корреспондент, интервьюируемые, семантический дифференциал.

This article is devoted to the discussion of the effects of different characteristics of the sport television reportage on their perception by viewers. The conducted experiment, chosen method of analysis and statistic data processing helped to discover that the evaluation of the reportage is mainly determined by the reportage video, interviewees' personality and correspondent's quality of speech.

Sport television reportage, characteristics, correspondent, interviewees, semantic differential.

Целью данной публикации является рассмотрение результатов, полученных в ходе экспериментального исследования влияния некоторых характеристик телевизионных спортивных репортажей на зрительскую оценку.

Материалом для исследования послужили телевизионные спортивные репортажи, прошедшие в эфире Башкирского спутникового телевидения и Вестей-Башкортостан. Репортажи выполнены разными авторами. Продолжительность каждого из них 3-5 минут. Тематика репортажей отличалась разнообразием. В них были представлены хоккейные и футбольные матчи, соревнования по народным и техническим видам спорта, а также портретные сюжеты.

Для изучения воздействия на зрителя отдельных характеристик телевизионных спортивных репортажей нами был избран метод семантического дифференциала. Данный метод уже применялся для оценки телепередач «Сегодня в мире» в работах М.А. Бережной [2]. Как отмечает М.А. Бережная, «метод семантического дифференциала позволяет получить разработанную в деталях и в то же время целостную картину восприятия передачи зрителями» [2, с. 85].

В нашем эксперименте анализу были подвергнуты десять телевизионных спортивных репортажей. Каждый из них оценивали 100 человек. В качестве испытуемых выступили студенты Уфимского государственного авиационного технического университета в возрасте 17-18 лет технических и гуманитарных специальностей.

Каждый репортаж испытуемый оценивал по анкете, в которую были включены такие характеристики телевизионного сообщения, от которых, по мнению исследователей телепублицистики [1], [3]–[15],

зависят качество репортажа и степень его воздействия на зрителей. Мы переработали и дополнили анкету, составленную М.А. Бережной. Наша анкета содержит 47 характеристик телевизионного репортажа. Общую оценку репортажа представляет последний, 47-й признак. Другие 46 признаков распределяются по следующим группам: характеристики личности корреспондента, характеристики личности интервьюируемого (интервьюируемых), характеристики содержания текста телевизионного спортивного репортажа, невербальные речевые характеристики корреспондента, невербальные речевые характеристики интервьюируемого (интервьюируемых), вербальные речевые характеристики корреспондента, вербальные речевые характеристики интервьюируемого (интервьюируемых), характеристики видеоряда телевизионного спортивного репортажа.

Все характеристики оценивались по используемой в методе семантического дифференциала шкале, представляющей собой семибалльную систему оценки: +3, +2, +1, 0, -1, -2, -3. Каждая характеристика представлена в анкете парой антонимичных формулировок качественного характера, располагающихся в полюсах шкалы. Число делений означает степень соотносительности субъективно воспринимаемого качества репортажа с одним из антонимов шкалы. Нулевая оценка говорит о нейтральности качества.

Испытуемым было предложено задание, сформулированное следующим образом: «Оцените выраженность нижеперечисленных характеристик в предложенных телевизионных спортивных репортажах».

Остановимся на группах характеристик, которые оценивались испытуемыми (см. таблицу).

Таблица 1

Список характеристик, оценивающихся в эксперименте

№ п/п	Название группы характеристик	Характеристики, входящие в группу
1	2	3
1.	Характеристики личности корреспондента	компетентен – не компетентен; вызывает доверие – не вызывает доверия; заинтересован в теме – безразличен к теме; эмоционален – не эмоционален; комментирует факты – не комментирует факты; обращается к аудитории – не обращается к аудитории; удерживает внимание – не удерживает внимание; обаятельный – необаятельный; нравится – не нравится
2.	Характеристики личности интервьюируемого (интервьюируемых)	компетентен – не компетентен; вызывает доверие – не вызывает доверия; заинтересован в теме – безразличен к теме; эмоционален – не эмоционален; комментирует факты – не комментирует факты; обращается к аудитории – не обращается к аудитории; удерживает внимание – не удерживает внимание; обаятельный – необаятельный; нравится – не нравится
3.	Характеристики содержания текста телевизионного спортивного репортажа	сообщение насыщено фактами – в сообщении мало фактов; в сообщении несколько точек зрения – в сообщении одна точка зрения; сообщение доступно для понимания – сообщение трудно для понимания

1	2	3
4.	Невербальные речевые характеристики корреспондента	интонация правильная – интонация неправильная; темп естественный – темп неестественный; тембр приятный – тембр неприятный; речь без дефектов – речь с дефектами; речь плавная – речь резкая; говорит без диалекта – говорит на диалекте; хорошая дикция – плохая дикция
5.	Невербальные речевые характеристики интервьюируемого (интервьюируемых)	интонация правильная – интонация неправильная; темп естественный – темп неестественный; тембр приятный – тембр неприятный; речь без дефектов – речь с дефектами; речь плавная – речь резкая; говорит без диалекта – говорит на диалекте; хорошая дикция – плохая дикция
6.	Вербальные речевые характеристики корреспондента	значения слов понятны – значения слов не понятны; речь выразительная – речь невыразительная; язык рассчитан на среднего зрителя – язык рассчитан на профессионала
7.	Вербальные речевые характеристики интервьюируемого (интервьюируемых)	значения слов понятны – значения слов не понятны; речь выразительная – речь невыразительная; язык рассчитан на среднего зрителя – язык рассчитан на профессионала
8	Характеристики видеоряда телевизионного спортивного репортажа	видеоряд несет большую информационную нагрузку – видеоряд несет маленькую информационную нагрузку; видеоряд соответствует тексту – видеоряд разнится с текстом; видеоряд качественный – видеоряд некачественный; цвет видеоряда естественный – цвет видеоряда искаженный; видеоряд эстетичный – видеоряд неэстетичный
9.	Общая оценка репортажа	нравится – не нравится

Поскольку каждая из 47 характеристик оценивалась каждым испытуемым, то в результате для каждой из 47 характеристик были получены 100 значений, которые могут быть охарактеризованы как случайные величины.

Полученные данные обрабатывались на кафедре математики общенаучного факультета Уфимского государственного авиационного технического университета при помощи программы STATISTICA. Было построено уравнение корреляционной зависимости рейтинга передачи (сорок седьмой признак – общая оценка репортажа) от других сорока шести признаков этого репортажа. Была установлена взаимосвязь всех характеристик репортажа как между собой, так и с итоговой характеристикой. Были построены графики зависимости итоговой характеристики репортажа от каждой характеристики, а также построено уравнение множественной регрессии (зависимость итоговой характеристики от совокупности влияющего фактора). Были выделены группы значимых характеристик и построено уравнение зависимости только по ним. Таким образом, мы обнаружили значимые характеристики, которые повлияли на итоговую оценку (сорок седьмую характеристику) для каждого репортажа.

В телевизионном спортивном репортаже № 1 значимыми стали характеристики: не удерживают внимание интервьюируемые – 20,80 %; плавная речь

интервьюируемых – 17,70 %; не вызывают доверие интервьюируемые – 16,70 %; обаятельные интервьюируемые – 16,40 %; правильная интонация корреспондента – 14,60 %; речь корреспондента с дефектами – 13,80 %.

В телевизионном спортивном репортаже № 2 выделены следующие характеристики: речь корреспондента без дефектов – 22,45 %; видеоряд репортажа качественный – 17,94 %; интервьюируемые заинтересованы в теме – 16,15 %; интервьюируемые не комментируют факты – 15,70 %; интервьюируемые нравятся – 15,25 %; сообщение доступно для понимания – 12,56 %.

В телевизионном спортивном репортаже № 3 на общую итоговую оценку повлияли следующие характеристики репортажа: интервьюируемые удерживают внимание – 26,60 %; интервьюируемые не вызывают доверие – 19,22 %; хорошая дикция интервьюируемых – 15,77 %; невыразительная речь корреспондента – 15,27 %; интервьюируемые комментируют факты – 11,83 %; речь корреспондента с дефектами – 11,33 %.

После обработки статистических данных телевизионного спортивного репортажа № 4 были выделены следующие значимые характеристики: корреспондент удерживает внимание – 22,86 %; видеоряд репортажа эстетичный – 19,29 %; корреспондент не нравится – 16,43 %; сообщение доступно для пони-

мания – 14,29 %; интервьюируемые не заинтересованы в теме – 13,58 %; хорошая дикция корреспондента – 13,58 %.

На итоговую оценку телевизионного спортивного репортажа № 5 повлияли следующие характеристики: речь корреспондента без дефектов – 17,79 %; хорошая дикция корреспондента – 15,42 %; интонация корреспондента правильная – 15,02 %; цвет видеоряда репортажа естественный – 13,84 %; темп речи корреспондента неестественный – 11,47 %; видеоряд репортажа качественный – 11,07 %.

В телевизионном спортивном репортаже № 6 значимыми стали следующие характеристики: корреспондент нравится – 16,75 %; видеоряд репортажа эстетичный – 13,96 %; интонация корреспондента неправильная – 13,49 %; цвет видеоряда репортажа неестественный – 13,49 %; язык корреспондента рассчитан на профессионала – 12,56 %; видеоряд репортажа некачественный – 12,56 %; интервьюируемые удерживают внимание – 12,10 %; видеоряд несет большую информационную нагрузку – 5,12 %.

Важные характеристики телевизионного спортивного репортажа № 7: тембр корреспондента приятный – 22,46 %; значения слов корреспондента понятны – 22,04 %; речь корреспондента выразительная – 14,83 %; язык корреспондента рассчитан на среднего зрителя – 11,87 %; речь корреспондента без дефектов – 10,60 %. Интервьюируемые обаятельные – 9,75 %; видеоряд репортажа качественный – 8,48 %.

На общую оценку телевизионного спортивного репортажа №8 повлияли следующие характеристики: цвет видеоряда репортажа естественный – 13,77 %; хорошая дикция интервьюируемых – 13,45 %; речь корреспондента с дефектами – 12,79 %; значения слов корреспондента понятны – 11,48 %; корреспондент вызывает доверие – 11,48 %; интервьюируемые компетентны – 9,84 %; видеоряд репортажа несет большую информационную нагрузку – 9,18 %.

В телевизионном спортивном репортаже № 9 опередились такие значимые характеристики, как: интервьюируемые вызывают доверие – 19,41 %; цвет видеоряда репортажа естественный – 13,81 %; интервьюируемые удерживают внимание – 13,44 %; хорошая дикция корреспондента – 11,94 %; видеоряд репортажа эстетичный – 10,82 %; корреспондент не вызывает доверие – 10,45 %; видеоряд репортажа качественный – 10,45 %; речь корреспондента без дефектов – 9,71 %.

В результате анализа телевизионного спортивного репортажа № 10 были выделены следующие характеристики, повлиявшие на общую оценку репортажа: сообщение доступно для понимания – 20,93 %; видеоряд репортажа эстетичный – 17,06 %; интервьюируемые заинтересованы в теме – 15,51 %; цвет видеоряда репортажа неестественный – 11,63 %; выразительная речь корреспондента – 9,69 %; хорошая дикция интервьюируемых – 9,31 %; видеоряд репортажа качественный – 8,92 %; видеоряд репортажа несет большую информационную нагрузку – 6,98 %.

Таким образом, в центре всех характеристик находится характеристика, вошедшая в группу «Невер-

бальные речевые характеристики корреспондента». На общую оценку репортажа у зрителей повлияло качество речи корреспондента – наличие или отсутствие в ней дефектов. Эта характеристика оказалась значимой в семи телевизионных спортивных репортажах из десяти.

В шести репортажах важной стала характеристика, касающаяся качества видеоряда.

В половине репортажей на общую оценку повлияли также характеристики видеоряда, а именно: его цвет и эстетичность, характеристика, касающаяся личности интервьюируемых (их способность удерживать внимание).

В трех репортажах респонденты выделили важные характеристики личности интервьюируемых: вызывают или не вызывают доверие, их заинтересованность в теме. На общую оценку в трех репортажах повлияли невербальные речевые характеристики корреспондента и интервьюируемых – качество дикции. У корреспондента оценивалась интонация. Также в трех репортажах на общую зрительскую оценку повлияла характеристика видеоряда, его информационная нагрузка и доступность сообщения для зрителя.

В двух репортажах значимость проявили характеристики личности корреспондента и интервьюируемых. У корреспондента оценивались способность вызывать доверие и общее впечатление, которое он производит на зрителей, а у интервьюируемых – их обаяние и способность комментировать факты. У корреспондента оценивались вербальные речевые характеристики, его умение подбирать понятные для зрителей слова и степень выразительности его речи.

Один раз были выделены как важные характеристики, касающиеся: личности корреспондента (его способность удерживать внимание), личности интервьюируемых (их компетентность и общее впечатление, которое они производят на зрителей), невербальных речевых характеристик корреспондента (его умение выразить себя в таких невербальных компонентах коммуникации, как темп и тембр), невербальных речевых характеристик интервьюируемых – плавность речи, вербальной речевой характеристика корреспондента, которая оценивает степень выразительности его речи.

Итак, анализ восприятия десяти спортивных телевизионных репортажей в молодежной аудитории показал, что из 46 характеристик, которые предположительно могли оказать влияние на их восприятие, в проведенном эксперименте значимыми показали себя 26. Среди них наиболее полно представлены характеристики видеоряда репортажа, невербальные речевые характеристики корреспондента и интервьюируемых, а также характеристики, оценивающие личность интервьюируемых. Зрители уделили мало внимания характеристикам содержания текста. Из трех характеристик значимой стала только одна в трех репортажах, представляющая доступность текста для понимания.

Таким образом, мы можем предположить, что при просмотре телевизионных спортивных репортажей зрители, прежде всего, оценивают видеоряд, а

также большое внимание уделяют личности интервьюируемых, манере подачи материала корреспондентом, его невербальным речевым умениям и качеству речи.

Литература

1. *Ахвледзиани, М.В.* Новости – наша профессия (в помощь начинающим тележурналистам) / М.В. Ахвледзиани. – М., 2004.
2. *Бережная, М.А.* Восприятие телевизионной передачи «Сегодня в мире» в студенческой аудитории / М.А. Бережная, Н.Г. Бойкова, В.И. Коньков, Т.И. Попова // Вестник ЛГУ. Сер. «История. Язык. Литература». – 1985. – № 23. – С. 85–89.
3. *Богомолова, М.А.* Некоторые языковые аспекты персонификации телевизионного сообщения / М.А. Богомолова // Вестник МГУ. Сер. «Журналистика». – 1984. – № 4. – С. 29–38.
4. *Борецкий, Р.* Журналист ТВ: за кадром и в кадре / Р. Борецкий, Г. Кузнецов. – М., 1990.
5. *Зверева, Н.В.* Школа регионального тележурналиста / Н.В. Зверева. – М., 2004.
6. *Ким, М.Н.* Репортаж: технология жанра / М.Н. Ким. – СПб., 2005.
7. *Кузнецов, Г.В.* ТВ-журналистика: Критерии профессионализма / Г.В. Кузнецов. – М., 2002.
8. *Кэрролл, Маккалах В.* Новости на ТВ / Маккалах В. Кэрролл. – М., 2000.
9. *Лукина, М.* Технология интервью / М. Лукина. – М., 2008.
10. *Познин, В.Ф.* Аудиовизуальный продукт: технология плюс творчество: моногр. / В.Ф. Познин. – СПб., 2006.
11. *Привалова, Н.К.* Работа над видеосюжетом / Н.К. Привалова. – М., 2001.
12. *Скорятин, В.И.* Техника спортивного интервью // Спорт в зеркале журналистики (О мастерстве спортивного журналиста) / В.И. Скорятин. – М., 1989. – С. 92–99.
13. *Стейнли, П.* Телевизионный репортаж: Практическое пособие для профессионалов / П. Стейнли. – М., 1997.
14. *Фэнг, И.* Теленовости: секреты журналистского мастерства (Реферат книги) / И. Фэнг. – М., 1993.
15. *Цвик, В.Л.* Телевизионная служба новостей / В.Л. Цвик. – М., 2008.

УДК 81.272

Н.В. Пестерова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор В.П. Коровушкин

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ МЕДИЦИНСКОМ СОЦИОЛЕКТЕ

Медицинский социолект – это особая экзистенциальная форма языка. Для нее характерно образование дериватов с переносом наименования. В статье представлены два основных способа семантической деривации: 1) метафорический; 2) метонимический.

Медицинский социолект, семантическая деривация, метафорический перенос, метонимический перенос.

Medical sociolect is a special existential form of language. It is characterized by the formation of derivatives with the transfer of title. There are two main types of semantic derivation: 1) metaphor; and 2) metonymy.

Medical sociolect, semantic derivation, metaphor, metonymy.

Цель статьи – выявить основные виды метафорического и метонимического переноса в таком малоизученном фрагменте английской субстандартной лексики, каким является вокабуляр английского медицинского социолекта. Материалом исследования послужили 387 примеров с семантическим переносом наименования (305 примеров – с метафорическим переносом, 82 – с метонимическим), что составляет 11,37 % от всей выборки. Материал извлечен методом сплошной выборки из словарей британского и американского сленга [9], [11]–[13], [15]–[21], [23]. Уточним теперь понятия «медицинский социолект», «семантическая деривация», а также «метафорический перенос» и «метонимический перенос».

Медицинский социолект – это полуоткрытая, рационально-экспрессивная, профессионально детерминированная форма существования языка, применяемая социальной группой медицинских работников, для которой характерны следующие особенности: относительная устойчивость; полуавтоном-

ность; иерархическая структурированность; социально-профессиональная, социально-корпоративная, социально-демографическая (гендерная и возрастная) детерминированность; обслуживание определенного социума; наличие своеобразной лексической системы и определенных фонетических и грамматических особенностей; наличие собственной социолингвистической нормы; наличие в составе ряда генетически, функционально и структурно различных явлений: профессиональных диалектов, жаргонов (арго), сленга, вульгаризмов; наличие функций: коммуникативной, солидаризирующей, идентификации и самоидентификации; отражение исторического, социального и культурного фона говорящего; выражение языковой картины мира; наличие определенных ценностных ориентиров и социальной установки в конкретной коммуникативной ситуации.

Семантическая деривация понимается как создание нового слова (слова с другим значением) с помощью семантических средств [4, с. 13].

Активным источником образования медицинских социолектизмов являются семантические процессы, результатом которых является появление новых семем (лексико-семантических вариантов) в пределах одной лексемы. При вторичной номинации происходит развитие семантической структуры слова, осуществляется перенос наименования на основе ассоциативных связей между тем предметом, который уже имеет наименование, и тем, который получает его. Например, *knife* – нож, *med.* «хирург». Основные переносы значений: 1) метафорический; 2) метонимический.

Метафора понимается как слово или словосочетание, которое употребляется в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. Цель метафоры заключается не в простом названии предмета или явления, а в его экспрессивной характеристике [5, с. 115].

Метонимия – это такой тип семантических изменений, при котором перенос имени предмета или явления осуществляется на основе реальных или воображаемых связей или смежности между соответствующими предметами. Такая смежность может быть причинно-следственной по принципу качества, временной, пространственной (локальной) [7, с. 4–15].

Медицинские социолектные дериваты с метафорическим переносом наименований. Метафора связана с переосмыслением общеупотребительного нейтрального слова и предполагает учет его внутренней формы, исходной нормативной семантики, которая создает выразительный образ и предполагает неизбежную оценку объекта – предмета, признака или действия. Чтобы понять экспрессию и выразительность жаргонной метафоры, надо понять ее особенность [6, с. 88].

Д. Баркли [10, с. 312–314] отмечает живописность медицинского жаргона, а также его склонность к метафоризации. П. Хакилл [14, с. 145–148] также утверждает, что склонность медицинского сленга к метафоризации является его характерной особенностью. Большая часть медицинского жаргона состоит из обычных слов, употребляемых в другом значении [22, с. 140]. Многие из этих слов находятся на границе между жаргоном и нейтральным слоем лексики, например, *the chest is clear* – «легкие чистые», *acute abdomen* – «острый живот». Большинство из этих слов настолько знакомо врачам, что воспринимается как профессиональная терминология.

Метафорические переносы широко представлены в исследуемом материале. Данный тип переосмысления влечет за собой более значительные трансформации в семной структуре производящей единицы по сравнению с метонимическим типом, где между соотносимыми объемами устанавливаются связи, характеризующиеся большей устойчивостью [3, с. 112]. Медицинские социолектизмы, образованные в результате метафорических трансформаций, обладают большей экспрессивностью. В основе метафоры лежат отношения сходства (сравнения) [3, с. 113], [10]. Мотивирующим признаком переноса является наличие общего между сравниваемыми объектами. Например, при анализе семантической структуры слова

duck – «утка (птица)», *duck* – «подкладное судно (утка)» обнаруживается пересечение семантических объемов по дифференциальной семе «определенная форма», что и служит мотивом переноса наименования. Сходство может быть реальным и предполагаемым. Таким образом, метафора подразделяется на два типа: 1) на основе реального сходства, 2) на основе предполагаемого сходства.

В английском медицинском социолекте выделяются следующие виды метафорического переноса:

1. Метафора на основе сходства по форме (73 единицы):

а) реальное сходство (40 единиц): *banjo* – банджо, «подкладное судно»; *box* – коробка, «гроб»;

б) приписываемое сходство (33 единицы): *bouquet* – букет, «нервный узел»; *tags* – хвосты, «AmE остатки миндалин, которые оставляют в горле пациента после операции»;

2. Метафора на основе сходства по функции (60 единиц):

а) реальное сходство (14 единиц): *cooler* – холодильник, «морг»; *forceps* – щипцы, «BгE руки»;

б) приписываемое сходство (46 единиц): *bracer* – скрепление, «BгE тонирующее средство»; *butcher* – мясник, «хирург»;

3. Метафора на основе сходства по местоположению (17 единиц):

а) реальное сходство (11 единиц): *bark* – кора, «кожа»; *rind* – корка, «кожа»;

б) приписываемое сходство (6 единиц): *salmon* – лосось, «труп, выловленный из воды»; *sentinel* – страж, «внешний геморрой, расположенный в нижнем конце анального отверстия»;

4. Метафора на основе принципа действия (67 единиц):

а) реальное сходство (9 единиц): *bang* – удар, хлопанье, «инъекция»; *jab* – удар, толчок, «инъекция или вакцинация»;

б) приписываемое сходство (58 единиц): *clock* – часы, «AmE сердце»; *elevator* – лифт, «AmE пластический хирург»;

5. Метафора на основе качественных характеристик (81 единица):

а) реальное сходство (17 единиц): *banana* – банан, «пациент с желтухой»; *Bordeaux* – Бордо, «AmE моча с кровью»;

б) приписываемое сходство (64 единицы): *bung* – пробка, «Aus and NZ мертвый»; *cabbage* – капуста, «инвалид».

6. Комбинированные случаи метафорического переноса.

В основе метафорического переноса может лежать ряд общих дифференциальных сем, характеризующих лексемы по различным параметрам. Комбинации дифференциальных сем, по которым происходит пересечение семантических объемов, характеризуются большим разнообразием. Наиболее характерны следующие случаи комбинированного метафорического переноса:

1. Метафора на основе реального сходства формы + метафора на основе реального сходства функции: *circus* – цирк, «операционная комната с галере-

ей для наблюдателей»; *pipe* – трубка, «AmE кровеносный сосуд»; *pipes* – трубки, «голосовые связки, кровеносные сосуды»;

2. Метафора на основе приписываемого сходства формы + метафора на основе приписываемого сходства принципа действия: *gun* – пушка, «шприц»;

3. Метафора на основе реального сходства принципа действия + метафора на основе реального сходства по функции: *pump* – насос, «сердце»;

4. Метафора на основе приписываемого сходства по местоположению + метафора на основе приписываемого сходства качественных характеристик: *oasis* – оазис «AmE изолированное пятно здоровой ткани, окруженное больной тканью».

Однако представленные случаи не отражают всего многообразия метафорических переосмыслений. Широко представлены вторичные номинации, где мотивирующими признаками становятся потенциальные семы: *octopus* – осьминог, «смирительная рубашка». В данном случае потенциальная сема производящей единицы «способность делать жертву неподвижной и лишать способности сопротивляться» становится дифференциальной семой производной единицы «невозможность движения, сопротивления».

«Метафора может основываться на любой ассоциации, стимулируемой предметом, в том числе ложной, случайной и необоснованной, а вовсе не только на существенных признаках, предположительно образующих понятие класса» [1, с. 186–187]. Анализ медицинских социолектизмов, образованных в результате метафорического сдвига, подтверждает этот тезис и свидетельствует о широких возможностях потенциальных ассоциаций.

Медицинские социолектные дериваты с метонимическим переносом наименования. Выделяются следующие типы метонимических переносов.

1. **Каузальная метонимия** – характеризуется причинно-следственными отношениями: между субъектом и объектом: между инструментом и результатом действия; между инструментом и действием; между результатом и действием; между субъектом и действием; между субъектом и результатом.

Выделяются следующие модели:

модель 1: [инструмент → субъект]: *blade* – лезвие, «хирург»; *needle* – игла, «инъекция»; *scalpel* – скальпель, «хирург»;

модель 2: [инструмент → объект]: *knife* – нож, «операция»; *needle* – игла, «инъекция»;

модель 3: [инструмент → действие]: *knife (to)* – нож, «AmE делать операцию»; *needle (to)* – игла, «AmE делать инъекцию, вакцинацию»; *tube (to)* – труба, «AmE установить пациенту аппарат ИВЛ»;

модель 4: [действие → субъект]: *anesthesia* – анестезия, «анестезиологи, анестезисты»; *operation* – операция, «операционный пациент»; *stroke* – удар, «жертва удара молнией»;

модель 5: [действие → объект]: *bite* – укус, «AmE зубной слепок»; *cut* – порез, «AmE труп после диссекции (вскрытия), хирургическая операция»; *shakes* – дрожание, «белая горячка, лихорадка, озноб»; *trembles* – тряска, «белая горячка»;

модель 6: [действие → действие]: *cut* – резать, «кастрировать»;

модель 7: [объект → субъект]: *appendix (the)*, *gall bladder (the)*, *femoral fracture (the)*, *gastric (the)*, *cardiac (the) etc.* – «AmE наименование пациента по его больному органу»; *C.D.* – инфекционное заболевание, «инфекционный пациент»; *district (on the district)* – на районе, «BrE med stud акушерка, которая обслуживает определенный район»; *drugs* – лекарства, «аптекарь»; *needles* – иглы, «врач или лаборант, который берет кровь для анализа»;

модель 8: [объект → инструмент]: *arteries* – артерии, «AmE артериальные зажимы»;

модель 9: [объект → действие]: *appendix* – аппендикс, «аппендэктомия»; *cuff (to)* – манжета, «измерять кровяное давление (от *cuff* – манжета тонометра)»; *dentist (to)* – стоматолог, «заниматься стоматологической практикой»; *tonsil* – миндалина, «тонзилэктомия»; *gallbladder* – желчный пузырь, «операция на желчном пузыре»;

модель 10: [объект 1 → объект 2]: *drip* – капля, «венерическое заболевание»; *drugs* – лекарства, «фармакология»; *skin* – кожа, «дерматология»; *teeth* – зубы, «стоматологическое отделение»; *needle* – игла, «лекарство, вводимое подкожно»; *urine* – моча, «AmE анализ мочи»;

модель 11: [объект → результат]: *ground (to)* – земля, «BrE испражняться»;

модель 12: [субъект → объект]: *sundown* – закат, «испытывать ночные галлюцинации из-за непривычной обстановки, обычно это характерно для пожилых пациентов, помещенных в дом престарелых или больницу»;

модель 13: [субъект → объект]: *kids* – дети, «педиатрия, детское отделение больницы».

2. **Локальная метонимия** – это способ обозначения людей, предметов путем называния тех мест, в которых они находятся или происходят или наоборот. Выделяются следующие модели:

модель 1: [субъект → место]: *babies* – младенцы, «AmE палата для новорожденных детей»; *fathers* – отцы, «комната ожидания для мужчин в родильном доме»; *kids* – дети, «педиатрическое отделение»; *mothers* – матери, «родильное отделение»;

модель 2: [место → субъект]: *doorhandle* – дверная ручка, «BrE пациент, который вспоминает все новые симптомы и заболевания, даже когда уже выходит из кабинета врача»;

модель 3: [действие → место]: *recovery* – выздоровление, «палата для послеоперационных больных»; *operation* – операция, «операционная».

3. **Синекдоха** – «это разновидность метонимии, основанная на перенесении значения с одного явления или предмета на другое по признаку количественного отношения между ними (название части предмета вместо всего предмета, употребление родового понятия вместо видового и т.д.)» [5, с. 115]. При синекдохе происходит расширение значения, если модель: [часть → целое], и сужение значения, если модель: [целое → часть].

Модель 1: [часть → целое]: *cut* – резаная рана, порез, «AmE хирургическая операция»; *needle* – игла, «шприц».

Модель 2: [целое → часть]: *abdominals* – брюшной, «AmE органы брюшной полости».

Модель 3: [род → вид]: *water* – вода, «BrE моча».

4. **Антропонимия** – это приобретение именем собственным значения имени нарицательного. Модель 1: [имя собственное → имя нарицательное]: *Annie* – «сестра-анестезиолог»; *Dr. Feelgood* – «AmE врач, выписывающий лекарства не задумываясь (доктор «Чувствуй себя хорошо»)»; *Dracula* – «AmE гематолог».

5. **Смешанные случаи метонимического переноса.**

Атрибутивная метонимия [признак → объект] + антропонимия: *Andy Gump* – «AmE пациент, которому из-за рака челюсти удалили нижнюю челюсть, из-за этого создается впечатление, что у человека нет подбородка, и он напоминает Энди Гампа, персонажа американского мультфильма»; *Bordeaux* (Бордо) – «AmE моча с кровью».

Ономатопея – это название действия или явления с помощью звуковой ассоциации: *Ralphie McYackers* – звуки, имитирующие рвоту, «AmE пьяный молодой человек, которого рвет» (звукоподражание – по звуку назван субъект действия + каузальная метонимия: [действие → субъект]).

Широкому употреблению метонимических переносов в исследуемом пласте лексики способствует динамика спонтанного общения медицинской среды и наличие общей апперцепционной базы [2, с. 63], так как метонимия является важным средством языковой экономии. Ассоциативные связи по смежности, которые могут ложиться в основу медицинских социолектизмов, очень разнообразны и вряд ли поддаются полной классификации. Здесь уместнее говорить не столько о приобретении словами специальных значений, сколько о подчинении их общим метонимическим моделям [8, с. 221]. Так, Berrey, Van Den Bark, составители «*American Thesaurus of Slang*» (N.Y., 1962), не приводят полного списка лексем с соотношением «орган (болезнь) → пациент», а приводят всего несколько примеров, объясняя это тем, что наименования лица образуются аналогично по любому больному органу или болезни. «Редукция» наименования пациента до отдельного органа особенно характерна для хирургической и рентгенологической практики, аналогичная тенденция наблюдается и в немецком языке [2, с. 68–69]. Метонимические номинации пациента по больному органу, названию болезни и т.п. являются средством языковой экономии, так как они более информативны для медицинского персонала, чем имена собственные, однако это противоречит медицинской этике.

Продуктивность выявленных семантических моделей в английском медицинском социолекте показана в таблице. Семантические модели с переносом наименования в целом характерны для английского медицинского социолекта и составляют 11,37 % от всей выборки. Метафорические переносы более продуктивны, чем метонимические (79 и 21 % соответственно). Наиболее продуктивны метафорические переносы на основе сходства качественных характеристик (21 %) и сходства формы (19 %); среднюю

продуктивность имеют метафорические переносы на основе принципа действия (17 %) и сходства функции (16 %); наименее продуктивны метафорические переносы на основе сходства местоположения (4 %). Среди метонимических переносов наиболее продуктивной в английском медицинском социолекте является каузальная метонимия (13,3 %); среднюю продуктивность имеет антропонимия (5 %); непродуктивны локальная метонимия (1,2 %), синекдоха (0,6 %) и ономатопея (0,3 %).

Продуктивность семантических моделей с переносом наименований

Метафора, метонимия	Количество слов	%
1. Всего метафорических переносов:	305	79
на основе сходства формы:	73	19
реальное сходство	40	10
приписываемое сходство	33	
на основе сходства функции:	60	16
реальное сходство	14	4
приписываемое сходство	46	12
на основе сходства местоположения:	17	4
реальное сходство	11	3
приписываемое сходство	6	1
на основе принципа действия:	67	17
реальное сходство	9	2
приписываемое сходство	58	15
на основе качественных характеристик:	81	21
реальное сходство	17	4
приписываемое сходство	64	17
комбинированные случаи	7	2
2. Всего метонимических переносов:	82	21
каузальная метонимия	52	13,3
атрибутивная метонимия	0	0
локальная метонимия	6	1,2
синекдоха	3	0,6
антропонимия	18	5
ономатопея	1	0,3
смешанные случаи	2	0,6
Всего метафорических и метонимических переносов	387	100

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что основными семантическими моделями с переносом наименования в английском медицинском социолекте являются метафора на основе сходства формы и качественных характеристик, а также каузальная метонимия.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб. / сост. Н.Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 5–32.
2. Балишин, С.И. Медицинская стилистически сниженная лексика английского языка и способы ее образования: дис. ... канд. филол. наук / С.И. Балишин. – Калинин, 1982.
3. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М., 1977.
4. Зализняк, А.А. Семантическая деривация в синхро-

нии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / А.А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.

5. *Нелюбин, Л.Л.* Лингвостилистика современного английского языка / Л.Л. Нелюбин. – М., 2007.

6. *Химик, В.В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. – СПб., 2000.

7. *Чиршева, Г.Н.* Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Чиршева. – Л., 1986.

8. *Шмелев, Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка / Д.Н. Шмелев. – М., 1973.

9. *Ayto, J.* The Oxford dictionary of slang / J. Ayto. – Oxford, 2003.

10. *Barkley, D.* Hospital Talk / D. Barkley // American Speech. – 1927. – Vol. 1, № 7. – P. 312–314.

11. *Berrey, L.V.* The American Thesaurus of Slang / L.V. Berrey, Bark M. Van Den. – N.Y., 1962.

12. Decoding 28 medical slang terms. – URL: <http://health.howstuffworks.com/decoding-28-medical-slang-terms.htm>

13. Doctor's slang, medical slang and medical acronyms and veterinary acronyms and veterinary slang. – URL: <http://www.messybeast.com/dragonqueen/medical-acronyms.htm>

14. *Hukill, P.B.* The Spoken Language of Medicine: Argot, Slang, Cant / P.B. Hukill // American Speech. – 1961. – Vol. 36, № 2. – P. 145–148.

15. *Lighter, J.E.* Random House Historical. Dictionary of American Slang. 1 volume: A-G / J.E. Lighter. – N.Y., 1994.

16. *Lighter, J.E.* Random House Historical. Dictionary of American Slang. 2 volume: H-O / J.E. Lighter. – N.Y., 1994.

17. Medical Slang. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Medical_slang

18. *Partridge, E.* A dictionary of slang and unconventional English / E. Partridge. – N.Y., 1984.

19. *Partridge, E.* Slang to-day and yesterday: With a short historical sketch; and vocabularies of English, American, and Australian slang / E. Partridge. – London, 1979.

20. *Schmidt, J.E.* Dictionary of Medical Slang and Related Esoteric Expressions / J.E. Schmidt. – Springfield (Ill.), 1959.

21. *Spears, R.A.* Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters / R.A. Spears. – N.Y., 1981.

22. *Stoyanova, I.* Informal medical discourse: notes on specialized slang, jargon and proverbs / I. Stoyanova // Intertext. – 2007. – № 1/2. – С. 136–143.

Wentworth, H. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition / H. Wentworth, B.S. Flexner. – N.Y., 1975.

УДК 81'351

Д.Ю. Полинченко

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БУКВ И ЗВУКОВ РЕЧИ В РОССИЙСКОЙ ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматривается одно из течений современной российской любительской лингвистики. Анализируются концепции, связанные с интерпретацией знаков алфавита и с фоносемантикой. Делается вывод о том, что во всех из них русский алфавит становится семиотическим эталоном, при помощи которого раскрывается «истинный» смысл знаков всех естественных языков.

Алфавит, любительская лингвистика, метаязыковая рефлексия, псевдонаука, фоносемантика.

The article considers one of the trends in the modern Russian amateur linguistics. The conceptions concerned with semantic interpretation of letters and sounds of speech are investigated. It is concluded that the modern Russian alphabet is viewed as a universal semiotic system, which allows to reveal the 'true' meaning of any sign of natural language.

Alphabet, amateur linguistics, metalanguage reflexion, pseudoscience, phonosemantics.

Поворот современной лингвистики к изучению говорящего человека подчеркивает актуальность изучения любых проявлений личностного начала языковой личности. Одним из таких проявлений является вербализация метаязыковой рефлексии, выступающей как часть культурного и компонент национального самосознания [2, с. 227–228]. Метаязыковая рефлексия рассматривается сегодня скорее как деятельность языковой личности, а не как проявление метаязыковой функции собственно языка [4, с. 4].

Если «каждый пользователь языка имеет определенные представления о языке, его единицах, процессах его использования и изучения, своеобразную „личную теорию“ языка» [4, с. 4–5], то в случае осмысления собственной металингвистической деятельности, при котором рядовой пользователь языка

предпринимает попытки самостоятельного исследования языковых фактов, их обобщения и логической аргументации полученных выводов, мы сталкиваемся с феноменом, который, как представляется, необходимо отграничить от родственных, но не тождественных ему проявлений метаязыковой рефлексии.

Обыденное теоретизирование высшего порядка, при котором рядовой пользователь языка поднимается до теоретических обобщений, которые вполне можно назвать лингвистическими концепциями, уже привлекало внимание исследователей и получало различные наименования – «любительская лингвистика» [3], «фол(ь)к-лингвистика» [1], [10], «криптолингвистика» [6] и др. Представляется, что современные российские любительские лингвистические концепции по их содержанию можно разделить на следующие группы (см. подробнее [1]): 1) интерпре-

тация знаков алфавита и любительская фоносемантика; 2) дешифровка и прочтение древних надписей; 3) этимологические и лингвоисторические штудии.

В данной статье мы рассмотрим концепции первой группы. Соответственно обозначению их можно разделить на алфавитно-интерпретационные и фоносемантические.

В алфавитно-интерпретационных концепциях знакам алфавита (как правило, современного русского) ставятся в соответствие элементы какого-либо множества, и именно на этом основании производится их дальнейшая интерпретация. Известные нам концепции этого рода являются по сути нумерологическими: буквам алфавита в них сопоставляются цифры – порядковые номера соответствующих букв в алфавите. Таковы концепции А.Д. Плешанова и А.И. Печенкина.

По мысли А.Д. Плешанова, буквы русского алфавита и сам русский язык являются инструментами научного познания законов мироздания [8, с. 6]. Согласно автору, «русский алфавит из 33 букв – это **буквенно-цифровая знаково-графическая внутри-природная информационная система кодов** общения людей между собой и человека (человечества) с Космосом и с Иерархией Космоса» [7, с. 11]. Русский алфавит «есть дело самой Природы» [8, с. 52].

Наиболее совершенным из всех существовавших алфавитов автор считает современный русский алфавит: «В русском языке с алфавитом из 33 букв гармония между фонетикой и символикой максимальна. Дополнительным доказательством данного утверждения может служить то, что алфавит из 33 букв является источником всех сакральных чисел различных древнейших эзотерических и религиозных учений» [7, с. 11].

Впрочем, даже данная алфавитная система, по мысли А.Д. Плешанова, не до конца совершенна: букву Й следует переставить на 29-е место, а Ы – на 11-е [8, с. 10].

Введение современного русского алфавита, который «более древний, чем принято считать» [7, с. 27], по мысли автора, является делом рук представителей одного из жреческих кланов [8, с. 26].

«Числовое значение» каждого слова определяется автором как сумма порядковых номеров его букв в современном русском алфавите. Например, числовое значение слова АЛФАВИТ составит $1 + 13 + 22 + 1 + 1 + 3 + 10 + 20 = 70 = 7 + 0 = 7$ [7, с. 6]. Интерпретация слова основана на интерпретации его числового значения, но нумерологическое значение самого числа, в свою очередь, основано на интерпретации слов с соответствующим числовым значением. Например, из нумерологического анализа слов „материя“, „мера“ и „формация“, сумма числового значения которых равна 3, автором делается вывод: число „3“ отображает явление „устойчивости“ или „инволюции“ в Мироздании, то есть является символом „треугольника“ – „жесткой“ плоскостной геометрической структуры, то есть устойчивой информационно-энергетической формы» [8, с. 31].

Отметим, что слова, анализируемые подобным образом, как правило, приводятся А.Д. Плешановым в современной орфографии, но иногда наблюдаются

и отступления (например, слово «санскрит» записывается и анализируется в форме «санскрий» [7, с. 24]). При анализе автор не различает русские и заимствованные слова, видимо, полагая, что подобный нумерологический анализ релевантен для слов всех языков, транскрибированных средствами русской графики, но не утверждая этого в явном виде.

Так как основой интерпретационной системы автора является принцип бинарности, то другой «основной алфавитной и языковой системой», наряду с русской, является арабская [7, с. 27]. Связь арабского языка с древнерусским для автора «несомненна» [7, с. 28].

Аналогичная вышеописанной концепция создана А.И. Печенкиным. Согласно автору, русский язык – «один из уникальнейших»; он является «дешифровкой всех языков» [6, с. 8]. Русский алфавит является ключом для дешифровки информации, сокрытой в других языках [6, с. 393]. Он связан со стихиями, устройством мироздания и космосом [6, с. 399].

По мысли автора, русский язык «вобрал в себя такие буквы, звучание и произношение, которые содержат всю языковую палитру, чего нет в других языках» [6, с. 8]. Подтверждается это, в частности, тем, что русский человек может выучить любой иностранный язык в совершенстве, а у иностранца всегда будет сохраняться акцент (Там же).

Согласно А.И. Печенкину, происхождение и смысл букв тесно связаны с происхождением цифр. Так, буква «А» происходит от цифры 1 [6, с. 41–42] и означает начальный этап творческого развития энергий (от Бога) [6, с. 43]. Малая буква «а» рождает арабскую цифру 2, а та, в свою очередь, дает рождение малой буквы «б», отражаясь в зеркале [6, с. 49], и т.д. Каждой букве автор ставит в соответствие ее цифру (от 1 до 9), порядковый номер (от 1 до 33) и максимальное число (от 1 до 6000 или 1000⁶) [6, с. 396].

С помощью своей системы А. И. Печенкин предлагает расшифровывать информацию из таких «зашифрованных» источников, как Библия и произведения Шекспира [6, с. 396–397]. Также автор выражает уверенность, что со временем русский алфавит будет дополняться новыми буквами и различными знаками [6, с. 393]. Заметим, что А.И. Печенкин, в отличие от А.Д. Плешанова, не проводит нумерологического анализа слов, ограничиваясь интерпретацией алфавитных знаков, хотя в принципе его система вполне позволяет это делать.

К фоносемантическим концепциям мы относим те, в которых каждой букве или звуку приписывается определенное значение, но, в отличие от алфавитно-интерпретационных концепций, это значение не основано на интерпретации элементов какого-либо другого множества. Семантическая интерпретация букв и звуков основывается либо на толкованиях старославянских названий букв, либо на интуиции автора (во всяком случае, четких критериев сопоставления буквы и значения, как правило, не приводится). К концепциям этой группы относятся концепции Ю.П. Минина, В.М. Фролова, М.Ю. Черненко и Г.Ф. Шайхиева.

Согласно Ю.П. Минину, существует «ключ азбуки русского языка», который знали и использовали

наши предки. Каждая буква несет в себе некоторый смысл, познать который автор пытается, опираясь на ее название в старославянской азбуке. Ю.П. Минин поместил буквы в таблицу из 28 знакомест, условно исключив Е, Е, Ю и Я как буквы, «дающие информационную избыточность» [5].

Остальным буквам автором приписывается оригинальное значение. Так, «„К“ несет свойства и понятия качественно-количественные, имеющие отношение к плотским, телесным (чувственным, физиологическим) потребностям человека», «буква Н, особенно в сочетании с гласными, означает: наоборот, обращение, переворот, прекращение» (Там же).

Далее Ю.П. Минин получает значения целых слов на основе их побуквенной интерпретации. Так, *слово* – это «слово-людей-о-ведении-общем», *русский* – это «радеющий-у-Слова-слов-(при наличии) плотских потребностей-(таково его) свойство», *истина* – это «которое-слово-твердое-и-на (возьми у Бога)», а «побуквенная расшифровка таких понятий как БОГОТЕЦ, БОГ-СЫН, БОГДУХСВЯТОЙ, ЦЕРКОВЬ, ДЕВАМАРИЯ, БОЖЬЯМАТЕРЬ, ЛЮБОВЬ, МУДРОСТЬ, ВЕРАВБОГА, МОГИЛА, и других дает глубинный, уходящий в подсознание смысл ключевых терминов православной веры» (Там же).

Транскрибированные слова других языков также становятся предметом подобного анализа. Например, немецкое слово *Kinder* интерпретируется следующим образом: «КИНДЕР – количественно-качественные (затраты)-некое-добро-есть-радость» (Там же).

Ю.П. Минин высказывает предположение, что создатели Библии («по крайней мере, Иоанн Креститель и Иоанн Евангелист») владели русским языком (Там же). По его мнению, можно рассмотреть многие (если не все) библейские притчи, сопоставив их текст с его побуквенной интерпретацией и «улавливая их сокровенный смысл» (Там же). Автор не исключает, что «именно так понимали смысл слов наши предки, читая тексты посредством АЗ-БУКИ, заложенной православными святыми Кириллом и Мефодием. Видимо не случайно древние тексты не делились на слова. Для грамотного читателя каждая буква была словом» (Там же). Таким образом, концепция Ю.П. Минина почти полностью опирается на написание слов, что делает ее скорее графосемантической.

Согласно концепции В.М. Фролова, «смысл отдельных звуков речи надо искать, опираясь на все известные языки. Одни и те же звуки в языках разных народов должны вызывать одни и те же представления и ощущения. Именно язык отличает один народ от другого, в нем заключено отличие в отношении каждого народа к тем или иным проявлениям жизни. Один и тот же предмет в разных языках обозначается разным набором звуков, который и определяет в совокупности душу и характер каждого народа» [11].

Автор не указывает принцип расшифровки, предлагая готовые значения: так, А – «отчаяние, тревога, сигнал тревоги», Б – «власть, нечто дающее власть, но и что-то отнимающее» и т.д. Смысл слова опреде-

ленного языка, вкладываемый в него народом, расшифровывается согласно результатам побуквенного анализа. Например, слово «дурак» автором расшифровывается следующим образом (орфография оригинала сохранена): «дурак – это отдельный человек обладающий, непонятным для многих его соплеменников, мужеством, направленным в разрез с общим представлением. Он вызывает сомнение, недоверие, но в то же время отчаяние и тревогу, но все перечисленные свойства что-то дают, способствуют, помогают этому человеку» [12].

Предметом рефлексии автора становятся и диалектные различия в произношении. В.М. Фролов утверждает, что «окающий говор» может указывать на то, что его носители «относятся к жизни больше с удивлением и восхищением», а «акающий говор» свидетельствует о том, что у его носителей «жизнь вызывает тревогу и отчаяние, и они на эту жизнь бросаются, как бросаются солдаты в атаку, с криком ура, которое слышится в их говоре как долгое „а-а-а!!!“» [11].

В концепции М.Ю. Черненко буквам русского алфавита также приписывается некоторый смысл. Однако количество букв и звуков, согласно автору, должно совпадать, что придает концепции фоносемантический характер. М.Ю. Черненко берет за основу буквы современного русского алфавита. Для гласных букв предлагается семантическая интерпретация трех вариантов соответствующих звуков: краткого, долгого и йотированного. Например, краткое «о» – это «указатель, сигнал для внимания», длинное «о» – «освещение со всех сторон», «е» – «вектор направлен от буквы (центра смысла) в стороны» [13, с. 5]. Согласные буквы (и, соответственно, звуки) делятся автором на две семантические группы – единицы смысла и показатели процессов или явлений.

Интерпретация автором слов опирается на произношение, а не на написание. Так, слово «океан» ([акеан]) интерпретируется как «безграничный» (а – отрицание, кон – конец, граница) [13, с. 6].

Также М. Ю. Черненко замечает, что семантическая интерпретация звука зависит от его позиции в слове: «в зависимости от места нахождения в слове из трех слогов у одного и того же звука (созвучия) несколько видоизменяется смысл. Например, буква [т] обозначает творение. Находясь в первом слоге слова, она часто несет смысл творящего импульса (замысла, начала). В середине слова – уже подразумевает смысл самого акта творения, а в конце – претворение» [13, с. 17–18].

Автор отдельно оговаривает, что данная семантика присуща только словам языков «славянской и тюркской языковой группы» (автор полагает, что это «наречия единого „праязыка“, которые даже и на сегодняшний день не слишком удалились друг от друга») [13, с. 4]. Впрочем, заимствованные слова не отделяются при анализе от незаимствованных.

Фоносемантическая система интерпретации создана и Г.Ф. Шайхиевым. Автор, обратившись к анализу частотности звуков речи в различных языках, предположил, что «звуками речи выражены вполне

конкретные образы из окружающей среды, основные компоненты, что обеспечивают жизненный цикл биологического вида» [14, с. 30], и создал «эволюционную систему звуков речи», в которой звукам сопоставлен некоторый смысл. Как и другие авторы фоносемантических концепций, Г.Ф. Шайхиев «расшифровывает» слова на основе их звучания.

Так, «*Счастье* [счастъйэ] – чистое состояние (а) отдельного объемного образования (человека) импульсно устремлено (ч) всеми частями своего тела (с) к выделению в своей внутренней сути (с), чтобы без принуждения (ть) отдаваться внутреннему импульсу (й), стянутого пока в себя (э). *Бвхет* (счастье, по-арабски) – внутреннее состояние (э) возвышено (б) тем, что ты в работе (х), данной (э) тебе необходимостью (т). *Глюк* (счастье, по-немецки) – внутренняя самоотдача импульсно (ю) уплотнена (л) порождением образа (г) сосредоточением (к)» [14, с. 38].

Примечательно то, что Г.Ф. Шайхиев не удовлетворяется фоносемантическим анализом звуков из русского или татарского языка: он приводит смысловые соответствия некоторым звукам из арабского, английского, французского, грузинского и якутского языков [14, с. 63–79].

Как представляется, по результатам данного обзора можно сделать следующие выводы. В одном из течений российской любительской лингвистики присутствуют разнообразные концепции, среди которых можно выделить алфавитно-интерпретационные и фоносемантические. Алфавитно-интерпретационные концепции тесно связаны с нумерологией. Знакам алфавита в них ставятся в соответствие порядковые номера этих знаков, и на этом основании производится их дальнейшая интерпретация. В них присутствуют представления об уникальности русского языка и русского алфавита.

Авторы более распространенных фоносемантических концепций претендуют на расшифровку смысла не столько букв, сколько звуков, однако их представления в той или иной степени сохраняют буквоцентричный характер. Ни один из авторов не пытается обратиться к описываемой лингвистической наукой системе фоном русского или иного языка, в лучшем случае ограничиваясь описанием нескольких фонетических оппозиций. В то же время явно выраженные представления об уникальности русского языка и алфавита не являются обязательным элементом данных концепций.

Как правило, вышеописанные концепции обоих направлений предоставляют возможность «расшифровки» любого слова, транскрибированного русскими буквами. Таким образом, нетождественность фоном разных языков полагается несущественной, если осознается вообще (как пишет А.А. Зализняк, для любителя «все разнообразие звучаний иностранных

слов сводится к разным комбинациям из 33 русских букв» [3, с. 11]), а родной язык автора и его алфавит тем самым становятся своего рода семиотическим эталоном – знаковой системой, при помощи которой раскрывается «истинный» смысл знаков всех естественных языков.

Литература

1. *Базылев, В.Н.* Политика и лингвистика: «великий и могучий...» / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. – 2009. – Вып. 3. – С. 9–39.
2. *Вепрева, И.Т.* Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? / И.Т. Вепрева // Известия Уральского гос. ун-та. – 2002. – № 24. – С. 217–228.
3. *Зализняк, А.А.* Из заметок о любительской лингвистике / А.А. Зализняк. – М., 2009.
4. *Кашкин, В.Б.* Бытовая философия языка и языковые контрасты / В.Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 4–34.
5. *Минин, Ю.П.* Разгадка русской азбуки – смысл жизни / Ю.П. Минин – М., 2001. – URL: <http://www.miroslavie.ru/library/minin.htm>
6. *Печенкин, А.И.* Тайны русского алфавита. Нумерология / А.И. Печенкин – М., 2005.
7. *Плешанов, А.Д.* Русский алфавит – основа прогнозирования глобальных катаклизмов / А.Д. Плешанов. – М., 2001.
8. *Плешанов, А.Д.* Русский алфавит как инструмент научного познания Вселенной / А.Д. Плешанов. – 3-е изд. – М.: Новый центр, 2004. – 68 с.
9. *Полиниченко, Д.Ю.* Фольк-лингвистика как объект научного изучения / Д.Ю. Полиниченко // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная моногр. / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул, 2009. – С. 67–87.
10. *Полиниченко, Д.Ю.* О феномене фольк-лингвистики / Д.Ю. Полиниченко // Информационно-коммуникативная культура: вопросы образования: сб. науч. ст. – Ростов н/Д, 2007. – С. 102–105.
11. *Фролов, В.М.* Смысловое значение звуков (букв) / В.М. Фролов // Великие тайны тысячелетий. – URL: <http://frolov-vlad.narod.ru/letter.htm>
12. *Фролов, В.М.* Что скрывается за понятием «дурак» / В.М. Фролов // Великие тайны тысячелетий. – URL: <http://frolov-vlad.narod.ru/fool.htm>
13. *Черненко, М.Ю.* Сакральная семантика как новый инструментальный познания / М.Ю. Черненко // Академия Тринитаризма. – 2011. – URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/1109-chr.pdf>
14. *Шайхиев, Г.Ф.* Тайна звуков речи, слов и мышление / Г.Ф. Шайхиев. – Казань, 1997.

**СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
ЛЕКСИКЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОДЕЖДА»**

Статья посвящена проблеме обучения лексике тематической группы «Одежда» иностранных студентов-филологов 2-го сертификационного уровня владения русским языком как иностранным. В статье рассматриваются основные типы упражнений, применяемых в учебном процессе (языковые, условно-речевые, речевые), приводятся примеры упражнений.

Русский как иностранный, лексика тематической группы «Одежда», система упражнений.

The article is devoted to the problem of learning the vocabulary of a lexical set "Clothes" of students-philologists of the 2-nd certified level of mastering the Russian language as a foreign one. The article considers the basic types of the exercises used in educational process (language, conditional-speech, speech), the examples of exercises are given.

Russian as a foreign language, vocabulary of a lexical set "Clothes", system of exercises.

Обучение иностранных учащихся лексике, связанной с бытовой сферой жизни человека, является одним из важнейших компонентов обучения русскому языку как иностранному. Лексика бытовой сферы включает в себя названия предметов домашнего обихода, нравов и обычаев, еды, одежды, средств передвижения и т.д. Большую часть в составе данного пласта составляют названия одежды, головных уборов, обуви.

Наблюдение и опыт практической работы в иностранной аудитории показывает, что иностранные студенты-филологи не владеют в достаточной степени навыками употребления лексики тематической группы «Одежда», что затрудняет коммуникацию в различных ситуациях общения. Но для более точных сведений нами был проведен констатирующий эксперимент. Обработка материалов констатирующего эксперимента выявила ряд трудностей, типичных для иностранных студентов-филологов, изучающих русский язык, а именно:

1. Не владеют синтагматическими связями лексем, составляющих данную тематическую группу. Допускают ошибки различного характера на уровне глагольной сочетаемости (например, отрывать пальто, рубашку и др.).

2. Не всегда могут дифференцировать наименования предметов одежды по принципам: мужская – женская, детская – взрослая, летняя – зимняя, верхняя – нижняя и др.

3. Практически все студенты не знают слова, обозначающие детали одежды.

4. Испытывают большие затруднения при конструировании собственных высказываний на заданную тему.

Если проанализировать учебные пособия, ориентированные на 2-й сертификационный уровень владения русским языком как иностранным, то можно отметить, что только в некоторых из них встречается раздел «Человек. Портрет. Характер», включающий лексику тематической группы «Одежда». Среди них учебные пособия О.В. Головки «Вперед!» (М., 2009),

И.М. Вознесенской, И.А. Гончар и др. «Русское поле» (СПб., 2008), К.П. Аликуметс, А.А. Метса «Поговорим... Поспорим...» (СПб., 1991), И.А. Старовойтовой «Русская лексика в заданиях и кроссвордах. Вып. 2» (СПб., 2007) и др.

В качестве примера можно привести пособие И.М. Вознесенской, И.А. Гончар и др. «Русское поле». Учебный комплекс обеспечивает подготовку изучающих русский язык к сдаче теста 2-го сертификационного уровня общего владения русским языком как иностранным. Учебник состоит из 5 уроков, один из которых «Стиль – это человек», частично посвящен интересующему нас материалу. Достоинствами учебного комплекса являются: работа с аутентичными видеоматериалами «Для чего одеваются мужчины и для чего одеваются женщины», «Стиль – это свобода быть собой» (фрагмент передачи канала «Культура»), «Просто, стильно и изящно по-деловому»; задания дискуссионного характера: *Обсудите, для чего одеваются люди. Что общего и различного во взглядах на одежду у мужчин и женщин? Обсудите сюжет* и др.; богатый иллюстративный материал.

Анализ учебников и учебных пособий на предмет использования в них лексики тематической группы «Одежда» позволяет говорить о необходимости еще раз вернуться к данной теме, так как материала, представленного в пособиях, зачастую бывает недостаточно, чтобы удовлетворить потребности общения в стране изучаемого языка. Например, исходя из практики работы со студентами-филологами 2-го сертификационного уровня, можно отметить низкий уровень владения лексикой, входящей в группу «Детали одежды». Только в учебном пособии О.В. Головки «Вперед!» можно найти одно упражнение, направленное на семантизацию лексики, входящую в группу «Детали одежды». Необходимо знакомить учащихся с этим языковым материалом, так как они могут использовать его в ситуациях, с которыми могут столкнуться в реальной жизни (например, в мастерской по ремонту обуви или одежды).

В связи с этим возникает необходимость разработки системы упражнений, направленной на формирование коммуникативной компетенции у иностранных студентов-филологов на материале темы «Мода. Одежда». Особое внимание необходимо уделить системным особенностям лексики: усвоению родо-видовых, синтагматических и парадигматических отношений.

Вопросу создания системы упражнений, направленной на обучение конкретным видам речевой деятельности, посвящено большое количество работ и исследований. Разные исследователи по-разному трактовали понятие «система упражнений». Наиболее полным и четким, на наш взгляд, является определение, предложенное Н.И. Гез, характеризующее систему упражнений как «организацию взаимосвязанных действий, расположенных в порядке нарастания языковых и операционных трудностей, с учетом последовательности становления речевых умений и навыков и характера реально существующих актов речи» [2].

При разработке системы упражнений необходимо учитывать, что «типы упражнений в системе упражнений соотносятся как части и целое, определение типов упражнений есть одновременно и установление состава системы упражнений и зависимостей внутри нее» [4].

Упражнения представляют собой «целенаправленные взаимосвязанные действия, выполняемые в порядке нарастания языковых и операционных трудностей, с учетом последовательности становления речевых навыков и умений и характера реально существующих актов речи» [1]. В упражнениях всегда есть определенная учебная цель, им присуща специальная организация. Они предназначены для презентации, закрепления учебного материала, активизации этого материала и организации контроля над качеством его усвоения.

Существует большое количество типов классификации упражнений. Эта проблема часто становилась объектом исследований. Различные классифи-

кации можно найти в работах таких методистов, как: М.С. Ильин [3], Е.И. Пассов [5], Э.Ю. Сосенко [6], С.Ф. Шатилов [7] и др. Типы упражнений определялись нами в соответствии со стадиями формирования навыка в процессе научения, который, с точки зрения С.Ф. Шатилова, проходит несколько этапов: 1) ознакомительно-подготовительный (или ориентировочно-подготовительный), 2) стандартизирующий (или стереотипизирующий) и 3) варьирующий [7].

Исходя из вышеизложенного, примем за основу следующую классификацию упражнений, соответствующую трем этапам становления навыка: 1) языковые; 2) условно-речевые; 3) речевые.

Первым этапом в работе с лексикой является проработка различного рода **языковых** упражнений, которые позволяют зафиксировать в памяти лексические единицы, уяснить их системную и контрастивную ценность.

Студентам были предложены следующие виды языковых упражнений:

1. Дифференцировочные упражнения. Эти упражнения обеспечивают тренировку в различении языковых явлений. Например, упражнение на поиск в тексте лексики, относящейся к теме «Одежда»:

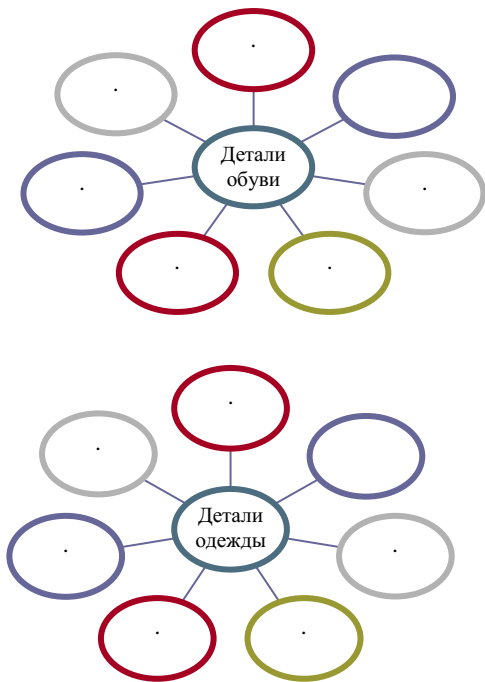
- распределите название одежды, обуви и аксессуаров по соответствующим колонкам:

Что мы надеваем			
на голову?	на руки?	на тело?	на ноги?

- познакомьтесь с тем, какую одежду предпочитают некоторые известные люди в России. Выпишите слова, называющие разные виды одежды, обуви и аксессуаров;

- прочитайте названия деталей одежды. Впишите слова в диаграммы: бретели, воротник, вырез, голенище, замок, застежка, каблук, карман, кнопка, крючок, молния, платформа, подошва, ремешок, рукава, шнурки, штанина.

<p>Президент России Дмитрий Медведев – один из самых стильных политиков. Он одинаково уверенно носит и костюмы, и джинсы. Когда 2 марта Медведев прогуливался по Красной площади, он был одет в черную кожаную куртку, джинсы и вязаный свитер. Медведеву случалось бывать на публичных мероприятиях в джинсах, блейзере и простой голубой рубашке. На одном таком мероприятии он произносил речь в толстом шерстяном свитере с воротником-хомутом и светло-коричневой куртке. Конечно, Медведев носит и костюмы обычно темных тонов, с плотно завязанным галстуком. Покрой его одежды всегда безупречен, и в своей одежде он выглядит уверенно.</p> <p>Певица Жанна Фриске. Во что бы ни была одета Жанна – в обычные джинсы, в строгий деловой костюм или в обтягивающее вечернее платье – она всегда выделяется из толпы своим безупречным видом. С началом сольной карьеры ее наряды стали еще более откровенными: босоножки на шнуровке, платья-туники со множеством лямок и разрезов, диадемы и обязательно массивные серьги. Фриске любит брючные костюмы. Цвета выбирает яркие – лиловый, красный, желтый, голубой. А вот в выборе ювелирных украшений и бижутерии Жанна очень осторожна. На сцене ее часто можно увидеть в массивных браслетах и серьгах, в повседневной жизни – никогда! Самое большее, что она может себе позволить надеть, – это цепочка с маленькой изящной подвеской или, напротив, кольцо с крупным камнем.</p>	<p>Слова и выражения </p>
--	--

2. Подстановочные упражнения:

- добавьте как можно больше наречий к следующим глаголам: выглядеть как? – великолепно, ...; смотреть как? – красиво, ...; сидит как? – идеально, ...;
- заполните пропуски глаголами: одевать – одеть (кого? во что?), одеваться – одеться (как? во что?), надевать – надеть (что?);
- дополните диалог, используя соответствующие слова и выражения.

3. Трансформационные упражнения:

- образуйте сочетания по модели:
О б р а з е ц : рукава – с рукавами – без рукавов;
- образуйте название материала по модели:
О б р а з е ц : кожа – из кожи, кожаный;
- впишите в таблицу данные глаголы в форме 3-го лица мн. ч: иметь огромный гардероб, не знать, что надеть, выбирать одежду часами, не обращать внимания на одежду, любить покупать одежду, наряжаться, хвастаться новой одеждой, дополнять наряд аксессуарами, любоваться, обожать, украшать, не знать, что модно.

Мужчины	Женщины

4. Перекрестный выбор:

- найдите антонимические пары:
- а) завязывать удлинить
- укоротить развязывать
- гладить расстегивать
- застегивать мять
- б) узкий высокий
- низкий грубый
- закрытый неудобный
- изящный широкий
- комфортный открытый

- найдите соответствия:

На распродаже	жмут	фигуру
Одежда не по размеру	подходить	движения
Розовая рубашка	греет	в примерочной
Натуральный мех	защищать	к серому костюму
Качественный зонтик	стеснять	недостатки
Туфли на размер меньше	накупить	кучу одежды
Джинсы	подчеркивать	от дождя
Одежду	скрыть	в носке
Юбка-карандаш	примерять	фигуру
Свободная одежда	облегать в халат	зимой

5. Конструирование предложений с заданными словами:

- составьте предложения, используя следующую модель: глагол + сущ. + прил.;
 - из предложенных слов составьте предложения.
- Все перечисленные упражнения являются важнейшим звеном подготовки студентов к выполнению речевых упражнений.

Вторым этапом при работе с лексикой тематической группы «Одежда» является выполнение студентами **условно-речевых** упражнений, цель которых состоит в проверке понимания лексики, а также в формировании у иностранных студентов-филологов навыков незатруднительного и правильного включения лексических единиц в речевые произведения определенного типа. Могут быть использованы следующие **вопросно-ответные упражнения**:

1. *Расскажите о вашей любимой вещи. Используйте вопросы:* Что это? Какая эта вещь? Где вы купили эту вещь? Когда вы купили эту вещь? Сколько она стоила? Почему вы любите эту вещь?
2. *Ответьте на вопросы:* Вы предпочитаете покупать готовую одежду или шить на заказ? В каких случаях вы воспользуетесь услугами ателье? Вы часто пользуетесь услугами ателье?
3. *Прочитайте прейскурант на услуги химчистки и ответьте на вопросы:* В каких случаях вы воспользуетесь услугами химчистки? Вы часто пользуетесь услугами химчистки?

Студентам были предложены **репликовые упражнения**:

1. *Сделайте как можно больше комплиментов своим товарищам по группе или тактично укажите на недостатки в одежде ваших товарищей, используя слова для справок;*
2. *Согласитесь или опровергните мнения, высказанные в статьях, используя выражения:* Мне тоже нравится/ не нравится... Я также люблю / не люблю... А я терпеть не могу... Я обожаю / ненавижу...

В работе используются **диалого-шаблоны**, помогающие совершенствовать речь на основе заранее усвоенных образцов. Например: *прочитайте диалог и на их основе составьте аналогичные.*

В ходе **условной беседы** студентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. *Нравится ли вам «унисекс» (когда мужчины и женщины используют одинаковую одежду)? Долж-*

на ли одежда мужчин и женщин сильно различаться? Как, на ваш взгляд, лучше одеваться мужчинам и женщинам? Составьте хит-парад любимой мужской и женской одежды. Обсудите результаты.

2. Как вы думаете, какая одежда и обувь подходит для всех возрастов?

3. Что имеют в виду, когда говорят о человеке, что он одет не по возрасту? Как вы думаете, почему иногда люди одеваются не по возрасту?

Последний этап, обеспечивающий практику учащихся в речевой деятельности на основе уже введенных и усвоенных лексических единиц, – выполнение **речевых** упражнений. Целью речевых упражнений является формирование умений использования лексики в собственных речевых высказываниях, а также контроль сформированности речевых навыков и умений, расширения и дополнения знаний учащихся об изучаемых понятиях.

В качестве примера **ситуативных упражнений** можно привести следующие:

1. Составьте диалоги на основе ситуаций; прочитайте и продолжите диалог, инсценируйте его.

2. Вы купили вещь в магазине, но она вам не подошла. Объясните продавцу причину ее возврата, используя слова для справок.

3. а) Прочитайте расписание дел различных людей. Скажите, кто эти люди? Чем они занимаются? б) В зависимости от ситуации и времени суток посоветуйте, какую одежду, обувь и аксессуары им лучше использовать.

4. Представьте, что вы стилист. Придумайте новый имидж своему соседу. Какую одежду, причёску и стиль одежды вы бы предложили ему?

На занятиях с иностранными студентами-филологами могут быть использованы и другие виды речевых упражнений, а именно:

1. Описательные упражнения:

- опишите одежду людей, изображенных на этих картинках, используя слова из предыдущего упражнения;

- опишите стили одежды людей на представленных фотографиях.

2. **Инициативные упражнения:** что значит мода для вас? Проведите опрос среди студентов. Обобщите его результат.

3. **Устный рассказ:** составьте сообщение на тему «Что значит мода для жителей моей страны», используя ресурсы Интернета.

4. Дискуссионные упражнения:

- дискуссия. Разбейтесь на 2 команды. Первая команда согласна с тем, что передачи о моде нужны и что они действительно помогают людям. Вторая команда не согласна с этим. Выскажите мнение, приведите интересные примеры;

- обсудите с товарищами вопрос: как можно воспитать чувство вкуса? Выберите в группе оппонента (человека, который придерживается противоположного мнения) и организуйте с ним спор. Ваша задача – привести как можно большее количество аргументов по любому из вопросов.

5. **Ролевая игра:** представьте, что герои дневников встретились. Какие диалоги могут произойти между ними? Распределите роли между собой и проведите дискуссию на тему «Мода».

С целью проверки эффективности предложенной системы упражнений был проведен контрольный эксперимент, результаты которого показали, что уровень знаний у иностранных студентов-филологов значительно повысился. Студенты овладели особенностями отношений, существующими между единицами, составляющими тематическую группу «Одежда», а именно: синтагматическими, парадигматическими, родо-видовыми. Они не испытывали затруднений при дифференциации наименований предметов одежды по принципам: мужская – женская, детская – взрослая, летняя – зимняя, верхняя – нижняя и др. При конструировании собственных высказываний на заданную тему давали достаточно полные и развернутые ответы.

Таким образом, можно сделать вывод, что разработанная система упражнений позволяет в значительной мере повысить уровень знаний у иностранных студентов-филологов, а значит, может с успехом использоваться в иностранной аудитории.

Литература

1. Азимов, Э.Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – СПб., 1999.
2. Гез, Н.И. Система упражнений и последовательность развития речевых умений и навыков / Н.И. Гез // Иностранные языки в школе. – 1969. – № 6. – С. 31.
3. Ильин, М.С. О классификации упражнений в речевой деятельности / М.С. Ильин // Иностранные языки в школе. – 1961. – № 5. – С. 29–35.
4. Ильин, М.С. Основы теории управления по иностранным языкам / М.С. Ильин. – М., 1975.
5. Пассов, Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: метод. пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов. – М., 2010.
6. Сосенко, Э.Ю. Классификация упражнений и их система / Э.Ю. Сосенко // Русский язык за рубежом. – 1975. – № 2. – С. 53–58.
7. Шатилов, С.Ф. Система упражнений при обучении иностранному языку в школе и в вузе / Ф. Шатилов. – Л., 1978.

**«ОСЕННИЕ ВЕЧЕРА» П.П. ЕРШОВА КАК ТИП
ПРОЗАИЧЕСКОЙ ЦИКЛИЗАЦИИ**

Статья посвящена проблеме художественного целого цикла П.П. Ершова «Осенние вечера». Выявляется связь «Осенних вечеров» с традицией романтической циклизации в русской литературе.

Русская литература 1830-х годов, прозаический цикл, жанр, традиция, П.П. Ершов.

The article is devoted to the problem of an art cycle of P. P. Ershov "Autumn evenings". The relationship between "Autumn evenings" and tradition of romantic cyclization in the Russian literature is revealed.

Russian Literature of the 1830-s, prosaic cycle, genre, tradition, P.P. Ershov.

Развитие русской романтической литературы, начиная с 30-х годов XIX века, связано с активными поисками в сфере прозаических жанров. В.Г. Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835) отмечал: «В русской литературе повесть еще гостья, но гостья, которая, подобно ежу, вытесняет давнишних и настоящих хозяев из их законного жилья» [1, с. 131]. Критик оказался прав, подтверждением чему служит дальнейшее развитие литературы. Как отмечает Л.Я. Гинзбург, «с сороковых годов XIX века в русской литературе начинается господство прозы» [2, с. 243]. Повесть постепенно становится ведущим прозаическим жанром периода романтизма; традиционно выделяют несколько жанровых разновидностей повести. К основным типам повести следует отнести: историческую, фантастическую, светскую, нравоописательную [3], [6]. Обращение к прозаическим жанрам было обусловлено характером окружающей действительности, романтизм второй половины 30-х годов стремится в новых формах осмыслить время и историю.

Именно в прозаических жанрах будет решаться проблема самобытности и народности литературы, романтическая повесть позволит обратиться к осмыслению движения истории, чтобы понять проблемы современности. Большое внимание прозаики-романтики уделяют использованию устного народного творчества в своих произведениях, в результате в ряде случаев «фольклор становится основой поэтики романтической повести, что приводит к выделению особой разновидности – фантастической повести» [3, с. 7].

Существенным явлением в русской романтической литературе первой половины XIX века выступил прозаический романтический цикл, который представлял собой группу неоднородных в жанрово-стилевом отношении образований. С точки зрения формы романтический цикл представлял собой устойчивое явление, обладавшее рядом стабильных компонентов, к ключевым из которых следует отнести: единый образ автора, единство хронотопа, наличие сквозного героя, общность рамочной ситуации, сосредоточенность на общей проблеме, единое название, общий эпиграф или предисловие [5, с. 17]. Циклизацией достигалась определенная широта

обобщения явлений, стремление к их философскому осмыслению. Стремление к циклизации произведений в литературе 30-х годов XIX века было связано с поисками путей к жанру романа.

Одним из значительных для литературного процесса романтической эпохи следует считать такой тип группировки произведений, как «вечера» («ночи»). Данная жанрово-стилевая разновидность циклизации имела широкое распространение в европейской литературе с античных времен. Циклы «вечеров» строились через группировку произведений новеллистического плана вокруг общей темы или «рамочной» ситуации. Подобные циклы отличались достаточно сложной субъектной организацией, так как включали несколько рассказчиков. Такая организация позволяла вносить, с одной стороны, «социально-бытовую и нравственно-психологическую характеристику, а с другой – создавала особый угол зрения на центральную проблему или материал» (Там же, с. 16). Подобная двойная направленность разрешала строить циклы, основанные на диспуте, идеологическом споре (например, у А. Погорельского), и произведения, в центре которых колорит событий и характеров (цикл «украинских повестей» Н.В. Гоголя).

Циклы «вечерних» повестей в своей основе были ориентированы на наличие фантастического элемента, связанного с проблемой двоемирия, суть которой заключается в том, что независимо от окружающей действительности, за ее пределами существует иной недоступный чувственному восприятию сверхъестественный мир. Он может оказывать значительное влияние на судьбу человека и привести его к гибели при определенных условиях. В рамках русской романтической литературы подобные циклы «вечеров» созданы такими крупнейшими прозаиками первой половины XIX века, как А. Бестужев-Марлинский («Вечер на Кавказских водах в 1824 году»), А. Погорельский («Двойник, или Мои вечера в Малороссии»), Н.В. Гоголь («Вечера на хуторе близ Диканьки»), М.Н. Загоскин («Вечер на Хопре»). Природа «страшного» рассказа предполагала установку писателя «на устную речь, на устный „сказ“, охотнее и чаще, чем на письменную, литературную», что можно заметить в данных произведениях [6, с. 140].

Несколько иным явлением в области романтической прозы второй половины 30-х годов XIX века следует считать цикл М. Жуковой «Вечера на Карповке». Писательница ориентируется на структуру построения цикла «страшных» повестей, однако вводит новые тенденции, характерные для данного этапа развития жанра. «Вечер на Карповке» не содержит фантастических повестей, историческая тематика в нем уходит на второй план, а основное место в цикле занимают повести, изображающие жизнь современной автору эпохи. В ее произведении (как в рамочной ситуации, так и в самих повестях) нет ничего чрезвычайного, экзотического; в предисловии автор обосновывает собственную эстетическую позицию: «Я уверена, что каждый из нас, если только захочет порыться в памяти, то найдет в ней многое слышанное, виденное; происшествия, в которых был сам действующим лицом или зрителем, словом, что-нибудь могущее приятно занять праздную лень полубольного или досуг деревенского жителя» [6, с. 91].

Таким образом, писательница переосмысливает понимание искусства, литературы, сложившееся в раннем романтизме, согласно которому поэт, писатель выражал в своем творчестве идеальные стремления человечества.

Обращение П.П. Ершова к подобной прозаической форме следует считать весьма закономерным. Являясь представителем поздних романтиков, Ершов культивирует в литературной практике жанры, ставшие знаковыми для данного направления: баллада, литературная сказка, романтическая поэма. В цикле «Осенние вечера» используются достижения, характерные как для фантастической традиции, так и для произведения М. Жуковой: историческая тематика в нем сочетается с бытовой, сказочно-фантастическая – с таинственной, мистической. Так автор идет к дальнейшей универсализации подобного жанрового образования.

Создание прозаического цикла явилось результатом многолетних размышлений писателя. В письме П.А. Плетневу 1851 года Ершов, анонсируя цикл «Осенние вечера», сообщал о своем давнем замысле: «Не скрою от вас, что мысль о *русской эпопее* не выходит у меня из головы. Но, живя в глуши, я не имею нужных к тому материалов... Представлю Богу устроить мою судьбу. Если же Ему угодно оставить меня навсегда в Сибири, я не буду роптать на это, но мысль о *русской эпопее* переменю на *сибирский роман*. Купер послужит моим руководством. А между тем на мелких рассказах я приучу перо свое слушать мысли и чувства» [4, с. 567].

Неизвестно точное время написания цикла, однако по письмам можно сказать, что Ершов работал над произведением в 1850–1851-е гг. В письме к А.К. Ярославцову от 6 августа 1852 года писатель сообщает, что работа над циклом велась интенсивно: «Нужно было попробовать – не разучился ли я писать. Вот я и придумал несколько самых простых сюжетов и стал рассказывать их на разные манеры. В две недели *Вечера* были написаны и переписаны и даже прочитаны в одном образованном доме» (Там

же, с. 569). Таким образом, «Осенние вечера» создаются в эпоху расцвета «натуральной школы» в литературе, но Ершов продолжает следовать романтической традиции. Рассуждения поэта о принципах литературного творчества присутствуют как в тексте произведения, так и в письмах. Например, в письме П.А. Плетневу от 20 апреля 1851 года: «...я хотел остаться верным принятой мною форме рассказа, где подробности анализа могут казаться лишними и повредить естественности» (Там же, с. 565). Или в письме июня 1851 года: «Я не враг анализа, но не люблю анатомии. <...> Подробный анализ впадает в школьную манеру и старается учить читателя там, где бы следовало заботиться об одном эстетическом удовольствии» (Там же, с. 565).

Данные наблюдения позволяют сказать о негативном отношении Ершова к литературе «натуральной школы», он оставался верен принципам романтизма, для которых главным было создание особого настроения, одухотворенность, доставить эстетическое наслаждение. Цикл «Осенние вечера» позволяет включить автора в традиции романтической прозы 30–40-х годов XIX века. К моменту своего опубликования в 1857 году в «Живописном сборнике замечательных предметов из наук, искусства, промышленности и общежития», издаваемом А. Плюшаром и В. Генкелем, цикл потерял актуальное литературное значение, однако он интересен для историка литературы как один из возможных вариантов «вечерней» циклизации.

«Осенние вечера» представляют собой цикл, состоящий из семи повестей, предисловия и комментариев рассказчиков к услышанным историям. Романтическая композиция цикла предполагает, что повести, входящие в него, объединены по контрасту: «Мелодраматическая по своему характеру история «Страшный лес», открывающая цикл, сменяется повестью «Дедушкин колпак», в которой явственно проступает сказовое начало. «Рассказ о том, каким образом дедушка мой, бывший у царя Кучума первым муфтием, пожалован в такой знатный чин», окрашенный тонкой иронией, взаимодействует с мистической новеллой «Чудный храм». За рассказом-притчей «Об Иване-трапезнике и о том, кто третью булку съел» следует «Панин бугор», отличающийся точностью повествования и конкретикой деталей. Завершает «Осенние вечера» юмористически окрашенная, ориентированная на фольклорную стихию «Повесть о том, каким образом мой дедушка, бывший при царе Кучуме первым муфтием, вкусил романи и как три купца ходили по городу» [7, с. 53].

Особенность манеры Ершова-романтика заключается в том, что он соединяет в своем цикле произведения разнообразные как в жанровом плане, так и по проблематике. События, о которых повествуется, могут как изображать случаи из собственной жизни рассказчиков, так и иметь отношения к древней истории Сибири (два рассказа Газ-баши о своем дедушке). Реалистический бытовой план в прозе Ершова органично взаимодействует с фантастическим и историческим.

Название цикла представляет собой достаточно

сложный комплекс, вызывающий целый ряд ассоциаций. Эпитет *осенние* восходит ко времени года осени с «длинными вечерами, с грязью во дворе и на улице и с убийственной скукою в душе» [4, с. 363]. Осень выступает предшественницей зимы, она напоминает человеку о приближении старости, неизбежности смерти и заставляет задуматься о смысле прожитой жизни, выводя на философские размышления. С другой стороны, осень была любимым временем года А. С. Пушкина, который являлся для Ершова мерилем всех ценностей в литературе, прозу которого он считал лучшим из всего написанного: «Для меня – одна глава «Капитанской дочери» дороже всех новейших повестей так называемой натуральной или, лучше, школы мелочей» (Там же, с. 567). Таким образом, произведение Ершова стало своеобразной данью уважения Пушкину.

Лексема *вечера* также указывает на особый характер произведений, составляющих цикл. Вечер, являясь частью суточного цикла, представляет собой пограничный временной отрезок, с которым связаны события мистического характера, именно в это время о себе заявляет нечистая сила, наступает ночь. Подобное понимание характерно для ряда произведений, составляющих цикл Н. Гоголя («Вечер накануне Ивана Купалы», «Майская ночь, или Утопленница»). Действие «страшных» историй в «Вечере на Хопре» Загоскина также происходит в вечернее или ночное время суток. Ассоциируясь с жизненным циклом, вечер семантически выполняет функцию, синонимичную осени в годовом цикле.

Таким образом, название «Осенние вечера» рождает несколько семантических линий: годовой цикл, суточный цикл и жизненный путь человека, которые могут ассоциативно вызвать представление о цикличности мирового времени.

Следует отметить особый характер системы рассказчиков: в качестве таковых в произведении Ершова выступают представители различных социальных слоев (бывшие военные, интеллигенты), национальностей (русский, немец, татарин) и конфессий (последователи христианства и ислама). Каждый из рассказчиков наделен собственной характеристикой, что позволяет производить более глубокий анализ рассказываемых историй. Суждения Академика отличаются особой рассудочностью, они отмечены «легкой иронией» (Там же, с. 362). Татарина Тазбаши выделяют живость движений и резкая интонация в голосе, ему присуща веселость и независимость суждений. Вызванные историями разговоры Тазбаши способен перевести в иронический ключ. Третий из рассказчиков, Лесняк, был натурой мечтательной, и «природа была для него не столько книгою житейской мудрости, сколько откровением тайн создания, отголоском собственных его дум и мечтаний» (Там же, с. 363). Немец выведен фигурой насмешливой и язвительной, он способен обнаруживать особое значение в мелочах; строгость суждений, свойственная данному герою, сочетается с доброжелательностью и сочувствием.

Особо следует выделить хозяина дома и инициатора в рассказывании историй полковника Безруковского. В его образе угадываются черты самого Ершова: ему около пятидесяти лет, «он был не чужд современной образованности, христианин делом и мыслью, философ в жизни и поэт в мечтах» (Там же, с. 362). На связь данного образа с автором указывает и тот факт, что фамилия главного героя Безруковский восходит к названию деревни Безруково Ишимского уезда Тобольской губернии, в которой появился на свет сам Ершов. Использование названия родной деревни в качестве основы для имени применялось Ершовым не единожды, так, в ранней балладе «Сибирский казак» атамана зовут Безрукий.

Однако употребление имени Безруковский в романтическом прозаическом цикле может быть объяснено и таким фактом, что писатель-романтик стремится в своих произведениях к неким универсалиям, творит собственный мир, выступая в нем демиургом. А если учитывать, что Бог является творцом, созданный им мир считается нерукотворным (то есть он создан без рук), получается, что автор через Безруковского творит собственный Космос. И данная вселенная многообразна, многонациональна, многоконфессиональна, в ней присутствуют трагические и комические моменты, божественное начало соседствует с дьявольским. Подобный универсализм позволял романтикам затрагивать важные философские вопросы.

Романтическая циклизация выработала богатый спектр приемов, разрушающих одномерность восприятия произведений, прежде всего это касается романтической иронии, позволяющей перевести однозначную трактовку в сферу амбивалентного осмысления. В циклах с рамочным повествованием (например, «вечерах») реакции читателя «частично предугадываются и тематизируются в высказываниях дискутирующих персонажей по поводу прочтенной рукописи или рассказа собеседника» [5, с. 21]. Это можно проследить в «Вечере на Хопре» М. Загоскина или в «Осенних вечерах» П. Ершова. К другой форме следует отнести случай, когда события из рассказанной истории получают продолжение внутри рамочного повествования («Вечер на Кавказских водах в 1824 году» А. Бестужева-Марлинского).

Таким образом, романтическая циклизация в форме «вечеров» позволяла выйти на философский и бытовой уровень, актуализировать иронию, ввести дискуссионность, что в конечном счете вело к универсальности. Отмеченные моменты характерны для «Осенних вечеров» Ершова.

«Вечерний» цикл Ершова открывается частью «Вместо предисловия», в которой происходит знакомство с рассказчиками, выявляется тематика разговоров, задаются принципы повествования. Это роднит данный цикл с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя, в котором также присутствует предисловие, но в особенности с циклом М. Загоскина «Вечер на Хопре», так как последний строится на

сходной рамочной ситуации, когда истории рассказываются гостями Ивана Алексеевича Заруцкого и самим хозяином дома во время ненастной погоды осенними вечерами.

Гости полковника Безруковского представляются читателям автором-повествователем практически по одинаковому принципу: дается краткое описание их внешности, выделяются ключевые черты лица, упоминается об их занятиях в прошлом и настоящем. Так читатель постепенно настраивается на определенный характер героя и характер истории, которая будет рассказана данным персонажем. В части «Вместо предисловия» задается «цель и предмет... бесед», оговариваются «условия исполнения».

Поводом к рассказыванию историй служит осенняя скука, от которой друзья желают избавиться. В предисловии вырисовывается основная проблема, вокруг которой будут построены все повести цикла: это свободная мена мыслей, мечты о будущем, случай, обстоятельство в жизни. По мнению Лесняка, «с каждым... жизнь разыгрывала более или менее занимательную драму, каждый смотрит на мир и людей с особенной точки зрения». Обращение к проблеме «судьбы, рока, случая в жизни человека» является традиционным в романтической литературе [7, с. 53]. Манера повествования в историях ориентирована на разговорную традицию, «всякая изысканность» отвергается рассказчиками, как замечает Академик: «Пусть каждый из нас говорит без претензий, как знает, как думает...» [4, с. 368].

Таким образом, мы видим, что цикл Ершова «Осенние вечера» продолжает традицию романтической циклизации «вечерних» повестей разного типа. С одной стороны, он следует традиции «страшных» рассказов А. Погорельского, М. Загоскина, с другой – традиции светских и бытовых повестей М. Жуковой («Вечера на Карповке»).

Единство цикла обеспечивается такими элементами, как общность названия; единое предисловие, в

котором оговаривается, о чем и как нужно рассказывать; общность рамочной ситуации, предполагающей беседу нескольких лиц, сопровождаемую рассказами; единство хронотопа (практически все повести отражают жизнь Сибири, а более конкретно – Тобольска и его окрестностей на разных исторических этапах). Все повести сосредоточены на одной проблеме: случай, судьба, провидение в жизни человека.

Романтическое начало проявилось в содержательном и формальном плане повестей, автор следует литературной и фольклорной традиции: ряд повестей ориентированы на фантастическую, светскую разновидность повести, присутствует движение к жанру пасхального рассказа («Чудный храм»), отдельные произведения следуют сказочной традиции или ориентированы на предания (рассказы Тазбаши).

Литература

1. *Белинский, В.Г.* Эстетика и литературная критика: в 2 т. / В. Г. Белинский. – М., 1959. – Т. 1. – С. 35–165.
2. *Гинзбург, Л.* О лирике / Л. Гинзбург. – Л., 1974.
3. *Грихин, В.А.* Русская романтическая повесть первой трети XIX века / В.А. Грихин // Русская романтическая повесть. – М., 1983. – С. 5–28.
4. *Ершов, П.П.* Конек-Горбунок: избранные произведения и письма / П.П. Ершов; сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В.П. Зверева. – М., 2005.
5. *Киселев, В.С.* «Арабески» Гоголя и традиции романтической циклизации / В.С. Киселев // Известия РАН: Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 63, № 6. – С. 15–25.
6. Русская повесть XIX века: Историка и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. – Л., 1973. – С. 51–336.
7. *Савченкова, Т.П.* Жанровое своеобразие «Осенних вечеров» П. Ершова / Т.П. Савченкова // Петр Павлович Ершов – писатель и педагог: тез. докл. науч.-практ. конф., 22–24 ноября 1989 г. – Ишим, 1989. – С. 53–54.

УДК 008.001

М.С. Ситова

Научный руководитель: доктор культурологии, профессор И.А. Едошина

ТРАКТОВКА КОМИЧЕСКОГО В АНТИЧНЫХ ТРУДАХ

В статье представлен аналитический обзор античных теорий комического, в контексте которых смех рассматривается как базовая единица культуры. Концепции античных авторов трактуются как последовательное развитие одной теории комического, которая дает полную характеристику комического как эстетической категории.

Античность, теория комического, риторика, ритуальный смех, комедия.

The article presents the analytical survey of ancient theories of comic, in the context of which laugh is considered as a basic unit of the culture. Conceptions of ancient authors are treated as consecutive development of one comic theory, that gives full description of comic as the aesthetic category.

Antiquity, theory of comic, rhetoric, ritual laugh, comedy.

Комическое¹ – одно из наиболее сложных и неоднозначных понятий. Осмыслить сущность² юмора³ на протяжении многих веков пробовали тысячи ученых – философов, культурологов, социологов, лингвистов. Материалом для исследований становилась как окружающая действительность (А. Бенуа [3], И.А. Бутенко [6], А.В. Дмитриев [9]), так и мир фикции – литературное творчество писателей (М.М. Бахтин [2], Ю.Б. Борев [4], В.А. Жуковский [10]). Определения, которые давались сфере комического, многочисленны и разнообразны. Первым известным нам мыслителем, определившим комическое, согласно дошедшим до нас источникам, был Аристотель. Его определение комического, которое стало основополагающим для последующих исследователей сферы смешного, изложено в философском трактате «Поэтика» и звучит следующим образом: «Смешное⁴ – это некоторая ошибка или безобразие, никому не причиняющая страдания и ни для кого не пагубное». В качестве образной параллели Аристотель приводит комическую маску, которая, как и смешное, «есть нечто безобразное и искаженное, но без выражения страдания» [1, с. 153]. Как уже было сказано выше, многие исследователи признают это определение основополагающим, так как оно «наиболее верно, емко и точно описывает сущность комического» [11, с. 12]. Более того, несмотря на чрезвычайное разнообразие последующих трактовок комического, большинство из них основывается на определении, высказанном Аристотелем. В доказательство утверждения ниже мы приводим несколько современных определений комического из словарей.

Комическое (в эстетике) – «одна из основных категорий эстетики, отражающая социально значимые

противоречия действительности под углом зрения эмоционально-критического отношения к ним с позиций эстетического идеала» [25].

Комическое (в психологии) – «побуждение к смеху, обусловленное нарочитым несоответствием между сущим и должным» [17].

Комическое (в философии) – «философская категория, обозначающая культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное, выражающееся в явном несоответствии между воображаемым и действительным» [21, с. 304].

Очевидно, что согласно этим определениям, краеугольным камнем сущности комического является ошибка, несоответствие либо противоречие, которое и вызывает смех⁵. Возможно, что в данном контексте определение Аристотеля не допускает разночтений, но в «Поэтике» древнегреческого автора есть и другие, на наш взгляд, более важные мысли, которые часто остаются в тени. При более подробном рассмотрении они позволяют реконструировать представления Аристотеля о сущности комического и его формах. Важно, что Аристотель говорит о комедии как о явлении подражательном. Говоря о комическом, Аристотель сравнивает это явление с людьми, искусство которых воспевало пороки, трагическое же он отождествляет с людьми благородными и чистыми: «...все подражатели подражают действующим лицам... подобно тому поступают живописцы: Полигнот, например, изображал лучших людей, Павсон – худших...» [1, с. 152] (Павсон – древнегреческий художник, обладал низким вкусом и с особенной любовью изображал уродливое и гнусное в человеческой природе [14, с. 385]), и далее «Гомер представляет лучших... а Гегемон Фасосец, первый творец пародий, и Никохар, творец «Делиады», – худших» [1, с. 152]. (Никохар – сын комика Филонида из аттической местности Кидафенея, сам писавший пьесы в духе средней аттической комедии) [16]. Далее Аристотель заключает: «Комедия... есть воспроизведение худших людей» [11, с. 153]. Очевидно, что Аристотель методично, при помощи образов и примеров, подводит своего читателя к мысли, более важной, чем упоминающаяся в трактате определение смешного как ошибки. А именно к тому, что сущность комического – это табу, запрет, что-то плохое и находящееся за рамками хорошего тона. Общеизвестно, что до нас дошла только первая часть трактата [15]. В основном она посвящена жанру трагедии. Комедии и явлению комического посвящено лишь несколько страниц. Предположительно во второй части произведения Аристотель подробно повествовал о теории комедии. Согласимся, если бы эта часть сохранилась, в ней Аристотель, безусловно,

¹ Под *комическим* мы понимаем «как естественные (то есть проявляющиеся независимо от чьего-то намерения) события, объекты и возникающие между ними отношения, так и определенный вид творчества, суть которого сводится к сознательному конструированию некой системы явления и понятий, а также системы слов с целью вызвать эффект комического» [8, с. 7].

² Здесь и далее, говоря *сущность юмора, сущность смешного, сущность комического, сущность смеха*, мы подразумеваем одно и то же (так как природа происхождения этих явлений одинакова) – механизм, вызывающий юмористический эффект (смех, хохот, внутреннюю улыбку, приятность от выявления несоответствия из контекста).

³ *Юмор* – особый вид комического, сочетающий насмешку и сочувствие, внешне комическую трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным [22, с. 577]. Дополним это определение только тем, что юмором можно назвать любые жизненные явления, ситуации, а также любые мысли, фантазии, идеи и тому подобное, способные вызвать юмористический эффект.

⁴ Здесь и далее мы будем трактовать понятие «смешное» как совокупность явлений, которые вызывают не только смех, хохот, но и внутреннюю улыбку. Мы будем иметь в виду, что «Комическое смешно, но не все смешное комично. Комическое – прекрасная сестра смешного» [5, с. 92], но все же мы будем употреблять термины «комическое» и «смешное» как синонимы, так как продукт этих явлений одинаков – юмористический эффект. Это для нас в контексте данного исследования является главным.

⁵ Смех – «сложный акт, состоящий из модифицированных дыхательных движений в связи с определенной *миимикой*. Что касается первых, то при смехе после вдоха следует не один, а целый ряд продолжающихся иногда долго коротких *спазматических* выдыханий при открытой голосовой щели; если *голосовые связки* приводятся при этом в колебательные движения, то получается громкий, звонкий смех – хохот; если же связки остаются в покое, то смех бывает тихим, беззвучным» [7].

углубил бы свою мысль о сущности комического и последователи ученого не трактовали бы смешное только лишь как несоответствие. В этом же направлении размышляет о сущности комического по Аристотелю известный исследователь А.Г. Козинцев: «Современные исследователи анекдотов, видимо, стремясь застраховаться от упрека в старомодности, в сущности игнорируют этический аспект, уделяя внимание когнитивно-семантическим аспектам, – „оппозиции скриптов (сценариев)“, „логическим механизмам“. Это отношение противоречиво, основано на несовместимости и полярной противоположности... <...> Смеясь, субъект реагирует на противоречие... <...> ...так думают почти все. <...> Между тем, это иллюзия» [13, с. 12].

К теме второй части трактата Аристотеля мы вернемся несколько позже, пока же рассмотрим произведения других античных мыслителей, которые в своих научных трудах и пособиях давали определение смешного, сходные или различные с Аристотелевским.

Идея противоречивости сущности комического звучит и у Платона в «Филебе». В этом произведении Платона в диалоге с Филебом и Протархом Сократ определяет комическое как душевное состояние, являющееся смесью страдания и удовольствия: «Смеясь над смешными свойствами... сочетая удовольствие с завистью, мы смешиваем удовольствие со страданием. Ибо раньше мы согласились, что зависть есть страдание души, смех же – удовольствие, а в этих случаях то и другое бывает одновременно» [18, с. 64].

Платон называет юмор негативным явлением: «Это порок, получающий свое наименование от некоего свойства» [18, с. 62]. Он считал, что в сущности смеха лежит злоба или зависть, а смех обычно вызван неудачами «слабых» либо злосчастиями «сильных». Платоновские размышления уточняют и расширяют определение о сущности комического, данное Аристотелем. Немаловажно также и то, что через диалоги Платона мы прикасаемся к рассуждениям о смехе Сократа, что особенно ценно, так как, по признанию многих ученых (А.Ф. Лосев [15], Э.В. Соколов [19]), именно Сократ первый исследовал нравственные добродетели, с которыми смех неразрывно связан.

К сожалению, до нас не дошло ни одного произведения древних греков, полностью посвященного сфере комического. В то же время эти отрывочные, более или менее систематические рассуждения о смешном, включенные в их философские труды, нашли свое развитие у мыслителей Древнего Рима. Изучение сущности комического было продолжено, в первую очередь, такими философами, как Марк Туллий Цицерон и Марк Фабий Квинтилиан.

Цицерон, опираясь на труды авторитетных ученых, среди которых, безусловно, были Аристотель, Платон, Теофаст, а также привлекая традицию римского ораторского искусства и материал из области комедии и риторики, впервые изложил вполне законченную концепцию смешного. В трактате «Об ораторе» Цицерон определяет сущность комического

следующим образом: «...источник и, так сказать, область смешного, — это, пожалуй, все непристойное и безобразное; ибо смех исключительно или почти исключительно вызывается тем, что обозначает или указывает что-нибудь непристойное без непристойности» [23, с. 58]. Цицерон концентрирует свое внимание на самой сущности смеха, а не на биологических предпосылках его возникновения: «О том, что такое смех, как он возникает, где его место в нашем теле, отчего он возбуждается и так внезапно вырывается, что при всем желании мы не можем его сдержать, каким образом он сразу захватывает легкие, рот, жилы, лицо и глаза... к нашей беседе это не относится» [23, с. 58]. Считая, что познать сущность комического не во власти человеческого мозга, автор, в основном, изучает те факторы, которые могут вызвать смех. Этот вопрос, по мнению Цицерона, наиболее важен для оратора: «Вызывать смех – это наш третий вопрос – для оратора, конечно, очень желательно: либо потому, что веселая шутка сама вызывает расположение к тому, кто шутит; либо потому, что каждого восхищает острота, заключенная подчас в одном-единственном слове, обычно при отпоре, но иной раз и при нападении; либо потому, что такая острота разбивает, подавляет, унижает, запугивает и опровергает противника или показывает самого оратора человеком изящным, образованным, тонким; но главным образом потому, что она разгоняет печаль, смягчает суровость, а часто и разрешает шуткой и смехом такие досадные неприятности, какие нелегко распутать доказательствами» [23, с. 58]. По Цицерону, смех вызывают отклонения от нормы, но не те, высмеивание которых оскорбляют и возмущают окружающих. Он пишет: «Оратор должен прибегать к смешному не слишком часто, как шут, не бесстыдно, как мим, не злобно, как наглец, не против несчастья, как черствый человек, не против преступления, где смех должен уступить место ненависти, и, наконец, не в разрез со своим характером, с характером судей или обстоятельств, – все это относится к области неуместного» [23, с. 28]. Так, источниками смеха могут стать безобразные неприглядные черты внешности, проявления характера и поведение в обществе и быту. Но никогда нельзя осмеивать серьезные преступления, недуги. Это не значит, что данные темы не вызывают смех у толпы. Цицерон пишет для ораторов – публичных персон, которым общественное мнение и авторитет среди сограждан давали возможность обеспечивать своей семье существование. Поэтому Цицерон призывает учеников: «...в шутке первым делом надо соблюдать меру» [23, с. 59].

Древнеримский теоретик ораторского искусства Квинтилиан в философском трактате «Двенадцать книг риторических наставлений», написанном в виде учебника для ораторов, отводит комическому целую главу (книга шестая). Квинтилиан, как и Цицерон, отмечает важную роль смеха в речи оратора: «Оратор, для достижения своей цели, может употребить средство совсем противное вышепоказанным: он, возбуждая судью к смеху, и часто развлекает ум его от напряжения, иногда подкрепляет, облегчает утом-

ление и прогоняет скуку» [12, с. 410]. Сама сущность смеха, по Квинтилиану, всегда основана на выдвигании чего-то безобразного: «...всякое слово, к смеху побуждающее, есть по большей части ложное, а сие есть всегда низко» [12, с. 411]. Несмотря на то, что вслед за Цицероном мыслитель подчеркивает в качестве условия для возникновения смеха необходимость «чего-нибудь безобразного и гнусного», он признает непростую природу комического, которое управляется «каким-то неизъяснимым чувствованием». В качестве обязательных условий для побуждения к смеху автор называет «природу» (то есть врожденную физиологическую одаренность к острогам у оратора) и «случай» (стечение обстоятельств, не зависящее от знаний и таланта шутящего).

На основании анализа трудов великих ученых Античности мы можем заключить, что они рассматривали смех с эстетической точки зрения или как неотъемлемую часть риторики. Вслед за Аристотелем они отмечали, что юмор имеет в своей основе нечто безобразное и непристойное. Интересно, что несмотря на отрицательную сущность, смех для древних греков был жизнетворцем, создателем, радостной, веселой народной стихией. Божественному смеху отводилась роль творения Мира: «Когда бог смеялся, родились семь богов, управляющих Миром... Он разразился смехом второй раз – появились воды» [24, с. 15]. Народный смех звучал и в Древнем Риме, он имел во многом ритуальное значение, чувствовал производительные силы жизни и торжество плотского начала в человеке [20]. Этот парадокс позволяет сделать заключение о том, что смех имел важное значение в жизни античного человека, несмотря на то, что комическое считалось негативным явлением и связывалось с пороками и отрицательными чертами людей.

Литература

1. *Аристотель*. Поэтика. Риторика / Аристотель. – СПб., 2000.
2. *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М., 1990.
3. *Бенуа, К.* Комическое в музыке / К. Бенуа // Музыкальное обозрение. – 1886. – № 29. – С. 15–23.
4. *Бореев, Ю.Б.* Трагическое и комическое и проблемы литературы: дис. ... д-ра филол. наук / Ю.Б. Бореев. – М., 1963.
5. *Бореев, Ю.Б.* Эстетика / Ю.Б. Бореев. – М., 1975.
6. *Бутенко, И.А.* Юмор как предмет социологии? / И.А. Бутенко // Социологические исследования. – 1997. – № 5. – С. 135–140.
7. Википедия: свободная энциклопедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Смех>
8. *Дземидок, Б.* О комическом / Б. Дземидок. – М., 1974.
9. *Дмитриев, А.В.* Социология или философия смеха? / А.В. Дмитриев // Социологические исследования. – 1996. – № 9. – С. 144–147.
10. *Жуковский, В.А.* О сатире и сатирах Кантемира // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: в 12 т. – СПб., 1902. – Т. 9. – С. 419–446.
11. *Карасев, Л.В.* Философия смеха / Л.В. Карасев. – М., 1996.
12. *Квинтилиан, М.Ф.* Риторические наставления / М.Ф. Квинтилиан; Institutio oratoria; пер. А. Никольский. – СПб., 1834.
13. *Козинцев, А.Г.* Человек и смех / А.Г. Козинцев. – СПб., 2007.
14. *Лессинг, Г.Э.* Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Г.Э. Лессинг; пер. Е. Эдельсона // Лессинг Г.Э. Избранные произведения. – М., 1953.
15. *Лосев, А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. История античной эстетики / А.Ф. Лосев. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/losev/iae4/index.htm>
16. *Любкер, Ф.* Реальный словарь классических древностей / Ф. Любкер. – URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Классические%20древности/Никохар/>
17. Психологический словарь. – URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/>
18. *Платон*. Собр. соч.: в 3 т. / Платон; пер. с древнегреч.; под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. – Т. 3. – Ч.1. – М., 1971.
19. *Соколов, Э.В.* Античность (Платон, Сократ, Аристотель). – URL: http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_e_w/2antich.shtml
20. *Федь, Н.М.* Искусство комедии или смех сквозь слезы / Н.М. Федь. – М., 1978.
21. Философский словарь / под ред. Г. Шишкоффа; пер. с нем.; общ. ред. В.А. Малинина. – М., 2003.
22. *Хорунженко, К.М.* Культурология: энциклопедический словарь / К.М. Хорунженко. – Ростов н/Д., 1997.
23. *Цицерон, М.Т.* Три трактата об ораторском искусстве / М.Т. Цицерон; под ред. М.Л. Гаспарова. – М., 1972.
24. *Шантени, Д.П. де ля Соссей.* Иллюстрированная история религий: в 2 т. / Д.П. Шантени де ля Соссей. – СПб., 2008. – Т. 2.
25. Эстетика: словарь / под общ. ред. А.А. Беляева и др. – М., 1989.

УДК 821.512.111(092)

И.В. Софронова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ЯПОНСКОГО ХОККУ В ЛИРИКЕ А. СОСАЕВОЙ

В статье рассматриваются особенности использования традиций восточной поэзии в сочетании с фольклорным творчеством в лирике чувашского автора А.А. Сосаевой. Дается характеристика тематической, ритмической, поэтической стороне стихотворений. Наиболее подробно анализируются способы выражения образа лирического героя через рисунки природы, проявление законов диалектики, сочетание разных видов искусства в краткостициях.

Японская литература, образ природы, влияние, тема, мотив, лирический герой.

The article deals with the features of using oriental poetry tradition with folk works in the lyric of Chuvash author A. Sosayeva. The thematic, rhythm, poetic sides of the poems are characterized. More attention is given to the representation of a lyric hero, through the image of nature, laws of dialectics, combination of different types of arts in short poems.

Japanese literature, the image of nature, influence, theme, motive, lyric hero.

Анализ творчества многих видных художников слова чувашской литературы, таких как П. Эйзин, Г. Айги, Г. Юмарт, С. Сатур, М. Карягина, Н. Мордяков, позволяет говорить нам об утверждении в чувашской поэзии жанра японской лирики – хокку. Поэты не слепо копируют традиции восточного жанра, а синтезируют их с национальными особенностями словесного творчества. Их стихотворения отличаются краткостью формы, созданием словесного рисунка, графичностью расположения стихотворения на странице, изображением единства противоположностей, использованием именных слов, представлением общности природы и человека, общества и человека. Стихотворения чувашских поэтов, соответствующие жанру хокку и танка, существуют и как отдельные произведения, и как объединенные в одно произведение (стихотворение, поэму, цикл). В этих краткостях можно наблюдать синтез словесного искусства с графикой, с умением создавать пейзажи, использовать цвета и их тональность, а своеобразное чередование ударений, количества слогов в строке рождает союз с музыкой. Распространению традиций японской лирики в чувашской литературе способствовали такие факторы, как наличие общих черт в мировидении двух народов, существование в фольклоре возможности передачи и сохранения глубокого смысла через небольшое количество слов, стремление к поэтическим традициям, близким душевному состоянию поэта, и мн. др. К уже перечисленным можно добавить и характерное для нашего времени стремление к краткости, желание коротко, без лишних слов изложить основной смысл.

Стремление к выражению глубокого, философского смысла через небольшое количество слов в силу определенных причин становится характерным для многих авторов современной литературы. К нему обращаются марийцы А. Бик, В. Регеж-Горохов, удмурт М. Федотов, чуваша П. Эйзин, С. Сатур, М. Карягина, Н. Мордяков, татарин Р. Файзуллин. Для некоторых авторов типичен переход от произведений большого плана к краткостям. В их распространении немаловажное значение имеет и возрастной фактор авторов. Кроме того, есть случаи, когда краткостями становится новой формой выражения мысли для людей научного труда. Удмуртский этнограф В. Владыкин начал разрабатывать форму стихотворения-миниатюры, стихотворения-метафоры, овладевать формой рифмованного, белого и свободного стиха. Чувашский филолог А.А. Сосаева пробует себя в трехстишиях. Отражение традиций японского хокку проявляется как в форме, так и в содержании ее стихотворений:

<i>Чё – ре су – рӓл- сах 5</i>	<i>Что сделать</i>
<i>Тух – тӓр те – сен мён тӓ- вӓн? 7</i>	<i>чтобы сердце разорвалось?</i>
<i>А – тӓ – на тап – та. 5</i>	<i>Растопчи сапогам.</i>
	<i>(Подстрочный перевод мой. – И. С.) [4].</i>

Как известно, «хокку обладает устойчивым метром. В каждом стихе определенное количество слогов: пять в первом, семь во втором и пять в третьем – всего семнадцать слогов» [3, с. 5]. В японском хокку изображение жизни природы и человека в их слитном и нерасторжимом единстве на фоне круговорота времен года является основной темой. Лирическая героиня А. Сосаевой также выражает себя через образы природы. Содержание подобных стихотворений соответствует пейзажной зарисовке, изображаются маленькие части и незначительные детали. Через картинку природы проглядываются душевное состояние лирической героини, ее спокойствие и переживания. Для создания пейзажного рисунка автор использует традиционные для японского хокку образы – это насекомые, капля, роса, почка и т.д.

<i>Пёчӓк тёнче те</i>	<i>Помни, что и малый мир</i>
<i>асӓ, тенён... сывӓм е</i>	<i>велик... посмотри</i>
<i>тумлам витёр кур.</i>	<i>Через роснику или каплю [4].</i>

В стихотворении описывается единство противоположных значений. Перечисление малых по объему предметов наводит на размышление о большем. Изображаемые предметы и явления не только малы по размеру, но и имеют короткий срок существования, они как мгновения. Например, роса в японской литературе – обычная метафора бренности жизни, так же как и вспышка молнии, пена на воде или быстро опадающие цветы вишни.

<i>Шур хурӓн хӓлха</i>	<i>Бела береза повесила</i>
<i>сакки сакнӓ. (Илемсӓ –</i>	<i>сережки. (Создатель красоты –</i>
<i>Илёртӓсӓ... Вӓл.)</i>	<i>соблазнительница... Она.) [4].</i>

Образ белой березы с распутившимися сережками представляется идеалом красоты. Время, изображенное здесь, соответствует началу лета. Дерево готовится к цветению, приготовлению семян, к будущему. Девушки надевают сережки, чтобы выглядеть красивее, привлекательнее. Изображен период, когда зарождаются мечты, надежды. Душа лирической героини наполнена вдохновением.

В своих стихотворениях А. Сосаева показывает взаимоотношение лирического героя с человеческим миром. У нее людской коллектив соотносится с миром природы. Изображение взаимосвязи с обществом, самого внутреннего мира лирической героини соответствует традициям выражения лирического героя через образ природы в японской литературе. Внимание поэта акцентировано на описании личных пере-

живаний. В то же время, согласно традициям жанра хокку, ее волнения обретают обобщенный смысл. Описание отношений между лирической героиней и обществом имеет свои особенности. Так, общество в стихотворениях А. Сосаевой представлено через местоимение «эсё / ты» или же через образ возлюбленного. Во взаимоотношении с ним может присутствовать гармония, которая передается окружающим. Она видится в добрых красках. Душа лирической героини способна излучать доброту под влиянием этих отношений. Однако взаимоотношения могут причинять и боль:

<i>Сана нихсан та</i>	<i>Тебе никогда</i>
<i>усал туманчэ эпё.</i>	<i>Не желала зла.</i>
<i>Силлү астан-ши?</i>	<i>Откуда ненависть? [4].</i>

Стихотворение изображает момент нанесения обиды лирической героине. В этой ситуации она чувствует себя слабым, маленьким человеком. Но она не дает растоптать себя, находит силы посмеяться над своим положением, над унижающими ее людьми. Лирическая героиня не показывает свои переживания, достойно преодолевает испытания жизни. Кроме того, она не только насмехается над своим трудным положением, но и дает другим посмеяться над собой, радоваться ее несчастью.

В стихотворениях проявляется традиционный для хокку мотив – единство противоположностей. В нерасторжимом единстве показаны счастливые и грустные минуты жизни лирического героя, представление о жизни как о комедии и трагедии. Бинарные явления не противопоставлены друг другу, они не находятся в контрасте. Их единство воспринимается как данность, как течение жизни, смена дня и ночи: грубое обращение с нежными предметами (сердце, душа); создание красоты из разрезанных кусочков чувств; топтание сердца сапогами; единство лирической героини и ее возлюбленного; горе одного и радость другого...

<i>Элчелём ситрё</i>	<i>Видя, что все</i>
<i>тенён. Куса хупас-и?</i>	<i>свершилось, закрыть глаза?</i>
<i>Е таиша ярас? –</i>	<i>Или ударить в пляс? [4].</i>

Обращение лирического героя в стихотворениях к себе как к «эпё / я» воспринимается одновременно как объект и субъект. Поэтесса предоставляет слово самой себе, вводит прямую речь. В некоторых случаях «эпё» заменено словом «чун / душа»:

<i>Талърса ситет сана</i>	<i>Душа, хватит тебе</i>
<i>чунйм. Васка...</i>	<i>Замыкаться. Снежи...</i>
<i>Читлэхре эп.</i>	<i>Я в заточении [4].</i>

Наблюдается слияние авторского «я» с окружающим миром, героиня видит себя через него. В японской лирике поэты изображают себя частью природы – «уподобляют себя поэтическим птицам и облакам, вместе с ней следуют ритму смены времен года...» [2, с. 75]. В чувашском мировидении человек уподобляется природе, присутствует вера в то, что он является частью природы, т.е. частью общества. Филосов М.П. Желтов объясняет одушевление чу-

вашом природы следующим образом: «...человек видит природу как себя, переносит свои качества на природу. С другой стороны, в этом взаимоотношении опредмечивает себя. Другими словами, качества предмета переходят на человека, требуют, чтобы и он стал как предмет. Это единство двустороннего процесса расценивается не только как общность субъекта и объекта, но и как взаимоотношение субъекта и объекта» [1, с. 60].

Лирические произведения А. Сосаевой о любви нельзя расценивать только как любовную лирику. Проявление черт любовной, гражданской, интимной и пейзажной лирики в одном стихотворении продиктовано особенностями классического хокку. Каждый читатель отличает одно из этих качеств в зависимости от своего настроения, жизненного опыта. Возлюбленный воспринимается в них как простой, обычный человек. В этих стихотворениях вечное сочетается с временным и сиюминутным. Для лирической героини незначительное становится существенным, важным, дорогим. Она наслаждается моментами, секундами счастья. Для нее понятий «вчера» и «завтра» не существует. В тишине, уединении она занята поисками себя, она хочет понять свои чувства и чувства своего возлюбленного:

<i>Кăвайт сунать-и</i>	<i>Костер горит ли</i>
<i>Сан чуну? Е шăплăхра</i>	<i>Твоя душа? Или в тишине</i>
<i>Эсё? Кă – вайт – лăх.</i>	<i>Ты? Множество кост – ров [4].</i>

Огонь костра символизирует любовь, тишина же – ее отсутствие. В душе лирической героини – переживания, связанные с наличием и отсутствием ответного чувства. Разделение слова «кă-вайт-лăх» по слогам можно оценить как разделение большого, значительного на мелкие части, стремление в обычном, незначительном найти значимое для души.

Для хокку А. Сосаевой характерна реминисценция народных поэтических традиций. Через мифологические, поэтические образы и детали она передает душевное состояние лирической героини. Более того, они говорят о нераздельности и неразлучности вечного и временного:

<i>Çавра кӳлӳре</i>	<i>В круглом озере,</i>
<i>Шевле пурăнать тейён.</i>	<i>Скажешь, зарница живет.</i>
<i>Сап-сарă куслă.</i>	<i>С желтыми глазами [4].</i>

Круглое озеро, зарница – образы из чувашской мифологии. Желтое – цвет Всевышнего, чистоты, добра, красоты. Через эти образы автор изображает модель чувашского мира, передает спокойствие душевного состояния.

Для японских авторов характерно сочетание поэзии с другими видами искусства. Нередко их стихотворения рождаются после просмотра какого-нибудь пейзажа, или рисунок рождается после прочтения хокку. Сочетание видов искусств характерно и для поэзии А. Сосаевой. В личной беседе она сообщила, что художники Н. Теветкель и Е. Енька были вдохновлены ее стихотворениями. Единство нескольких видов искусства проявляется в стихотворениях через использование слов, обозначающих цвета, их оттенки, гармонию определенных звуков:

Высокий стиль разрушает жанровый монизм послания А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...». Н.И. Михайлова выявила в стихотворении начала молитвы и утешительной проповеди, обнаружила, «по-видимому, понятный читателям XIX века, но утраченный нами полемический смысл слова Пушкина – поэта, гражданина и оратора», направленный против антидекабристских церковных речей [6, с. 154–160]. Жанровая специфика пушкинского текста, образы, мотивы, на наш взгляд, восходят к более древним литературным источникам.

Образ меча в последней строке, как известно, породил полярные интерпретации пушкинского стихотворения. Отсутствие автографа привело к тому, что уже приятель поэта С.А. Соболевский, наряду с другими исправлениями, выскоблил слово «меч» в своем списке и поставил знак сноски. Он объяснил в примечании невозможность использования Пушкиным образа древнего оружия – поэт «...тогда слишком был благодарен Государю за оказанные ему милости, чтобы мысль такая могла ему придти в голову» (Цит. по: [10, с. 105]). Исправления в списке Соболевского разделило исследователей: «1) его поставили под сомнение или не приняли вообще М.А. Цявловский и М.К. Азадовский; 2) приняли... <...> ...и использовали его в качестве одного из аргументов в пользу толкования возвращения меча не как революционного оружия, а как символа „гражданской реабилитации“ (Н. Пиксанов, А. Слонимский), „атрибут дворянской чести, который отбирается при аресте дворянина и отдается ему при освобождении из-под ареста“ (В. Непомнящий); 3) исправление вызвало сомнение в том, что в 1827 году было отправлено в Сибирь именно это стихотворение, а не послание И.И. Пущину „Мой первый друг, мой друг бесценный!..“ (С.А. Фомичев)» [10, с. 106].

Заметим, что меч, наряду с кинжалом, «...являлся важнейшим масонским знаком и символом, „священным сокровищем“ ложи, означал призыв к законной власти и неустанной борьбе за свет с тьмою и ее носителями» [11, с. 161]. Примитивно-спекулятивным было бы толкование «Во глубине сибирских руд...» как конспирологического масонского послания («...И братья меч вам отдадут»). Однако при осмыслении стихотворения нельзя вовсе игнорировать этот известный Пушкину слой «широкой культурной интертекстуальности» [5, с. 33]. Поэта интересовали какие-либо символы не сами по себе, а связанные с ними поэтические возможности.

Продуктивным в этой связи будет обращение к трудам по герметической философии, большое количество которых, начиная с XVII века, проникло в Россию. В XVIII в. в масонских кругах Москвы и Петербурга были переведены на русский язык главные сочинения и изданы печатные и рукописные книги, многие из которых сопровождалась гравюрами. Чрезвычайный интерес вызывают гравюры к изданию «Часть 2. О человеке или малом мире» рукописного перевода «Пояснения глубоких начал Якоба Беме в тринадцати фигурах», на одной из которых изображение меча сопровождается надписью «Наум: 1: 2» [1, с. 190].

Дионисия Андреа Фрэера, вероятного автора «Пояснения глубоких начал...», считали «...лучшим интерпретатором работ Беме (ангелом толкования) и высоко ставили... не только как художника, но и как писателя» [1, с. 295]. В популяризации идей авторитетного «тевтонического философа» он не мог случайно использовать ветхозаветный источник. В герметической традиции, скорее всего, существовала устойчивая и известная посвященным смысловая связь между образом древнейшего оружия и книгой пророка Наума. Включение этой гравюры в русский рукописный перевод подтверждает ее важность.

Второй стих первой главы Книги пр. Наума звучит так: «Господь есть Бог ревнитель и мститель; мститель Господь и страшен в гневе; мстит Господь врагам Своим и не пощадит противников Своих» (Наум: 1: 2). «Пророчество о Ниневии; книга видений Наума Елкосеянина» – это «предречение и изображение конечного разорения, последней гибели города Ниневии, а вместе и всего Ассирийского царства» [13, с. 270]. Крушение процветающего города и целого государства под натиском вавилонян и мидян, их окончательное запустение и прекращение царской династии казались абсолютно невероятным и современникам пр. Наума. Это событие будет иметь мировое значение, принесет освобождение всем захваченным и угнетенным, в том числе и десяти коленам иудейским, плененным еще при царе Езекии. Падение Ниневии предсказывали и ранее, например, пр. Иона, чья проповедь поразила и привела к покаянию царя и народ, которые затем вновь предали порокам, переполнив чашу терпения Бога.

Книга разделена на три главы. Первая глава представляет собой самостоятельный гимн Творцу, непререкаемо властвующему над стихиями, здесь звучат мотивы упования на него и торжества высшей справедливости. Вторая глава воссоздает пророческую картину исполнения высшего суда над Ассирией и Ниневией, разрушенными войсками вавилонян и мидян и пришедшими в запустение. Третья глава разъясняет причины гибели царства и некогда величественного города – грехи и наказание за них. Всю пророческую «книгу видений» пронизывает идея моральной власти Всевышнего над миром.

В отличие от пр. Ионы, который лично проповедовал в Ниневии, пр. Наум отправил плененным соплеменникам для утешения свою книгу. Само имя пророка – Наум (евр. Нахум) «означает „исполненный утешения“ (*нахум particip. pass*), а также „утешитель“ („consolator“, по изъяснению блаженного Иеронима)» [13, с. 270].

Известно, что декабристы хорошо знали символическую традицию и творческие принципы орденской литературы и активно их использовали [4], [12, с. 240–242]. В творчестве Пушкина эта символика актуализировалась, подчиняясь его собственным художественным планам [5, с. 41].

Высокий стиль, особенности жанра и глубинный смысл стихотворения во многом предопределены ветхозаветными сочинениями. Личностное начало – стремление поддержать друзей – соединяется с символическим, восходящим к Книге пр. Наума, наприя-

мую связанной с образом меча в герметической традиции.

Утешение для Пушкина – «...это священный долг дружбы (сего священного чувства)», как он писал из Михайловского А.А. Дельвигу в июне 1825 г., потеряв бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича, взывая: «...нахожусь в ужасном положении – утешь меня...» [9, XIII, с. 181]¹. Декабристы же услышали не просто *голос* друга, какой звучит, например, в послании <<И.И. Пущину>> 1826 г.:

Молю святое провиденье:
Да голос² мой душе твоей
Дарует то же утешенье...
[9, III, с. 39].

В «каторжные норы» проник «свободный глас» поэта, уже исполненного волей Творца и обретшего дар пророческого слова. Ср. со стихотворением «Пророк»:

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей
[9, III, с. 30–31].

Подобно боговдохновенному пророку, Пушкин стремится ободрить заточенных, поддержать их веру не только в освобождение, но и в торжество высшей справедливости.

С.А. Фомичев отмечал со своей стороны, что в послании декабристам развивается мысль «Пророка» о героическом предназначении поэта, что также подтверждает тесную связь этих стихотворений не только в стилистическом, но и в тематическом плане [15, с. 113].

Как и пр. Наум, пославший книгу плененному богоизбранному народу, Пушкин поддерживает в заточенье духовно близких, избранных, которых отличает «...дум высокое стремленье». В призыве поэта – «Храните гордое терпенье...» – слышится отзвук «Прощальной песни» Дельвига, вводящий лицейскую тему [14, с. 185], которая не только подчеркивает солидарность поэта с декабристами, но, добавим, и усиливает идею избранности (ср. со стихотворением «19 октября» 1825 г. («Роняет лес багряный свой убор...»)):

Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село
[9, II, с. 425].

Основные мотивы послания поэта-пророка связаны с 1-й главой Книги пр. Наума, где тема возмездия нечестивым и освобождения заточенных решается в нравственном плане как гнев и милость долготерпеливого Бога. У ветхозаветного пророка Творец – ка-

рающий мститель за преступления и надежный защитник всех уповающих на Него. Тема высшего правосудия приобретает моральное звучание и связана с центральной идеей торжества «...мироправящей правды Божией над человеческими неправдами» [13, с. 276]. Этим смыслом пронизаны строки первой главы Книги пр. Наума, на которые указывает надпись над изображением меча, сопровождающая русский перевод «Пояснения глубоких начал Якоба Беме в тринадцати фигурах».

Пр. Наума считают первым среди малых пророков «...по высоте пламенного одушевления и смелости полета мысли, по яркости красок и живости изложения» [13, с. 275]. К его «Книге видений...» восходит развитие сюжета пушкинского стихотворения – пророческого «видения» свободы. Избавление воссоздано как зрительно яркая и динамичная, полная символической образности картина грядущего избавления не только декабристов от заточения, но всеобщего освобождения от деспотизма: «Оковы тяжкие падут, темницы рухнут...» [9, III, с. 49].

В пророческих стихах поэта слышатся отзвуки мотивов разрушения, сокрушения, которые в Книге пр. Наума были связаны, во-первых, с природными катаклизмами как карающей силы Бога: «Горы *трясутся* перед Ним, и холмы тают, и земля *колеблется* перед лицом Его...»; «Гнев его разливается как огонь; скалы *распадаются* перед Ним» (Наум: 1: 5, 6) (в этом абзаце курсив мой. – Г. С.). Во-вторых, указанные мотивы связаны с темой освобождения узников: «Так говорит Господь... а тебя, хотя Я отягощал, более не буду отягощать. И ныне Я *сокрушу* ярмо его, лежащее на тебе, и узы твои *разорву*» (Наум: 1: 12–13). Заметим, что пр. Наум использовал здесь традиционную пророческую символику – «сокрушить ярмо», «расторгнуть узы».

Мотив «бодрости и веселья» или, по варианту ростопчинского списка, «радости и веселья» [9, III, с. 439], возводимые Н.И. Михайловой к церковным проповедям, восходит к «Книге пр. Исаии», с которой впервые связано осознание Пушкиным собственного боговдохновения. Этот лейтмотив сопровождает пророчество о грядущем блаженстве Израиля, которое наступит с пришествием Мессии: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий... Ты умножишь народ, увеличишь радость его. Он будет веселиться пред тобою, как веселятся во время жатвы, как радуются при разделе добычи» (Ис.: 9: 2–3); «А вы будете веселиться и радоваться во веки о том, что Я творю: ибо вот, Я творю Иерусалим веселием и народ его радостью. И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем...» (Ис.: 65: 18–19); «Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его! возрадуйтесь с ним радостью, все сетовавшие о нем...» (Ис.: 66: 10). С саркастическим оттенком пророк использовал его в противоположной функции – для обличения утративших веру и ведущих беззаботную и распущенную жизнь: «Но вот веселье и радость! Убивают волов, и режут овец; едят мясо и пьют вино...» (Ис.: 22: 13). Таким образом, поэт творчески осмысляет мотивы и образы из книг двух ветхозаветных пророков – Исаии и Наума.

¹ В тексте номер тома обозначается римской цифрой.

² Здесь и далее подчеркнуто мною. – Г. С.

По-разному в пушкинистике трактуется отсутствие или изменение места в некоторых списках третьей строфы:

Любовь и дружество до вас
 Дойдут сквозь мрачные затворы,
 Как в ваши каторжные норы
 Доходит мой свободный глас
 [9, III, с. 49].

Высказывалось даже предположение о двух авторских редакциях. Первая, без этой строфы, якобы отличалась революционным пафосом, который поэт снял во второй редакции, введя строфу, придавшую заключительной части нравственный аспект [10, с. 108]. В.С. Непомнящий видит в разных вариантах списков следствие читательской рецепции – строфа «...воспринималась как излишне „личная“» [7, с. 131]. Исследователь утверждает, что в лиризме здесь «...воплощено самое главное *сообщение*: надежда на амнистию, вынесенная автором из частного разговора с новым императором» [7, с. 131].

Конфиденциальность этой беседы, конечно, позволяет строить разные предположения. Однако мотив «бодрости (радости) и веселья» едва ли менее «личный», да и образованных читателей, которые распространяли стихотворение в списках, соединение личного, исторического и даже мессианского планов не могло смутить настолько, чтобы вообще изъять один из них из пушкинского текста. Поэт еще в послании «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...») обогатил русскую поэзию осознанием исторического, гражданского как глубоко личного начала:

Мы ждем с томленьем упованья
 Минуты вольности святой,
 Как ждет любовник молодой
 Минуты вольного свиданья
 [9, II, с. 72].

Соединение этих планов было хорошо известно и по библейским источникам, среди которых сочинения пророков – одни из наиболее репрезентативных.

Послание Пушкина – весть поэта-пророка, в которой высоким стилем выражены поддержка друзьям, собственная причастность к их судьбе, вера в неизбежный крах деспотизма и в торжество свободы как высшей справедливости и цели исторического процесса, слабо соотносится лишь с передачей «секретного сигнала» царя об амнистии. Смысл любого художественного текста, поэтического тем более, как известно, не проистекает лишь из отдельного элемента, он связан и с целостностью, связывающей все элементы.

С пушкинскими «любовью и дружеством», которые дойдут до ссыльных после слова поэта-пророка и станут предвестниками освобождения, коррелирует прекрасный и трогательный финальный образ первой главы пр. Наума, заимствованный у пр. Исаии: «Вот, на горах – стопы благовестника, возвещающего мир: празднуй, Иудея, праздники твои...»

(Наум: 1: 15). Он идет во главе глашатаев, распространяющих на всех свое ликование (Ис.: 52: 7–8). Завершающий стихотворение образ меча – символ освобождения декабристов и свершения божественного промысла исторического процесса – торжества угнетенных.

Ветхозаветную образность поэт использует и в других обращениях к декабристам. Так, образ из стихотворения «19 октября 1827» «Бог помочь вам, друзья мои...» – «в мрачных пропастях земли» – это реминисценция из пр. Исаии: «И войдут люди в расселины скал и в пропасти земли...» (Ис.: 2: 19).

Декабристы поняли пророческую сущность пушкинского послания. «Струн вещих пламенные струны...» услышал Александр Одоевский. В своем ответе он не случайно называет друга бардом. В эзотерике, наряду с гностическими учениями, важной для масонства, барды входят в круг «...мудрых и избранных мужей, коим свет разума и истины дан был... (известных. – Г.С.) под именем волхвов у персов, под именем мудрых пророкатель и Астрологов у халдеев; под именем философов у греков и римлян, Браминов у Индиан; Друидов и Бардов у Бриттян» [3, с. 250].

В соответствии с гностической традицией, связывающей изображение меча и стих из книги пр. Наума, Одоевский сопроводил стихотворение виньеткой, в образности которой воплощены идеи его ответа Пушкину – кинжал, свиток, цепь, лавровая ветвь, опрокинутая чаша со змеей.

Послание Пушкина соотносится с первой главой Книги пр. Наума, исполненной радостным пророчеством о грядущем освобождении. Две последующие главы у ветхозаветного пророка, напомним, посвящены гибели царя Ассур, которая и принесла свободу плененным народам. В прекращении царской династии прозревается унижение, а затем полное уничтожение Ниневии и Ассирии.

В пушкинском стихотворении подобные мотивы не выражены открыто, но драматическое напряжение смысловых полей «Книги пр. Наума» в целом присутствует имплицитно и аккумулирует зарождение тождественных ассоциаций. Именно эти подтекстовые смыслы Одоевский актуализирует в ответе Пушкину, используя также библейскую образность. Известный стих самого миролюбивого пр. Исаии «...и перекуют мечи на орала» (Ис.: 2: 4), декабрист, отказываясь от идеи всеобщего примирения, трансформирует в свой главный мотив торжества революционной борьбы:

Мечи скуем мы из цепей
 И пламя вновь зажжем свободы!
 Она нагрянет на царей,
 И радостно вздохнут народы!
 [2, с. 341].

Таким образом, ветхозаветный жанровый источник, Книга пр. Наума, как и связанный с ним образ меча, усложняет структуру послания Пушкина, создает в нем эффект возникновения «отстраняющих друг друга смысловых оттенков» [8, с. 505], которые

и стимулируют полярные интерпретации. Перевод этого поэтического пророчества лишь в плане исторической конкретики подменяет порой многослойность художественного образа одномерностью публицистики.

В заключение заметим, что пр. Наум и декабристы оказались прочно связаны и в русской истории. Это поистине декабрьский пророк, почитанием которого по Григорианскому календарю 1 декабря открывался первый зимний месяц. Св. Наум считался покровителем учащихся, помощником в умственных занятиях, отчего в народе его прозвали Грамотником. После революции 1917 г. и введения новой властью с 1 марта 1918 г. Юлианского календаря чествование пророка сдвинулось на 13 дней. Теперь это 14 декабря, день, когда и сейчас, несмотря на новый стиль летоисчисления, мы вспоминаем о востании декабристов. Такие «странные сближенья»...

Литература

1. 500 лет гнозиса в Европе: Гностические традиции в печатных и рукописных книгах: Москва, Петербург / Кат. выст. – Амстердам, 1993.
2. Декабристы. Избранные сочинения: в 2 т. / сост. Немзер А.С., Проскурин О.А. – М., 1987. – Т. 2.
3. Из масонской мифологии и ритуала / Публ. В.И. Сахарова // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. – М., 2000.

УДК 821.51

Р.А. Султангареева

БАШКИРСКОЕ СКАЗИТЕЛЬСТВО В КАЧЕСТВЕ МОДЕЛИ ДЛЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Сказительские традиции народов имеют древние корни и располагают большим потенциалом эффективного применения в воспитании духовности, языковой культуры, гармонизации людских отношений. В статье дается характеристика истоков эпического поэтико-импровизаторского искусства, раскрываются особенности личности сзэсна и национального сказительства в современности, предлагаются методы и принципы совершенствования школы поэтической импровизации.

Сказительство, поэтическая импровизация, традиции, эпические сказания, духовное подвижничество, школа башкирского сзэснства.

Narrative traditions of the people have ancient roots and have great potential of effective application in education of spirituality, language culture, and perfection of human relations. The article defines the sources of epic poetic and improvisation art, reveals the features of the personality and the national narrative at the present. Methods and principles of improvement of the school of poetic improvisation are offered.

Narrative, poetic improvisation, traditions, epic tales, spiritual selfless devotion, school of bashkir poetic improvisation.

С ранних этапов человеческого сознания роль и значение профессии эпического сказителя были очень велики, и за время своего служения мастера внесли огромный вклад в духовное, нравственное развитие общества. Возникнув в глубокой древности (I в. до н.э.), за время существования оно всегда было школой сохранения словесного, музыкального и драматургического искусств и позиционирования народных идеалов о достойной жизни, добре и зле, правде и лжи.

4. *Лейтон, Л. Дж.* Эзотерическая традиция в русской романтической литературе: Декабризм и масонство / Л. Дж. Лейтон; пер. с англ. Э.Ф. Осиповой. – СПб., 1995.

5. *Лорен, Г. Лейтон.* Пушкин и масонство: контекст / Г. Лейтон Лорен // Университетский Пушкинский сб. – М., 1999.

6. *Михайлова, Н.И.* «Витийства грозный дар...»: Пушкин и русская ораторская культура его времени / Н.И. Михайлова. – М., 1999.

7. *Непомнящий, В.С.* Лирика Пушкина как духовная биография: Репетиция книги / В.С. Непомнящий. – М., 2001.

8. *Осват, А.* Из комментария к «Медному всаднику» (2) / А. Осват // На рубеже двух столетий: сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. – М., 2009.

9. *Пушкин, А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.; Л., 1937.

10. *Рогова, А.И.* Стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд...» (Текстологический анализ) / А.И. Рогова // Русская литература. – 1991. – № 4.

11. *Сахаров, В.И.* Иероглифы вольных каменщиков: Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века / В.И. Сахаров. – М., 2000.

12. *Сахаров, В.И.* Судьбы масонской литературы в начале XIX века / В.И. Сахаров // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. – М., 2000.

13. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. В 3 т. Т. 2. Петербург, 1908–1910, 1913. – Стокгольм, 1987.

14. *Фомичев, С.А.* О стихотворении Пушкина «Во глубине сибирских руд...» / С.А. Фомичев // Русская литература. – 1989. – № 2.

15. *Фомичев, С.А.* Поэзия Пушкина: Творческая эволюция / С.А. Фомичев. – Л., 1986.

исполнения эпоса, народных сказаний, кубаиров (основной жанровый инструмент башкирского сказительского искусства) – явление уже очень редкое. Вытесненный неимоверной техногенностью общества, доминантной востребованностью письменного творчества, а также оскудением и сужением сферы влияния родной речи уникальный феномен национального достояния – эпическое творчество уходит из памяти и истории. Несмотря на это, за время экспедиций последних лет нам удалось записать еще малоизвестные сказания, такие как «Ауреу и Азмэуер» (Зилаирский район), «Карахан» (Белорецкий район), «Ялчигул» (Абзелиловский район). Из уст хранителей и исполнителей народной старины представляется возможность записать отдельные эпизоды или напевные хамаки широко известных эпических произведений, ставших произведениями фольклорной классики: «Алпамыша», «Кузыйкурпэч и Маянхылыу», «Акхак-кола», «Кара-Юрга», «Заятуляк и Хыухылыу», «Куныр буга» и т.д. В памяти сэсэнов (поэтов-импровизаторов) современности еще устойчивы мелодические речитации общетюркских *эпических достояний* словесности, таких как «Бузьгет», «Тагир и Зухра», «Юсуф и Зулейха». Все это свидетельствует о глубокой этногенетической памяти народа и ценности его поэтико-речевой культуры, механизмы сохранения, совершенствования и передачи которых были проработаны предками в исполнении родного эпоса.

Сказительство развивается и совершенствуется при наличии определенных на то условий: неотрывное системное исполнение эпоса, народных песен, кубаиров, сказок, преданий; обязательная всенародная демонстрация этого искусства. Оно представляется школой устной словесности, логики, формирования четкой и лаконичной мысли, играет важнейшую роль для укрепления знаний по родному языку, истории, праву и красноречию. Помимо этого изустное исполнение эпоса является наиболее эффективной моделью воспитания личности с высокой гражданской позицией. Отсюда конкурсы и фестивали, поддерживающие и позиционирующие творчество башкирских сказителей, импровизаторов, сэсэнов, сыграли очень важную роль в духовной жизни Республики Башкортостан (РБ). Вначале необходимо объяснить суть и значение слова «сэсэн».

Слово «сэсэн» имеет отношение к имени жреца, поэта, провидца и мудреца древнетюркской сасанидской династии Сасана (224–651 гг. до н.э.) [1, с. 68]. Одного из предков великого Чингиз-хана звали Пибибагой-Сецен, а его советника, мастера поэтического слова – Худай-Сецен. В дальнейшем имя становится нарицательным названием одаренных поэтов-мудрецов, искусных импровизаторов, обнаруживая созвучие и аналогии у многих тюркомонгольских народов: у бурят, узбеков-чечен, карагалпаков-шишен, монгол-цецен, китайцев-шеньжень; во всех номинациях передается значение «мудрого провидца, поэта» [7, с. 91], [8, с. 30]. Башкирский сэсэн, окруженный ореолом святости и неприкосновенности, во все времена своей деятельности органично оправдывал это многогранное предназначение, соединяя в своем творчестве и поэта, и провид-

ца, и мудреца, и воина-защитника. Идеал неустанного поборника справедливости, борца за народные духовные, нравственные достояния и благополучие до сих пор в памяти народа связывается с личностью сэсэна.

В период исторических перемен конца XX в., овеянных романтикой завоевания и провозглашения суверенности Республики Башкортостан, возрождения утраченных национальных достояний заметно оживилось искусство башкирских сэсэнов, импровизаторов. Устами талантливых мастеров слова, а также профессиональных поэтов, выбравших для выражения своих чаяний именно стиль эпического – кубаирского словотворчества, вдохновенно и страстно передавались народу ценности Духа, человечности, нравственности и идеалы межнационального согласия. Известно, что в решающие периоды жизни общества сказители всегда играли важную организующую, направляющую и волеукрепляющую роль. Начиная с творческой инициативы и ярких выступлений Р.А. Султангареевой, сочинение кубаиров было поддержано сэсэнными и поэтами, именами которых представлена школа башкирского сказительства современности (Х. Аубакирова, Г. Мамлеева, В. Садыкова, И. Мирхайдаров (Абзелиловский район), М. Салимов, Ф. Гарипова (Белорецкий район), А. Гайнуллина (Баймакский район), Ф. Хасанов (Учалинский район) и др). Прозвучавшие в традициях сэсэнства сочинения профессиональных поэтов Г. Зарипова, Р. Тулякова, народного поэта Республики Башкортостан Р. Бикбаева, Р. Давлеткулова, Р. Ахтареева, К. Аралбаева, А. Игибаева открыли общественности тот факт, что генетическая потребность народа слушать устно-поэтические импровизации и переживать нравственное, духовное очищение, обновление не угасала вовсе, а ждала, трепетно ждала своего часа. В Слове башкирского сэсэна не было и намек на вседозволенность, вульгарность или ругательство, чем грешили иные формы печати. Выступления глашатаев праведности вызвали неподдельный интерес и высокое доверие публики. Известно, что это доверие народа поэту было ослаблено ввиду излишней политизированности и официоза профессиональной поэзии конца XX в.

Сэсэнское творчество, возрожденное в переходный период 90-х гг. XX в., не вполне отвечало традиционным канонам эпической поэзии, не отличалось широтой, глубиной и обобщенностью изображаемых явлений, а более того, представляло порой вульгарную стилизацию «на манер кубаиров». Лаконичность, философские обобщения и свойственная народной речи иносказательность наблюдались крайне редко. Возрождаемое во Всероссийском масштабе это творчество было названо некоторыми фольклористами «третичным», искусственным и примитивным экспериментом, «засоряющим фольклор явлением». Резко осуждался этот процесс ведущими фольклористами России, принимались воззвания остановить явление, «пагубно влияющее на природу и чистоту фольклора». Однако каждый период времени создает свое воспринимаемое и нужное по

образу духа, языка, помыслов и потребностям творчества и культуру. Время активных народных волнений, также напряженная общественная и политическая обстановка требовали сиюминутного ответа, мудрой оценки событий, искреннего разговора народа и поэта-оракула. Все эти функции и взяли на себя народные мастера слова, импровизаторы, которые, к счастью, не перевелись у башкир. Творчество современных сказителей-сэсэнов было подпитано народными традициями и большим знанием народного духа изнутри – потому оно было встречено и воспринято народом с любовью и высоким, искренним доверием. Это были откровения истинных патриотов, сочинителей-поэтов, не заигрывавших с народом и не скрывавших мысль в замудренных фразах письменной поэзии, это были слова, достоверно выражавшие чаяния народа. Потому выступления мастеров устно-поэтического слова за короткое время завоевали большую популярность, стали востребованными. Откровенные выпады, предпринятые некоторыми поэтами, учеными против творчества сэсэнов, несколько притормозили святое начинание, но не повлияли на самую суть и закономерный замысел явления. Однако ряд статей и резких высказываний ярых приверженцев высокой письменной поэзии не могли не задеть творческие начинания сказителей, а также молодых сэсэнов-импровизаторов.

Известно весьма прозорливое и точное определение американского эпосоведа Альберта Лорда: «Сказитель не поэт, он – провидец и маг». В этом контексте творчество современных импровизаторов, не претендуя на высокохудожественные литературные откровения, поэтичность и эстетизацию явлений, искренне доносило народу сокровенное, нужное в данное время Слово на понятном всем языке. Затрагивались самые насущные вопросы о Духе, исторических ценностях, о правде и лжи, морально-нравственных обязанностях человека и его будущности. Потому мы склонны утверждать, что сказительское творчество сыграло весьма важную роль в урегулировании накаленной перестроечной и постперестроечной атмосферы, стабилизации людских отношений, укреплении гражданских позиций и уз дружбы народов.

Возрождение сказительского искусства на современном этапе – это феномен признания приоритетности национального достояния неизмеримо высокой значимости.

Выдающееся психолого-нравственное откровение и культурный код воспитания, развития башкира в Природе, а также знаковая единица о духе народа, кладезь мысли, чувства, этики, слова и живительной энергетики – поэтическое сказительство уходит корнями в глубину веков. Рожденные на основе первобытной магии слова языческие обращения, заклички сил Природы, шаманские поклонения, ритуально-плясовые, хороводные скандирования, молитвословия, а также обрядовые напевные благопожелания – все они в истоках имеют элементы вдохновенной поэтической импровизации. Вершиной сэсэнского искусства слова башкир является кубаир. Семантический, этимологический анализы слова «кубаир»

дают многоаспектные значения: лучшая прославляющая песня; песня о героях [9, с. 112] или родовой гимн, песня народа. Между тем на древнетюркском языке «коба» означает «тонко обработанная шкура зверя» [10, с. 665]. Так проецируются древнее значение и функции кубаиров как родовых песен, некогда нарисованных или написанных на тонкой коже (аналог китайского пергамента), и как ценнейшего достояния, передаваемого поколениям. Это были удостоверяющие лицо народа поэтико-философские свидетельства, хранение или исполнение которых доверялось только избранным (как в гомеровскую эпоху – героических песен), имеющим феноменальную память, красивый язык и глубокие знания о своем народе.

Эпическая форма сказаний о народе у различных культур имеет разные названия: старина, былина – у русских; руна – у карело-финнов; дастаны, улэн – у восточных народов; олонхо – у якутов; улигэры – у бурят; жыр – у казахов, киргизов и т.д. В кубаирах, сочинителями и исполнителями которых были башкирские сэсэны-сказители, заключена жизненная идеология башкирского народа, помыслы о зле и добре, чести, стойкости духа и нормах морали, а также модели противостояния неправде и принципы чело-вековедения в целом. Основная форма кубаира – 16-, 20-строфный (и более) поэтический стих, состоящий из семи-, восьмисложных рифм, напевался в мелодии маршевого или лирического характера. Отличительны интонации волевого, призывного и воодушевляющего звукоидеала.

За много веков развития кубаир сформировался как уникальный жанр, вобравший в себя лучшие традиции словотворчества и исполнительского искусства, также по степени экспрессии, содержания располагающий качествами, способствующими воспроизводству духовных, ментальных сил своего творца. В этой связи оживление традиций кубаирского стиха – знаковое явление современности, обращающейся к духовным истокам во имя выживания, волевого укрепления и нравственного обновления.

По инициативе Министерства образования РБ, Министерства культуры РБ, Баштелерадиокомпании за последние два десятилетия организовано и проведено более 20 республиканских конкурсов по сказительству и импровизаторскому искусству: в 1989 г. (г. Баймак), 1991 г. (г. Уфа), 1993 г. (г. Уфа), 1995 г. (г. Уфа, конкурс, посвященный I Всемирному Курултаю башкир). Хорошими начинаниями являются конкурсы сэсэнов, посвященные национальному герою Салавату Юлаеву (в дни празднований «Салауат йыйыны») и выдающемуся сэсэну Баику Айдару (в дни празднований «Байык йыйыны») и т.д. В 2004 году, приняв статус I Международного, состоялся конкурс сэсэнов-кубаиристов в г. Баймаке, где, как и в Абзелиловском, Учалинском районах, устойчиво сохраняются еще традиции сказительства. По инициативе администрации города Уфы в марте 2007 года прошел I Открытый городской конкурс сказителей, посвященный 450-летию воссоединения Башкирии с Российским государством. Сложная,

ответственная работа и методологически, и организаторски была выстроена грамотно. Более чем за полгода до конкурса участникам была предоставлена возможность посещения мастер-классов, лекций, концертов мастеров искусств. Поэтический конкурс-соревнование позволил открыть имена талантов, мастеров Слова как среди детей, так и среди взрослых. Поэтико-словесная и речевая культура столицы Уфы была достойно представлена в том смысле, что статус государственности языка определяется его деловой и художественной инструментальностью в главном городе национальной республики. Впервые в истории республики этот конкурс позволил обнаружить не только хороший уровень столичной языковой культуры и устного импровизаторства, но и наличие нового типа городского сказителя, его знания родного языка, мастерство сценического поведения. Эпосы на этом майдане звучали и на русском и на башкирском, и на английском языках, вызвав огромный интерес зрителей.

По наличию эпоса определяется уровень духовности, нравственной стойкости и этногенетический древний тип коренного народа, особенности его происхождения, идеалы, принадлежность к исторической древности и географическому пространству своего исторического места обитания. В эпических произведениях наиболее объективно и многогранно отражаются принципы чести, философские взгляды о жизни того народа, к чьему творчеству они принадлежат. Мифологический эпос «Урал-батыр» явился монументальной важности и достоверности историко-генеалогическим документом башкир как о народе, с древнейших времен проживающем на Урале. Более 100 лет тому назад, в историческом 1910 году в Баймакском районе Мухаметша Бурангулов записал со слов знаменитых сэсэнов Габита Аргынбаева (1856–1921 г., дер. Идрисово) и Хамита Альмухаметова (1861–1923 г., дер. Мало-Иткулово) великий башкирский эпос «Урал-батыр». За это поэтико-словесное откровение Мухаметша в то время еще 22-летний егет, а в будущем знаменитый сэсэн, драматург, собиратель башкирского фольклора на все свои сбережения купил и даровал коня Габиту-сэсэну. С тех пор великий эпос вернулся своему творцу-народу и переиздавался множество раз в республиканской печати [2]. Значительным явлением в мировой науке стало и то, что эпос «Урал батыр» вышел в свет на английском, русском и башкирском языках [3]. Во Всероссийской научной печати монументальное произведение башкирской словесности было издано в 1977 г. [4, с. 55–162].

Памятник общечеловеческой духовной культуры «Урал-батыр» дошел до наших дней благодаря выдающейся творческой роли сэсэнов – Габита Аргынбаева, Хамита Альмухаметова, со слов которых фольклорист, ученый Мухаметша Бурангулов записал эпос. Таким образом, не допустили забвения одного из самых крупных эпических произведений мировой фольклорной классики. Роль сэсэна в сохранении и передаче бесценного достояния неизмеримо высока.

Эпос как принадлежность монолитного коренного народа, проживающего много веков на своей земле, представляет собой паспорт своего творца. Эпос

одного народа не может присвоить эпос другого народа, не причиняя вреда своей исторической репутации. Сохранением, исполнением и сказыванием своего родного эпоса народ утверждает свою историческую состоятельность, отстаивает древность происхождения, аборигенное право на место своего обитания и высокий духовно-нравственный облик. Конкурс чтецов эпоса «Урал-батыр» стал одной из действенных школ воспитания личности и любви к языку.

Следует обратить внимание на некоторые факторы, по причине которых живое исполнение эпоса сравнительно поздно вернулось в культурную жизнь республики. Исполнение калмыцкого эпоса «Джангр», казахского «Кобланды», азербайджанского «Жоркут-Ата», якутского «Ньургун-батыр» и т.д. пережило относительно слабый прессинг, и потому эпико-сказовые традиции не угасали, а в 1990-е годы возобновились с новой силой. По причине жестокого преследования сэсэнов традиции уралсы затерялись во времени и не совсем четко прорисовывались стиль, нормы и мелодии исполнения эпоса. Истории известно, что со времен подавления крестьянского национально-освободительного восстания под предводительством Емельяна Пугачева и Салавата Юлаева под страхом смертной казни действовал запрет петь героические песни, сказания о Салавате, о батырах вообще [5, с. 282–283]. Однако эпические традиции, глубоко на генном уровне сохраняемые в сознании народа, дают гарантии в восстановлении и использовании наиболее свойственных башкирской сказовой культуре приемов и норм чтения, поиски которых ведет современный исполнитель великого эпоса «Урал-батыр».

Важной причиной временного забвения эпоса является и тот факт, что текст «Урал-батыр», как и все эпосы мира, был глубоко свят и сакрален, охранялся, как святыня. Только духовно и нравственно образованным, грамотным, глубоко ценящим, знающим свою историю, родословную и поэтически одаренным избранныкам давалось право полностью всенародно пересказывать эпос и передавать его сказителям. Это была духовная, жизненная конституция нации. Исполнение доверялось самым талантливым, мудрым патриотам-мастерам, которых, к сожалению, становилось все меньше. В 1936-е – 1953-й годы интеллектуальный потенциал претерпел еще один этап жестоких преследований. Исполняющих эпос «Урал-батыр» становилось все меньше, и передавали они святой завет сэсэнов в глубокой тайне (записано в 2001 г. в Учалинском районе, в 2008 г. со слов муллы Ахтяма Иргалина (1935 г.р.) в дер. Давлетша Абзелиловского района). Такие причины объясняют позднюю запись (1910 г.) и недавнее возрождение изустного исполнения (1997 г.) эпоса «Урал-батыр». Раньше, как говорят старики, каждый второй башкир знал если не полный текст, то несколько сюжетов наизусть, а прослушивания устраивались долгими зимними вечерами.

В 2010 г. прошел XII конкурс исполнителей эпоса «Урал-батыр» среди учащихся. Начало этому конкурсу было положено в 1997 г. Министерством образования РБ. В разработке «Положения» участвовали

ученые, писатели. Конкурсы чтецов «Урал-батыр» по праву ныне могут называться кузницей молодых мастеров Слова, преданных заветам предков патриотов своей Отчизны. Эта школа уралсы (как манасчи у киргизов, джангарчи у калмыков, дастанчи у узбеков, таджиков и т.д.), с каждым годом обнаруживая качественно новый уровень, становится школой воспитания крепкого характера и оригинальной моделью укрепления памяти, мысли, языка, утверждения гражданских позиций. На этом майдане воочию подтверждается истина о том, что народ, имеющий, сохраняющий и исполняющий свой эпос, устойчив в мире, в своем пространстве и месте обитания. Эпос «Урал-батыр» и его чтение наизусть – значимый и действенный урок патриотизма, человеколюбия и нравственности, трепетное и клятвенное прикосновение к великому учению, которое завещали, доверили предки, чтобы знать и свято сохранять как закон жизни часть своей родословной, передавая ее из поколения в поколение.

Конкурсы изустного исполнения эпоса ныне стали исторически знаковыми форумами по освоению и практическому использованию сакрального текста, причащением к прекрасному творению человечества, содержание и духовные ценности которого современны и сегодня. Республике стали известны имена десятков молодых уралсы, талантливо исполняющих полный текст эпоса (4556 строк!), а также мастеров среди учащихся и взрослых, таких как Х. Аубакирова, В. Баймухаметова, А. Гайнуллина, Ф. Хасанов, Р. Тимиршаихова, С. Щуплов, А. Хатлыкова, Я. Намазбаев и т.д.

Казахские акыны пели о великом Касыме, Абылай хане, киргизские бахши оживляли в голосах своих героизм Манаса, каракалпакские, узбекские жырау воспевали Алпамыша, алтайские кайсы восславляли Маадай-кара, клялись именами героев-батырлар. Азербайджанские и дагестанские ашуги, олонхосуты у якутов, бояне у славян, сочиняя эпические сказания, несли народу правду о жизни, праведности и зле, о добре и красоте, великие истины о бытии и значимости Человека. «Вспоминайте, пойте и восславляйте своих батыров – вернутся к вам и

силы, и дух», – гласит народная мудрость. Сказительская, словесно-импровизаторская школа, уходящая корнями в глубь веков, располагает могучим потенциалом, способствующим духовно-нравственному обновлению и укреплению статуса родного языка и культуры каждого народа, у которого она имела. В этой связи следует указать на огромную важность и эффективность возрождения сказительских, поэтико-импровизаторских начинаний. Народ создал свой эпос и сам рождается заново от своего творения, исполняя эпос. В период разгула бездуховности, обесценивания нравственных устоев народов подвижничество по поддержке доброго народного словотворчества актуально и современно, характеризует линию жизни передового общества.

Литература

1. Баимов, Р.Н. Восточная литература: Материалы по истории индийской, иранской, арабской литератур с древнейших времен до XVIII века / Р.Н. Баимов. – Уфа, 1999.
2. Башкирское народное творчество. Эпос. Т. I / под ред. А. Харисова и Б. Бикбая (на башк. яз.); предисл. М.М. Сагитова, пер. Г.Г. Шафикова. – Уфа, 1976.
3. Башкирское народное творчество. Эпос. Т. III / под ред. и науч. коммент. А. Сулейманова и Р. Рязанова. – Уфа, 1998 (на башк. яз.).
4. Башкирский народный эпос «Урал батыр» / предисл., коммент., подгот. текста Ф.А. Надршиной. – Уфа, 2003.
5. Башкирский народный эпос / под ред. А. Петросяна; сост. А. Мирбадалева, М. Сагитов и А. Харисов. – М., 1977.
6. Башкирское народное творчество. Предания и легенды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. – Уфа, 1987.
7. Идельбаев, М.Х. Завещание из древности / М.Х. Идельбаев. – Уфа, 2007 (на башк. яз.).
8. Киреев, А. Башкирское народное творчество / А. Киреев. – Уфа, 1981 (на башк. яз.).
9. Сагитов, М.М. Древние башкирские кубаиры / М.М. Сагитов. – Уфа, 1987 (на башк. яз.).
10. Словарь башкирского языка: в 2 т. – М., 1993 (на башк. яз.).

УДК 070

М.В. Фомина

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор А.В. Чернов

СПЕЦИФИКА НОВОСТНЫХ ВЫПУСКОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РАДИО

В статье проводится формально-содержательный анализ новостных выпусков на региональных радиостанциях, заявленных в качестве номинантов национальных профессиональных премий в 2010 году. Рассмотрены роль и место информационных выпусков в сетке вещания, специфика организации новостного вещания в регионах, отмечен конфликт между заявленным музыкальным форматом и реальным форматом новостных выпусков.

Региональные радиостанции, выпуск новостей, формат, музыкально-информационное вещание, верстка, дизайн эфира, контент, программирование.

The article is devoted to the formal content analysis of news distribution on regional radio stations that were nominated for national professional awards in 2010. The role and meaning of news releases in net broadcast, specifics of news broadcasting in the regions are considered, the conflict between the stated and real musical format of news releases is being pointed out in the article.

Regional radio stations, news release, format, musical-informational broadcasting, layout, air design, content, programming.

Новостные выпуски традиционно считаются центральным моментом эфирного вещания региональных радиостанций. Именно в них станции могут реализовать свое основное конкурентное преимущество: транслировать эксклюзивную, актуальную, востребованную региональными аудиториями информацию. Новостные выпуски строятся, как правило, на местном материале, что обеспечивает интерес к ним слушателей. Но при всей очевидности высокой конкурентоспособности новостного контента на региональных волнах, существует и целый ряд серьезных проблем, связанных с ним. Подавляющее большинство региональных радиостанций позиционируют себя как музыкальные или музыкально-информационные. Стремясь соответствовать требованиям преимущественно музыкальных форматов, радиостанции в процессе формирования программной стратегии зачастую, очевидно, недооценивают роль новостного вещания. Неслучайно эта проблема специально комментируется в ежегодном отраслевом докладе Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям за 2010 год: «Оценивая объем новостной информации в рамках музыкального и музыкально-информационного вещания, радиостанции все еще придерживаются старой поговорки о том, что новости – это «переключатель» на другую волну. По этой причине информационные выпуски на современных радиостанциях выглядят как сводки кратких сообщений хронометражем не более 3–4 минут» [7, с. 98].

Другой крайностью является «перенасыщение» новостной составляющей эфира, причем информацией, которая зачастую к новостной, строго говоря, отнесена быть не может. Это вызвано тем, что вещатели и учредители радиостанций (особенно если таковыми выступают местные власти либо другие активные игроки на политическом пространстве региона) понимают, что по степени интереса, по степени важности именно новости – стержень эфира. Поэтому региональные станции стремятся максимально наполнить новостные выпуски местной спецификой, представляющейся важной учредителям. Безусловно, это стремление понятно, тем более что степень влиятельности именно новостных выпусков радиостанций возрастает, кроме того именно новостные выпуски, в отличие от музыкальных составляющих, в случае региональных редакций становятся основным способом идентификации станции в медиaprостранстве: «...новости ...<...>... являются элементом привлечения аудитории радиостанции, связующим звеном между станцией и обществом, представляя собой мощнейший инструмент создания имиджа, индивидуального облика станции, в то время как музыкальная составляющая эфира радиостанции может быть в какой-то степени похожа на эфир коллег» [7, с. 98].

Такой подход к новостным выпускам, при всей его логичности, также имеет определенные, небесспорные для целостности вещания, последствия. Прежде всего это разрушение логики программирования. Перенос акцента на новостные выпуски, увеличение хронометража при появлении «важных новостей» и т.д. ведет к нарушению шага программирования, выбранного станцией на основании форм-

та. То есть, расширяя пространство присутствия в эфире новостей, станции разрушают заявленный формат. Такая практика становится общим местом в региональных выпусках. Казалось бы, в превышении хронометража новостных выпусков нет ничего страшного, но это сбивает сетку вещания, а зачастую и приходит в противоречия с партнерскими договорами или с заявленной собственной концепцией вещания.

Изучение специфики организации новостного вещания региональных радиостанций требует учета значительного числа таких факторов, как степень самостоятельности в выборе формата, статус редакции, заявленная программная концепция и реальные условия работы коллектива журналистов.

Серьезнейшей проблемой для исследования регионального медиaprостранства становится отсутствие какой-то единой базы данных, дающей достаточный эмпирический материал для медиаисследований. Современные информационно-аналитические системы, в принципе, обладают технологическими вариантами решения такого рода проблем, но региональная журналистика, по понятным причинам, не становится предметом их исследования [1]. К тому же такого рода инструменты очень дорогие.

Пытаясь решить данную проблему, в качестве рабочей гипотезы исследования мы приняли следующую: наиболее серьезным и принципиальным материалом для изучения специфики региональных радиостанций являются программы, заявленные редакциями в качестве номинантов национальных профессиональных премий. В рамках данной работы мы остановились на следующих материалах: четыре выпуска новостей на региональных радиостанциях, вещающих в FM-диапазоне, которые были представлены в 2010 году на профессиональные конкурсы «Радиомания» и «Премия Попова» в номинациях «Выпуск новостей» и «Информационная программа» соответственно.

Предметом нашего исследования стали выпуски новостей радиостанции «Мария FM» (г. Киров), радиостанции «Премьер» (г. Вологда), радиостанции «Первое радио» (г. Краснодар) и радиостанции «Сфера» («Радио5») (г. Канск).

Согласно классификации, предложенной А. Бубукиным [3], по форме собственности эти станции представляют собой сектор коммерческого местного вещания, являются станциями со 100 %-ным собственным программированием; по типу радиовещания относятся к музыкально-информационным: большую часть эфирного времени (60–70 %) занимает музыка и меньшую (30–40 %) – информация. По музыкальному формату радио «Премьер» [4] работает АС (современная музыка для взрослых). Формат рассчитан на слушателей 25–45 лет. Радио «Сфера» [2] CHR/RHYTHMIC (Ритмичное Хит Радио). Основная целевая аудитория данного формата – люди в возрасте от 12 до 25 лет. Радио «Мария FM» [5] позиционирует себя сразу в двух форматах: CHR и Hot AC. «Первое радио» идентифицирует себя с форматом CHR [6].

Рассмотрим верстку эфиров этих станций, представленную в таблице.

Характеристика выпуска новостей	Радио «Сфера»	«Первое радио Кубани»	Радиостанция «Мария FM»	Радио «Премьер»
Хронометраж выпуска	4 мин 11 с	4 мин 18 с	6 мин 5 с	6 мин 49 с
Джингл, открывающий час	–	+	–	+
Джингл, открывающий выпуск	+	–	+	+
Краткий анонс	+	+	–	–
Материал № 1	Текст ведущего с комментарием с места событий	Текст ведущего с телефонным комментарием	Репортаж	Озвученное сообщение корреспондента
Материал № 2	Устная информация без ссылки на источник	Устная информация со ссылкой на источник	Устная информация без ссылки на источник	Текст ведущего с комментариями
Материал № 3	Текст ведущего со ссылкой на источник + опрос	Устная информация без ссылки на источник	Текст ведущего + опрос	Устная информация со ссылкой на источник
Материал № 4	Устная информация без ссылки на источник	Репортаж	–	Устная информация со ссылкой на косвенный источник
Джингл, закрывающий выпуск	–	–	+	+

Сопоставительный анализ выпусков показывает практически полную идентичность в верстке новостных выпусков. Станции используют одинаковые способы подачи информационных материалов: «устная информация» с прямой ссылкой на источник, с косвенной ссылкой и без ссылки; «информация с комментарием» (телефонный комментарий или полученный непосредственно при встрече); стритток (опросы на улицах); озвученное сообщение.

Дизайн эфира информационных выпусков практически однотипен: джингл, открывающий час; джингл, открывающий и закрывающий выпуск новостей; краткий анонс; отбивки (лайнеры и свиперы) между новостями.

Структурно-содержательные особенности контента:

- отсутствие федеральных событий в эфире;
- исключительно местное, региональное содержание;
- композиция новостных сюжетов: первый сюжет – происшествия (коммунальные аварии или ДТП);
- «бант» – последний сюжет выпуска «облегченного» содержания;

Таким образом, можно сделать следующие выводы: региональные радиостанции тяготеют к типичным способам организации новостных выпусков. При этом к их характерным особенностям можно отнести:

- нарушение шага программирования практически всеми станциями;
- использование исключительно местного материала, как представляющего наибольший интерес для слушателей с точки зрения редакции;

- постановка в сильную позицию происшествий (первый сюжет эфира), даже если происшествие случилось не в день выхода сюжета в эфир;

- практическое отсутствие репортажности в классическом виде.

Выделенные особенности региональных станций показывают низкую степень оперативности подачи информации в эфир, что, казалось бы, противоречит самой природе канала. Оперативность передачи информации всегда рассматривалась в качестве базового преимущества радио как медиа. Материалы тяготеют к газетным жанрам, появляются постфактум; опросы, присутствующие в эфирах, не носят характера новизны и используются, скорее всего, «по формальным основаниям», имитируя обратную связь.

Вымывание журналистики даже из ее ядерной зоны – новостного вещания на региональных станциях – тревожный тренд последних лет. Он проявляется при оценке работ, поступающих на национальные конкурсы, и вызывает серьезное беспокойство в профессиональной среде. Генеральный директор Фонда независимого Радиовещания, председатель экспертного совета фестиваля информационных программ «Вместе – радио» Наталья Власова констатирует: «Мы проводим фестиваль 9-й год. Вначале наиболее профессионально звучали программы с Дальнего Востока, Северо-Запада, Сибири. Сейчас есть отдельные радиостанции, где журналисты отличаются самостоятельностью суждений, например, радио «Абакан» в Сибири. Но подавляющее большинство остальных станций звучат одинаково. Причем одинаково неинтересно. И это нас беспокоит. Хорошая журналистская работа на радио практи-

чески отсутствует. Мало качественных репортажей. Ток-шоу откровенно слабые» [6].

Исследование причин тяготения к таким способам организации вещания и к устойчивому присутствию в региональных эфирах выделенных особенностей – задача специального исследования. На данном этапе можно предположить, что здесь проявляется отсутствие разноплановых источников информации, ограниченный круг ньюсмейкеров и нехватка профессиональных кадров (не по причине их отсутствия в регионе, а по причине существенного удорожания производства новостных программ с использованием репортеров).

Вот как, например, оценивает ситуацию независимый продюсер, в прошлом сотрудник «Русского радио в Сыктывкаре», Максим Поляков: «У нас в городе нет локальной станции, только „сетевика“. Руководство на местах не видит смысла содержать, например, хорошую службу информации или начинать какие-то оригинальные проекты. Зачем? Реклама идет, деньги приносит. И такая картина во всех радиоконпаниях города» [6].

Наконец, на данном этапе анализа очевидно, что «формат» не стал реальным маркетинговым инструментом, позволяющим станциям эффективно и всерьез конкурировать на медиа-рынке за четко таргетированные аудитории. Отсюда зачастую возникает конфликт заявленного музыкального формата и реального формата новостных выпусков. Новости существуют сами по себе, не связаны с идеологией формата и декларируемыми редакцией эфирными

установками. В итоге попытка охватить всех слушателей традиционно завершается малоинтересной «всеядностью». Как метко оценила такое явление еще в 2001 году во время визита в Череповец известный специалист в сфере современного радиовещания, преподаватель МГУ В. Сухарева: «Музыка – для пионеров, новости – для пенсионеров».

Литература

1. Бубукин, А.В. Эфирные тайны / А.В. Бубукин. – Новосибирск, 2003.
2. Официальный сайт радиостанции «Мария FM». – URL: <http://www.mariafm.ru/>
3. Официальный сайт радиостанции «Премьер». – URL: <http://www.radiopremier.ru/>
4. Официальный сайт ООО «Телекомпании «Канск 5 канал». – URL: http://www.5kanal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=14:-q&catid=6:2009-04-02-00-32-30&Itemid=5
5. Официальный сайт ООО телерадиокомпании «НТК». – URL: <http://ntktv.ru/pervoeradio/index.1.html>
6. Патрина, Д. Охота на поколение «СИ» / Д. Патрина // МедиаПрофи. – 2011. – № 4 [38]. – С. 26–28.
7. Состояние, тенденции и перспективы развития. 2010 год: Отраслевой аналитический доклад / под общ. ред. В.В. Григорьева. – М., 2011.
8. Чернов, А.В. Информационно-аналитические системы и медиаобразы: от мониторинга к конструированию / А.В. Чернов // Медиаобразы в социальных коммуникациях: сб. науч. работ / ред.-сост. А.В. Чернов. – Череповец, 2010. – С. 19.

УДК 811.111

А.Н. Цветкова
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор М.Я. Блох

КОНТРАСТ КАК ОСНОВА СТРОЯ ТЕКСТА СКАЗКИ

В данной статье рассматриваются особенности информационной структуры текста народной сказки, разрабатывается понятие структурного типа контраста. Текст исследуется на основе теории диктемого строения, разработанной М.Я. Блохом. В основу ритмической организации текста положено два критерия – тема-рематическое членение предложения и синтаксические повторы предложений, формирующих диктемы. Текст сказки рассматривается как жесткое структурное противопоставление двух типов прозаического ритма – ассимилятивного и диссимилятивного.

Диктема, контраст, структура, ритм, сказка.

The article is devoted to the structural peculiarities of a fairy-tale text organization. The notion of the structural contrast is being developed. The text is studied on the basis of M.Y. Blokh's theory of the elementary text unit dicteme. The rhythm organization of the text is based on two criteria - the theme-rematization of the sentence and the syntactic repetitions of the sentence forming dictemes. The text of a fairy-tale is considered as a rigid structure of interchanging assimilative and dissimilative parts of the text that are rhythmically contrasted to each other.

Dicteme, contrast, structure, rhythm, fairy-tale.

Контраст есть инструмент формирования эстетического аспекта информации в условиях художественного текста. Контраст является эстетической категорией, охватывающей все виды искусства (литературу, театр, кино, живопись, музыку, архитектуру и т.д.) и вместе с ними весь спектр художественно-прикладной деятельности [1, с. 7]. В художественном

тексте контраст есть выразительное противопоставление, его реализация в художественных текстах различной направленности максимально увеличивает импрессию силу текста, воздействуя на чувственную сферу читателя. Импрессивность создается в речетворении каждый раз на данный случай посредством выбора выразительных средств, стоящего в

зависимости от оценки говорящим всех составляющих речевой ситуации в их взаимоотношениях и взаимосвязях [2, с. 65]. Наиболее выразительной, с точки зрения эстетически-образной насыщенности, является поэзия, в которой помимо импрессивности смыслов высказывания, импрессивна также и его структурно-звуковая организация.

Неоспоримую ценность для решения главного вопроса эстетики художественного фольклорного слова – вопроса образности – несет в себе установление особенностей и механизмов реализации обобщенно-типизированных выразительных средств языка сказки. Сказка – короткая авантюрная история с волшебным приключением в основе сюжета, построенная на противостоянии добра и зла. Сказка полна яркими запоминающимися образами, язык ее прост и ясен, развитие сюжета поступательно и закономерно. Сходство сюжетных линий, героев, элементов подтолкнуло исследователей к изучению структуры сказочного текста, выделению и классифицированию минимальных повторяющихся частей сказочных сюжетов. Самые известные классификации структур сказочных текстов разработали А. Аарне, С. Томсон, Г. Утер, В.Я. Пропп, А.Н. Афанасьев, Б. Кербелитэ.

Рассмотрение строя текста с позиции современной лингвистики должно опираться на некую синтагматическую единицу, являющуюся обязательной для всей текстовой типологии. Теория парадигматического синтаксиса позволяет установить в языке как в системе устойчивые единицы текста и правила синтагматики. Синтаксическая парадигматика языка, отражаемая теорией парадигматического синтаксиса, – не конгломерат объектов, это функционально определенная система, система действующая, динамическая. Ее функция состоит в том, чтобы строить текст [3, с. 97]. В качестве элементарной единицы текста М.Я. Блохом было введено понятие диктемы, которое преобразует понятие сверхфразового единства, или сложного синтаксического целого, выработанного в отечественном языкознании в 40-х годах XX в. [1, с. 61]. Как часть уровневой системы языка диктема является двусторонним знаком – формальные ее признаки (совпадение с абзачным делением текста, относительная смысловая законченность) имеют условный характер, тогда как содержательные признаки – основные языковые функции (тематизирующая, номинативная, предикативная, стилизующая) несут в себе материальное наполнение, т.е. смысловую нагрузку. Актуализация отмеченных функций в ходе речеобразования разного характера имеет результатом формирование конкретной информации, которая и является предметом восприятия адресата речи. Наиболее существенными с точки зрения целостности текста являются типы информации: фактуальная, интеллективная, эмотивная и импрессивная (эстетическая) [1, с. 64], каждая из которых базируется на конкретных языковых элементах-носителях, организованных в соответствующие функционально-парадигматические подсистемы, согласно диктемным функциям.

Одной из рубрик информационного комплекса, содержащегося в диктеме, является структурная ин-

формация, отражающая строевые особенности текста, типологически его маркирующие [1, с. 64]. Ее различия в каждом жанре литературы подчинены главному свойству художественного текста – его эстетической ценности. Одной из основных структурных особенностей текста является его ритмическая организация, несущая также текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции. «Ритм становится одним из композиционных средств, с помощью которого осуществляются эмоционально-смысловые сопоставления и повышается семантическая емкость художественного произведения» [4, с. 7]. Ритмической можно назвать структурно-смысловую единицу, если каждое ее повторение будет сходным и соизмеримым. Сходство будет определяться акцентно-мелодическим компонентом, а соизмеримость – временным компонентом [5, с. 212]. Наиболее ярко ритм проявляется в стихотворной прозе, наименее ярко – в прозе и разговорной речи.

Художественный текст строится на основе двух типов отношений: противопоставлении повторяющихся эквивалентных элементов и противопоставлении соседствующих (неэквивалентных) элементов [4, с. 71]. Рассматривая пропеозму в качестве ритмической единицы синтаксиса прозаического текста, Г.Н. Гумовская выделяет синтаксический ритм двух типов: 1) *ассимилятивный*, характеризуемый регулярным повтором фиксированного положения пропеоземного ядра в начальном положении; 2) *диссимилятивный*, осуществляемый как движение пропеозем с нарушением периодичности или избыточности/недостаточности составляющих элементов ядра.

Рассмотрим особенности ритмической организации текста сказки с ядром в виде тема-рематической зависимости элементов. Диктема как минимальная единица текста несет в себе единицы низлежащего уровня, предложения, каждое из которых обладает некоей степенью смысловой законченности, и построена по принципу линейного развертывания сюжетной информации: от известного (тема) к новому (рема). Внутри диктемы возникает рематическая доминанта – (повторяющееся логическое ударение на одном из элементов предложения во всей диктеме) фиксированное место ремы в ведущих ударных предложениях диктемы. Рассмотрим функционирование рематической доминанты на следующем примере инициальной диктемы:

Once on a time there was a boy named Jack, and one morning he started to go and seek his fortune. He hadn't gone very far before he met a cat. 'Where are you going, Jack?' said the cat. 'I am going to seek my fortune.' 'May I go with you?' 'Yes,' said Jack, 'the more the merrier'. So on they went, jiggelty-jolt, jiggelty-jolt. (How Jack went to seek his fortune) [6, с. 24].

Логическое ударение в предложениях данной диктемы располагается на конечном элементе предложения, что характерно для ассимилятивного типа ритма. «Ритм чистой упорядоченности является перцептивно-нейтральным. Поскольку однотипностью своих элементов такой ритм усыпляет наше воспри-

ятие, он имеет свойство быстро автоматизироваться, становиться невоспринимаемым» [4, с. 12]. Таким образом, любой ритмический сбой является более импрессивным, привлекая повышенное внимание читателя. Рема выступает на первом месте лишь в переломных точках сюжета, что обусловлено повышением экспрессивности неких участков текста. Однако частота случаев эмфатического нарушения такого порядка количественно возрастает при рассмотрении материала авторской сказки. Для текста народной сказки характерен абсолютно акциональный тип диктемы [6, с. 6], где рематическая доминанта выражает действие (см. пример выше), квалификативный тип диктемы, описательный, практически не встречается в тексте английской народной сказки.

Логика построения высказывания, характерная для нейтрального текста с последовательным перетеканием мысли от известного к новому (тема-рема) в условиях образного текста резко нарушается [4, с. 21]. Означает ли это, что сказка, в структуре которой преобладает именно ассимилятивный тип синтаксического ритма, является текстом нейтральным, а не образным?

Рассмотрим особенности ритмической организации текста сказки с ядром в виде синтаксического повтора. Одним из наиболее очевидных инструментов формирования ритма текста является повтор. На насыщенности текста структурными повторами строится различие между прозой и поэзией, звуковое оформление которой позволяет выделить ее в отдельно стоящий жанр. Большая глубина подтекста, повышенная образность стихотворного текста связана с особенностями его информационной структуры, подчиненной эстетической функции поэтического текста. Для сказки как жанра характерны повторы прежде всего в контексте вертикальном – повторение образов героев в разных сюжетах, образов предметов, географических описаний, волшебных свойств кого-либо или чего-либо и т.п. Одной из сказочных особенностей является повтор не предложений/ синтаксических конструкций, но целых диктем или диктемных групп, объединенных одним тематическим стержнем. Рассмотрим пример:

She went a little further, and she met a stick. So she said: 'Stick! Stick! Beat the dog! Dog won't bite pig; piggy won't get over the stile; I shan't get home tonight.' But the stick wouldn't.

She went a little further, and she met a fire. So she said: Fire! Fire! Burn stick; **Stick won't beat dog**; dog won't bite pig; piggy won't get over the stile; I shan't get home tonight.' But the fire wouldn't.

She went a little further, and she met some water. So she said: 'Water! water! quench fire; **fire won't burn stick**; stick won't beat dog; dog won't bite pig; piggy won't get over the stile; and I shan't get home tonight'. But the water wouldn't (The old woman and her pig) [7, с. 22].

Синтаксическое построение трех представленных диктем представляет собой параллели, где большая часть семантического наполнения является абсолютным повтором. Меняется лишь выражение рематической составляющей, которая в результате повторе-

ний приобретает дополнительные смыслы: а) гипонимия всех последующих предметов, появляющихся в этом положении; б) повышение импрессивности текста с каждым последующим повтором, что в данном конкретном случае подчеркнута также и удлинением общей протяженности структуры (дополнением еще одного придаточного предложения, однородного с первоначальным(и)). Таким образом, синтаксический параллелизм диктем, формирующий данный отрезок целого текста, создает ассимилятивный ритм, который не только не нейтрализует внимание реципиента, но и реализует стилистическое значение градации, так как каждый последующий элемент, приобретая одно слагаемое синтаксически (+ одно придаточное предложение), приращивает и дополнительное значение – неудачной реализации предыдущего сюжетного элемента. Схематически этот отрезок текста можно отобразить следующим образом:

$$\begin{aligned} &(A + B) + C_1; \\ &(A + B) + C_1 + C_2; \\ &(A + B) + C_1 + C_2 + C_3, \end{aligned}$$

где (A + B) – синтаксически параллельные конструкции; C₁ – дополнительный параллельный синтаксический элемент, усиливающий в данном случае стилистическое значение градации.

Подобный участок текста, выраженный несколькими диктемами, образующими ассимилятивный прозаический ритм, может располагаться не так компактно, как в представленном выше примере, но и дистантно, перемежаясь с элементами, диссимилятивными по ритму. Рассмотрим подобное положение ритмообразующих диктем на следующем примере:

...But when they were gone, she offed with her cap o'rushes and cleaned herself, and went to the dance. And no one there was so finely dressed as she.

Well, who should be there but her master's son, and what should he do but fall in love with her the minute he set eyes on her. He wouldn't dance with anyone else. **But before the dance was done, the Cap O'Rushes slipt off, and away she went home. And when the other maids came back, she was pretending to be asleep with her cap o'rushes on.**

Well, next morning they said to her, "You did miss a sight, Cap O'Rushes!" "What was that?" says she. "Why, the beautifullest lady you ever see, dressed right gay and ga'. The young master, he never took his eyes off her." "Well, I should have liked to have seen her," says Cap O'Rushes. "Well, there's to be another dance this evening, and perhaps she'll be there."

But, come the evening, Cap O'Rushes said she was too tired to go with them. Howsoever, when they were gone, she offed with her cap o'rushes and cleaned herself, and away she went to the dance.

The master's son had been reckoning on seeing her, and he danced with no one else, and never took his eyes off her. **But before the dance was over, she slipt off, and home she went, and when the maids came back she pretended to be asleep with her cap o'rushes on.** (Cap O'Rushes) [6, с. 53] (выделено мною. – А.Ц.).

В представленном отрывке текста дистантно расположены две пары диктем, представляющие собой параллели, где большая часть семантического на-

полнения полностью повторяется. При повторе синтаксического оформления семантизируется подтекстовое значение повышения импрессивности повторенного элемента; несмотря на количественное сокращение составляющих слов, возникает значение градации. Ассимилятивная ритмическая организация двух диктем «разорвана» противопоставленным им отрезком, который по отношению к ним будет являться диссимилятивным. Схематически такое строение можно представить следующим образом:

A + c + B;
E + F;
A + d + B,

где (A + c + B) / (A + d + B) – синтаксически параллельные диктемы, образующие ассимилятивный прозаический ритм; C + D – элементы, противопоставленные по ритму предыдущим.

В результате исследования выявлено, что группа диктем, организованная ассимилятивным ритмом с ядром в синтаксическом повторе, присутствует в большинстве британских народных сказок, что позволяет делать вывод о характерности данной черты для структуры сказочного жанра. Необходимо отметить, что при анализе целого текста сказки, группа диктем, объединенная ярко выраженным ассимилятивным ритмом на основе семантико-синтаксического повтора, выделяется в общей структуре, будучи противоположной по ритмической организации, т.е. диссимилятивной по отношению к тексту в целом. Так как в результате такого противопоставления повышается образная выразительность текста, то мы можем говорить о выделении особого **структурного** типа контраста.

Контраст как текстообразующий принцип проявляется на всех уровнях текста как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитное выражение контраста предполагает наличие неких семантических противопоставлений в качестве маркеров. Имплицитное выражение принципа контраста в тексте предполагает выведение его из подтекста. Подтекст – скрытая информация, извлекаемая из текста благодаря способности языковых единиц порождать ассоциативные и коннотативные связи. Противопоставление участков текста сказки, несущих разную ритмическую упорядоченность, порождает подтекстовое значение, которое, будучи порождением синтаксиса на одном уровне, семантизируется на следующем языковом уровне – уровне текста. Синтагматическое на одном уровне иерархии художественного текста оказывается семантическим на другом [5, с. 71]. Текст народной сказки приобретает четкий структурированный вид, образованный на основе контраста уча-

стков нейтральных и более импрессивных, разница между которыми заметна читателю на перцептивном уровне и оформлена интонационно.

Таким образом, при исследовании ритмической организации текста сказки на основе категорий актуального членения и синтаксических повторов были выявлены следующие закономерности: 1) народная сказка в целом обладает более жесткой структурой с позиции изменения движения пропоземного ядра предложения, нежели другие жанры художественной литературы; 2) контраст как принцип текстообразования является основой формирования не только эстетической информации как образной составляющей художественного текста, но и его структурного аспекта; 3) особенности ассимилятивного ритма отдельных участков текста, организованных диктемами/группами диктем, объединенными одним тематическим стержнем, позволяют признать за ритмом не только нейтрализующий эффект, но и считать его механизмом реализации дополнительных смыслов, углубляющих подтекстовую сферу значения всего текста; 4) особый тип организации структурной информации сказочного текста, создающий дополнительное подтекстовое пространство, образующий более жесткую ритмическую структуру, нежели в обычном прозаическом тексте, позволяет сделать вывод о том, что народная сказка ближе к поэтической речи, нежели проза несказочная.

Литература

1. Блох, М.Я. Контраст как выразительное противопоставление в художественном отображении мира / М.Я. Блох, О.П. Мартынова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. к 60-летию ф-та иностр. языков МПГУ. – М., 2008. – Вып. 7. – С. 56–67.
2. Блох, М.Я. Диктема в уровневой структуре языка / М.Я. Блох // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56–67.
3. Блох, М.Я. Парадигматический синтаксис и лингвистика текста / М.Я. Блох // Проблемы поэтической речи: сб. науч. тр. – М., 1988. – Вып. 307. – С. 97–103.
4. Гумовская, Г.Н. Ритм прозаического текста: проблемы, поиски, решения / Г.Н. Гумовская // ИГУМО: сб. науч. тр. – М., 2008. – Вып. 11. – С. 4–36.
5. Гумовская, Г.Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста: На материале английского языка: дис. ... д-ра филол. наук / Г.Н. Гумовская. – М., 2000.
6. Щербик, В.Р. Единицы текста и их семантическая организация (на материале англ. кор. рассказов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Р. Щербик. – М., 1993.
7. Jacobs, J. English Fairy Tales / J. Jacobs. – Third edition, revised. – N.Y., 1900.

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ КРАЕВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается проблема воспитания чувства патриотизма у младших школьников средствами краеведения. Автор описывает уровни сформированности чувства патриотизма, данные экспериментальной работы.

Патриотизм, Родина, информационные технологии, краеведение, уровни сформированности чувства патриотизма.

The article deals with the problem of educating the feeling of patriotism at younger schoolchildren by means of study of local lore. The author describes the levels of good breeding of feeling of patriotism, the data of experimental work.

Patriotism, native land, information technology, study of local lore, levels of formation of patriotism.

В современной науке имеют место разные мнения по вопросу о сущности патриотизма. Некоторые философы (Н.И. Матюшкин, М.В. Митин, П.М. Рогачев и др.) определяют патриотизм как высшее нравственное чувство. В педагогических исследованиях ряд ученых (Н.И. Болдырев, Н.К. Гончаров, И.П. Тугаев) считают патриотизм политическим принципом. К нравственным качествам относят патриотизм В.В. Белоусов, А.Н. Выршиков, Д.Н. Щербаков, Н.Е. Щуркова. Однако большинство педагогов (Н.П. Егоров, Л.Р. Болотина, А.К. Быков, Т.А. Ильина, Т.Н. Мальковская, И.С. Марьенко, Р.А. Полуянова, Ю.П. Сокольников) определяют патриотизм как сложное нравственное качество. Такое множество мнений обусловлено сложностью рассматриваемого явления. Исходя из этого, необходимо уточнить сущность и содержание патриотизма, так как эффективность патриотического воспитания зависит от точного определения исходных понятий и положений. В психолого-педагогическом словаре патриотизм определяется как «чувство любви к своему Отечеству, готовность подчинять свои личные и групповые интересы общим интересам страны, верно служить ей и защищать ее» [8].

В философском словаре дается следующее истолкование понятия «патриотизм» (от греч. *patris* – отечество): «...это нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины» [7].

Большой энциклопедический словарь определяет «патриотизм» как «любовь к Родине; привязанность к месту своего рождения, месту жительства» [1, с. 5].

Патриотизм предполагает переживания личностью своего отношения к Родине, Отечеству, осознание своего патриотического долга, а также стремление к его реализации. Таким образом, рассматривая патриотизм, на наш взгляд, необходимо остановиться на базовых, глубинных и наиболее устойчивых элементах, выраженных в таких понятиях, как «Отечество» и «Родина». Как показывает анализ литера-

туры, понятие «Родина» можно понимать как территорию, географическое пространство, где человек родился; социальную и духовную среду, в которой он вырос, живет и воспитывается. Условно различают большую и малую Родину. Под большой Родиной подразумевают страну, в которой человек вырос, живет, и которая для него стала родной и близкой. Малая Родина — это место рождения и становления человека как личности. Малая и большая Родина предстает в сознании человека как совокупность образов, отражающих картины природы и культуры, истории и современности. В педагогической литературе отмечается, что патриотизм проявляется в понимании личностью гражданского долга, в самоотверженном труде во имя укрепления Родины. В. Микрюков выделяет несколько ступеней формирования патриотизма.

Патриот зарождается с формирования родственных чувств к своей семье: маме, папе, бабушке, дедушке, ближним и дальним родственникам. Эта первая ступень формирования патриотизма.

Вторая ступень идет через воспитание любви к малой Родине – деревне, городу, ученическому коллективу, местным традициям и истории. Без чувства малой Родины нет и большого патриотизма.

Третья ступень формирования патриотизма – воспитание любви к Отечеству, обществу, народу, их истории, культуре, традициям [3, с. 7].

Мы рассматриваем патриотизм как чувство гордости за свое Отечество, его историю, свершения. Патриотизм проявляется в поступках и в деятельности человека. Зарождаясь из любви к своей малой Родине, патриотические чувства, пройдя через целый ряд этапов на пути к своей зрелости, поднимаются до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной любви к своему Отечеству. По мнению Н.Д. Никандрова, патриотизм всегда конкретен, направлен на реальные объекты. Действенная сторона патриотизма является определяющей, именно она способна преобразовать чувственное начало в конкретные для Отечества и государства дела и поступки [5].

Обобщая перечисленные суждения, можно

сделать вывод, что патриотизм интегрирует три взаимозависимых компонента:

1) когнитивный (знания об исторических корнях своей Родины, своего народа, своего края, осознание значимости этих знаний как личностных ценностей);

2) эмоциональный (наличие чувства уважения к другим людям, любовь к своему отчужденному краю, проявление заботы и чувства хозяина в любой ситуации по сохранению богатства и ценностей своей страны);

3) деятельностный (стремление и способность проявлять себя в делах, проявлять волевые качества в отстаивании своей чести, чести своей школы, беречь памятники старины, реликвии своего рода, народное имущество, заботиться о пожилых людях и маленьких детях, проявление глубокой заинтересованности в сохранении окружающего мира и т.д.).

Эти компоненты (когнитивный, эмоциональный и деятельностный) в единстве формируют патриота – знающего, чувствующего и действующего. Причем именно в деятельности субъекта выстраивается смысловой ряд личностно-значимых ценностей, происходит осознание своей значимости, полезности в обществе и самореализация.

Мы полагаем возможным условно выделить три уровня сформированности патриотизма у младших школьников.

Низкий уровень характеризуется слабым, еще неустойчивым, опытом положительного поведения, которое регулируется в основном требованиями взрослых и другими внешними стимулами и побудителями. Учащийся слабо проявляет чувство привязанности и уважительное отношение к своей семье, дому, школе; желание заботиться о других людях незначительное. При выполнении патриотической деятельности проявляет вялость, инертность и историей малой Родины не интересуется.

Для **среднего уровня** свойственна самостоятельность в проявлении патриотизма, хотя активная общественная позиция в поведении еще отсутствует: нравственные качества личности проявляются лишь под контролем учителя; выражает чувство привязанности и уважительное отношение к своей семье, дому, школе; демонстрирует желание заботиться о других людях; проявляет гордость за свое Отечество; интересуется историей малой Родины, но по заданию учителя проявляет стремление к патриотической деятельности.

Признаком **высокого уровня** сформированности чувства патриотизма является наличие устойчивой и положительной самостоятельности в деятельности и поведении наряду с проявлением активной общественной, гражданской позиции: проявляет уважительное отношение к своей семье, дому, школе; активно выражает желание заботиться о других людях; знает историю малой Родины, активно участвует в патриотической деятельности.

Опираясь на предложенные критерии, мы разработали программу воспитания патриотизма у младших школьников на основе краеведческого материала.

Ведущей деятельностью для младших школьников является учебная – отсюда большая роль познавательной деятельности в развитии детей. Младшие

школьники любопытны и любознательны. Они открыты, эмоциональны и непосредственны, деятельны и активны по природе, хотя часто переоценивают свои возможности. Именно краеведческая деятельность, в которой младшие школьники вступают в непосредственный контакт с окружающим миром, позволяет им реализовать свою потребность в познавательной и физической активности, открывать «секреты» окружающего мира, формирует образ Родины. Один из самых эффективных путей формирования чувства патриотизма у младших школьников – это ознакомление детей с историей и культурой их малой Родины, т.е. посредством краеведческой деятельности. В толковом словаре В.И. Даля читаем: «Краеведение – это совокупность знаний (исторических, географических и т. п.) об отдельных местностях или в целом страны, это всестороннее изучение своей местности – природы, хозяйства, истории, быта людей – преимущественно местными школами» [2].

Краеведение как особая форма научно-познавательной деятельности давно уже стало органической частью отечественной науки, культуры и образования. «Органическое соединение учебной и краеведческой работы по изучению младшими школьниками страниц истории и культуры родного города рождает у детей любовь к Отечеству, ибо по-настоящему любить можно то, что очень хорошо знаешь. Активное включение детей в диалог с окружающим миром способствует развитию их творческих способностей, самостоятельности и ответственности. В итоге проведенной работы детям хочется быть похожими на тех, кто составляет славу и гордость родного края» [5]. Данная программа рассчитана на 24 часа (2 часа в неделю). Она включает в себя 10 часов тематических занятий, 10 часов практических занятий, 4 часа экскурсий. При проведении занятий были использованы различные формы и методы работы: наблюдение, анкетирование и интервьюирование, вопросы и задания, самостоятельная исследовательская работа учащихся, мультимедийные презентации, презентации-викторины, организация и проведение экскурсий, коллективное творческое дело, решение проблемных ситуаций. Проводилась работа по документальной литературе: «Вологодский край в годы Великой Отечественной войны», использовались презентации «Изучаем родной край», «Старинные города Вологодской области», «Вологда – столица нашей области», «Ими гордится наш край», «Экскурсия по храмам и соборам Вологодской области», «Художественные промыслы нашего края». Часть занятий курса проводилась в форме презентаций-викторин.

Краеведческий материал включен в содержание учебных планов начальных общеобразовательных школ: на основе базисного и регионального планов в школьный компонент начальных общеобразовательных школ г. Череповца входит предмет «Введение в историю» (один час) и социокультурный курс «Истоки» (один час), возможность использования краеведческого материала в которых составляет около 10 %. На наш взгляд, такого объема краеведческого материала в учебном процессе недостаточно для

формирования у младших школьников краеведческих знаний на высоком уровне, эмоционально-ценностного отношения к своей малой Родине и желания участвовать в краеведческой деятельности. В основу учебно-воспитательного процесса нами была положена личностная деятельность ученика в школе, вне школы, в различных видах творческой работы: изучение истории и культуры своей малой Родины – города, систематизация полученных материалов. Кроме предусмотренных программой уроков истории и музейной деятельности, нами проводились уроки-лекции. В своей экспериментальной работе мы привлекали информационные технологии, используя в качестве вспомогательных средств Интернет, компьютеры, мультимедийный проектор для демонстрации презентаций, для проведения уроков и внешкольных мероприятий.

Реализуя программу воспитания патриотизма у младших школьников в нашей экспериментальной работе, мы поставили цель: определить степень эффективности использования средств краеведения для воспитания патриотизма у младших школьников. Для реализации данной цели на констатирующем этапе эксперимента младшим школьникам была предложена анкета. В анкетировании принимали участие 55 учеников 3 «а» и 3 «б» классов средней школы № 11 и 52 ученика 3 «а» и 3 «в» классов средней школы № 17 г. Череповца. В ходе констатирующего этапа экспериментальной работы изучалась специфика формирования патриотизма у младших школьников, уровни его сформированности. Уровень патриотического воспитания учащихся мы определили методом срезового обследования (рис. 1, 2).

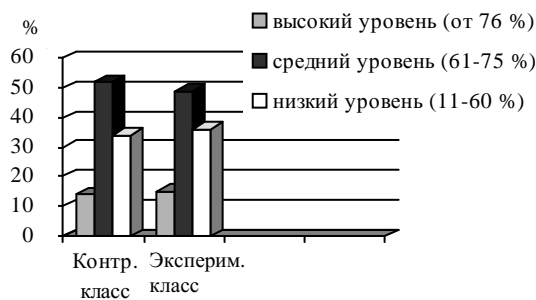

Рис. 1. Уровни воспитания патриотизма у младших школьников на констатирующем этапе экспериментальной работы

Анализ полученных результатов показал, что наблюдалось большое сходство данных в экспериментальном и контрольных классах. На формирующем этапе экспериментальной работы мы организовали проверку и уточнение педагогических условий исследования.

Для расчета уровней сформированности чувства патриотизма у младших школьников мы использовали выборочное среднее значение. Выборочное среднее (среднее арифметическое) значение как статистический показатель представляет собой среднюю оценку изучаемого в эксперименте психологического свойства [4].

Рис. 2. Уровни патриотической воспитанности младших школьников на формирующем этапе экспериментальной работы

Среднее арифметическое определяется по следующей формуле:

$$\bar{X} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^n X_i,$$

где \bar{X} – среднее арифметическое; X_i – частные значения показателей (сумма баллов); N – количество членов вариационного ряда (общее число учащихся).

Полученные выборочные средние значения для каждого класса при проверке уровней сформированности патриотизма у младших школьников представлены в таблице.

Выборочные средние значения для экспериментального и контрольного классов при выявлении уровней сформированности компонентов патриотизма у младших школьников

	Констатирующий этап		Формирующий этап	
	3 «а» (экспериментальный класс)	3 «а», 3 «б», 3 «в» (контрольный класс)	3 «а» (экспериментальный класс)	3 «а», 3 «б», 3 «в» (контрольный класс)
Выборочное среднее значение	19,95	19,76	24,86	19,81

Анализируя полученные данные, можно отметить, что изначально классы находятся практически на равных позициях по уровню сформированности компонентов патриотизма. На завершающем этапе выборочное среднее значение в экспериментальном классе больше на 4,91 в сравнении с контрольными классами. Этих результатов удалось достичь благодаря последовательной реализации педагогических условий и комплексному научно-методическому обеспечению, разработанных на основе гипотезы исследования.

Результаты исследования показали, что высокий уровень сформированности патриотизма у младших школьников в экспериментальном и контрольных

классах к концу исследовательской работы изменился, но в контрольных классах он вырос незначительно по сравнению с экспериментальным классом. Мы объясняем это недостаточной реализацией выдвинутых нами условий повышения уровня сформированности патриотизма у младших школьников. Наибольший сдвиг в развитии данных уровней удалось обеспечить в экспериментальном классе, где наиболее полно и последовательно были реализованы педагогические условия и комплексное научно-методическое обеспечение, разработанное на основе общей гипотезы исследования.

Результаты формирующего этапа эксперимента позволили сделать вывод о том, что разработанная нами программа воспитания патриотизма у младших школьников средствами краеведения является эффективной, так как позволила значительно повысить уровень его воспитания у учащихся, расширить и углубить их знания о культурных, исторических и природных ценностях своего края, изменить эмоциональное отношение учеников к данным ценностям, активизировать участие школьников в мероприятиях патриотической направленности.

Как показало наше исследование, патриотическое воспитание учащихся будет эффективным при соблюдении следующих педагогических условий:

- отношение к патриотическому воспитанию учащихся как важной части целостного педагогического процесса;

- активное включение учащихся в общественную деятельность своего учебного заведения, города, области;

- соответствие краеведческого материала изученной теме;

- систематичность и планомерность в использовании средств краеведения;

- непосредственность участия школьников под руководством учителя в сборе и изучении краеведческого материала с применением исследовательского метода;

- связь учебной и внеклассной краеведческой работы;

- умения учителя применять разнообразные, наиболее оптимальные приемы и методы использования краеведческого материала.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.; СПб., 2000.
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М., 1978. – Т. 3.
3. Микрюков, В. Патриотизм: к определению понятия / В. Микрюков // Воспитание школьников. – 2007. – № 5. – С. 2–8.
4. Немов, Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. / Р.С. Немов. – 3-е изд. – М., 2001.
5. Никандров, Н.Д. Россия: ценности общества на рубеже XXI в. / Н.Д. Никандров. – М., 1997.
6. Психолого-педагогический словарь / сост. В.А. Мижеринов. – Ростов н/Д, 1998.
7. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М., 1991.

УДК 376.435

В.В. Мамаев

РЕАБИЛИТАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ШКОЛЫ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С УМЕРЕННОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

В статье раскрываются теоретико-методологические аспекты создания реабилитационного пространства. Рассматриваются понятия «реабилитация» и «пространство», предлагается верификация категории «реабилитационное пространство».

Реабилитация, умеренная умственная отсталость, пространство, реабилитационное пространство, направления реабилитации, средства реабилитации.

The article reveals the theoretical and methodological aspects of creating the rehabilitational area. The concepts of “Rehabilitation” and “area” are considered, verification of “rehabilitational area” category is suggested.

Rehabilitation, moderate mental deficiency, area, rehabilitational area, rehabilitation vectors (directions), means of rehabilitation.

Противоречие между декларированием предоставления равных прав детей, имеющих умеренную умственную отсталость (старый термин – «имбицильность»), и практическим внедрением этих прав в жизнь приводит к тому, что такие дети сложно адаптируются в образовательном и жизненном пространствах, что негативно сказывается на их социализации. Основным средством интеграции детей с умеренной умственной отсталостью в образовательную среду и социализации в ней выступает реабилитация.

На сегодняшний день изданы единичные учебно-методические пособия по организации и методам комплексной реабилитации. Т.В. Зозуля с соавторами [15] указывают, что в своей работе специалисты используют преимущественно эмпирический опыт, так как научно-методологические аспекты комплексной реабилитации разработаны слабо и нуждаются в изучении и систематизации.

Вопросы реабилитации инвалидов достаточно широко освещены в специальной литературе. Так, в

работах [13], [17], [23], [24] раскрыты сущность и содержание реабилитации. Научные исследования в области умственной отсталости, в частности, умеренной степени, которая диагностируется у детей, направляемых в классы «Особый ребенок», имеют весьма широкий диапазон. Эти исследования касаются изучения умственной отсталости, как особого патологического состояния, особенностей двигательной сферы, особенностей психологии данной категории детей, возможностей их обучения, реабилитации и социализации.

Несмотря на приоритетность и актуальность социальной поддержки детей с выраженными нарушениями интеллекта, сложившаяся в России ситуация в сфере их реабилитации и социализации остается недостаточно разработанной. Увеличение числа детей с умеренной умственной отсталостью, недостаточность финансирования программ поддержки, форм и методов обучения, воспитания, адекватных потребностям и способностям детей данной категории, дают основание сделать вывод о несовершенстве их реабилитации [4], [10], [11], [16], [18], [19], [25].

Сегодня особо остро встает вопрос о поиске социального института, в котором возможна организация полноценного реабилитационного пространства, имеющего свои субъектно-компонентные и операционно-технологические подструктуры. Такую роль может взять на себя школа VIII вида. Приступая к рассмотрению сущности реабилитационного пространства, прежде всего, остановимся на таких составляющих этого термина, как реабилитация и пространство.

В своих исследованиях В.З. Кантор [17] указал, что реабилитация может быть только социальной и предложил выделить основные направления реабилитации, охватывающие три сферы жизнедеятельности человека: сферы труда, быта, культуры, поскольку и реабилитация должна охватывать эти три сферы их жизнедеятельности. Следовательно, определяются три объективно необходимых направления реабилитации: 1) социально-трудовая, 2) социально-бытовая, 3) социально-культурная. В данном контексте обеспечение продвижения во всех этих направлениях следует понимать как всестороннюю реабилитацию. Соглашаясь с концептуальными идеями В.З. Кантора, мы рассматриваем возможность обозначения трех направлений реабилитации (бытовая, культурная и трудовая), так как они носят социальный характер изначально.

При этом возникает вопрос о содержании, которое авторы вкладывают в следующие понятия: педагогическая, психологическая, инженерная и медицинская реабилитация. Возможно, происходит подмена понятия «средство» и самого содержания реабилитационного процесса. В.Ф. Башкиров [3] использует такие термины, как: медицинские, педагогические и психологические средства реабилитации. Данный подход представляется нам достаточно перспективным. Реабилитационный процесс осуществляется в трех направлениях: бытовом, культурном, трудовом. По каждому из них этот процесс может реализовываться различными средствами: медицинскими,

воспитательными, техническими, психологическими и средствами обучения. Осуществление реабилитации возможно только при создании надлежащих социальных условий, определяемых социальной политикой со стороны институциональных структур. В это понятие включены меры по социальной защите, социальному обеспечению, социальному патронажу и др.

С позиций системного подхода процесс реабилитации включает в себя две составляющие: 1) восстановление здоровья и возможность социального функционирования самого человека; 2) готовность и возможность общества признать жизнеспособность инвалида, обеспечить реализацию его прав на равноправное участие в труде и жизни общества.

Системный подход [1] в реабилитации, учитывает клинико-биологический, социально-психологический, социально-экономический и другие аспекты. Основной элемент клинико-биологической подсистемы может быть выражен такими понятиями, как «компенсация» и «адаптация». Основным элементом социально-психологической подсистемы принято считать понятия «общение», «отношение», «взаимоотношение». Психологический аспект подразумевает также изучение влияния разнообразных психологических факторов на процесс комплексной реабилитации. Социально-экономический аспект реабилитации тесно связан со стоимостью затрат, экономической рентабельностью проводимых мероприятий. Объединение медицинской, психологической и социальной моделей реабилитации служит методологической установкой современной концепции реабилитации и обуславливает правильный подход к определению ее целей и задач.

На заре реабилитации [14], при медицинском подходе к ней, недостаточно учитывались проблемы целостной личности во всех ее многообразных отношениях и связях с окружающей социальной средой. В последнее пятидесятилетие произошла переориентация большинства профессионалов на восприятие человека как психобиосоциального существа, на развитие которого влияют биологические, социально-средовые и психологические факторы. Причем под термином «социальное» подразумевают все то, что окружает человека в обществе и с чем ему приходится сталкиваться в жизни. Согласно этой концепции, в реабилитации должны использоваться в единстве психосоциальные и биологические методы воздействия. Реабилитационные усилия должны быть направлены и на организм, и на личность, и на социум.

Необходимо уточнить еще одну категорию, а именно «пространство». Мы рассматриваем данное понятие в метафорическом смысле как некое объединение гомогенных аспектов. Примером могут служить такие устоявшиеся термины, как «экономическое пространство» и «информационное пространство».

В психолого-педагогических науках категория «пространство» используется в нескольких смысловых аспектах: данная категория рассматривается и как основная всеобщая форма существования дви-

жения материи, и как форма пространственно-временного существования и развития человека, и как условие его бытия [2], [5], [7].

В психологических науках категория «пространство» осознается через понимание субъективного пространства действия, семантическое пространство этнической картины мира, психосемантическое пространство, вузовское пространство, иноязычное пространство. О.А. Денисова [12] указывает, что в качестве особого вида в структуре образовательного пространства выступает психолого-педагогическое. По мнению автора, психолого-педагогическое пространство должно представлять единство места, где осуществляется образовательный процесс, среды, которая наполняет пространство, образовательных воздействий, в результате которых происходит усвоение социальных ценностей.

Следующий вид пространства, исследуемый в современной педагогике как фактор личностного развития ребенка, – это воспитательное пространство. Под воспитательным пространством авторы понимают: педагогически целесообразно организованную среду, окружающую отдельного ребенка или определенное множество детей [21]; результат деятельности, причем не только созидательной, но и интегрирующей, в отличие от среды [22]; динамическую сеть взаимосвязанных педагогических событий, собираемых усилиями социальных субъектов различного уровня (коллективных и индивидуальных), способных выступить интегрированным условием личностного развития человека (как взрослого, так и ребенка) [9]; качественную характеристику микросоциума, от которой зависит успешность адаптации и социализации ребенка в социуме [20]. Структурной единицей данного пространства является учреждение (образовательное, культурное или медицинское), принимающее участие в его создании, механизм которого заключается во взаимодействии коллективов, объединенных единым пониманием педагогических задач, едиными принципами и подходами в воспитании.

Термин «воспитательное пространство» тесно связан с таким понятием, как «среда», которая предполагает все то, что окружает ребенка дома, в школе и на улице и чье влияние осознанно или неосознанно ребенок испытывает. Среда – это данность, а воспитательное пространство это интегрирующая воспитательная деятельность всех субъектов. То есть чтобы получить воспитательное пространство, мы должны определить основные его компоненты и то, что должно их связывать, установить моделируемые связи, вписать в эту деятельность детей. Тогда-то мы и сможем рассчитывать на то, что воспитательное пространство станет существенным фактором личностного развития. Таким образом, среду надо уметь использовать в воспитательных целях, а воспитательное пространство надо уметь создавать.

В словаре [24, с. 99] реабилитационное пространство определяется как «территориально и содержательно построенная система взаимоотношений служб и ведомств, направленная на поддержку эффективного развития личности».

Категория «система» в отношении реабилитационного пространства предполагает целостность, где все элементы характеризуются всеобщей связью. Основой является постулат о рассмотрении объектов действительности как систем, состоящих, в свою очередь, из подсистем, которые также являются системами и имеют свои подсистемы. Следуя данной логике, мы можем предположить, что одной из подсистем традиционно понимаемого реабилитационного пространства может выступать реабилитационное пространство, организованное в рамках одного учреждения, в том числе специальной (коррекционной) школы.

Любая система обладает сложной структурой, каждый элемент которой имеет определенное назначение и выполняет определенные функции. «Выпадение» одного из элементов системы ведет к изменению его структуры и функционирования в целом. У. Бронфенбреннер одним из первых в области педагогики применил категорию «система» [6]. Его идея заключается в том, что необходимо исследовать прогрессирующую взаимную аккомодацию между развивающимся человеческим существом и изменяющимися свойствами непосредственных условий, в которых находится ребенок, причем этот процесс зависит от отношений между всеми этими условиями и от более общих социальных контекстов, в которых данные условия заключены. Таким образом, деятельность субъектов реабилитационного пространства как бы запрограммирована его структурной организацией и теми функциями и ролями, которые они должны выполнять.

Мы считаем, что необходимо рассматривать и изучать реабилитационное пространство как открытую социальную систему, которая постоянно эволюционирует, т.е. имеет необратимый характер, и взаимодействует с другими подсистемами, чутко реагируя на любые изменения. Процесс развития реабилитационного пространства всегда включает в себя некую стохастическую (случайную) составляющую, так как протекает в условиях различной степени неопределенности. Невозможно извне навязать реабилитационному пространству путь развития, но возможно и необходимо понять, как можно способствовать тенденциям его эффективного развития. Как для любой сложноорганизованной целостной социальной системы, для реабилитационного пространства характерна альтернативность путей развития и возможности выбора наиболее оптимальных из них в точках бифуркации. Вблизи них в реабилитационном пространстве наблюдаются значительные флуктуации, когда действия каждого отдельного субъекта реабилитационного пространства могут повлиять на его развитие и состояние в целом. И, наконец, ориентация на будущее состояние реабилитационного пространства организует, формирует, заставляет изменять ее актуальное состояние.

Исходя из вышесказанного, под *реабилитационным пространством* мы будем понимать специально созданную систему, включающую в себя субъектов реабилитации и их взаимодействие, реабилитационные мероприятия, реабилитационные средства.

Таким образом, идеи целостности, развития и самоорганизации, взаимосвязи структурных элементов внутри системы и взаимосвязи с окружающей средой позволяют исследовать и преобразовывать реабилитационное пространство в желаемом для развития каждого ребенка направлении.

Литература

1. Анохин, П.К. Очерки по физиологии функциональных систем / П.К. Анохин. – М., 1975.
2. Ахундов, Л.Д. Концепция пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы / Л.Д. Ахундов. – М., 1982.
3. Башкиров, В.Ф. Комплексная реабилитация спортсменов после травм опорно-двигательного аппарата / В.Ф. Башкиров. – М., 1988.
4. Бгажнокова, И.М. Проблемы и перспективы развития коррекционной помощи детям с интеллектуальной недостаточностью / И.М. Бгажнокова // Дефектология. – 1994. – № 1. – С. 5–11.
5. Бим-Бад, Б.М. Образование в контексте социализации / Б.М. Бим-Бад, А.В. Петровский // Педагогика. – 1996. – № 1. – С. 3–8.
6. Бронфенбреннер, У. Два мира детства. Дети в США и СССР / У. Бронфенбреннер. – М., 1976.
7. Вернадский, В.И. Пространство и время в живой и неживой природе / В.И. Вернадский. – М., 1975.
8. Воронин, А.С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике / А.С. Воронин. – Екатеринбург, 2006.
9. Григорьев, Д.В. Поддержка культурного самоопределения старшеклассников в воспитательном пространстве класса // Развитие личности школьника в воспитательном пространстве: проблемы управления / Д.В. Григорьев; под ред. Н.Л. Селивановой. – М., 2001. – С. 58–76.
10. Гуровец, Г.В. Психопатология детского возраста / Г.В. Гуровец. – М., 2008.
11. Демьяненко, Т.В. Роль диагностико-реабилитационного центра в организации интегрированного обучения детей с особенностями психофизического развития / Т.В. Демьяненко, В.Е. Груздов // Дефектология. – 1998. – № 2. – С. 17–21.
12. Денисова, О.А. Комплексное многоуровневое психолого-педагогическое пространство как условие социокультурной интеграции лиц с сенсорными нарушениями / О.А. Денисова. – М., 2007.
13. Жигарева, Н.П. Комплексная реабилитация инвалидов / Н.П. Жигарева. – М., 2011.
14. Зеленкевич, И.Б. Концепции медицинской реабилитации / И.Б. Зеленкевич, Л.А. Соколовская, Л.С. Гиткина // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – М., 1998.
15. Зозуля, Т.В. Комплексная реабилитация инвалидов / Т.В. Зозуля, Е.Г. Свистунова и др. – М., 2005.
16. Исаев, Д.Н. Психическое недоразвитие у детей / Д.Н. Исаев. – Л., 1982.
17. Кантор, В.З. Педагогическая реабилитация и стиль жизни слепых и слабовидящих / В.З. Кантор. – СПб., 2004.
18. Логинова, Е.Т. Социально-педагогическое обеспечение социализации детей с выраженной интеллектуальной и сенсомоторной недостаточностью / Е.Т. Логинова. – СПб., 2006.
19. Маллер, А.Р. Социальное воспитание и обучение с отклонениями в развитии / А.Р. Маллер. – М., 2000.
20. Мудрик, А.В. Социализация человека / А.В. Мудрик. – М., 2004.
21. Новикова, Л.И. Педагогика воспитания: избранные педагогические труды / Л.И. Новикова. – М., 2010.
22. Селиванова, Н.Л. Современные представления о воспитательном пространстве / Н.Л. Селиванова // Педагогика. – 2000. – № 6. – С. 35–39.
23. Тимофеева, И.В. Комплексная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья (инвалидов) в условиях специализированной школы / И.В. Тимофеева. – Екатеринбург, 2004.
24. Холостова, Е.И. Социальная реабилитация / Е.И. Холостова, Н.Ф. Дементьева. – М., 2003.
25. Шипицына, Л.М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта / Л.М. Шипицына. – СПб., 2002.

УДК 378

М.А. Никифорова

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор Л.И. Бурова

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В СЕЛЬСКОЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается одно из важных средств повышения качества результатов обучения – педагогическая диагностика, которой должны владеть в сельской школе и учитель, и ученик. Показана реализация педагогических условий повышения качества результатов обучения учащихся сельской начальной школы при использовании педагогической диагностики.

Результаты обучения учащихся, качество результатов обучения учащихся сельской начальной школы; педагогическая диагностика; готовность учителя к диагностической деятельности, самодиагностика учащихся.

The article considers one of the most important means of improvement of quality of teaching results - pedagogical diagnostics that the teacher and the pupil at rural school should own. The realization of some pedagogical conditions of improvement the quality of pupils' education in the rural elementary school is presented in the article when using the pedagogical diagnostics

The results of teaching pupils, the quality of results of teaching in the rural elementary school; pedagogical diagnostics; readiness of the teacher for diagnostic activity, pupils' self-diagnostics.

Повышению качества в сфере образования уделяется особое внимание во всех последних документах и программах ЮНЕСКО. С философской точки зрения, качество образования есть синтезатор всех проблем развития образования в России и одновременно индикатор качества образовательной политики и реформ образования за последние годы.

Ученые Г.И. Ибрагимов, С.В. Лазарев, В.П. Панасюк, М.М. Поташник, А.И. Субетто, П.И. Третьяков, Т.И. Шамова, С.Б. Шилова и другие в своих трудах раскрыли основные принципы, характеристики, критерии, показатели качества. Они отмечают сложную, многогранную и многоаспектную структуру понятия «качество образования». Авторы отмечают также его нестабильность и зависимость качества образования не только от внутренних, но и от внешних условий.

Концепция модернизации российского образования до 2010 года определяет одной из основных задач образовательной политики – создание условий для повышения качества общего образования во всех типах образовательных учреждений, независимо от их местоположения.

Вопросы образовательной деятельности сельской школы, некоторые исторические аспекты ее развития нашли отражение в исследованиях П.А. Жильцова, В.М. Величкиной, М.И. Зайкина, А.Е. Кондратенкова, Г.Ф. Суворовой, Н.Г. Наумова и др. Особенности обучения и воспитания в сельской школе занимают Л.В. Байбородова, Н.Е. Боровлева, А.Г. Корнилова, И.В. Щекотихина, А.А. Огарков и др. Подготовка и повышение квалификации сельских учителей рассмотрены в работах А.Г. Бисько, А.В. Даринского, Л.А. Легостаевой, А.И. Магомедова и др.

Ориентация современного образования на создание условий развития индивидуальности, личности ученика требует, особенно от педагога сельской школы, владения необходимой информацией педагогического, социологического, психологического и медицинского характера, так как педагог реализует множество профессиональных функций при отсутствии в школе специалистов разных областей знаний.

Главная проблема любой системы – проблема ее результатов. Для фиксации результатов нужны специальные измерения, описания, характеристики, параметры. Традиционные средства педагогических измерений результатов обучения в последнее десятилетие дополняются разработкой и введением новых методов определения результатов обучения и его качества.

Анализ исследований О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк, В.Г. Быковой, В.Г. Казанской, З.Г. Найденовой, Т.Д. Макаровой и других свидетельствует о том, что на современном этапе развития образования, в условиях гуманизации и личностно-ориентированного обучения все большее значение придается личностному аспекту результатов обучения. В современном образовательном процессе наблюдается стремление создать условия повышения качества образования. Знание различий, выявление степени развития индивидуально-личностных сфер (интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной, волевой, предмет-

но-практической) помогают обоснованно осуществлять индивидуальный подход к развитию учащихся.

Деятельность сельской школы в большей степени зависима от условий внутренней и внешней среды, которые в основном определяют построение учебного процесса: удаленность от культурных центров, замкнутость, автономность, территориальная и духовная изолированность сельского поселения; низкий уровень образования сельского населения и, следовательно, более низкий общий уровень культуры взрослых, окружающих ребенка. Это сказывается на развитии способностей, уровне знаний и кругозоре детей [1, с. 6]. М.П. Гурьянова, рассматривая общие качественные характеристики сельской школы (безальтернативность в социальном пространстве; зависимость от места расположения и социально-экономического потенциала окружения; стихийную интегративность и др.), отмечает, что образование на селе слабо ориентировано на формирование у учащихся необходимых цивилизационных характеристик личности, у детей складывается ситуация зависимо уровня развития [3].

Для процесса обучения в сельской школе свойственны камерность, меньшая заорганизованность, здесь легче решаются проблемы дисциплины, так как классы малочисленны, есть возможность обучать каждого ученика отдельно с учетом его личностных особенностей. Взаимодействие педагогов и учащихся отличается интенсивностью. Однако исследования показывают, что мотивация учения, познавательные интересы сельских школьников развиты значительно слабее, чем городских, не говоря уже об успеваемости, качестве образования (Л.В. Байбородова, Д.М. Забродин, А.Е. Кондратенков, Е.Г. Осовский, И.П. Павлов и др.).

Качество результатов обучения – это степень освоения образовательной программы и индивидуальное-личностное развитие учащихся.

Результаты обучения учащихся сельской начальной школы мы рассматриваем в исследовании как освоенность образовательной программы, включающую обученность (усвоенные учеником знания, умения, навыки и сформированные способы деятельности) и уровень развития индивидуально-личностных сфер учащихся (мотивационной, интеллектуальной, эмоциональной, волевой, предметно-практической).

Одним из современных средств, позволяющим определить причины, условия, влияющие на результаты обучения учеников и эффективность работы учителей, является педагогическая диагностика. В последние годы появились теоретические и методологические работы, посвященные диагностике и прогнозированию учебно-воспитательного процесса в школе, новые направления использования диагностики в образовательном процессе: системно-комплексная диагностика (В.Г. Максимов), практико-ориентированная диагностика учения (Е.Д. Божович); критериально-ориентированная диагностика в школе (А.А. Ярулов) и др. Современными учеными раскрыты возможности диагностики образовательного процесса, выделены подходы к классификации критериев контроля: кибернетический (В.П. Бес-

палько, Н.В. Кузьмина); психолого-кибернетический (Т.В. Кудрявцев, В.М. Вергасов); процедурно-информационный (В.Д. Шадриков); социально-педагогический (И.Я. Лернер, А.И. Новиков, М.И. Скаткин и др.).

В исследовании мы опираемся на понятие педагогической диагностики Е.В. Романовой как определение качества, продуктивности учебно-воспитательного процесса, его состояния и результатов, анализ причинно-следственных связей и оценка по определенным критериям и показателям степени достижения поставленных целей и задач обучения и воспитания учащихся.

Анализ научной литературы и педагогической реальности показывает, что накоплен богатый материал в области исследований качества школьного образования, в том числе и результатов обучения. Однако ряд важных вопросов, касающихся этой проблемы, мало разработан. В частности, не нашел должного освещения вопрос определения параметров, критериев, показателей, по которым можно было бы точно назвать и определить результаты образования учащихся. Недостаточно освещена зависимость качества результатов школьного образования учащихся от специфики сельской школы с учетом влияния факторов, внешних по отношению к ученику (состояние экономики, социальные отношения, окружающая среда образовательного учреждения) и внутренних, связанных с индивидуально-личностными особенностями ребенка. Не раскрыт в должной мере комплекс условий и средств, влияющих на механизм повышения качества результатов обучения учащихся сельской начальной школы. Мало изучено функциональное состояние основных познавательных психологических процессов и индивидуально-личностных сфер учащихся сельской начальной школы как результат обучения. Не выявлены условия влияния педагогической диагностики на повышение качества результатов обучения младших школьников сельской местности. Педагогическая диагностика еще не находит широкого распространения среди учителей сельских начальных школ из-за недостаточного осмысления ее сущности, неразработанности процедур измерения результатов обучения младших школьников, отсутствия исполнителей диагностирования в штатном расписании (психологов, логопедов, социальных педагогов). Указанные причины не позволяют в полной мере использовать потенциальные возможности педагогической диагностики в повышении качества результатов обучения учащихся сельской начальной школы.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза: педагогическая диагностика способствует повышению качества результатов обучения учащихся сельской начальной школы при следующих педагогических условиях:

- повышение теоретического и практического уровня готовности учителя к диагностической деятельности;
- взаимодействие всех участников образовательной среды с целью развития индивидуально-личностных сфер младшего школьника;

– обучение учащихся процессу самодиагностики результатов обучения;

– использование результатов диагностирования с целью повышения качества освоения образовательной программы учащимися.

Проведенный констатирующий эксперимент показал необходимость внедрения выделенных условий.

Готовность учителя к диагностической деятельности является одной из значимых составляющих профессиональной компетенции и определяется осведомленностью субъекта в области педагогической диагностики, образованностью и подготовленностью его к диагностической деятельности. Готовность к диагностической деятельности рассматриваем, исходя из мотивационной, информационной и технологической готовности. Основной формой повышения уровня готовности к диагностической деятельности в экспериментальной работе было проведение годового проблемного семинара для учителей сельских школ по теме «Педагогическая диагностика в работе учителя начальных классов». Курсовую подготовку по обозначенной проблеме прошли 38 учителей начальных школ Белозерского района, что составило 58 % от общего количества учителей данной категории в районе и 86 % от учителей сельских школ. Курсы включали различные направления диагностической деятельности учителя:

1. Теоретическое обучение с чередованием практического освоения теории и самообразованием учителя в проведении диагностической деятельности.
2. Освоение алгоритма диагностической деятельности, умение осуществлять диагностирование последовательно, соблюдая определенные этапы.
3. Овладение технологическими умениями (целеполагание, организаторские, операциональные, оценочно-аналитические, конструктивно-прогностические).
4. Развитие педагогической рефлексии в коммуникативном, личностном и интеллектуальном аспектах.
5. Самостоятельное создание учителем программы организации учебного процесса на диагностической основе.
6. Решение профессионально-педагогических задач интегративного характера: различать индивидуальные особенности ученика; строить образовательный процесс с учетом результатов диагностики; устанавливать диалоговое взаимодействие с другими субъектами образовательного процесса; расширять образовательную среду образовательного учреждения и полнее использовать ее потенциальные возможности; прогнозировать и осуществлять индивидуально-развивающую работу с учащимися.

По окончании годового проблемного семинара был проведен контрольный срез.

Значительно изменился уровень готовности учителей в содержательном плане:

- снизился средний уровень и изменился высокий уровень мотивационной готовности (на 8 %), что подтвердило усиление первоначального стойкого

интереса и потребности учителей в знаниях по данной тематике;

– преобладание среднего (62 %) и появление высокого (38 %) уровней информационной готовности свидетельствуют об удовлетворении познавательной потребности по многим вопросам рассматриваемой проблемы;

– значительное изменение технологического уровня (высокий – 38 %, средний – 59 %, низкий – 7 %) доказало успешность сочетания аудиторных занятий с самостоятельной диагностической деятельностью учителей.

Реализация условия взаимодействия всех участников образовательной среды с целью развития индивидуально-личностных сфер младшего школьника определена существенной зависимостью деятельности каждой сельской школы от конкретных условий, которые определяют в значительной мере построение педагогического процесса.

Анализ результатов изучения образовательной среды сельской начальной школы показал, что:

– 18,2 % учителей не видят значимости расширения образовательного пространства для детей и 54,5 % – редко применяют в своей работе базу внешкольных учреждений и организаций, расположенных на территории поселения. Это значительно сужает мировосприятие школьников, ограничивая общение только с одним носителем знаний – своей учительницей;

– 36,4 % педагогов не используют возможности родителей, специалистов на селе для диалога, проведения учебных занятий и проявления совместного творчества с детьми; 27,3 % опрошенных отмечают слабую заинтересованность родителей в обучении детей, в соуправлении со школой;

– 66 % родителей находится на среднем уровне удовлетворенности работой образовательного учреждения, отмечают недостаточный учет индивидуальных особенностей ребенка и малые возможности для проявления и развития его способностей.

Дальнейшее совершенствование взаимодействия проходило с учетом принципа многообразия и вариативности по следующим направлениям:

– организация учебного процесса в соответствии с развитием и совершенствованием индивидуально-личностных сфер и соучастие родителей («Портфолио ученика»);

– совершенствование методики проведения учебных занятий (организация индивидуальной работы на основе индивидуального способа учения (ИСУ), использование заданий разной степени сложности; проведение нестандартных форм занятий с привлечением специалистов поселения, интегрированных уроков, уроков за пределами школы);

– расширение образовательного пространства ребенка (организация внеучебной совместной деятельности взрослых и детей, привлечение специалистов, родителей, жителей села для организации учебной и воспитательной работы, взаимопосещение занятий кружков, творческие встречи объединений по интересам).

Основной смысл взаимодействия школы и объек-

тов культурного и производственного окружения, школы и семьи в диалоговом режиме состоял в обогащении опыта ученика, в преодолении относительной замкнутости среды общения, в развитии мотивационной, интеллектуальной, эмоциональной, волевой, предметно-практической сферы личности, в обеспечении успешности их социализации и повышении качества результатов обучения.

Самодиагностику определяют как процесс диагностики себя, изучения и оценки своих потенциальных свойств, личностных, интеллектуальных особенностей, черт характера, своих отношений с другими людьми, своих результатов и т.д. Понятия «самодиагностика» и «самопознание» имеют общие смысловые грани и могут рассматриваться как процесс, цель, условие, способ, средство, деятельность, результат и др. Для учащихся начальных классов сензитивным является обнаружение в себе определенных качеств, личностных и поведенческих характеристик, их фиксация, оценка и принятие, так как уже с семилетнего возраста ребенок начинает осознавать себя субъектом учения, у него возникает потребность оценить себя как ученика [4].

Выделенное условие обучения учащихся процессу самодиагностики результатов обучения реализовывалось через формирование умения осуществлять диагностические процедуры, самостоятельно оценивать свои действия путем развития оценочной самостоятельности детей. В воспитании данных качеств учитывали следующие стадии (по С.Л. Рубинштейну): возбуждение → побуждение (подкрепление) → генерализация. Целенаправленно и дозированно использовались в образовательном процессе различные способы и задания для развития самооценки: отслеживание результативности освоения учащимися образовательной программы, выявление достижений и проблем; задания на решение логических задач, развитие внимания, памяти, речи; совершенствование умений учащихся искать причины своих ошибок и намечать пути их ликвидации; умение обнаруживать границу своих знаний. В результате у учащихся развивалась критериально-оценочная самостоятельность.

Для самодиагностики учащиеся использовали следующие диагностические материалы: критерии оценок при выполнении учебных заданий; методики «Пьедестал» (по Г.Ф. Гаврилычевой), «Три оценки» (А.И. Липкиной), «Домик», «Лесенка»; диагностику определения уровня усвоения знаний (по Г.А. Русских), диагностику определения уровня обученности (по П.И. Третьякову), лист самооценки, экран достижений и др.

Основным содержанием реализации условия использования результатов диагностирования с целью повышения качества освоения образовательной программы учащимися было определение программы дальнейших действий учителя и ученика по повышению качества результатов обучения. Средствами являлись приемы развития индивидуально-личностных сфер учащихся начальных классов, дидактические материалы, составленное автором методическое пособие «Диагностика и развитие индивиду-

ально-личностных сфер младшего школьника». Согласно исследованиям Л.С. Выготского, И.Н. Степанова, С.Ю. Семенова, В.В. Берцалкиной в индивидуально-развивающей работе на основе результатов диагностики учащихся, учитывали:

- формирование интеллектуальной рефлексии, развитие рефлексивных процессов посредством и для обеспечения «события» ребенка и взрослого, ребенка и других детей [2, с. 82];
- систематическое обогащение субъектного опыта ученика;
- развитие прогностических умений и способностей ребенка.

Таким образом, в ходе реализации педагогичес-

ких условий наблюдается положительная динамика в экспериментальной группе (табл. 1, 2).

Показатели развития индивидуально-личностных сфер учащихся сельской начальной школы в экспериментальной группе имеют тенденцию к повышению.

Качество обученности в экспериментальной группе систематически повышается.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о целесообразности проводимой работы по повышению качества результатов обучения учащихся сельской начальной школы средствами педагогической диагностики и в целом подтверждают выдвинутую гипотезу исследования.

Таблица 1

Качество обученности учащихся сельских начальных школ экспериментальной и контрольной групп

Группа	2005/2006 г.		2006/2007 г.		2007/2008 г.		2008/2009 г.	
	Качество знаний	Успеваемость	Качество знаний	Успеваемость	Качество знаний	Успеваемость	Качество знаний	Успеваемость
Экспериментальная	50,1	97,3	54,7	98,6	69,3	100	80,1	100
Контрольная	51,8	98,7	62,4	96,7	67,9	94,7	60,6	99

Таблица 2

Сравнение результатов развития индивидуально-личностных сфер учащихся сельской начальной школы в контрольной и экспериментальной группах

Уровни, %	Мотивационная сфера				Интеллектуальная сфера				Эмоциональная сфера				Волевая сфера				Предметно-практическая сфера			
	к	н	с	в	к	н	с	в	к	н	с	в	к	н	с	в	к	н	с	в
Контрольная группа (констатирующий эксперимент)	4	19,5	56,5	20	-	36	44	20	-	-	55	45	4	22	38	36	-	11,6	56	32,4
Контрольная группа (контрольный эксперимент)	3,5	19	57	20,5	-	33	46	21	-	-	53	47	4	21,5	38,5	36	-	12	56	32
Экспериментальная группа (констатирующий эксперимент)	4,5	20,5	56	19	-	37,2	40,9	21,9	-	3	53	44	5,4	23,8	40,2	30,6	-	10	55	35
Экспериментальная группа (контрольный эксперимент)	3,5	16,5	59	21	-	27,8	46,5	25,7	-	3	50	47	4,8	20,6	43	31,6	-	6	57	37

Литература

1. Байбородова, Л.В. Развитие сельской школы Вологодской области: концепция и программа ее реализации на 2006–2010 гг. / Л.В. Байбородова, В.А. Ботина, Л.О. Кошечкова. – Вологда, 2006.
 2. Белкина, В.Н. Подготовка студентов к педагогичес-

кому регулированию взаимодействия детей со сверстниками: моногр. / В.Н. Белкина. – Ярославль, 2006.
 3. Леонтьева, М.Р. Сборник научно-методических материалов / М.Р. Леонтьева. – М., 2000.
 4. Маралов, В.Г. Основы самопознания и саморазвития: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / В.Г. Маралов. – 2-е изд., стер. – М., 2004.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ИНТЕГРАЦИИ ПОДХОДОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье рассматриваются основные подходы к обучению иностранным языкам, сформировавшиеся в истории иноязычного образования и получившие признание педагогической общественности. В работе раскрывается содержание основных периодов развития иноязычного образования и их особенностей; теоретически обосновывается возможность применения в образовательном процессе имеющихся подходов в синтезированном виде.

Коммуникативный, грамматический, естественный, культурологический, антропологический, сознательно-сопоставительный, компетентностный, контекстный подходы; интеграция; перспектива.

This article is devoted to the main ways of teaching foreign languages formed during the history of foreign languages education and admitted by pedagogues. The article reveals the content of the main periods and their peculiarities and offers to use some of those ways in modern foreign educational process.

Communicative, grammatical, natural, culturological, anthropological, consciously comparative, contextual and competence approaches; integration; perspective.

Актуальность данной работы определяется той социокультурной, экономической и политической ситуацией, которая сложилась на сегодняшний день в России. В стране, входящей в мировое сообщество, создаются благоприятные условия для преподавания, изучения и распространения иностранных языков. Все это формирует у общества и граждан реальные потребности в знании иностранных языков.

Дальнейшее развитие иноязычного образования состоит в более тесной связи теории и истории, перспективы и ретроспективы.

Любая наука как достоверное и систематизированное знание о действительности заинтересована в исследованиях своей истории. Знание собственной эволюции позволяет науке не стоять на месте, а успешно развиваться.

Знание причин появления тех или иных концепций позволит глубже понять суть концепций, выявить объективно существующие достоинства и недостатки, покажет, какая из них должна быть реализована в процессе обучения.

Знание истории позволит преподавателю и исследователю-методисту составить целостную картину в области обучения иностранным языкам, упорядочить и систематизировать знания, в частности, о попытках создания в истории отечественной методики единого метода обучения.

Эффективное обращение к идейно-сущностному и содержательному потенциалу прошлого поможет осуществить процесс обучения иностранным языкам на новой методологической основе [1, с. 4–5].

Анализ историко-педагогической литературы позволил исследовать интеграцию различных подходов в обучении иностранным языкам и выделить следующие исторические периоды решения данной проблемы.

Первый период (допетровский) связан с появлением на Руси христианства и с необходимостью восприятия христианских текстов, а следовательно, и с необходимостью в знании греческого языка [2, с. 11]. Объединение Руси Ярославом Муд-

рым стало поворотным пунктом во многих отношениях. Ярослав Мудрый нуждался не только в широкой идеологической поддержке внутри страны, но и в благожелательном политическом климате за рубежом. Он был ревностным поборником образования, открытия школ, развития грамотности. При нем были созданы первые библиотеки, получила признание и поддержку переводческая деятельность. Были открыты переводческие центры при монастырях, при храме святой Софии. Многие книги древних авторов, сочинения византийских отцов церкви и историков были переведены на славянский язык.

В результате культурно-языковой ориентации на Византию греческий язык начинает восприниматься как образцовая модель церковнославянского языка. В отсутствие светской системы образования обучение иностранным языкам строилось на коммуникативной основе, а в некоторых церковных учебных заведениях обучение иностранным языкам носило схоластический характер [2, с. 11].

Второй период связан с анализом преподавания иностранных языков в XVIII–XIX вв. Формирование целостной картины, отражающей совокупность подходов к содержанию, организации и методам обучения иностранным языкам, прослеживается в исследованиях А.П. Булкина, М.В. Булыгиной, Е.П. Ветчиновой, А.В. Камызиной, А.В. Матюшиной, А.А. Миролюбова, Е.Г. Поповой, В.И. Чумаква и др.

Уже в дореволюционный период наблюдалась трансформация различных подходов к осуществлению обучения иностранным языкам [4, с. 9]. Была предпринята попытка синтезировать коммуникативный, грамматический и естественный подходы с целью повышения эффективности методик преподавания иностранных языков, индивидуализации учебного процесса и с целью профессиональной направленности будущей деятельности учащихся. Многочисленные исследования гимназической системы образования позволили утверждать, что в основу ее построения были положены культурологический и ан-

тропологический подходы, определившие критерии отбора содержания учебного материала и методов его трансляции [3, с. 6]. Культурологический подход, прежде всего, реализовался в построении системы обучения иностранным языкам на основе принципов гуманизации, культуросообразности, диалогизма и индивидуализации.

Антропологический подход нашел свое отражение в использовании данных психологии и физиологии, а также педагогики применительно к методике преподавания иностранных языков – ролевого взаимодействия по линии «учитель – ученик» на основе учета общих дидактических принципов, а также знаний о развитии психических процессов памяти, внимания, мышления гимназистов [4, с. 10–11].

Оба этих подхода в разной степени отразились в содержании двух основных методов преподавания иностранных языков в рассматриваемый период: текстуально-переводном и натуральном. С учетом методологических, культурологических и аксиологических основ преподавания, образовательное и воспитательное значение новых языков определяется как интеграция основных компонентов данного процесса, освоение новой языковой среды, извлечение полезных практических сведений из содержания текстов, примеров, сознательное изучение языковых явлений, а также целостное усвоение гимназистами отдельных аспектов языка: фонетики, лексики и грамматики.

В этот же период в отечественную педагогику пришло понимание языка как средства всестороннего развития учащихся, развивались практическое и культурологическое направления в обучении, снижалась сословность и элитарность изучения иностранных языков.

Третий период (до 60-х годов XX века) характеризуется острыми дискуссиями главным образом по двум проблемам: об общеобразовательном значении изучения иностранных языков и о методическом направлении (методе), избираемом для новой единой трудовой школы (К.А. Ганшина, Н.К. Крупская, А.А. Миролюбов, И.В. Рахманов, О.А. Логинова, Э.П. Шубин, Л.В. Щерба и др.).

В конце XIX века официальная русская методика заимствует из зарубежной методики так называемый прямой метод, в основу которого было положено обучение разговорной речи. Однако выдвижение цели узкопрактического изучения иностранных языков принижало то образовательное значение, которое имеет знание иностранных языков для человека.

Таким образом, оформился «русский вариант» прямого метода, который предполагал сравнение грамматических явлений иностранного и родного языков с родным языком и изучение грамматики.

В целом методику данного периода характеризует следующее положение – отказ от поиска единого универсального метода и выработка гибких систем, приспособленных к преподаваемому языку и к конкретным условиям работы [1, с. 89].

Начиная с 30-х годов XX века идея сопоставительного изучения иностранного языка с родным все чаще высказывается методистами. Сознательно-

сопоставительный метод в 30–50-е годы во многих чертах был сходен с грамматико-переводным. Основными целями обучения являлись чтение и перевод, обучение элементам устной речи, систематическое изучение грамматики, общее развитие учащихся. Однако в концепции сознательно-сопоставительного метода появляются новые черты: одновременное развитие всех видов речевой деятельности, осознание языковых явлений в период их усвоения и способов их использования, сопоставительное изучение языковых явлений, дифференцированный подход к обучению, разграничение активного и пассивного аспектов владения иностранными языками.

Таким образом, в данный период была предпринята попытка интегрировать знания, выводимые из фактов и закономерностей других наук в методическую науку, с одной стороны, и попытка синтезировать грамматико-переводной и «русский» прямой метод в концептуальные основы сознательно-сопоставительного метода – с другой.

Четвертый период – это 60-е годы XX века. В 60-е годы происходит переориентация практических целей в обучении иностранным языкам. Под влиянием изменившейся политической обстановки в стране меняется и социальный заказ, связанный с потребностью овладения устной иноязычной речью. Публикуются Постановление Совета Министров СССР «Об улучшении изучения иностранных языков», а вслед за ним и новые программы обучения.

Единственным универсальным методом, который сохранял свои позиции в 60-е годы, был сознательно-сопоставительный метод. Однако и он претерпел ряд изменений: в его концепции все яснее стала проследиваться речевая (коммуникативная) направленность.

Начавшаяся в 60-е годы XX века реформа в преподавании иностранных языков сыграла значительную роль в решении проблемы обучения иностранным языкам. Была сделана попытка осуществить преемственные связи на уровне учебного предмета (иностранного языка), формирования речевых умений и навыков, на уровне выбора технологий и форм организации обучения. Представители ряда вузов (О.Е. Михайлова, Е.И. Пассов, С.Ф. Шатилов и др.) попытались сформулировать основные черты метода обучения иностранным языкам: практическая направленность обучения; дифференцированный подход к обучению, что выражалось в учете специфики каждого вида речевой деятельности; комплексный подход к организации речевого материала, что дало возможность учащимся овладеть произносительными, грамматическими и лексическими сторонами речи в их единстве на основе речевых образцов; коммуникативная направленность обучения; интенсификация учебного процесса.

Пятый период (с 1970-х годов до 1991 года) – это период перехода от методики обучения языковым средствам к методике обучения видам речевой деятельности, а затем и к общению на изучаемом языке. В эти годы господствует концепция коммуникативного метода обучения иноязычному говорению, разработанная Е.И. Пассовым.

Разработанные в этот период идеи являются базисными для современного научного знания. Среди них необходимо выделить следующие: усиление внимания к личности учащегося; разработка проблем коммуникативной компетенции; комплексность обучения, под которой понимается интеграция аспектов языка и видов речевой деятельности в процессе учебных занятий; интегративный характер применяемых методов обучения; разработка концепций интенсивного обучения иностранным языкам; разработка системы упражнений, теории урока и т.д.

Развитие данной методики с 1991 г. до наших дней обусловлено влиянием социального контекста. На первый план выходит развитие базовых компетенций, необходимых специалисту в любой области для адекватной адаптации к условиям динамического, постоянно изменяющегося современного мира. Анализ современного состояния и тенденций, обозначившихся в образовании, позволил выделить проблему специальной подготовки человека к жизни в

обществе. Одним из путей решения этой проблемы явилась интеграция различных подходов в образовании в единую концептуальную основу.

Литература

1. *Ветчинова, М.Н.* Теория и практика иноязычного образования в отечественной педагогике второй половины XIX – начала XX века: дис. ... д-ра пед. наук / М.Н. Ветчинова. – М., 2009.

2. *Камызина, А.В.* Становление и развитие иноязычной подготовки в школе дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.В. Камызина. – Майкоп, 2007.

3. *Максимова, С.Н.* Тенденции развития преподавания древних языков в русской классической гимназии XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук / С.Н. Максимова. – Ижевск, 2002.

4. *Попова, Е.Г.* Культурологические функции изучения иностранных языков в отечественной гимназии: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е.Г. Попова. – М., 1999.

УДК 37.0

Ю.А. Полканова

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, профессор О.Е. Черствая

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ К РОДИТЕЛЬСТВУ В РОССИИ

В статье рассмотрены особенности подготовки будущих родителей в России в историческом ракурсе, показано влияние различных компонентов семейного уклада на формирование готовности к родительству.

Семейный уклад, родительство, подготовка, готовность к родительству.

The article describes the features of training of future parents in Russia in historical perspective. The influence of various components of family life on the formation of readiness for parenthood is shown.

Family life, parenthood, training, readiness for parenthood.

Нестабильность семьи и рост разводов, конфликтность между родителями и детьми, рост безнадзорности и криминогенность поведения подростков, нарушение преемственности поколений в семье все еще воспринимаются в обществе как результат общего кризиса в стране, а не как кризиса семейного уклада жизни и семейных ценностей. Омоложение браков заставляет общество уделять внимание более ранней подготовке детей к родительству, поскольку именно в семье формируются первичные представления, ценностные ориентации и социальные установки ребенка.

Родительство – это сложная интегральная структура, которая включает в себя родительские ценности, установки и ожидания, родительское отношение, чувства, позиции, ответственность, стиль семейного воспитания. Формирование родительства является источником педагогических целей и средством их достижения одновременно, в плане рассмотрения семьи как педагогической системы, и

должно основываться на педагогическом потенциале семьи [10, с. 124].

Анализ научной литературы по данной проблеме помог сформулировать понятие «готовность к родительству» как комплекс знаний, умений и навыков, направленных на положительную мотивацию потребности в детях.

Готовность к родительству – это результат подготовки.

В нашем исследовании «подготовка к родительству» – это комплекс воздействий на подрастающее поколение с целью включения их в детско-родительские отношения, формирование готовности к родительству.

В трудах отечественных и зарубежных педагогов, таких как Я.А. Коменский, П.Ф. Лесгафт, Д. Локк, А.Н. Острогорский, И.Г. Песталоцци, В.А. Стоюнин, К.Д. Ушинский, ставятся вопросы о главенствующей роли родителей в формировании личности ребенка; влиянии семейного уклада на воспитание детей; о

пользе педагогической литературы для родителей, о пользе расширения теоретических знаний в области семейного воспитания.

Так, например, А.Н. Острогорский писал, что семейная жизнь для ребенка то же, что общественная жизнь – для взрослого. Душа ребенка питается впечатлениями, полученными в семье. Здесь он учится любить и ненавидеть, привыкает к труду или праздности. Именно в семье первоначально сосредотачиваются интересы, впечатления и увлечения ребенка. В обыденных условиях происходит формирование полоролевого поведения и установок молодого поколения. Семья воспитывает детей как будущих родителей своим укладом жизни [11, с. 387].

Зависимость характера воспитания от уклада жизни семьи можно обнаружить в работах Л.Н. Лесохиной [8, с. 78].

О подготовке юношей и девушек к семейной жизни, молодых родителей к воспитанию детей писал И.В. Гребенников [3, с. 132].

Возможность раннего воспитания будущих родителей была доказана научными исследованиями, в которых установлено, что социальная ориентация детей начинается с постижения уклада семьи (А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, В.А. Петровский, Н.Н. Подьяков) [12, с. 98].

Учеными доказано, что в процессе самой жизни дети перенимают от старшего поколения немало знаний об отношениях к человеку другого пола, о браке, семье, родительстве, устанавливая нормы поведения. Исследования Т.И. Юферевой и А.М. Прихожан показали, что в подростковом возрасте имеются уже достаточно сформированные представления о мужественности и женственности, о социальной роли мужчины и женщины в семейно-бытовой и трудовой сферах; представления о будущей семейной жизни, о родительстве. Практика показывает, что знаний, полученных в семье, не хватает, поэтому возникает необходимость специальной подготовки подрастающего поколения к родительству в условиях учебных заведений [16, с. 95].

Развитие и становление системы воспитания в любом государстве тесно связано с его историей. Исторические периоды развития российского государства характеризуются определенными взглядами на обучение и воспитание детей, потребностями общества в образованных и воспитанных людях [5, с. 234].

Ограничения по формату статьи не позволяют исследовать особенности подготовки к родительству, начиная с древних времен, поэтому мы более подробно остановимся на изучении воспитания в царских, дворянских и крестьянских семьях, а также проанализируем современное состояние данной проблемы в России.

Воспитанием в царской семье занимались в основном наставники и учителя: детей обучали грамоте, истории, географии, иностранным языкам, а мальчиков еще военному делу и различным ремеслам. Большое внимание уделялось религии и государственной науке. В целом дети в таких семьях получали разностороннее образование [6, с. 17]. Для

данного типа семьи характерен приоритет общественных ценностей над личными, жестко регламентированный порядок жизни, благоприятная нравственная атмосфера, которые в сочетании с высоким уровнем психолого-педагогической культуры и личным примером родителей позволяли сформировать модель поведения в семье, оказавшую большое влияние на формирование будущего отцовства и материнства. Роль родителей в данном процессе также очень велика, поскольку именно они послужат прообразом будущего супруга для их дочери или сына.

Образ идеального дворянина строился на основе иерархии социальных и моральных ценностей: высокому положению человека в обществе должны соответствовать его высокие нравственные качества (храбрость, честность, образованность). Решающая установка в воспитании дворянского ребенка состояла в том, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Анализ литературных источников показал, что дворянские дети получали в основном домашнее образование, состоящее в изучении двух-трех иностранных языков и начальном освоении основных наук. Внутрисемейные отношения строились на иерархизме, всевластии главы семьи, на зависимости функций, прав и обязанностей члена семьи от пола и возраста, на господстве общих семейных интересов над индивидуальными, на слабой автономии семьи от общества и на огромном значении общественного мнения для семьи [9, с. 402]. В дворянских семьях девочек готовили к обязанностям «матери-наставницы», которая должна была заботиться о здоровье и воспитании своих детей, мальчиков обучали военному делу [13, с. 271].

На протяжении веков воспитание детей в крестьянских семьях менялось незначительно: сохранялся патриархальный уклад, авторитет отца, почтение родителей и старших, покорность детей. Основной особенностью было трудовое воспитание. Во главе семьи стоял отец, он управлял всей жизнью и хозяйством семьи. В отсутствие отца его обязанности исполнял старший сын. Культура поведения строилась на принципе почтительного отношения к мужчинам и старшим. Уважением была окружена и мать. Такое отношение было важным элементом воспитания и закладывалось с раннего детства. Мать показывала детям личный пример любви к ним, повседневной заботы, нежности и ласки. Строгостью отличалось отношение главы семьи к детям, жене; такой стиль предписывала церковь. В семье дети не только осваивали свои обязанности, но и осознавали свои функции в будущей семейной жизни. Девочка перенимала у матери стиль поведения в семье, училась строить взаимоотношения, признавая безусловный авторитет главы семьи. Врожденный инстинкт материнства развивался благодаря постоянной практике участия в воспитании своих братьев и сестер. Мальчик также начинал осознавать свою ответственность за семью, включаясь в трудовую деятельность. С детства дети знали, что их семейное будущее определяется родителями. Родительская семья служила прообразом их будущего жизненного устройства [2, с. 75].

В последние годы XX века проблема подготовки подрастающего поколения к семейно-родительской деятельности актуализировалась в связи с тем, что разрушилась «домашняя школа», где традиционно начиналось воспитание будущих родителей. В СССР пытались решить эту проблему дважды: первый раз – путем введения «родительского всеобуча», второй – школьным курсом «Этика и психология семейной жизни». Обе попытки закончились неудачей, а проблема осталась нерешенной. Между тем от решения этой проблемы зависит социальное благополучие общества, счастье каждого его члена [1, с. 97].

В настоящее время подготовка к родительству в государственных масштабах практически не ведется. Формирование готовности к родительству осуществляется в основном в семье через родительские установки, психолого-педагогическую культуру, личный пример и ценностные ориентации родителей.

Ребенок, находясь в семье, чувствует на себе ее постоянное влияние. Поэтому правильно организованное семейное воспитание строится на сочетании целенаправленных воздействий родителей и повседневных всепроникающих положительных влияний на детей всего семейного уклада (благоприятного, неблагоприятного, педагогически противоречивого), каждый из которых по своему способствует воспитанию ребенка как личности, как будущего родителя.

Семья с благоприятным укладом жизни характеризуется нормальной нравственной и трудовой атмосферой, стабильностью, положительным примером родителей, гуманистическими и доверительными отношениями между взрослыми и детьми, богатой сферой общения и добрыми семейными традициями, разумными потребностями, полезными увлечениями родителей и детей, что способствует правильному воспитанию детей [15, с. 128].

Особое внимание заслуживают неблагополучные семьи, обладающие в основном педагогически противоречивым и неблагоприятным укладом, поскольку именно в данных типах семей подготовка к родительству практически не ведется. Кроме того, не стоит забывать и о благоприятном укладе.

В своем исследовании мы опираемся на классификацию неблагополучных семей, предложенную В.М. Целуйко, в которой с учетом доминирующих факторов семьи условно можно разделить на три группы, каждая из которых включает в себя несколько разновидностей: семьи с явной (открытой) формой неблагополучия (асоциальные, аморально-криминальные); семьи со скрытой формой неблагополучия (соперничество, мнимое соперничество, изоляция); неполные семьи. Рассмотрим характеристику данных типов семей и особенности влияния каждого из них на формирование готовности к родительству.

Отличительной особенностью семей с открытой формой неблагополучия является ее ярко выраженный характер (на социальном, материальном уровнях или на уровне межличностных отношений). Ребенок в такой семье испытывает физическую и эмоциональную отверженность со стороны родителей (недостаточная забота, неправильный уход и питание, насилие, игнорирование и т.п.) в результате чего у него появ-

ляется чувство неадекватности, чувство стыда за себя и родителей [14, с. 78].

Размытость, неточность границ своего «я», отсутствие личного примера, дефицит внимания к себе со стороны взрослых, авторитарный стиль воспитания отрицательно сказываются на подготовке ребенка к родительству. Изучив литературу по данному вопросу, мы обнаружили, что для таких семей характерен неблагополучный уклад жизни. Низкий уровень психолого-педагогической культуры, излишняя строгость, суровость родителей, потеря общественных и нравственных ценностей в семье приводит к тому, что дети не готовы быть родителями, поскольку та атмосфера, в которой происходит воспитание, не способна сформировать осознанное отцовство или материнство.

Скрытое семейное неблагополучие не менее вредно для формирования личности ребенка. Проблема заключается в том, что выявить его гораздо сложнее. Только при пристальном внимании к анализу семейной атмосферы, к поведению ребенка можно выявить, что благополучие относительное. Внешне урегулированные отношения в таких семьях являются прикрытием эмоционального отчуждения на уровне супружеских и родительско-детских отношений. Дети испытывают острый дефицит родительской любви, ласки и внимания из-за занятости супругов, они обладают низким уровнем общественной активности, так же как и их родители. Для таких семей характерен педагогически противоречивый уклад.

Современные психологи выделяют три наиболее распространенные формы проявления скрытого неблагополучия: соперничество, скрытое соперничество, изоляция [14, с. 84]. Рассмотрим особенности каждого из них.

Соперничество проявляется в виде стремления двух или более членов семьи обеспечить себе главенствующее положение в ней. В зависимости от лидерства в семейных отношениях выделяют патриархальный, матриархальный и эгалитарный уклады, каждый из которых оказывает специфическое влияние на воспитание детей как будущих родителей [4, с. 724].

Патриархальный уклад сегодня связывают с определенным характером распределения обязанностей в семье. Личным примером в таких семьях служит отец, а вся забота о воспитании детей ложится на плечи матери. Однако жесткий контроль, авторитаризм со стороны отца, педагогическое воздействие, осуществляемое сверху вниз, приводит к тому, что дети легко усваивают традиционные нормы, но испытывают трудности в формировании собственных семей.

Воспитание «будущего семьянина» в матриархальных семьях идет по другому сценарию. Мать, обладая монополией на семейную власть, диктует свои правила и законы, которым подчиняются все домочадцы. Воспитанием детей тоже занимается мать, однако смена ролей приводит к искажению образа семьи. И ребенок в дальнейшем будет иметь трудности в построении ролевой структуры собственной семьи.

Уклад, который уравнивает мужчину и женщину, – это эгалитарный союз, полное равенство мужчины

и женщины во всех семейных, домашних обязательствах. Такой союз хорош тем, что он почти постоянно поддерживает между супругами психологически комфортный баланс. Но на практике он связан с огромными трудностями, так как требует высокой скоординированности действий, понимания с полуслова, налаженной системы взаимозаменяемости в нужный момент. Ценностная установка на эгалитарный союз, которая формируется вместе с усвоением идеала романтической любви, делает супругов чрезвычайно чувствительными к случайным и непредвиденным сбоям при передаче обязанностей и полномочий, особенно на фоне перенапряжения и усталости, когда супругам начинает казаться, что другой просто отлынивает от домашнего труда [7, с. 134].

Для подготовки ребенка как будущего родителя более благоприятен эгалитарный союз, поскольку оба родителя, имея одинаковые родительские установки и ценностные ориентации, готовят ребенка к будущей семейной жизни.

Такая форма семейного неблагополучия, как мнимое соперничество, на социальном уровне прикрыта кажущимися гармоничными отношениями супругов и других членов семьи. Конфликты незаметны, пока кто-то из членов семьи не поменяет своей жизненной позиции. Мир и согласие сменяются недовольством и раздражительностью. Сотрудничество и взаимопонимание в такой семье оказываются мнимыми и носят показной характер.

Изоляция одного из членов семьи – еще одна наиболее распространенная форма скрытого семейного неблагополучия. Отстраненность одного из родителей (матери или отца), эмоциональное отчуждение приводят к тому, что отношения между супругами становятся формальными, а семья держится на необходимости воспитывать детей.

Изучение данной категории семей со скрытой формой неблагополучия показало, что дети в таких семьях неизбежно вовлекаются в межличностные конфликты взрослых. При этом каждый из родителей стремится сознательно или неосознанно использовать их с выгодой для себя. Дети сначала не понимают, что происходит, а затем по мере взросления и осознания семейной ситуации начинают играть со взрослыми в игры, правила которых им были навязаны [14, с. 174]. Отсутствие личного примера, авторитета, либеральный стиль воспитания, направленность родительских установок на уклонение от контакта с детьми приводит к тому, что ребенок, вступая во взрослую жизнь, не может определиться с теми ролями, которые он должен играть в обществе и в собственной семье.

Следующим типом неблагополучной семьи является неполная семья, состоящая из одного родителя с одним или несколькими несовершеннолетними детьми. В зависимости от причины появления выделяют следующие разновидности неполных семей: осиротевшая, внебрачная, разведенная, распавшаяся. Исследование ученых показало, что существует определенная статистическая связь между воспитанием детей в неполных семьях и их последующей неудавшейся семейной жизнью, родительством. Основной причиной называется отсутствие примера брачных отно-

шений. Будущие мужья, воспитывающиеся без отца, нередко усваивают женский тип поведения, у них формируется искаженное представление о мужском поведении как агрессивном, резком и жестоком. Будущие жены, выросшие без отца, хуже формируют представления об идеале будущего супруга, в семейной жизни им значительно труднее адекватно понимать мужа и сыновей [18, с. 92]. Воспитание детей как будущих родителей в неполной семье имеет свои особенности: расплывчатые представления о родительских функциях; инфантилизм; наличие ошибок в воспитании (гипер- или гипопека) приводят к тому, что у ребенка формируется определенная модель поведения (избыточная эмоциональность, преобладание внесемейных ценностей, нежелание иметь детей, пробелы в знаниях по вопросам родительства).

Историко-педагогический анализ, проведенный нами, показал, что в разных типах семьи подготовка к родительству осуществляется в основном через различные компоненты семейного уклада. Например, подготовка к материнству и отцовству через ценностные ориентации более характерна для семей священнослужителей; влияние личного примера родителей можно проследить во всех типах семьи, однако наибольшее значение ему придается в семьях крестьян; высокий уровень психолого-педагогической культуры в царских и родительские установки в дворянских семьях показали, что воспитание полноценного родителя возможно только в семье при активном участии родителей. Проблема формирования готовности к родительству актуальна и сегодня. В настоящее время (XXI век) подготовка молодежи в данном аспекте в государственных масштабах практически не ведется. Решить эту проблему можно только через семейный уклад.

Родительская семья является первичной социальной средой человека и наиболее доступным образцом наблюдения и при определенных условиях становится образцом для подражания. Родители являются для ребенка значимыми людьми, поэтому осуществление ими родительской роли частично осознанное, а частично неосознанное, впоследствии копируется в собственной семье.

Литература

1. *Бестужев-Лада, И.В.* История твоих родителей: разговор с молодым поколением / И.В. Бестужев-Лада. – М., 1988.
2. *Борисова, Е.М.* Мудрость народной педагогики / Е.М. Борисова // Народное образование. – 1998. – № 9, 10. – С. 74–76.
3. *Гребенников, И.В.* Основы семейной жизни / И.В. Гребенников. – М., 1991.
4. *Добреньков, В.И.* Фундаментальная социология. В 15 т. Т. 1. Теория и методология / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. – М., 2003.
5. *Дружинский, А.Н.* История педагогики: учеб. пособие для студ. педвузов / А.Н. Дружинский. – М., 1999.
6. *Золотусский, И.П.* Жизнь человека / И.П. Золотусский // Россия молодая. – 1996. – № 2. – С. 14–18.
7. *Куликова, Т.А.* Семейная педагогика и домашнее воспитание / Т.А. Куликова. – М., 2000.

8. Лесохина, Л.Н. Педагогическая пропаганда как элемент непрерывного образования / Л.Н. Лесохина. – М., 1984. – С. 76–81.

9. Миронов, Б.В. Семья и внутрисемейные отношения: становление малой демократической семьи // Миронов Б.В. Социальная история периода империи (XVIII – нач. XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб., 1999. – Т. 1.

10. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен: учеб. пособие / Р.В. Овчарова. – М., 2006.

11. Острогорский, А.Н. К вопросу о нравственности / А.Н. Острогорский // Педагогический сборник. – 1887. – № 5. – С. 387–413.

12. Петровский, А.В. Популярные беседы о психологии / А.В. Петровский. – М., 1983.

13. Пушкарева, Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.) / Н.Л. Пушкарева. – М., 1997.

14. Целуйко, В.М. Психология неблагополучной семьи: Книга для педагогов и родителей / В.М. Целуйко. – М., 2003.

15. Черствая, О.Е. Педагогические аспекты влияния семейного уклада на воспитание детей: дис. ... канд. пед. наук / О.Е. Черствая. – М., 2001.

16. Юферева, Т.И. Формирование представлений подростков о мужественности-женственности как одно из условий подготовки молодежи к семейной жизни / Т.И. Юферева // Психолого-педагогические проблемы воспитания детей в семье и подготовки молодежи к семейной жизни. – М., 1980. – С. 92–107.

УДК 378.146

М.В. Узкая

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье представлены результаты мониторинга, которые позволяют сделать заключение о степени сформированности социально значимых качеств будущих специалистов, составляющих основу компетенций социального взаимодействия.

Компетенции, компетенции социального взаимодействия, социально значимые качества.

In the article, there have been presented the results of monitoring, which allow to make a conclusion about the degree of formation of socially important properties of future specialists making the core of competences of social interaction.

Competences, competence of social interaction, socially important qualities.

Необходимым условием формирования инновационной экономики России является модернизация системы образования. Модернизация отечественного образования, вызванная изменением экономических, исторических, политических, социальных условий, потребовала переосмысления практически всех аспектов образования, в том числе и качества его результата.

В последнее десятилетие во всем мире и в России требования к результату общего и особенно высшего профессионального образования, в силу целого ряда причин, формулируются исключительно в категориях компетенции/компетентности [3].

Проведенный анализ работ большинства исследователей данной проблемы (В.И. Байденко [1], В.А. Болотов, В.В. Сериков [2], И.А. Зимняя [4], А.В. Хуторской [6], В.Д. Шадриков [7] и др.) и федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения подтверждает, что именно система компетенций является результатом образования.

Компетенция – это способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Компетенции в общем плане подразделяются на общекультурные и профессиональные. Анализ федеральных государственных стандартов высшего профессионального об-

разования третьего поколения по направлениям медицинского образования позволил выделить нам компетенции социального взаимодействия, непременным условием формирования которых является развитие социально значимых качеств будущего специалиста.

К социально значимым качествам, по мнению С.Л. Рубинштейна, можно отнести систему мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (то есть те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям), и способность человека, то есть свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности [5].

Процесс формирования социально значимых качеств личности является длительным и сложным, происходящим под влиянием множества объективных и субъективных факторов. Оценка социально значимых качеств – это сложная, дискуссионная проблема в педагогической науке. Кроме того, у практиков нет доступного диагностического инструментария, позволяющего с высокой степенью достоверности осуществлять оценку социально значимых качеств личности, степень выраженности которых позволяет не только оценить компетенции социального взаимодействия будущего специалиста, но и

спрогнозировать ожидаемые затруднения социально-профессионального взаимодействия.

В настоящей статье предложен один из способов оценки социально значимых качеств выпускников вуза, который мог бы стать оптимальным для анализа их компетенций социального взаимодействия и быть инструментом, позволяющим будущим специалистам принимать решения, связанные с определением направлений профессионально-личностного развития.

Организация и методы исследования. В качестве испытуемых выступили выпускники 2008–2010 гг. Северного государственного медицинского университета в количестве 347 человек, которые добровольно прошли процедуру психологического тестирования.

Для оценки социально значимых качеств выпускников университета применялся Калифорнийский психологический опросник (СРІ). В данной статье представлены результаты психологического тестирования, на основе которого сделано общее заключение о степени выраженности социально значимых качеств выпускника вуза.

Калифорнийский психологический опросник является комплексным личностным опросником, предназначенным для целостного психологического описания личности: ее свойств и характеристик. При его разработке в качестве приоритетных были выбраны личностные характеристики, которые особенно важны для жизни в социальной среде. Специфика данного опросника заключается в том, что он направлен на оценку особенностей личности, проявляемых ею в ситуациях межличностного взаимодействия. СРІ включает в себя 462 утверждения, к которым испытуемый должен выразить свое отношение. В результате обработки получают показатели по 20 диагностическим шкалам. В состав этих шкал входят 3 контрольные шкалы, показатели которых позволяют судить о достоверности полученных данных и наличии у респондентов тенденции к искажению результатов. Обработка данных осуществлялась с помощью специально разработанного программного обеспече-

ния. Индивидуальные результаты каждого испытуемого заносились в электронную базу данных. Результат обработки представлялся в двух видах: значения по шкалам в Т-баллах (степень выраженности шкалы у данного испытуемого относительно выборки стандартизации) и визуализированного представления профиля шкал. Данные, полученные с помощью опросника СРІ, явились основанием для оценки социально значимых качеств как отдельного выпускника, так и «среднего» выпускника университета.

Результаты исследования и их обсуждение. На основе использования СРІ мы получили результаты, относящиеся к характеристике индивидуальных особенностей будущих врачей. Оценка особенностей осуществлялась двумя способами: путем интерпретации каждой из шкал по оценкам в стандартных баллах и по четырем группам шкал, образованным из 20 диагностических шкал.

Первая группа шкал характеризует общий социальный опыт, сформированность социальных навыков, самоуверенность, уравновешенность и влияние испытуемых; позволяет прогнозировать эффективность, стили и особенности межличностного взаимодействия (табл. 1).

Средние показатели по первой группе шкал находятся в пределах среднего значения. Значение ниже среднего имеет показатель эмпатия (Em), что свидетельствует о неспособности будущих врачей к непосредственному, эмоциональному пониманию чувств и переживаний других людей. Эмпатия как способность к непосредственному эмоциональному пониманию чувств и переживаний других людей – одно из наиболее важных профессионально-личностных качеств врача. Низкий уровень эмпатии врача в профессиональной деятельности – одна из причин недоверия пациентов к врачу.

Вторая группа шкал характеризует степень принятия социальных норм или, наоборот, степень сопротивления им, измеряет зрелость личности, личностные ценности, самоконтроль и чувство ответственности (табл. 2).

Таблица 1

Результаты мониторинга, отражающие общий социальный опыт, межличностную ориентацию, сформированность социальных навыков и эффективность взаимодействия выпускников

Шкала		Средние показатели по шкалам, Т-баллы			Результат относительно среднего значения
		2008 г.	2009 г.	2010 г.	
Do	Доминирование	55,7	56,3	56,0	В пределах среднего
Cs	Способность к статусу	52,3	49,9	51,0	В пределах среднего
Sy	Общительность	56,5	56,2	56,3	В пределах среднего
Sp	Социальное присутствие	53,6	55,4	54,6	В пределах среднего
Sa	Самопрятие	55,7	53,0	54,3	В пределах среднего
In	Независимость	57,8	49,5	53,7	В пределах среднего
Em	Эмпатия	49,0	43,9	46,5	Ниже среднего
Средний показатель по 1-й группе шкал		54,3	52,0	53,2	В пределах среднего

Результаты мониторинга, отражающие степень принятия/сопротивления социальных норм

Шкала		Средние показатели по шкалам, Т-баллы			Результат относительно среднего значения
		2008 г.	2009 г.	2010 г.	
Re	Ответственность	45,8	54,4	50,1	В пределах среднего
So	Социализация	53,0	46,8	49,9	Ниже среднего
Sc	Самоконтроль	48,8	46,8	47,8	Ниже среднего
Gi	Хорошее впечатление	52,8	51,8	52,3	В пределах среднего
Cm	Обычность	39,3	42,4	41,0	Ниже среднего
Wb	Чувство благополучия	52,5	54,0	53,3	В пределах среднего
To	Толерантность	46,8	45,4	46,0	Ниже среднего
Средний показатель по 2-й группе шкал		48,4	48,8	48,6	Ниже среднего

Общие результаты значений средних показателей по второй группе шкал позволяют сделать вывод о недостаточной личностной зрелости будущих врачей. Ниже среднего получены значения показателей по таким шкалам, как самоконтроль (Sc) и толерантность (To). Данный результат свидетельствует о том, что выпускники не склонны придерживаться определенных социальных норм и правил, не осознают и не принимают их важность и ценность. При этом будущие врачи неадекватно воспринимают себя как нечто уникальное и отличное от других, скорее в позитивном, чем в негативном смысле (Cm). Профессия врача, по мнению выпускников, всегда считалась престижной.

В процессе обучения следует обратить внимание будущих специалистов на роль ответственности врача за каждое действие, манипуляцию, решение, которое напрямую связано с жизнью и здоровьем па-

циентов, а также развитие толерантности, как терпимости к людям, способности завоевывать их доверие, дипломатичности, отсутствие враждебности и авторитарности.

Третья группа шкал характеризует направленность испытуемых на интеллектуальную сферу деятельности и ориентированность на достижения (табл. 3).

Средние показатели по третьей группе шкал находятся в пределах среднего значения, что свидетельствует о направленности и стремлении будущих врачей к высоким достижениям в сферах интеллектуальной и профессиональной деятельности.

Четвертая группа шкал направлена на оценку интересов, образа жизни или стиля жизни личности, определения соответствия ее полоролевым характеристикам (табл. 4).

Таблица 3

Результаты мониторинга, отражающие ориентацию выпускников на достижения в сфере интеллектуальной деятельности

Шкала		Средние показатели по шкалам, Т-баллы			Результат относительно среднего значения
		2008 г.	2009 г.	2010 г.	
Ac	Достижение через подчинение	51,6	50,8	51,2	В пределах среднего
Ai	Достижение через независимость	53,5	52,0	52,7	В пределах среднего
Ie	Интеллектуальная эффективность	52,0	51,2	51,1	В пределах среднего
Средний показатель по 3-й группе шкал		52,3	51,3	51,7	В пределах среднего

Таблица 4

Результаты мониторинга, отражающие особенности личностного стиля и ориентации выпускников

Шкала		Средние показатели по шкалам, Т-баллы			Результат относительно среднего значения
		2008 г.	2009 г.	2010 г.	
Pu	Психологический склад ума	55,4	52,5	54,0	В пределах среднего
Fx	Гибкость	46,5	45,2	45,9	Ниже среднего
F/m	Женственность/мужественность	46,0	38,5	42,3	Ниже среднего
Средний показатель по 4-й группе шкал		49,3	45,4	47,4	Ниже среднего

Средние показатели по четвертой группе шкал находятся в пределах ниже среднего значения. Обращают на себя внимание показатели по шкалам гибкость (F_x) и женственность/мужественность (F/m). Они ниже относительно среднего значения. Низкий балл по шкале гибкость (F_x) характеризует будущих врачей как осмотрительных, практичных, настойчивых в реализации планов, но не склонных искать новые подходы. В ситуации, когда испытуемые на этапе додипломного и последипломного образования овладевают приемами и способами решения типовых профессиональных задач, это не вызывает беспокойства. Однако будущий врач должен уже в вузе готовить себя к условиям работы с большой долей неопределенности и рисков, которые потребуют от него не только личностной, но и профессиональной гибкости.

Низкий балл по шкале женственность/ мужественность (F/m) указывает на рациональность испытуемых. Они ориентированы на задачу и цель, могут проявлять нетерпимость по отношению к другим, но при этом находятся в эмоциональной зависимости от своего поведения.

Таким образом, выпускника медицинского вуза характеризует достаточный уровень сформированности социальных навыков и ориентации на достижение в сфере интеллектуальной деятельности, удовлетворительный уровень воспитанности и психологической культуры.

Результаты мониторинга социально значимых качеств выпускников вуза представляют собой уникальный материал для оценки степени их выраженности и прогнозирования ожидаемых затруднений социально-профессионального взаимодействия. Осмысление и принятие индивидуальных результатов мониторинга социально значимых качеств побуждают личность к саморазвитию компетенций социального взаимодействия. Внешняя информация о достоинствах и недостатках субъекта профессионального развития интериоризируется и перерастает в саморегуляцию.

На основе полученных экспериментальных данных были сделаны следующие выводы:

1. Необходимость в психолого-педагогическом знании о компетенциях социального взаимодействия будущего врача как субъекта организации и осуществления лечебно-профилактической деятельности обуславливает актуальность исследования социально

значимых качеств студентов в период их обучения в вузе.

2. Создание системы мониторинга в вузе, предназначение которой заключается в накоплении объективной информации об уровне сформированности социально значимых качеств будущих врачей, есть современное средство развития компетенций социального взаимодействия.

3. В период обучения в медицинском вузе возможны не только формирование компетенций социального взаимодействия будущего врача и его текущая оценка, но и психолого-педагогическое сопровождение данного сложного и динамичного процесса.

Литература

1. *Байденко, В.И.* Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) / В.И. Байденко // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 3–14.
2. *Болотов, В.А.* Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов, В.В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.
3. *Зеер, Э.Ф.* Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: учеб. пособие / Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Э.Э. Сыманюк. – М., 2005.
4. *Зимняя, И.А.* Компетентность и проблемы ее формирования в системе непрерывного образования (школа – вуз – послевузовское образование) Актуальные проблемы качества образования и пути их решения: материалы XVI науч.-метод. конф. / науч. ред. проф. И.А. Зимняя. – М., 2006.
5. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 2002.
6. *Хуторской, А.В.* Дидактическая эвристика: Теория и технология креативного обучения / А.В. Хуторской. – М., 2003.
7. *Шадриков, В.Д.* Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход / В.Д. Шадриков // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 8. – С. 26–31.

УДК 908(571.1)

Н.А. Бакулина

ЖЕНСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Роль художественного образования в системе общественных ценностей во все времена являлась свидетельством уровня культурного развития общества. В статье рассмотрена система обучения графическим искусствам в общеобразовательных женских учебных заведениях, а также внешкольные формы женского художественного образования, которые сложились в Западно-Сибирском регионе под влиянием разнообразных социокультурных и экономических факторов.

Женское художественное образование, система обучения графическим искусствам, просветительская деятельность, влияние социокультурных и экономических факторов.

The role of art education in the system of public values has become the indicator of the level of cultural development of the society. The article considers the training system of graphic arts in general education institutions for women, as well as out-of-school forms of women art education, that developed in western-siberian region under the influence of various socio-cultural and economic factors.

Women art education, the training system of graphic arts, educational activity, the influence of socio-cultural and economic factors.

Ряд факторов социально-культурного и экономического характера стимулировал развитие женского художественного образования, которое, в свою очередь, явилось своеобразным показателем культурного уровня общественности в административных центрах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века.

Систематизация фрагментарных исследований и фактического материала позволила представить более полную картину развития художественной культуры региона и ввести в научный оборот архивные сведения.

В России развитие женского образования, в том числе и художественного, началось в XVIII веке. Необходимо отметить, что в женских учебных заведениях рисованию было отведено место наравне с научными дисциплинами, и успехи по этому предмету принимались в расчет при назначении наград, переводе из класса в класс и т.п. Изначально предполагалось не ограничивать знания рисования усвоением «только одной внешней стороны, которая выражается в умении копировать с оригиналов, а стараться развивать в воспитанницах способность воспроизводить на бумаге предметы видимого мира, а также понимание взаимного отношения тех разнообразных форм, в которых эти предметы представляются глазу наблюдателя» [13, с. 477].

В целях эстетического развития воспитанницы должны были посещать под руководством преподавателей и классных дам художественные собрания и выставки картин. Особое внимание уделялось знанию рисунка, который «составляет украшение для женского пола и способствует к образованию вкуса, следственно, оно должно быть не только не пренеб-

регаемо, но и всеми средствами поощряемо» [13, с. 481].

Также важным считалось рукоделие, поскольку «занятия сии, составляющие принадлежность женского пола, суть предмет существенно необходимый», так как «по выходе из заведения рукоделия часто составляют для некоторых главное средство к пропитанию самой воспитанницы и даже ее семейства, через занятия рукоделием воспитанница делается и бережливее и снисходительнее к прислуге, а также полезнее в хозяйстве» [2, с.13].

Для рисовальных классов рекомендовалось:

1. «устройство особенного класса, приспособленного для рисования с природы, т.е. такого, который бы имел правильное освещение, падающее на рисуемый предмет с одной стороны;
2. устройство лавок амфитеатром так, чтобы одна рисующая не мешала другой видеть модель, и чтобы модель находилась перед рисующей;
3. полное, по возможности, собрание моделей» [13, с. 481].

Кроме всевозможных художественных вышивок нитками, шерстью и шелками, воспитанницы шили золотом, делали искусственные цветы, плели кружева, а также рисовали цветы по атласу и другим материалам.

Развитие женского художественного образования в Сибири значительно отставало как по времени создания, так и по количеству учебных заведений от развития женского художественного образования в центральной части России. Однако можно констатировать положительную динамику развития женского образования во второй половине XIX – начале XX века. По сведениям Министерства народного про-

свещения, в Западно-Сибирском учебном округе в 1892 году действовало 15 учебных заведений: 3 женские гимназии и 12 прогимназий с общим количеством обучающихся – 3231 человек. По данным 1909 года, в Западно-Сибирском учебном округе было уже 19 женских учебных заведений с 6449 учащимися: 12 женских гимназий и 7 женских прогимназий. В 1916 году из 50 средних учебных заведений 23 были женскими, кроме того, существовало еще 3 женских епархиальных училища [1, с. 63, 102, 103].

Таким образом, если к концу XIX века пропорциональное соотношение обучающихся в женских гимназиях и прогимназиях было приблизительно равным, то в начале XX века наблюдается явный перевес в сторону гимназической формы обучения. Кроме того, наметилась тенденция увеличения обучающихся из числа детей купцов, мещан и ремесленников, одновременно уменьшилось количество учеников из среды дворянства. По нашему мнению, причина этого явления – в росте торгово-промышленной группы населения Сибири, в повышении благосостояния населения, а следовательно, в возможности оплачивать обучение в более престижных учебных заведениях, в стремлении дать дочерям основательное образование.

В системе общего образования изобразительные умения и навыки девушки получали только в средних учебных заведениях, поскольку в школах начальной ступени графические искусства, за исключением чистописания, не преподавались.

Содержание предмета, а также программное обеспечение подразумевалось в отношении уровня образовательного учреждения. Так, гимназический курс графических дисциплин был означен рисованием с натуры, которое должно начинаться геометрическими фигурами и телами и оканчиваться гипсовой головою, при этом копирование считалось недопустимым и особенно вредным для начинающих. Кроме того, воспитанницы овладевали навыками каллиграфического письма, осваивали основы черчения и занимались рукоделиями. Прогимназический курс ограничивался, как правило, такими дисциплинами как чистописание, рукоделие, рисование (копирование рисунков).

Рассмотрим вышеуказанные различия на конкретных примерах. Так, в Ишимской прогимназии, помимо общеобразовательных предметов, изучали рисование, чистописание, занимались рукоделием: вышивали по канве гарусом и бисером, шили белье, овладевали башлычным мастерством. Интересен факт, что средняя успеваемость по рисованию была несколько выше, нежели по рукоделию и чистописанию (4,2 балла против 3,7 соответственно) [7, л. 36]. В Каинской трехклассной женской прогимназии рисование преподавалось классными надзирательницами, ему отводилось по два часа в неделю в каждом классе. Особой методики обучения изобразительному искусству не было, формирование изобразительных умений и навыков происходило, в основном, за счет копирования с рисунков. Моделей для рисования не имелось. Особых средств на вознаграждение за преподавание рисования не полагалось [8, л. 34].

В Омской женской гимназии к числу обязательных предметов относились чистописание и рукоделие, рисование же числилось в разряде необязательных, наряду с музыкой, пением, танцами, латинским, французским и немецким языками. Вместе с тем педагогический совет признавал, что обучение учениц рисованию в значительной мере может способствовать развитию их эстетического чувства, так как при этом обучении они будут знакомиться с очертанием предметов и приучаться замечать в них такие черты, которых неразвитой глаз не замечает. В распоряжении учениц находились различные модели, чучела, картины, стереоскопы с серией художественных картин и пр. [11, с. 28]. Значительное внимание уделялось рукоделию: все ученицы обучались рукоделиям, приличным званию и назначению их: кроению, шитью и отделке белья, женских платьев и уборов, разного рода вышиваниям. Для этой цели были приобретены даже швейные машины и выписаны пособия по рукоделию.

В Томской Мариинской женской гимназии рисованию обучались все ученицы, за исключением przygotowательного, VII и VIII классов (для сравнения: музыке обучалось 6 учениц, пению – 22 и танцам – 42 ученицы). На рисование во всех классах, включая параллельные I, II и III классы, было отведено 16 часов в неделю. Весь процесс обучения осуществлялся с соблюдением дидактических принципов, по возрастающей степени сложности: начинали с вычерчивания линий, затем шло рисование с оригиналов, потом гипсовых орнаментов. После этого девочки переходили к работе красками. Оканчивался курс обучения рисованием гипсовых голов и фигур, исполнением в цвете различных пейзажей, фигур человека и животных. Для наилучшего усвоения учебного материала применялись различные модели, как то: проволочные модели Дюпюи, модели из гипса для рисования ландшафтов, учебная коллекция гипсовых орнаментов Крейтана, гипсовые модели частей человеческого тела в натуральную величину. Помимо этого в учебном процессе использовались в качестве методического материала рисунки различных предметов, видов, архитектуры, животных, изданные в Берлине; рисунки А.К. Саврасова [4, л. 14].

На основании Устава учебных заведений Министерства народного просвещения 30 августа 1852 года в Тобольске было открыто приходское училище для девиц, в 1854 году это училище было преобразовано в Мариинскую женскую школу [9, с. 3]. Помимо общеобразовательных предметов, в школе девочек обучали рукоделиям, ремеслам и ведению домашнего хозяйства. Вскоре после открытия школы нашлись средства и на преподавание рисования и танцев, а воспитанницы получили возможность обучаться согласно «нормальной учебной таблицы для женских гимназий ведомства Императрицы Марии» [5, л. 28 об]. Делу эстетического воспитания девиц уделялось огромное внимание. По мнению администрации, рисование являлось средством развития изящного вкуса и эстетического чувства у воспитанниц школы. Девицы учились искусству чистописания, рисования, копировке узоров, изящным и хозяй-

ственным рукоделиям, танцам. Государство финансировало школу хотя и регулярно, но скупо. Основным же источником доходов была родительская плата и добровольные пожертвования. Однако следует отметить, что школа располагала достаточным количеством учебных пособий, необходимых для прохождения курса рисования. В распоряжении воспитанниц находились ученическая и фундаментальная библиотеки, насчитывавшие около полутора тысяч книг, среди которых были методические пособия по рисованию, таблицы для копирования, литература по истории искусства и художественные альбомы; некоторые издания выписывались из-за рубежа. Инвентарные описи подтверждают наличие 135 книг по искусству, не считая литературы по рукоделиям [6, л. 26, 28]. Неоднократно выделялись средства на приобретение учебно-методических пособий по рисованию, в школе имелись даже 2 штатива для постановки моделей по рисованию во время уроков перспективы, чертежные инструменты, коллекция геометрических тел. Централизованно приобретались материалы и инструменты для занятий изобразительной деятельностью [6, л. 123].

Обучение рисованию проходило с методической последовательностью: от простого – к сложному, от общего – к частному, от известного – к новому. Сначала шло рисование плоских геометрических фигур, затем – изображение геометрических тел, разнообразных архитектурных элементов, изучение принципов построения головы. Параллельно с развитием изобразительных навыков изучались основы перспективного построения. Рисованию обучались во всех, без исключения, классах по два часа в неделю. В конце триместров проводились так называемые третние отчеты, по результатам которых выявлялись «неисправные по искусствам»; но переэкзаменовки по искусствам не проводилось, а педагогический совет просил родителей принять меры к более усиленным занятиям их дочерей. По мнению администрации школы, не было необходимости оценивать успехи или неуспехи обучавшихся рисованию девиц в выдаваемых им аттестатах, так как оценивать в цифрах возможно лишь технику рисования, но не степень эстетического развития. В силу этого, в аттестатах об окончании Тобольской Мариинской женской школы не было оценки по искусствам, отмечалось только, что девицы обучались рисованию, чистописанию, церковному пению и танцам.

О качестве преподавания графических дисциплин в женских гимназиях свидетельствует тот факт, что практически все преподаватели имели достаточно высокий образовательный ценз, как то: Императорская Академия художеств, Киевское художественное училище, Казанская художественная школа, Пензенское художественное училище, Строгановское училище технического рисования. Большинство учителей рисования, черчения и чистописания определялись к должности, имея звания классных и неклассных художников. Преподаванием графических искусств и рукоделия в женских прогимназиях занимались учительницы, закончившие, как правило, общий курс гимназического обучения и имеющие звание домашней учительницы [10, с. 4].

К сожалению, собственного учительского персонала по искусствам у большинства учебных заведений не было. Основной причиной сложившейся ситуации следует считать малую заработную плату провинциального учительства, которая вынуждала учителей искусств искать дополнительные источники дохода.

В целом, определяя уровень преподавания графических дисциплин в женских общеобразовательных заведениях, можно сказать, что он был достаточно высоким и соответствовал всем требованиям, предъявляемым к учебному процессу в заведениях ведомства императрицы Марии Федоровны и Министерства народного просвещения.

Хотелось бы отметить такую форму получения изобразительных знаний, умений и навыков, как внешкольные образовательные структуры, которые создавались исключительно стараниями альтруистов, передовой мыслящей части провинциальной интеллигенции. Инициаторами подобных начинаний выступили томичи.

Так, в 1890 году на средства Общества попечения о начальном образовании в Томске были открыты воскресные рисовальные классы для девочек [3, с. 8]. Занятиями безвозмездно руководила жена профессора Императорского Томского университета А.С. Капустина, окончившая курс Академии художеств. Учащихся было 25 человек, занятия велись в применении к женским рукоделиям. В дальнейшем количество учениц сократилось и, каждое воскресенье посещало школу в среднем 10 девочек [3, л. 8об]. В 1892 и 1893 годах занятия в школе пришлось приостановить из-за того, что программа, по которой проводилось обучение, не соответствовала потребностям общества и времени. Для перехода на иной методический уровень требовалось учебно-методическое обеспечение, на которое Общество не имело средств.

Занятия возобновились только в 1894 году уже для учащихся обоего пола и всех возрастов, начиная с 9 лет, под руководством М.И. Черепановой (окончившей также курс Академии художеств). Новая программа носила более интенсивный характер, подразумевала обучение в течение трех-четырёх лет и по объёму была аналогичной курсу реального училища. Для наиболее талантливых учеников, желающих подготовиться к поступлению в Академию художеств, предусматривался еще один год занятий. Обучение стало платным – один рубль в месяц с каждого учащегося. Учебно-методическую помощь оказывало Томское реальное училище [12, с. 11].

Девочки имели возможность получать эстетическое образование, занимаясь в частных художественных мастерских.

Таким образом, необходимо констатировать, что различные виды культурной и образовательной деятельности представителей местной интеллигенции (например, организация выставок, краеведческих исследований, музеев, работа частных художественных мастерских, рисовальных классов и т.д.) сообщили поступательный характер развитию художественной культуры Западной Сибири и способствовали формированию культурной среды западно-сибирских городов.

Процесс развития художественного образования, как составной части художественной культуры, в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века характеризуется накоплением опыта организации специальных учебных заведений для женщин, формированием различных систем художественной подготовки.

Литература

1. Блинов, А.В. Организация и развитие Западно-Сибирского учебного округа (1885–1918): дис. ... канд. ист. наук / А.В. Блинов. – Томск, 2001.
2. Ведомство Учреждений императрицы Марии. Главный совет женских учебных заведений. Объяснительная записка к Уставу женских учебных заведений ведомства учреждений императрицы Марии. – [Б.г., б.и.].
3. ГАТО. – Ф. 99. – Оп. 1. – Ед. хр. 1242.

4. ГАТО. – Ф. 99. – Оп. 1. – Ед. хр. 879.
5. ГУТО ГА в г. Тобольске. – Ф. И-165. – Оп. 1. – Ед. хр. 30.
6. ГУТО ГА в г. Тобольске. – Ф. И-165. – Оп. 1. – Ед. хр. 418.
7. ГУТО ГАТО. – Ф. И-58. – Оп. 1. – Ед. хр. 59.
8. ГУТО ГАТО. – Ф. И-77. – Оп. 1. – Ед. хр. 3.
9. Материалы о истории Тобольской Мариинской женской школы. (Историческая записка 1854–1877). – Тобольск, [ок. 1880].
10. Материалы по вопросу о приготовлении учителей для гимназий и прогимназий. – СПб., 1865.
11. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. – Томск, 1890.
12. Тюрина, И. Жила интересами школы / И. Тюрина // Томский вестник, 23 марта 1996. – 1996. – № 3. – С. 3.
13. Черепнин, Н. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк 1764 – 1914 / Н. Черепнин. – СПб., 1914–1915. – Т. 1–3.

УДК 7.072.2

И.Н. Нехаева

РАЗРУШЕНИЕ ИСКУССТВА: ЯЗЫКОВОЙ МОТИВ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ МЫСЛИ

Статья содержит иронический взгляд на положение, которое искусство вынуждено занимать благодаря языковой форме его переписывания, располагающей искусство где-то между искусствоведческими и историческими интенциями и определяющей его существование исключительно в контексте «истории искусства», что в результате приводит все исследовательское предприятие к «безысходности» и отсутствию живой мысли об искусстве.

История, искусство, язык, различие, описание, понимание, познание.

The article contains an ironical sight at the situation, which the art has to take due to the language form of its copying, placing the art somewhere between art criticism and historical intentions, and determining its existence in the context of "history of art", that, in result, causes all research to the "hopelessness" and the absence of the idea of art.

History, art, language, distinction, description, understanding, knowledge.

Следует согласиться, что возможность использования функции «говорения», и особенно «говорения об искусстве», является условием, так сказать, «выворачивания на изнанку» самой материи искусства, поскольку опытное действие как таковое, взятое в моменте творческого свершения, вовсе не есть то же самое, что описание этого творческого действия в языке, так как совершенно очевидно, что если первое творится без каких-либо посредников или руководства со стороны внешних дополнительных действий, то второе, без сомнения, содержит момент переакцентировки с опытной деятельности первого на совсем иное по своей природе поле – языковое, которое, в свою очередь, навязывая собственный способ реагирования на данное творческое свершение, заставляет поверить в тождество самого произведения искусства и того, что разговор о нем соответствует действительности этого художественного произведения. В связи с этим не удивительно, что одно-

временно с *разыгрыванием* состояния тождества, – и в этом случае верным является допущение в языке только иллюзии такого тождества, – сама природа языка диктует обратное данному положению дел состояние, а именно различие, благодаря которому, в частности, в обозначенном выше отношении, тождество лишь чувствуется, то есть как бы предполагается, на самом же деле «... в языке нет ничего кроме различий» [1, с. 119], тем не менее имеющих положительные моменты как условие установления самого различия, но в самом языке, как известно, не существует никаких положительных моментов, а только различия.

Таким образом, типичным примером осуществления языковой процедуры является установление различия между историей философии и историей искусства, где само по себе различие основывается, главным образом, на противопоставлении предметов, и коль скоро предметом первой выступает фило-

софская проблема, отличающаяся возможностью достижения уровня «всеобщности», а предметом второй – лишь частная проблема чувств и воображения, якобы ничего не дающая, кроме «особого взгляда», соответственно, первая видит своим долгом сообщить второй предметной области надлежащую степень «всеобщности». Однако следует заметить, что осуществление подобного рода «благих намерений» ведет исключительно к тому, что, как известно, ими вымещается «дорога в ад», поскольку со стороны философов на этот счет демонстрируется неутомимая вера в то, что в лице обладания «всеобщностью» они имеют нечто, чего нет у других, и в данном случае щедро выдают множество абстракций, категорий, понятий, дабы искусство обрело нечто такое, что само оно не способно из себя эксплицировать, так как по своей природе обладает совсем иной материей, и именно осознание этого факта, как кажется, должно было остановить философов и, наконец, избавить область искусства от избыточного натиска с их стороны. В итоге удивительным оказывается тот факт, что представители искусствознания, пользуясь вовлеченностью и непосредственностью своего контакта с пространством искусства, тем не менее, с огромным воодушевлением пытаются привнести в него все тот же принцип «всеобщности», при этом, правда, отличаясь от философов полным незнанием того, *что* это и *как* с ним обращаться. Поэтому единственное, что им удастся, так это осуществить абстрактную классификацию художников или композиторов по времени, месту, характеру творчества и специфике их художественных произведений¹, тем самым, как кажется «аналитикам искусства», создавая пространство формирования *научного* взгляда на искусство, вовсе не замечая простого подведения какого-либо художественного произведения или даже творчества художника под «единый принцип», не способствуя установлению требуемой области научного просмотра уже в силу того, что подмена живой эмпирической настроенности в отношении к искусству метафизическими размышлениями, которые стремятся «объяснить все», в целом «ничего не объясняя», сводит всякую аналитическую деятельность к «нулю». Следовательно, ставя своей целью конструирование научного пространства именно

¹ Хотя, как видится, с нижеследующим высказыванием Б. Кроче можно поспорить в плане необходимости акцентирования своего рода позитивности, с которой структурообразующий фактор якобы проявляется в истории искусства, а также неперемногого учитывания связи его с историей философии и с социологией. Напротив, важным представляется именно обретение тенденции в сторону самостоятельности и независимости искусства: «Методологическая задача наших дней состоит как раз в том, чтобы придать историям поэзии и искусства более гибкую структуру, освободить их от тирании отвлеченных концепций и социологических теорий и использовать их усовершенствованную форму как образец для истории философии» [2, с. 86].

для нужд соединения любой теории с интеллектуальным и социальным уровнем функционирования исторического времени, в которое «ценители» искусства встраивают, как им кажется, *соответствующее* этому времени произведение искусства, в действительности представляется не чем иным, как распространением и установлением языковой *общности*, отсюда обозначенная выше позиция вовлекает историю исключительно в языковой контекст, способствуя раскрытию исторической материи именно таким образом, что последняя неизбежно вынуждена включаться в сферу языковой деятельности.

В связи с этим оказывается возможным не только проследить аналогичный процесс отождествления двух областей – истории и искусства, но в том числе ситуацию отягощения такого «отождествления» еще и языковой призмой, привнесенной в искусство со стороны истории, к тому времени уже ввергнутой в языковую «пучину». В самом деле, если первый момент «обременения», хотя и имеет полное право на существование, требуя лишь особой тщательности в подборе понятий так, чтобы в их диалектике незаметно не растворилась бы и не исказилась сама природа искусства, то второй момент в полной мере ознаменовывает безысходность положения, в которое попадает искусство, рассматриваемое теперь исключительно в контексте «истории искусства», и поскольку такой контекст уже загодя помещен в плоскость языка, неудивительно, что такая ситуация приводит все исследовательское предприятие к «безысходности» и отсутствию живой мысли об искусстве, так как история искусства, по сути, представляет собой скорее царство хроники со всеми вытекающими последствиями – абстрактностью, обобщенностью, опосредованностью, предметностью, определенностью. Вполне понятно, что при таком положении дел история, как, впрочем, и философия, в отношении искусства могут выступать лишь в качестве такого своеобразного *методологического среза*, существенность которого состоит главным образом в том, что ориентация на языковое измерение здесь становится вполне прозрачной и, так сказать, официально установленной, при этом включенность принципов разделения и различия, а также объединения в сложившейся ситуации отчетливо указывает не на подпольную языковую деятельность, причем взятую как нечто само собой разумеющееся, а преследует цель обретения большей ясности именно в *интерпретативной* деятельности мысли, тем самым проставляя границы осуществления *познавательной* среды, в которой становится допустимым процесс *понимания*, равно как и процесс *объяснения*, в противном случае происходит смешение несовместимых друг с другом областей, какими, в частности, являются познание и искусство, история и язык, язык и искусство, что недопустимо. В связи с этим необходимо понимать, что строгое разграничение перечисленных областей

представляет огромную важность, и прежде всего в отношении целесообразности выбора *пути* функционирования мысли, и, если, к примеру, философию призвать, как это делает Кроче, в качестве дисциплины, устанавливающей познавательный срез¹ везде, где бы она ни появилась, то это означает, что философская мысль, попадая в такого рода ситуацию, служит исключительно познавательным целям, поэтому ее, скорее, следует рассматривать в дискурсивном аспекте, нежели напрямую относить к пространству искусства. Однако, как видится, применение исторического контекста в аспекте его критической фазы осмысления искусства, прежде всего, является спецификой способа введения различения *по эпохам*, а также деления на периоды, вызванного естественным для познавательной среды желанием объяснения, а также стремлением «аналитиков искусства» к выявлению формы «понимания» искусства путем ассоциативного привнесения и тем самым включения фигуры любого композитора, так сказать, в настроение и «интонацию эпохи»², что, несомненно, следует рассматривать с позиции критического взгляда, скорее требующего поиска различий, несовпадений некоторых аспектов творчества с историческими особенностями, которые, возможно, со своей стороны приведут к специфике, диктующей своеобразный *способ* раскрытия возникшего исторического аспекта искусства, в противовес традиционно принятой «догматической гармонизации» творчества композитора и эпохи, на которую в конечном счете вполне ожидаемо падает выбор «аналитиков искусства»³.

Таким образом, установление пространства истории, прежде всего, означает определение особым

образом осуществленного процесса мышления, устанавливающего *теоретическую* область, включающую в себя метод и способы реализации, ориентированные на субъект истории, которым в данном случае становится сама историографическая мысль. Тем не менее история, хотя и полагается в качестве теоретической дисциплины, одновременно представляет собой особым образом функционирующую *переживаемость мысли*, – и это, безусловно, можно сравнить с искусством, но лишь в том смысле, что производство искусства как такового, взятое на эмпирическом уровне, принципиально отличается от воспроизводства искусства в процессе становления его как продукта мышления, поскольку ясно, что художник делает одно, а когда он облекает это свое «действие» в слово, то получается совершенно иной результат, и не просто «другой» внешне, то есть если в первом случае – это картина, то ясно, что во втором случае – это *описание* картины, выраженное в слове, и по уровню оригинальности, скорее всего, второй случай уж точно никак не превосходит первый. Отсюда понятно, что пространство теоретического осмысления искусства и творчество как таковое самого художника различны в силу глубокой разности их *способов* проявления.

Литература

1. Асафьев, Б. Музыкальная форма как процесс / Б. Асафьев. – Л., 1971.
2. Кроче, Б. Теория и история историографии / Б. Кроче. – М., 1998.
3. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М., 2006.

¹ В данном случае речь идет о сопроводительной роли философии в отношении к истории, и на этот счет Кроче совершенно верно замечает: «...философия стала объяснением исторических категорий...» [2, с. 97].

² Такое выражение «в духе Асафьева», казалось бы, полностью исчерпавшее себя в области искусствознания на протяжении всего XX века, тем не менее продолжает быть своего рода «этикеткой», всякий раз напоминающей о принципе социализации, с позиции которого взгляд на искусство до сих пор гордо носит звание *традиционного* [3].

³ Заметим, что к «аналитикам искусства» в данном случае следует относить представителей так называемой искусствоведческой среды, формирование которой приходится на весь период XX века, являющихся, скорее, «горе-аналитиками», с легкостью демонстрирующими собственный искусствоведческий подход, как им кажется, в качестве *научного*, пытаясь решить проблемы музыкального мышления и музыкального языка, при этом не имея ни малейшего представления о том, чем в действительности являются «исследуемые» ими объекты.

УДК 159.9

Н.И. Исмаилова

ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩИЕ МЕХАНИЗМЫ И СПЕЦИФИКА ИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ С ПСЕВДОКОМПЕНСАЦИЯМИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

В статье описываются результаты исследования взаимосвязей защитно-совладающих механизмов с псевдокомпенсациями у мужчин и женщин в трудной жизненной ситуации, примером которой выступает инвалидность. В ходе данного исследования удалось обнаружить половую специфику взаимосвязей исследуемых показателей. Обнаруженная специфика структурной организации взаимосвязей выступает критерием адаптации к трудной жизненной ситуации.

Трудная жизненная ситуация, адаптация личности, защитные механизмы, механизмы совладания, псевдокомпенсации.

This article describes the results of research relationship of protective coping mechanisms of men and women' pseudocompensation in difficult situations. The example of this is disability. In this study sex-specific interactions of studied indicators have been detected. The observed specificity of structural organization of interaction becomes an adaptation criterion in difficult situations.

Difficult situations, adaptation of the personality, defense mechanisms, coping mechanisms, pseudocompensation.

В науках о человеке утверждается мысль о том, что между человеком и условиями его жизни существует неразрывная связь и, чтобы понять человека, необходимо учитывать особенности той жизненной ситуации, в которой осуществляется его бытие и развитие. В нашем исследовании под трудной жизненной ситуацией понимается инвалидность как обстоятельства жизни, требующие от человека действий и условий, которые находятся на границе его адаптивных возможностей или даже превосходят его внутренние резервы. В рамках данного исследования прежде всего нам было необходимо определить, насколько адаптация лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, реализуется в виде таких феноменов, как механизмы психологической защиты и механизмы совладания.

С.Т. Посохова, известный специалист в области исследования психологии адаптирующейся личности, отмечает, что психическая адаптация осуществляется в зависимости от личностного адаптационного потенциала человека. Адаптационный потенциал, с точки зрения автора, целесообразно гипотетически представлять как интегральное образование, объединяющее в сложную систему социально-психологические, психические, биологические свойства и качества, актуализируемые личностью для создания и реализации новых программ поведения в измененных условиях жизнедеятельности. В реальных же жизненных условиях, отмечает тот же автор, адаптационный потенциал личности реализуется в виде двух феноменов – механизмов психологической защиты и механизмов совладания [4].

З. Фрейд выделил защитные механизмы для обозначения техники борьбы личности с неприятными и невыносимыми для сознания представлениями. Задача механизмов психологической защиты состоит в

минимизации или даже в полном вытеснении неприятных аффектов и непереносимых для сознания мыслей и представлений. З. Фрейд указывал на то, что психологическую защиту составляет ряд специфических приемов переработки переживаний, нейтрализующих патогенное влияние, которое эти переживания могут оказывать. Механизмы психологической защиты, согласно психоаналитической концепции З. Фрейда, запускаются в экстремальной ситуации, отвечают за интеграцию и адаптацию при угрозе целостности личности [9]. Знаменитый австрийский психоаналитик, создатель индивидуальной психологии А. Адлер связывает возможность использования личностью средств защиты с наличием чувства недостаточности (неполноценности): «Быть человеком означает обладать чувством неполноценности, которое постоянно стремится к своему преодолению. Аномалии же организма часто дают толчок к росту чувства недостаточности и, как следствие, к компенсаторной деятельности. Это компенсаторное душевное напряжение, чтобы иметь возможность справиться с жизненными проблемами, принимает другие, новые формы компенсации – псевдокомпенсации, удивительным образом достигая своей цели – восполнения ощущаемого дефицита» [1]. Такие исследователи, как В.М. Сорокин, В.Л. Кокоренко, рассматривали псевдокомпенсации как механизмы защиты и сформулировали следующее понятие: «Псевдокомпенсации – неадекватные условиям существования индивида защитные механизмы, сужающие адаптационные возможности последнего» [6, с. 71]. Г.В. Старшенбаум считает, что появление проблемы, которая кажется неразрешимой, и уверенность человека в своей неспособности решить проблему приводит к псевдокомпенсациям – защитным механизмам в виде по-

иска окольных путей к разрешению данной проблемы [7].

В последнее десятилетие XXI в. при изучении стрессовых, трудных ситуаций, определяющих успешную или неуспешную адаптацию, резко возрос интерес к механизмам совладания или копинг-механизмам. Содержание понятия «копинг» до сих пор остается расплывчатым и не вполне ясным, что в первую очередь связано с практически одновременным распространением данного термина среди исследователей с различными подходами к понятию «копинг». Учение о копинге (совладающих механизмах), несмотря на всеобщий научный интерес и признание, до сих пор остается учением, в котором не существует единого мнения и согласованности в оценке значения, посредством которого копинг влияет на отношение к трудной жизненной ситуации. Термин «coping» понимается как стремление к решению проблем, которое предпринимает человек, если требования имеют огромное значение для его самочувствия (как в ситуации, связанной с большой опасностью, так и в ситуации, направленной на большой успех), поскольку эти требования активизируют адаптивные возможности. Т.Л. Крюкова доказывает, что совладание – это особый вид социального поведения человека, которое обеспечивает или разрушает его здоровье и благополучие. Совладание позволяет субъекту справиться с трудной жизненной ситуацией с помощью осознанных действий, адекватных личностным особенностям и ситуации. Оно направлено на активное взаимодействие с ситуацией – изменение (когда она поддается контролю) или приспособление (когда ситуация не поддается контролю). Если субъект не владеет копингом, то возможны неблагоприятные последствия для его продуктивности и здоровья [6].

Ряд ученых рассматривают психологические защиты и механизмы совладания как два полюса адаптации к трудной жизненной ситуации. Так, механизмы психологической защиты бессознательны и включаются в случае, когда человек испытывает травматический стресс или сталкивается с трудными, экстремальными ситуациями [8]. По мнению Р.Р. Набиуллиной, механизмы защиты склонны к более быстрому уменьшению эмоционального напряжения и тревоги и работают по принципу «здесь и теперь» [3]. Механизмы психологической защиты функционируют повседневно, но наиболее ярко и отчетливо они проявляются в моменты кризисов и конфликтов [7]. Совладание же может использоваться индивидом сознательно, выбираться и изменяться им в зависимости от ситуации. Оно более пластично, но требует от человека большей затраты энергии и включения когнитивных, эмоциональных и поведенческих усилий [3], а также сознательного, активного действия, направленного на разрешение трудных ситуаций лицом к лицу [7].

В нашем исследовании принимали участие лица, находящиеся в трудной жизненной ситуации ограничения жизнедеятельности вследствие утраты здоровья, подтвержденной статусом инвалидности

($n = 237 + 200 = 437$, где 237 – количество мужчин; 200 – количество женщин). В качестве психодиагностического инструментария была выбрана методика «Псевдокомпенсации», составленная Е. Сидоренко согласно представлениям А. Адлера о движущих силах поведения человека и предназначенная для определения индивидуальных склонностей к псевдокомпенсациям, связанным с внутренним ощущением ущербности или, наоборот, мнимого превосходства. Опросник содержит 54 утверждения, направленных на выявление таких псевдокомпенсаций, как: комплекс ухода в болезнь (КУБ), комплекс демонстративной слабости (КДС), комплекс лениности (КЛн), комплекс хитрости (КХт), комплекс тирана (КТир), комплекс превосходства (КПрв), комплекс саморекламы (КСмр), комплекс жалости к себе (КЖл), комплекс уходящей молодости (КУМ), комплекс мнимого простодушия (КПрс), комплекс зависти (КЗв), комплекс жадности (КЖд), комплекс вины (КВн), комплекс ущербности (Куш), комплекс страха (КСтр), комплекс предчувствия (КПч), комплекс «халевщика» (КХал), комплекс доверчивости (КДв) [9]. В силу того, что в настоящее время термин «псевдокомпенсации» является малоупотребительным и псевдокомпенсациям дается лишь краткое качественное описание, задачей исследования стало изучение психологического содержания псевдокомпенсаций путем их сопоставления с механизмами психологической защиты и совладающими механизмами. Поэтому использовались следующие дополнительные методики: диагностика психологических защит, осуществляемая при помощи методики «Индекс жизненного стиля»; копинг-тест Р. Лазаруса. Копинг-тест Р. Лазаруса предназначен для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, копинг-стратегий. Данная методика была разработана Р. Лазарусом и С. Фолкманом в 1988 году, адаптирована Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой в 2004 году [2]. Полученные данные анализировались с помощью математико-статистического анализа – применялись методы параметрической статистики с использованием компьютерной программы обработки данных, разработанной на факультете психологии КФУ (г. Казань). Были использованы корреляционный анализ Пирсона и дивергентный анализ, которые позволили соотнести используемые псевдокомпенсации с другими взаимосвязанными показателями защитно-совладающих механизмов.

В результате проведенного анализа мы обнаружили, что у мужчин имеются 2 псевдокомпенсации, связанные с блоком защитно-совладающих механизмов («комплекс уходящей молодости», «комплекс простодушия»), в то время как у женщин таких псевдокомпенсаций 3 («комплекс уходящей молодости», «комплекс ухода в болезнь», «комплекс демонстративной слабости»), причем они совпадают по взаимосвязям с защитно-совладающими механизмами как у мужчин, так и у женщин.

В выборке «мужчины-инвалиды» существуют

статистически достоверные связи между псевдокомпенсацией «комплекс уходящей молодости» и «отрицанием» ($r = 0,35$ при $p \leq 0,001$); псевдокомпенсацией «комплекс уходящей молодости» и «замещением» ($r = 0,23$ при $p \leq 0,05$); псевдокомпенсацией «комплекс уходящей молодости» и «принятием ответственности» ($r = 0,21$ при $p \leq 0,05$); псевдокомпенсацией «комплекс уходящей молодости» и «дистанцированием» ($r = 0,25$ при $p \leq 0,05$). Следовательно, в трудной жизненной ситуации мужчинами-инвалидами используется псевдокомпенсация «комплекс уходящей молодости», которая проявляется в отказе и нежелании воспринимать беспокоящее их событие, в игнорировании тревожной информации, в склонности к агрессивной диспозиции, в признании своей роли в проблеме и значимости актуальной ситуации. Отрицая или замещая информацию, угрожающую самоуважению, мужчины-инвалиды уклоняются от решения проблемы, при этом признавая собственные ошибки, анализируя их, с целью не допустить повторения. То есть срабатывая автоматически, психологические защиты снижают напряжение, улучшают самочувствие. И одновременно с механизмами совладания происходит стремление к решению проблемы и преодолению трудностей.

Комплекс уходящей молодости у женщин-инвалидов проявляется в снижении признания своей роли в существующей трудной жизненной ситуации и низкими попытками принятия ответственности («принятие ответственности», $r = -0,29$ при $p \leq 0,001$), в уменьшении значимости существующей реальности («дистанцирование», $r = -0,21$ при $p \leq 0,01$) и в низких социальных ресурсах, не дающих женщинам-инвалидам возможности эмоционально и инструментально справиться со стрессогенными изменениями в жизни ($r = -0,23$ при $p \leq 0,01$). Обнаруженные взаимосвязи «комплекса уходящей молодости» с механизмами совладания, несмотря на их сознательное применение, не могут рассматриваться как адаптивные, так как представленные обратные взаимозависимости не позволяют интерпретировать их как конструктивные механизмы совладания.

У мужчин-инвалидов с псевдокомпенсацией «комплекс простодушия» достоверно связаны «дистанцирование» ($r = 0,37$ при $p \leq 0,001$); «бегство – избегание» ($r = -0,28$ при $p \leq 0,01$); «реактивные образования» ($r = -0,23$ при $p \leq 0,05$); «конфронтативный копинг» ($r = 0,22$ при $p \leq 0,05$); «самоконтроль» ($r = -0,23$ при $p \leq 0,05$); «планирование решения проблемы» ($r = 0,24$ при $p \leq 0,05$); «положительная переоценка» ($r = 0,25$ при $p \leq 0,05$). Мы можем сказать, что «комплекс простодушия» у мужчин-инвалидов проявляется в виде: преувеличенной значимости стоящей перед ними проблемы; ослабления собственной включенности в разрешение трудных ситуаций; ригидности в выборе противоположной реакции; враждебности к окружающим. Таким образом, в трудной ситуации в целом активно совладание в виде когнитивной оценки и собственно механизмов совладания. Когнитивная оценка позволяет сделать вывод о том, что сулит стрессор и что можно сделать в данной

ситуации. После когнитивной оценки разрабатываются механизмы преодоления трудной ситуации, которые включают в себя выработку стратегий преодоления и оценку результата действий.

Комплекс «уход в болезнь» у женщин проявляется: усилением приписывания окружающим различных негативных качеств как рациональную основу для их неприятия и самопринятия на этом фоне («проекция», $r = 0,48$ при $p \leq 0,001$); ростом чувства неуверенности в себе и страха неудачи, неконструктивного решения проблемы, обусловленными как внешними, так и внутренними причинами («регрессия», $r = 0,43$ при $p \leq 0,001$); сдерживанием чувства печали, горя по поводу утраты здоровья и возросшими попытками исправления или нахождения замены этой недостаточности («компенсация», $r = 0,21$ при $p \leq 0,01$).

Комплекс «уход в болезнь» у женщин сопровождается увеличением более незрелых онтогенетически паттернов поведения, ростом страха неудачи и чувства неуверенности в себе («регрессия», $r = 0,38$ при $p \leq 0,001$). Чем больше женщины признают свою слабость, тем меньше у них информации, приводящей их к мыслям, что их любят, ценят, заботятся о них, что они являются членом социальной среды и имеют с ней взаимные обязательства («поиск социальной поддержки», $r = -0,21$ при $p \leq 0,01$), тем меньше усилия женщин по регулированию своих чувств и действий и контролированию эмоций, что снижает возможности для анализа проблемы и поиска путей выхода из сложившейся ситуации («самоконтроль», $r = -0,16$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, трудная жизненная ситуация, в которой оказались испытуемые женщины, и уверенность в своей неспособности разрешить ее приводят как к увеличению использования ими псевдокомпенсаций, так и к своеобразию их взаимосвязей с защитно-совладающими механизмами. Отмеченное своеобразие заключается в том, что псевдокомпенсации отражены, с одной стороны, прямыми взаимосвязями с механизмами психологической защиты, имеющими компенсирующее действие. С другой стороны, псевдокомпенсации в женской выборке представлены либо обратными взаимосвязями с механизмами совладания, либо прямой взаимосвязью с неконструктивными механизмами совладания, что в меньшей мере позволяет женщинам справиться с трудной жизненной ситуацией. По-видимому, эмоционально-аффективная сфера женщин, имеющая свои отличительные особенности в виде личностной тревожности, озабоченности, ощущения внутренней дезадаптированности, напряженности, в трудной жизненной ситуации находит компенсацию путем ухода от реальности. Это позволяет нам сделать вывод о том, что подобная специфика псевдокомпенсаций у женщин представлена малоэффективными средствами защитно-совладающих механизмов, имеет дезадаптивную роль и ведет к истощению их адаптационного ресурса в трудной жизненной ситуации.

Поскольку избежать противоречия между потребностями и ограничениями, налагаемыми труд-

ной жизненной ситуацией невозможно, у мужчин-инвалидов псевдокомпенсации представлены самостоятельной системой взаимосвязи с защитно-совладающими механизмами. Анализ взаимосвязей псевдокомпенсаций с защитно-совладающим блоком позволяет думать о том, что «подбор» механизмов психологической защиты и механизмов совладания более адекватен и согласуем. Психологические защиты, с одной стороны, позволяют снизить уровень значимости психотравмирующего фактора у мужчин, с другой стороны, лишают их возможности активно воздействовать на ситуацию. Однако механизмы совладания мужчин-инвалидов направлены на выработку стратегий преодоления и оценку результата действий в трудной жизненной ситуации. Следовательно, специфика взаимосвязи псевдокомпенсаций с защитно-совладающими механизмами мужчин позволяет им лучше справиться с трудной жизненной ситуацией, так как наряду со смягчением психического дискомфорта происходит активное изменение ситуации и удовлетворение значимых потребностей.

УДК 159.9.316.61

Ю.И. Мельник

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК СУЩНОСТНАЯ СИЛА ЧЕЛОВЕКА

В статье представлен феномен управленческого потенциала руководителя с позиций философского и психологического дискурса. Управленческий потенциал рассматривается как сущностная сила человека и как система, описаны его системные характеристики.

Управленческий потенциал, сущностные силы, управленческий опыт, управленческая мотивация, управленческая ориентировка, управленческий продукт.

This paper presents the phenomenon of managerial potential of the leader with the positions of philosophical and psychological discourse. Managerial potential is considered as the essential power of the man and as a system, its system characteristics are described.

Managerial potential, essential powers, managerial experience, managerial motivation, managerial orientation, managerial product.

В научной литературе по управлению понятие «управленческий потенциал» очень часто используется как образная метафора, которая не наполнена глубоким научным содержанием. Под термин «управленческий потенциал» часто попадает описание всего управленческого персонала организации – «управленческий потенциал организации», или он представляет собой характеристику отдельного руководителя для описания совокупности его управленческих возможностей и способностей – «обладает высоким управленческим потенциалом». В целом интерпретация управленческого потенциала страдает эклектичностью, отсутствием глубины анализа и не отражает внутреннюю сторону как управленческих, так и других возможностей человека. Мы считаем,

что каждый человек в той или иной степени обладает определенным управленческим потенциалом, который в первую очередь необходим для организации своей личной жизнедеятельности. Полностью же управленческий потенциал актуализируется именно в управленческой деятельности как одной из форм его естественного проявления. Только тогда, когда человек приобретает статус руководителя в рамках своей профессиональной карьеры, можно говорить о возможности и необходимости реализации и актуализации своего управленческого потенциала. Внешним условием такой реализации является качество организации профессиональной управленческой среды как на конкретном предприятии, так и в обществе в целом. Здесь важным является то, насколько соци-

альная система создает, задает соответствующие условия и способствует реализации управленческого потенциала руководителей как профессионального сообщества.

С внутренней стороны управленческий потенциал опирается на субъективные управленческие возможности каждого руководителя и его личные ресурсы. Управленческие возможности являются частным случаем общих возможностей человека, наряду с интеллектуальными, личностными и духовными возможностями, которые позволяют организовать свою жизнедеятельность. Такие возможности составляют совокупность сущностных сил или деятельностных способностей человека, т.е. тех которые разворачиваются именно в деятельности (в нашем случае – управленческой деятельности).

Основу определения «сущностных сил» как философской категории составляет понятие «сущность», введенное еще Л. Фейербахом, хотя разработка проблемы сущности человека имеет свою историю в развитии общества, в философской мысли и в науках о человеке. Сначала сущность человека искали в природных стихиях и первоначалах. Затем человека отождествляли с макрокосмосом, в котором сам человек – это микрокосм как совокупность природных стихий и духовности, что и есть неотъемлемый атрибут человека. Такое целостное синкретическое понимание сущности человека оказалось «ненаучным» для бурно специализирующейся науки. Впоследствии наука о человеке отделила человека от своей природы и от природы вообще, и в науках на долгое время установилось дуальное понимание человека, приведшее к абсолютизации биологизаторского и социологизаторского подходов. Системный подход попытался вернуть человеку его целостность, но понятие «целостность человека» до сих пор является лишь гносеологической категорией и не раскрывает сущности человека.

В философском понимании сущность есть отражение предельной общности и абстрактности предмета, есть смысл данной вещи, то, что ее отличает от других вещей, что остается неизменным при любых условиях [5]. Отсюда «найти сущность человека – это значит ответить на вопрос: что такое человек в отличие от всех других вещей, что является в нем постоянным и неизменным, независимым от изменяющихся условий его существования» [5, с. 13].

Как известно, Л. Фейербах сводил сущность человека к абстрактно-всеобщим рассуждениям о природе и свойствах человека [10]. В отличие от него, К. Маркс в своих «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» не ограничился описанием свойств человека, а предпринял попытку выяснить его подлинную сущность, которая с предельной ясностью была сформулирована в работе Маркса «Тезисы о Фейербахе»: «человек есть совокупность общественных отношений» [8]. Но понятие «совокупность общественных отношений» хотя и может претендовать на предельную всеобщность (человек действительно есть продукт истории как абстрактный, так и конкретный, и прав был К. Маркс, критикуя основной принцип западной идеологии – «робинзонаду» как

форму существования человека), но не является предельной абстракцией феномена человека. Мы не претендуем на исследование природы и определение сущности человека. Наша задача показать, опираясь на тезис К. Маркса о человеке как совокупности общественных отношений, что управленческий потенциал нужен, что он проявляется именно в системе социальных отношений и используется для организации жизнедеятельности сообщества людей. Понятно, что в силу развития человека и общества возникла серьезная необходимость в организации совместной жизнедеятельности, т.е. в управлении, и эта необходимость потребовала появления людей, которые осуществляли бы это управление. Вождь, шаман, предводитель, царь, король, управляющий и т.д. осуществляли управленческую деятельность в силу своих управленческих возможностей, реализуя свой управленческий потенциал.

Таким образом, мы утверждаем, что управленческий потенциал является одной из форм проявления сущностных сил человека для организации своей жизнедеятельности в обществе и для общества. В данном случае управленческий потенциал становится социально востребованным и значимым, что ставит задачу воспитания, развития и формирования такого потенциала у специально отобранных для этого людей. Способы такого отбора не входят в предмет нашего рассмотрения, хотя мы понимаем, что характер выдвижения на управленческую должность, способ приобретения управленческого статуса может оказать влияние на качество и содержание управленческого потенциала человека.

Общество, как уникальная форма человеческого бытия, есть необходимое средство и область реализации возможностей и потенциалов человека, в том числе и управленческого для определенной категории людей, которые занимаются собственно управленческой деятельностью. Общество выступает как наиболее реальная и приемлемая форма реализации сущности человека и его сущностных сил в виде разнообразных потенциалов – интеллектуального, личностного, управленческого и др.

Сущность отражает единство, целостность человека, а сущностные силы отражают мир человеческих возможностей и способностей, являются конкретными, индивидуальными и субъективными [6]. Если сущность человека является внешней стороной самого феномена человека, то сущностные силы есть внутренняя сторона сущности человека, его субъектность, созидательный потенциал личности, возможность реализовать все свои силы, силы своего существа. В данном понимании сущностные силы рассматриваются уже не только как синтез деятельных способностей человека, но и как действительные силы-потенциалы, как стремление реализовать и обьективировать себя в мире.

Таким образом, сущностные силы – это совокупность потенциалов человеческого развития (духовного, личностного, интеллектуального и творческого) как философская категория отражает диалектику возможного и действительного в виде самодвижения элементов такого развития. Самодвижение внутрен-

них элементов потенциала любой системы обусловлено, по мнению Л. Иванько [7], концентрацией внутри него трех уровней связей и отношений:

1) отражающее прошлое как совокупность накопленных свойств, обуславливающих возможность развития, что составляет ресурс системы;

2) репрезентирующее настоящее как актуализация наличных способностей человека. Соотношение реализованных и нереализованных возможностей составляет резерв системы;

3) ориентированное на будущее как рождение новых сил и возможностей на стадии реализации, перехода в актуальное состояние. Здесь потенциал, выступая как единство устойчивого и изменчивого, в потенции сам уже содержит «зародыш» будущего развития.

Индивидуальное развитие человека на основе актуализации его потенциалов носит всеобщий характер, охватывающий как духовное, так и материальное производство, где последнее является фундаментом существования общества. Различаясь по предмету и результату деятельности, духовное и материальное производство едины в своем начале, поскольку цель любой деятельности задается идеально. Как духовное, так и материальное производство неизбежно сталкивается с необходимостью управления, в котором целеполагание является ключевой функцией. Это позволяет говорить об универсальности именно управленческой деятельности, которая связана с постановкой целей в системе управления. Что, в свою очередь, предполагает людей, которые занимаются такой деятельностью профессионально, используя все свои возможности и способности, т.е. при наличии определенного управленческого потенциала и, конечно, соответствующего статуса.

В целом мы считаем, что проблема управленческого потенциала руководителя есть проблема существования и проявления человеческого потенциала и человеческого духа вообще. Такой ракурс рассмотрения данной проблемы диктуется изменением места человека в мире, высокой значимостью эффективного управления в современном обществе и соответственно повышенными требованиями к личности и качествам управленца, к его способностям и возможностям, что собственно и составляет его духовно-нравственный и управленческий потенциалы. В таком понимании описание всех сущностных сил человека, в том числе и управленческого потенциала, уже не удовлетворяет современным требованиям научного познания, которое характеризуется ростом качественного разнообразия способов мышления и методологических подходов внутри каждой научной области.

Одним из таких способов и подходов является системное понимание человека, в котором различные «потенциалы» человека выступают необходимым системным атрибутом как самого человека, так и сферы его жизнедеятельности. Потенциалы человека определяют параметры развития системы, как конкретизированная мера задают нормативный масштаб развития, который выражает отношения соответствия между определенными внешними условия-

ми и нормальным функционированием человека. Потенциал есть идеально-целевой масштаб становления и развития системы [7].

В нашем случае управленческий потенциал задает и вектор, и масштаб развития управленца как личности, так и профессионала. И если мы уповаем и настаиваем, что управленца можно и необходимо рассматривать как системного объекта, то заданность развития руководителя обусловлена актуализацией совокупности всех возможных потенциалов человека: духовного, творческого, интеллектуального, личностного, управленческого.

Духовный потенциал руководителя является энергетической основой развития, интегральной характеристикой всех психических возможностей человека.

Творческий потенциал руководителя задает направление развития, вектор активности личности, его интегрирующее качество в виде способности ставить и решать новые задачи в сфере управленческой деятельности и в сфере своей жизнедеятельности.

Личностный потенциал руководителя как пространство развития составляет диалектическую совокупность личностных свойств, связей и отношений, существующих в единстве актуального и виртуального состояний и определяющих возникновение дополнительных сил и возможностей в процессе жизнедеятельности и в профессиональной деятельности [7].

Интеллектуальный потенциал руководителя есть динамический показатель реализации его интеллектуальных способностей и предполагает решение управленческих задач интеллектуально, т.е. с умом.

Управленческий потенциал руководителя выступает показателем реализации возможностей и потенциалов человека в системе управленческой деятельности и, прежде всего, своих управленческих способностей.

Данные потенциалы руководителя составляют идеально-целевой масштаб его развития и самореализации, в котором, опираясь на свой духовный потенциал, максимально используя свой творческий, интеллектуальный и личностный потенциалы, руководитель способен развернуть свой управленческий потенциал и максимально реализовать себя в управленческой деятельности. Духовный, творческий, личностный и интеллектуальный потенциалы выступают как системные качества человека и составляющие человеческого потенциала. Структура такого человеческого потенциала представляет собой, по мнению Г.М. Шамаровой [11], два уровня: 1) базовый, в который входят физическое, психическое и социальное здоровье человека; 2) деятельностный, включающий в себя физиологический, психологический, интеллектуальный, социальный и культурный потенциалы.

Ю.Г. Семенов в свою очередь конкретизировал составляющие потенциала личности руководителя [9]. Он предлагает пятикомпонентную модель потенциала личности руководителя:

1. Наследственно-биологический – качества, характеризующие человека как представителя нацио-

нальности, пола, обладающего рядом физиологических характеристик, темпераментом. Данные качества не меняются.

2. Социально-психологический – каким человек видит себя в социуме: его самооценка, культурно-духовная база его статусно-ролевой позиции, адаптированность, коммуникативная компетентность.

3. Организационно-управленческий – качества успешного управленца: уровень влиятельности в коллективе, место в структуре организации, авторитет среди подчиненных, реализация функций управления.

4. Профессионально-творческий – образование, опыт руководящей работы, стремление к профессиональному росту.

5. Социально-культурный – мировоззренческие установки, ценности, культурный уровень, осведомленность в различных областях жизни.

Эффективность руководителя можно оценить по пяти основным видам потенциала.

Действительно, элементы человеческого потенциала охватывают все иерархические уровни человека как индивида, личности и индивидуальности и выступают своеобразными внутренними предпосылками эффективной и качественной реализации управленческого потенциала руководителя. И здесь можно предположить, что управленческий потенциал в той или иной степени охватывает всю систему психологии человека от организма и психических свойств до интегральной индивидуальности (в терминах Б. Ананьева и В. Мерлина). Такая психологическая обусловленность управленческого потенциала определяет методологические требования к его исследованию и, прежде всего, разработки проблемы психологического статуса и психологического обоснования управленческого потенциала.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

– управленческий потенциал выступает как общественное достояние, что предполагает создание в социуме соответствующих условий для его развития, становления и актуализации в управленческой среде и собственно у конкретных управленцев;

– управленческий потенциал выступает как сущностная сила человека в виде стремления реализовать себя в мире через преобразование действительности в рамках управленческой деятельности;

– как сущностная сила управленческий потенциал выступает формой человеческой субъектности, и, таким образом, его можно описать на психологическом языке;

– как и любой человеческий потенциал, управленческий потенциал имеет свою внутреннюю структуру:

- накопленные свойства – ресурс управленческого потенциала;

- наличные способности – резерв управленческого потенциала;

- возможная реализация – состояние управленческого потенциала;

– управленческий потенциал выступает в системе других потенциалов человеческого бытия и разви-

тия: духовного, творческого, интеллектуального и личностного;

– управленческий потенциал и его проявление представляют собой одну из форм человеческого потенциала вообще;

– управленческий потенциал руководителя является системным явлением и требует системного подхода к его описанию и изучению.

Как субъектная мера сущностных сил человека управленческий потенциал выступает как системное явление и представляет собой интегрированный показатель реализации управленческих способностей руководителя, обусловленный накопленными управленческими свойствами и степенью актуализации наличных управленческих возможностей.

В психологическом плане управленческий потенциал представляет собой совокупность врожденных и приобретенных качеств руководителя и его индивидуальных возможностей. Характер и качество его реализации свидетельствуют о ресурсных и резервных возможностях управленца как человека и о превращении управленческого потенциала в управленческий капитал.

О характере такого превращения говорит Р.Р. Аколупина [1]. Согласно термину «потенциал» (от лат. *potential* – сила, мощь, возможность, способность, существующая скрыто, которая принадлежит человеку), потенциал может превратиться в капитал при наличии соответствующей потребности (не только при личной потребности, но и при необходимости в случае управленческого труда и его социальной значимости). Имеющийся управленческий потенциал – это те возможности, которые еще не реализованы, но находятся в резерве. Такой резерв действительно можно накапливать до определенного времени. Превращение управленческого потенциала руководителя в отдельный управленческий капитал происходит в силу профессиональной необходимости и соответствующей, прежде всего, внутренней мотивации при определенном внешнем стимулировании со стороны организации. При организационной заинтересованности можно говорить о совокупном управленческом потенциале и капитале организации и о превращении их в менеджерский репутационный ресурс конкретной организации. А менеджерский ресурс в виде ответственности менеджмента, по мнению В. Акулова, является неисчерпаемым (только приумножаемым) и может стать реальным средством повышения эффективности управления [2].

Внутренний потенциал человека говорит о его психологической природе и основаниях. Можно и необходимо утверждать о психологических основаниях потенциала человека и его последующей реализации в конкретной деятельности. Становление и актуализация управленческого потенциала обусловлены как внутренними предпосылками, так и внешними обстоятельствами, связанными с опытом участия в конкретной управленческой деятельности. Внутренними предпосылками выступает вся совокупность психологических свойств человека в виде его макрохарактеристик как индивида, субъекта дея-

тельности, личности и индивидуальности в терминах Б.Г. Ананьева [3]. В свою очередь В.А. Ганзен представил системное описание человека и его психологической сущности, где категории индивида и личности характеризуют интегративные отношения человека в системе биологического вида и общества соответственно, а категории субъекта и индивидуальности – дифференцирующие отношения человека в объективном мире, в среде деятельности и выделения себя в обществе [4].

Мы предполагаем, что управленческий потенциал имеет психологические предпосылки на уровне индивида и субъекта как природные и биологические. В данном случае характеристики индивида и субъекта являются лишь факторами и условиями становления и проявления управленческого потенциала человека, но не говорят о его содержании и специфике. С психологической стороны качества мышления и восприятия, волевые процессы и эмоциональные состояния обеспечивают характер и динамику осуществления управленческой деятельности и косвенно обуславливают ее содержание.

Психологические основания управленческого потенциала можно рассмотреть на уровне личности и индивидуальности как социальные характеристики человека, отражающие общее и особенное соответственно. Характеристики личности и индивидуальности, таким образом, становятся психологическими основаниями управленческого потенциала, но через структурное описание потенциала вообще. Согласно вышесказанному, структуру потенциала любой системы можно представить как три взаимосвязанных уровня: отражающее прошлое, репрезентирующее настоящее и возможное будущее. Данным уровням соответствуют следующие характеристики личности и индивидуальности:

- отражающее прошлое – **опыт** как характеристика индивидуальности – совокупность накопленных всех возможных качеств и свойств, обуславливающих возможность дальнейшего развития, что составляет ресурс потенциала системы;

- репрезентирующее настоящее – **направленность и способности** как характеристики личности – актуализация наличных мотивов и способностей человека, где последние дают возможность ориентироваться в среде, а в целом показывают соотношение реализованных и нереализованных возможностей и составляют резерв потенциала системы;

- возможное будущее – **продуктивность** как характеристика индивидуальности – стадия реализации своих возможностей, переход в актуальное состояние потенциала системы.

Таким образом, потенциал любой системы обладает тремя качествами, такими как ресурс, резерв и актуальное состояние реализации, а в случае потенциалов человека речь идет о его возможностях. Данные возможности опредмечиваются и наполняются конкретным содержанием непосредственно в деятельности и через деятельность. Управленческая деятельность имеет свой предмет и содержание и обуславливает реализацию возможностей человека как руководителя, а управленческий потенциал явля-

ется необходимым условием осуществления управленческой деятельности. Психологическими основаниями управленческого потенциала выступают опыт, направленность, способности и продуктивность как сущностные силы человека, которые приобретают специфическое содержание в рамках осуществления собственно управленческой деятельности. Как системная характеристика, любая система имеет свой потенциал, управленческий потенциал выступает мерой реализации управленческих возможностей и необходимых способностей человека. Актуализация управленческого потенциала обусловлена накопленным **управленческим опытом**, что составляет ресурс управленческого потенциала, и наличным личностно-профессиональным резервом в виде **управленческой мотивации и управленческой ориентировки**. Реализация управленческого потенциала предполагает производство соответствующего **управленческого продукта**.

Таким образом, управленческий потенциал руководителя является целостной многоуровневой организацией и включает как элементы **управленческий опыт, управленческую мотивацию, управленческую ориентировку и управленческий продукт**. Как системная категория управленческий потенциал отражает формально-динамическую сторону управленческой деятельности руководителя и предполагает накопление потенциала, его актуализацию и последующую реализацию. Представленные элементы управленческого потенциала являются подсистемами системы управленческого потенциала, и каждый из них в отдельности отражает тот или иной аспект активности и поведения человека как руководителя. Как системное явление управленческий потенциал можно представить через основные характеристики системного объекта, предложенные В.А. Ганzenом. В.А. Ганзен ввел в аппарат психологии понятийный общенаучный пентабазис, состоящий из четырех рядоположенных понятий (пространство, время, энергия и информация) и одного объединяющего (субстрат). Этот пентабазис (СПВЭИ) называется общенаучным и используется для описания системного явления. В.А. Ганзен представил пентабазис в вербально-графической форме (рис. 1).

Рис. 1. Графосимволическое представление общенаучного пентабазиса

Следуя логике системного описания можно представить четыре элемента управленческого потенциала через характеристики пространство, время, энергия и информация.

Управленческий опыт является основой управленческого потенциала, временной характеристикой системы и отражает весь накопленный опыт руководства и организационной деятельности человека.

Управленческая мотивация является энергетической характеристикой управленческого потенциала, определяет особенности личностного резерва руководителя и отражает степень желания заниматься управленческой деятельностью.

Управленческая ориентировка отражает поведенческий аспект деятельности руководителя, умение ориентироваться в управленческой среде и принимать соответствующие управленческие решения и является пространственной характеристикой управленческого потенциала.

Управленческий продукт как информационная характеристика управленческого потенциала отражает тот или иной уровень достижения и результативности в конкретной управленческой деятельности.

Собственно **управленческий потенциал** является общим интегративным понятием и явлением и объединяет в себе все перечисленные характеристики.

Таким образом, мы получили системное описание такого сложного явления, как управленческий потенциал, в соответствии с описанием характеристик пентабазиса (рис. 2).

Управленческая мотивация		Управленческий продукт
	Управленческий потенциал	
Управленческий опыт		Управленческая ориентировка

Рис. 2. Системное описание управленческого потенциала

Совокупность данных элементов составляет управленческий ресурс и управленческий резерв в структуре индивидуального управленческого потенциала. Каждый элемент управленческого потенциала имеет свое описание, его можно представить с внешней и внутренней стороны с соответствующими характеристиками, которые и проявляются в управленческой деятельности конкретного руководителя.

Литературы

1. Аколупина, Р.Р. Профессия менеджера: человеческий потенциал и его роль в возрастании человеческого капитала / Р.Р. Аколупина // Управление персоналом. – 2007. – № 9. – С. 70–73.
2. Акулов, В.Б. Специфические менеджерские ресурсы и повышение эффективности функционирования экономических организаций / В.Б. Акулов // Ученые зап. Петрозаводского гос. ун-та. – 2008. – № 4. – С. 94–100.
3. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л., 1969.
4. Ганзен, В.А. Системные описания в психологии / В.А. Ганзен. – Л., 1984.
5. Григорьян, Б.Т. Философия о сущности человека / Б.Т. Григорьян. – М., 1973.
6. Железов, Е.А. Сущностные силы человека / Е.А. Железов. – Казань, 1986.
7. Иванько, Л.И. Личностный потенциал работника: методологические проблемы исследования / Л.И. Иванько // Личностный потенциал работника в условиях интенсификации производства. – Свердловск, 1986. – С. 52–76.
8. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2 изд. – М., 1961. – Т. 42, 46.
9. Семенов, Ю.Г. Личностно-деловой потенциал эффективного руководителя в контексте организационной культуры / Ю.Г. Семенов // Человек и труд. – 2008. – № 5. – С. 48–50.
10. Фейербах, Л. Избранные философские произведения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М., 1955.
11. Шамарова, Г.М. Проблема управления человеческим потенциалом / Г.М. Шамарова // Управление персоналом. – 2008. – № 8. – С. 50–54.

Сведения об авторах

<p>АЛЕКСЕЕВА Мария Леонардовна / ALEKSEEVA Maria Leonardovna</p>	<p>Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Уральского государственного педагогического университета / Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department German Philology, Ural State Pedagogical University. E-mail: maria.alekseyeva@gmail.com</p>
<p>АНТОНОВ Валерий Юрьевич / ANTONOV Valerey Yurjevich</p>	<p>Мастер цеха прокатки и отжига производства холоднокатаного проката Череповецкого металлургического комбината ОАО «Северсталь» / The foreman of the rolling and annealing shop of cold-rolled production, JSC “Severstal”. E-mail: vyuantonov@severstal.com</p>
<p>БАКУЛИНА Наталья Анатольевна / BAKULINA Natalya Anatoljevna</p>	<p>Старший преподаватель кафедры дизайна и художественного образования художественно-графического факультета Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева (г. Тобольск) / The Senior Lecturer of the Department of Design and Artistic Education, Faculty of Graphic Art. Tobolsk State Social and Pedagogic Academy named after D.I. Mendeleev. E-mail: bacouline@mail.ru</p>
<p>БОЛОБАНОВА Наталия Леонидовна / BOLOBANOVA Natalya Leonidovna</p>	<p>Доцент кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования Череповецкого государственного университета / Associate Professor of the Department of Metallurgy, Machine Building and Technological Equipment, Cherepovets State University. E-mail: nata-bolo@yandex.ru</p>
<p>БОРОДИН Дмитрий Иванович / BORODIN Dmitriy Ivanovich</p>	<p>Доктор технических наук, профессор кафедры металлургии стали и ферросплавов Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (Московский институт стали и сплавов) / Doctor of Science (Technology), Professor, Department of Metallurgy Steel and Ferroalloys, National Research Technological University «MISA» (Moscow Institute of Steel and Alloys). E-mail: borodind@bk.ru</p>
<p>ВАРЛАКОВА Екатерина Александровна / VARLAKOVA Ekaterina Alexandrovna</p>	<p>Соискатель кафедры английской филологии, ассистент кафедры английского языка факультета иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) / Postgraduate Student, Assistant of the Department of English Language, Faculty of Foreign Languages, Russian State Pedagogical University named after Herzen. E-mail: frosia2002@inbox.ru</p>
<p>ВЕРБИЦКАЯ Галина Ивановна / VERBITSKAYA Galina Ivanovna</p>	<p>Соискатель кафедры менеджмента, экономического анализа и управления Ивановского государственного архитектурно-строительного университета / Postgraduate Student, Department of Management, Economic Analysis and Management, Ivanovo State Architecture and Building University. E-mail: verbickaja.mur@mail.ru</p>
<p>ВОРОНЦОВ Роман Игоревич / VORONTSOV Roman Igorevich</p>	<p>Аспирант кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) / Postgraduate Student, the Department of the Russian Language, Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg. E-mail: rivspb@list.ru</p>
<p>ВОЛКОВА Светлана Вадимовна / VOLKOVA Svetlana Vadimovna</p>	<p>Аспирант кафедры теории и проектирования машин и механизмов Вологодского государственного технического университета / Post-graduate student, Department of Theory and Design for Machines and Mechanisms, Vologda State Technical University. E-mail: super_svetik@rambler.ru</p>
<p>ГАРБЕР Эдуард Александрович / GARBER Eduard Alexandrovich</p>	<p>Доктор технических наук, профессор кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования Череповецкого государственного университета / Doctor of Science (Technology), Professor, Department of Metallurgy, Machine Building and Technological Equipment, Cherepovets State University. E-mail: mamz@tchercom.ru</p>
<p>ГУН Игорь Геннадьевич / GUN Igor Gennadievich</p>	<p>Доктор технических наук, профессор кафедры технологий, сертификации и сервиса автомобилей Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова / Doctor of Science (Technology), Professor of the Department of Technology, Certification and Automobile Service, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov. E-mail: gown@belmag.ru</p>

ДАВЛЕТШИНА Лейла Хасановна / DAVLETSHINA Leyla Hasanovna	Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Республиканского центра развития традиционной культуры (г. Казань) / Candidate of Science (Philology), The Senior Researcher, The Republican Center of Development of Traditional Culture, (Kazan). E-mail: leyla.davletshina@yandex.ru
ДРОЗДОВ Роман Константинович / DROZDOV Roman Konstantinovich	Кандидат педагогических наук, докторант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, старший преподаватель кафедры журналистики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина / Candidate of Science (Pedagogics), PhD student, the Department of the Russian Language of Moscow State Pedagogical University, the Senior Lecturer of the Department of Journalism, Ryazan State University named after S.A. Esenin. E-mail: r.drozdov@list.ru
ДЯТЛОВ Илья Алексеевич / Dyatlov Ilya Alekseevich	Специалист Центра технического развития и качества (по производству холоднокатаного проката) Череповецкого металлургического комбината ОАО «Северсталь» / The Specialist of the Center of Technical Development and Quality (on cold-rolled production) JSC «Severstal». E-mail: iadyatlov@severstal.com
ЖУКОВ Дмитрий Валерьевич / ZHUKOV Dmitriy Valerievich	Аспирант кафедры социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета / Postgraduate Student of the Department of Social and Cultural Service and Tourism. Saint-Petersburg State University of Engineering and Economics. E-mail: d_v_zhukov@list.ru
ЗИНОВЬЕВА Наталья Васильевна / ZINOVJEVA Natalia Vasilievna	Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, старший преподаватель кафедры журналистики Сахалинского государственного университета / Postgraduate Student of the Department of the Russian and Foreign Literature, Senior Lecturer, Department of Journalism, Sakhalin State University. E-mail: mythmira@yandex.ru
ИСМАИЛОВА Наиля Иркиновна / ISMAILOVA Naila Irkinovna	Старший преподаватель кафедры психологии Елабужского государственного педагогического университета (г. Елабуга, Республика Татарстан) / Senior Lecturer, Department of Psychology, Elabuga State Pedagogical University (Elabuga, Republic of Tatarstan). E-mail: ismailova01@mail.ru
КАБАКОВ Зотей Константинович / KABAKOV Zotey Konstantinovich	Доктор технических наук, профессор кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования Череповецкого государственного университета / Doctor of Science (Technology), Professor, Department of Metallurgy, Machine Building and Technological Equipment, Cherepovets State University. E-mail: mt@chsu.ru
КАЛЯГИН Юрий Александрович / KALYAGIN Yurey Alexandrovich	Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой теплогазоснабжения и вентиляции Вологодского государственного технического университета / Doctor of Science (Technology), Professor, Head of the Department of Heat and Gas Supply and Ventilation, Vologda State Technical University. E-mail: kalyaginua@mh.vstu.edu.ru
КОТОВ Андрей Александрович / KOTOV Andrey Alexandrovich	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета (Республика Карелия, г. Петрозаводск) / Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Petrozavodsk State University. (Republic of Karelia, Petrozavodsk). E-mail: andrewcot@onego.ru
КУДРЯВЦЕВА Анна Константиновна / KUDRYAVTSEVA Anna Konstantinovna	Доцент кафедры электроэнергетики и электротехники Череповецкого государственного университета / Associate Professor, Department of Electricity and Electrical Engineering, Cherepovets State University. E-mail: sinitsyn@chsu.ru
КУШКОВ Владимир Александрович / KUSHKOV Vladimir Alexandrovich	Ведущий инженер кафедры электропривода и электротехники Череповецкого государственного университета / The Leading Engineer, Department of Electric Drive and Electrical Engineering, Cherepovets State University. E-mail: sinitsyn@chsu.ru
ЛАШКОВА Галина Николаевна / LASHKOVA Galina Nikolaevna	Соискатель кафедры начального образования Института педагогики и психологии Череповецкого государственного университета / Postgraduate Student, Department of Primary Education, Institute of Pedagogics and Psychology, Cherepovets State University. E-mail: pimno@chsu.ru

ЛАРИЧЕВ Андрей Витальевич / LARICHEV Andrey Vitaljevich	Аспирант кафедры автоматизации и систем управления Череповецкого государственного университета / Postgraduate Student, Department of Automation and Control System, Cherepovets State University. E-mail: ereboss@yandex.ru
ЛЕБЕДИНЦЕВА Елена Сергеевна / LEBEDINTSEVA Elena Sergeevna	Кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента филиала ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» в г. Вятские Поляны / Candidate of Science (Economics), Senior Lecturer, Department of management, The Branch of Vyatsk State Humanitarian University, Vyatskie Polyany. E-mail: elenalebvp@mail.ru
МАЗИНА Ирина Юрьевна / MAZINA Irina Yurjevna	Соискатель кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования Череповецкого государственного университета / Postgraduate Student, Department of Metallurgy, Machine Building and Technological Equipment, Cherepovets State University. E-mail: m-ilinka@yandex.ru
МАМАЕВ Виктор Васильевич / MAMAEV Victor Vasilievich	Аспирант кафедры коррекционной педагогики и коррекционной психологии факультета дефектологии и социальной работы Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург). / Postgraduate Student, Department of Correctional Pedagogy and Psychology, Faculty of Correctional Defectology and Social Work, Leningrad State University named after A.S. Pushkin. (Saint Petersburg). E-mail: shkola25@pochta.ru
МЕЛЬНИК Юрий Иванович / MELNIK Yurey Ivanovich	Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии факультета психологии Карельской государственной педагогической академии (г. Петрозаводск) / Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Karelian State Pedagogical Academy (Petrozavodsk). E-mail: melnikuo@onego.ru
НЕХАЕВА Ираида Николаевна / NEKHAEVA Iraida Nikolaevna	Кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии Тюменского государственного университета (г. Тюмень) / Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, PhD student of the Department of Philosophy, Tyumen State University. E-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru
НИЗОВЦЕВА Мария Борисовна / NIZOVTSOVA Maria Borisovna	Аспирант кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Гуманитарного института Череповецкого государственного университета / Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Applied Communication, The Institute of Humanities, Cherepovets State University. E-mail: mariosel@rambler.ru
НИКИТИНА Элина Георгиевна / NIKITINA Elina Georgievna	Преподаватель, соискатель кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета (г. Уфа) / Lecturer, Postgraduate Student, Department of Language Communication and Psycholinguistics, Ufa State Aviation Technical University (Ufa). E-mail: n-elina83@mail.ru
НИКИФОРОВА Маргарита Александровна / NIKIFOROVA Margarita Alexandrovna	Соискатель кафедры педагогики Вологодского государственного педагогического университета (г. Вологда), заведующая МДОУ «Детский сад № 1» г. Белозерска / Postgraduate Student, Department of Pedagogics, Vologda State Pedagogic University (Vologda), the Head of Managing Municipal Preschool Educational Establishment «Kindergarten № 1», Belozersk. E-mail: margarita-nikiforova@mail.ru
ОВЧИННИКОВ Сергей Васильевич / OVCHINNIKOV Sergey Vasilievich	Генеральный директор ОАО «Белебеевский завод „Автонормаль“» (Башкортостан, г. Белебей) / General Director of JSC “Belebeevskiy plant “Avtonormal” (Republic of Bashkortostan, Belebey). E-mail: ovchinnikov@belzan.ru
ОСИПОВ Дмитрий Сергеевич / OSIPOV Dmitriy Sergeevich	Кандидат технических наук, доцент кафедры технологий, сертификации и сервиса автомобилей Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова / Candidate of Science (Technology), Associate Professor, Department of Technology, Certification and Automobile Service, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov. E-mail: dmitry_osipov@mail.ru

ОСИПОВ Сергей Юрьевич / OSIPOV Sergey Yurjevich	Кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента Тверского государственного технического университета, докторант Череповецкого государственного университета / Candidate of Science (Technology), Associate Professor, Department of Management, Tver State Technical University, PhD student, Cherepovets State University. E-mail: iur.osipov2012@yandex.ru
ОСИПОВ Юрий Романович / OSIPOV Yuriy Romanovich	Доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры теории и проектирования машин и механизмов Вологодского государственного технического университета / Doctor of Science (Technology), Russia's Honored Scientist, Professor, Department of Theory and Design of Machines and Mechanisms, Vologda State Technical University. E-mail: iur.osipov2012@yandex.ru
ОСЯНИН Иван Константинович / OSYANIN Ivan Konstantinovich	Аспирант кафедры экономики и управления Костромского государственного технологического университета / Postgraduate student, Department of Economics and Management, Kostroma State Technological University. E-mail: madrider3@yandex.ru
ПАВЛОВ Сергей Игоревич / PAVLOV Sergey Igorevich	Начальник производства холоднокатаного проката Череповецкого металлургического комбината ОАО «Северсталь» / The Chief of cold-rolled production JSC «Severstal». E-mail: sipavlov@severstal.com
ПАНФИЛОВА Ольга Александровна / PANFILOVA Olga Alexandrovna	Кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры информатики и математики Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России, доцент кафедры высшей математики Вологодского государственного технического университета / Candidate of Science (Technology), Senior Lecturer, Department of Information Science and Mathematics, Vologda Institute of Law and Economics of the Penal System of Russia, Associate Professor, Department of Higher Mathematics, Vologda State Technical University. E-mail: panfilovaoa@mail.ru
ПАРШУТКИНА Татьяна Алексеевна / PARSHUTKINA Tatyana Alekseevna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков педагогического профиля Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (г. Елец) / Candidate of Science (Pedagogics), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Yelets State University named after I.A. Bunin. E-mail: tparshutkina@mail.ru
ПЕСТЕРОВА Наталья Владимировна / PESTEROVA Natalya Vladimirovna	Аспирант кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета, преподаватель английского языка Вологодского областного медицинского колледжа / Postgraduate Student, Department of German Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University, the Teacher of English, Vologda Regional Medical College. E-mail: nata26071980@mail.ru
ПОЛИНИЧЕНКО Дмитрий Юрьевич / POLINICHENKO Dmitriy Yurjevich	Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар) / Candidate of Science (Philology), The Lecturer of the Department of Scientific and Technical Translation, Kuban State Technological University (Krasnodar). E-mail: dpol@bk.ru
ПОЛКАНОВА Юлия Александровна / POLKANOVA Julia Alexandrovna	Аспирант кафедры педагогики Вологодского государственного педагогического университета (г. Вологда) / Postgraduate Student, Department of Pedagogics, Vologda State Pedagogical University. E-mail: Ysssa@yandex.ru
СЕМЕНИСТАЯ Мария Николаевна / SEMENISTAYA Maria Nikolaevna	Аспирант кафедры русского языка как иностранного Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) / Postgraduate Student, Department of the Russian Language as a foreign one, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St.-Petersburg). E-mail: semya86@mail.ru
СИЛЬЧЕНКО Григорий Викторович / SILCHENKO Grigorey Victorovich	Старший преподаватель кафедры литературы и культурологии Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова (г. Ишим) / Senior Lecturer, Department of Literature and Cultural Science, Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov. E-mail: grishanja1982@mail.ru

СИНИЦЫН Николай Николаевич / SINITSYN Nikolay Nikolaevich	Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой теплоэнергетики и теплотехники Череповецкого государственного университета / Doctor of Science (Technology), Professor, Head of the Department of Heat-and-Power and Thermal Engineering, Cherepovets State University. E-mail: sinitsyn@chsu.ru
СМИРНОВА Татьяна Леонидовна / SMIRNOVA Tatyana Leonidovna	Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Московский инженерно-физический институт) (г. Северск) / Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Department of Economics, Seversk Technological Institute, The branch of National Research Nuclear University. (Moscow Institute of Engineering and Physics). E-mail: ctl2002@mail.ru
СИТОВА Марина Сергеевна / SITOVA Marina Sergeevna	Аспирант кафедры теории и истории культур Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова (г. Кострома) / Postgraduate Student, Department of Theory and History of Culture, Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. E-mail: marina_artemenko@bk.ru
СОФРОНОВА Ирина Владимировна / SOFRONOVA Irina Vladimirovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (г. Чебоксары) / Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Chuvash and Comparative Literary Criticism, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (Cheboksary). E-mail: muxtar2@yandex.ru
СТАРОСТИНА Галина Владимировна / STAROSTINA Galina Vladimirovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск) / Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Ulyanovsk State University. E-mail: svrg_55@mail.ru
СУЛТАНГАРЕЕВА Розалия Асфандияровна / SULTANGAREEVA Rozalia Asfandiarovna	Доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклористики Института истории языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (г. Уфа) / Doctor of Science (Philology), Senior Researcher of the Department of Study of Folklore, Institute of the History of Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Ufa). E-mail: sasaniam@mail.ru
ТИМОФЕЕВА Марина Анатольевна / TIMOFEEVA Marina Anatoljevna	Кандидат технических наук, доцент кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования Череповецкого государственного университета / Candidate of Sciences (Technology), Associate Professor, Department of Metallurgy, Machine Building and Technological Equipment, Cherepovets State University. E-mail: ma.timofeeva@yandex.ru
УЗКАЯ Маргарита Валентиновна UZKAYA Margarita Valentinovna	Заведующая отделом качества ГОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (г. Архангельск) / Head of the Department of Quality, Northern State Medical University of Ministry of Healthcare and Social Development of Russian Federation (Arkhangelsk). E-mail: uzkayamv@nsmu.ru
ФОМИНА Мария Валерьевна / FOMINA Maria Valerjevna	Аспирант, старший преподаватель кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы Гуманитарного института Череповецкого государственного университета / Postgraduate Student, Senior Lecturer, Department of Public Relations, Journalism and Advertising, Institute of Humanities, Cherepovets State University. E-mail: mvf80@mail.ru
ЦВЕТКОВА Анна Николаевна / TSVETKOVA Anna Nikolaevna	Старший преподаватель кафедры английского языка Вологодского государственного педагогического университета (г. Вологда) / Senior Lecturer, Department of the English Language, Vologda State Pedagogical University. E-mail: skoanna@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском языке по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. Научные статьи принимаются в течение года и при условии положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес vestnik-chsu@yandex.ru один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И.О. научное направление статьи** (при наличии двух и более авторов указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

4. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение трех дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

5. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

6. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

7. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную его подписью и печатью организации.

8. Корректур авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

9. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

10. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

162600 Вологодская обл., г. Череповец, Советский пр., 8, к. 302, Генералова Юлия Александровна, тел. 8(8202) 51-72-40, e-mail: vestnik-chsu@yandex.ru

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

<i>Форматирование основного текста</i>	<ol style="list-style-type: none">1. Формат страницы – А4 (книжный).2. Поля – все по 20 мм.3. Абзацный отступ – 0,5 см.4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей.5. Междустрочный интервал – полуторный.6. Номер страницы располагается внизу справа.
<i>Объем статьи</i>	7 – 8 страниц
<i>Требования к составу публикуемой статьи</i>	<p>Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы:</p> <ol style="list-style-type: none">1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья.2. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме.3. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на русском языке.4. ДЛЯ АСПИРАНТОВ! В правом верхнем углу ниже фамилии автора пишется: <i>Научный руководитель: степень, звание, И.О. Фамилия.</i>5. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на русском языке.6. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на английском языке.7. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на английском языке.8. Аннотация (до 6 строк) и ключевые слова (5 – 10 слов) обычным шрифтом на русском языке.9. Аннотация и ключевые слова обычным шрифтом на английском языке.10. Текст статьи.11. Список литературы – по центру обычным шрифтом. <p>Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.</p>
<i>Библиографический список</i>	<ol style="list-style-type: none">1. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.2. Для связи списка литературы с текстом статьи используют ссылки. Ссылка в тексте статьи оформляется следующим образом: [Апресян 1995: 22].

<i>Примечания и комментарии</i>	Нумерация сносок постраничная.
<i>Иллюстрации (схемы, диаграммы, фотографии и т.д.)</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0. или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. 4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.
<i>Таблицы</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Таблицы должны быть выполнены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007) с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и пронумерованы по порядку. 2. Таблиц должно быть не более трех. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.12-93, 7.11-78. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.
<i>Единицы физических величин</i>	Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ.
<i>Формулы</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Набор формул осуществляется в редакторе Math Type версии 5.2. или в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007). 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами справа в конце строки в круглых скобках. 3. Номер ставится посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 4. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 5. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 6. Пронумерованные формулы выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста: $\left\{ \begin{array}{l} \bar{k}_i^k = \exp\left(a + \frac{\sigma^2}{2}\right), \\ a - \ln \frac{1}{2} = 4\sigma. \end{array} \right. \quad (11)$
<i>Сведения об авторе (авторах)</i>	<p>После статьи в таблице приводятся сведения об авторе (авторах). В 1-м столбце указывается Ф.И.О. полностью. Во 2-м столбце указывается:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Ученая степень (при наличии) полностью. 2. Ученое звание (при наличии) полностью. 3. Место работы (организация, структурное подразделение, должность). 4. Контактная информация для переписки по одному из авторов: полный почтовый адрес с указанием индекса, телефон, e-mail. <p>Все сведения, кроме п. 4, приводятся на русском и английском языках.</p>

Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту.

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 28.10.11. Зак.
Тир. 300. Уч.-изд. л. 22,89. Усл. п. л. 20.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Таймс.